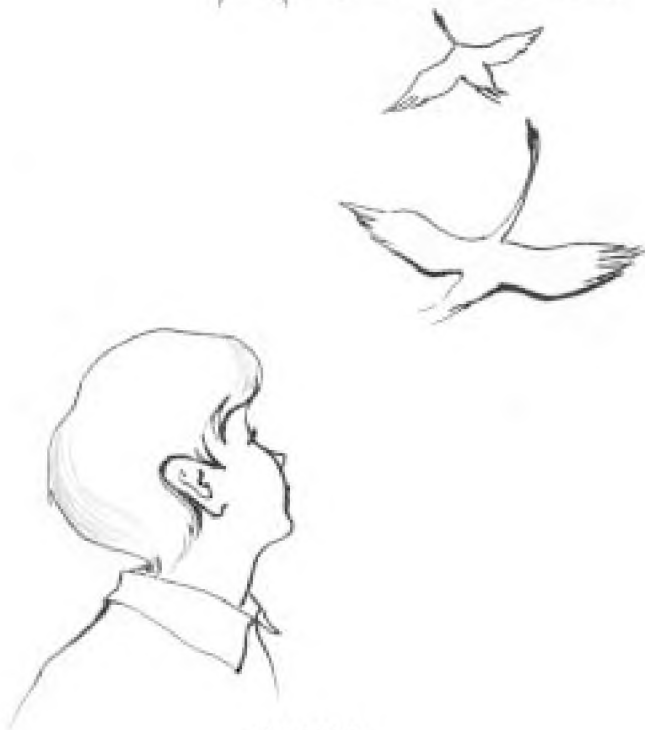

Георгий Аристархов

Родом из детства

повесть

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2005

УДК 820/89 (470)
ББК 84 (2 Рос = Рус–44
А 81

Аристархов Г.П.

А 81 Родом из детства. Повесть. — Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. — 287 с.

Повесть «Родом из детства» о жизни казанских подростков в тяжелый период Отечественной войны. Главный герой — Юра Кардин в сущности предоставлен самому себе. Его воспитывает улица.

Автор прекрасно описывает суть возникшей перед страной проблемы, позволяя заглянуть читателю в ее не совсем приятные глубины.

Книга издается к 60-летию Великой Победы.

ISBN 5-298-04097-7

©Татарское книжное издательство, 2005
© Г.П.Аристархов

Любимая воспитательница. Проводы отца на фронт. Прощай, беззаботное детство

Знойный, безветренный летний день. На небе ни облачка. Яркое солнце властелином посылает сквозь белесый воздух свои жгучие лучи. Но, несмотря на изнуряющую жару, дети-дачники из казанского детского сада резвятся на опушке леса, гоняясь за лениво порхающими бабочками и стрекозами, плетут из цветов венки, присев на траву, или о чем-то беседуют в тенечке под деревьями.

Со стороны детских дач могучие сосны, разбросанные в беспорядке, молоденькие сосенки, местами выстроившиеся ровными, густыми рядами, где хвоя слилась сплошной темно-зеленой массой, редкие кудрявые березки, как картинки, частый кустарник с сероватым листом и всюду пышно-густая трава с яркими цветами будто сбегали по пологим холмам и обрывам к железной дороге, ведущей на Москву. За этой дорогой снова продолжался лес, тянувшийся к Волге.

Наступало время обеда. Постепенно умолкали детские голоса. Чувствовалось, что полуденная жара наконец-то одолела и их, и дети, без зова воспитательницы, по одному и небольшими группками стали собираться около нее. Но воспитательница, молча встречая их, стояла на горе и смотрела вниз на проходящие поезда: товарные и пассажирские, идущие в последнее время почему-то чаще в сторону Москвы. Лишь иногда она оборачивалась к детям и, как бы извиняясь, тихо говорила:

— Скоро пойдем. Погодите еще. Сейчас ...

Раньше детей мало водили к железной дороге близ местечка Займище, и для них каждый поезд был диковинкой. Они чаще играли в лесу, за дачей или на игровой площадке. А сейчас они ходят и ходят подряд несколько дней на одно и то же место и смотрят, и машут руками уходящим, ставшим уже привычными поездам, на которых везут пушки, зенитки, танки, громадные прожектора, около которых неизменно находились солдаты. Рассматривая детей в одинаковых белых панамочках и пестрых трусиках, солдаты всегда им махали в ответ и весело кричали:

— Будьте здоровы, ребятишки! Растите быстрее!..

Еще несколько дней назад Евгения Петровна — пожилая, седоватая, добрая и по-молодому веселая женщина — играла со своими воспитанниками в интересные игры. Теперь же, в последние дни, большую часть дети играли сами: мальчишки в солдатиков, а девочки в санитарок.

Война. Хотя это слово при детях пытались произносить и осторожно, но разве что-нибудь от них утаишь. Они давно понимали и чувствовали по напряженным лицам и тревожным разговорам вз-

рослых, что это слово несет в себе что-то нехорошее, страшное. Они видели, как их любимая Евгения Петровна при виде поездов иногда украдкой подносила к потухшим глазам скомканный маленький синий платочек, свободной рукой махая бойцам. В это время она становилась, как казалось детям, еще более близкой к ним: она могла, как и они, печалиться, плакать.

Но, несмотря на создавшееся «тяжелое положение на фронте», о котором дети не раз уже слышали, они не очень расстраивались и часто говорили между собой примерно так:

— Это временное отступление, — рассуждал почти по-взрослому Валерий Базаревич, повторяя слова няни, тети Ариши. — Как только наши танки, пушки и солдаты Красной Армии появятся на фронте, так они сразу разобьют немцев.

— Конечно разобьют, — вторил ему Каримов Алик. — А лучше бы солдаты обождали нас, пока мы подрастем. Вот тогда мы дадим фашистам, — обещал с угрозой он, сжав поднятый кулачок.

Мальчишки, соглашаясь с доводами Алика, оживленно говорили о своем предполагаемом в будущем участии в войне, перебивая друг друга.

— Я скоро вырасту — и на коне поеду бить врага! — с гордостью произнес Ядкар Сафин.

— А я на самолете! — воскликнул Юра Кардин. — Как моя сестра! Она летчиком в небе летает! — добавил он.

— Нет, лучше всего под водой воевать, на подлодке! — словно споря, сказал Наиль Ахметов. — Стреляешь по врагу, а он тебя не видит!

— А еще лучше на танке: у него крепкая броня! — воспользовавшись небольшой паузой, вставил Юра Шушук, самый прилежный в группе мальчик.

Мальчишки и даже девчонки в то суровое время неосознанно завидовали бойцам, едущим на фронт, и не представляли пока еще, что война — это смерть, слезы, горе, нужда и сиротство для многих. Они жили в глубоком тылу, на всем готовом.

Однажды дети услышали, как с одного вагона вдруг закричал каким-то отчаянным голосом стоящий у танка седой боец, размахивающий танкистским племем:

— Евгеньюпка, Женя, береги себя! Я скоро вернусь! Не...

И поезд, заглушив стучащими колесами о рельсы остальные слова танкиста, проскочил мимо них так быстро, что показалось, будто он и не проходил рядом, а обошел стороной. Когда последний вагон скрылся из виду и рельсы перестали издавать однотонный, как показалось детям в этот раз, тревожный звук, они, как один, повернули головы к Евгении Петровне.

Но слез на ее лице они не увидели, а только какие-то задумчивые, скорбные, еще более потемневшие, с сердитым отблеском, глаза. Дети почувствовали, что непривычный для них сердитый

блеск ее глаз был обязательно направлен на тех, с кем должен во-
евать ее танкист. В этот день ребятишки были послушными и тихи-
ми, будто сговорились. А на другой день они снова беспечно игра-
ли и шалили. Но это были уже не те игры: помня выражение скорб-
ных глаз воспитательницы, дети старались во время игр держать
себя сдержаннее, словно чуть-чуть повзрослев.

* * *

Закончилось лето. Снова город. Детский сад. Первый последач-
ный день, так не похожий на прежние: все говорили только о войне, о
проклятом фашисте, о родственниках, воюющих на фронте. К обеду
дети узнали друг от друга у кого отцы и старшие братья воюют, у
кого еще в военных лагерях, а у кого уже кто-то из родных и погиб.
К таким, у которых кто-то погиб на войне, отношение со стороны
ребятишек само по себе установилось внимательное: им уступали
любую игрушку без спора, старались ничем не обидеть.

В детском саду дети узнали и о гибели мужа-танкиста Евгении
Петровны. Старенькая тетя Ариша, няня их группы, утром как-то
вытирая слезы на морщинистом круглом добром лице, сказала им
с грустью:

— Вот и у Евгении Петровны погиб на войне муж. Сегодня ее
не будет. Вместо нее побуду с вами я. А придет она — так смотри-
те не огорчайте ее плохим поведением. Слушайтесь. Хорошая она
у вас. Вместо мамы вам.

Но дети иногда все-таки шалили, особенно мальчики. Да и са-
ма Евгения Петровна старалась сделать все возможное, чтоб они
росли бодрыми и веселыми и чтобы им здесь ничего не напомина-
ло о войне. Она, как и прежде, играла вместе с ними на площадке
в «Ловилки», «Гуси-лебеди», «Кошки-мышки», пела песни с деть-
ми о кудрявой березке, птичке-синичке, о родном крае. Но на за-
нятиях по рисованию, если была свободная тема, все мальчишки и
некоторые девочки упорно рисовали войну: советские и немец-
кие танки, пушки, самолеты, корабли, войска, ведущие между со-
бой наземные, наводные и воздушные бои, где, конечно же, побе-
дителями оказывались наши.

Детский сад для ребятишек был единственным радостным мес-
том в те суровые дни войны. Родители ранним утром уходили на
работу и лишь поздним вечером усталыми возвращались домой.
Им часто было не до разговоров. А в детском саду Евгения Пет-
ровна не только учила их, как держать вилку, ложку, соблюдать
чистоту, запоминать стихи и песни, водила гулять в Кремлевский
сад, знакомила с улицами города, рассказывая о них, но и читала
им сказки, демонстрировала диафильмы и чего она только ни при-
думывала, чтоб заинтересовать детей.

После небольших осенних дождей неожиданно выпал ранний

снег. И тут же наступили сильнейшие морозы с пронизывающим ветром. Детей перестали выводить на прогулки. Однако Евгения Петровна нашла, чем занять своих питомцев, чтоб они не скучали. Попросив на время в соседней школе свободные учебники за первый класс, она принесла их в группу, показала детям и, загадочно улыбнувшись, торжественно объявила:

— Дети, с сегодняшнего дня мы будем учиться читать, писать и решать по этим книгам. По ним вы узнаете буквы и цифры! Научитесь из букв складывать слоги и слова, а затем, как и я, будете сами читать сказки и рассказы. А благодаря числам сможете правильно решать примеры и задачки. Хотите научиться всему этому? — уже серьезнее спросила она.

— Да, хотим! — дружно ответили ребята.

— Вот и прекрасно. Но стоять это будет большого труда. А потому на занятиях вы должны быть послушными и внимательными, — предупредила их она. — Хорошо?

— Хорошо! — снова дружно ответили дети.

— Сейчас я вам раздам тетради, — сказала Евгения Петровна, взяв обеими руками толстую пачку. — В них вы будете учиться писать сначала палочки, а потом и буквы, — говорила она, раздавая тетради. — То, чему вы научитесь здесь, пригодится вам в школе. А на следующую осень вы все пойдете в первый класс.

Раздав тетради, она достала из-за шкафа небольшую черную доску, разлинованную мелом в косую линейку, поставила ее на сиденья двух стареньких стульев и спросила:

— Посмотрите, у всех ли на столах имеются карандаши?

— У всех, — подняли дети остро отточенные карандаши.

— Вот и прекрасно. Посмотрите внимательно, как я буду ровно чертить коротенькую палочку. Я ее провожу сверху вниз, — говорила она, поддерживая левой рукой доску. — Видите? — спросила она.

— Да. Видим, — робко ответили дети.

— А теперь откройте ваши тетради. На первой страничке у каждого, на первой строчке имеется образец палочки, написанной красным карандашом. Попробуйте теперь, придерживая левой рукой тетрадь, начертить сами палочки простым карандашом через две косых клеточки. Вот так, — показала она, проведя на доске новую палочку...

Постепенно, день за днем, дети осваивали школьную грамоту. Вначале было смешно слушать, как они по буквам, а потом по слогам произносят: «Ма-ма. У-ра! Ра-бы не мы. В э-том го-ду мороз-на-я зи-ма» и другие слова из букваря. А через некоторое время несколько ребятшек стали уже без затруднения прочитывать небольшие сказки, стихи и рассказы, грамотно писать простые предложения, решать, прибавляя и вычитая, примеры и несложные задачки.

В декабрьскую холодную пургу, наметающую на заледенелые улицы города сухую снежную крупу, пришел в детский сад за сыном Михаил Егорович. В обширном теплом вестибюле он увидел женщину в белоснежном накрахмаленном халате. Он узнал ее, хоть и редко бывал здесь: это была заведующая детским садом. Она внимательно рассматривала санбюллетень, вывешенный врачом на доску объявлений. Услышав мягкий стук затворившейся обшитой дерматином двери, она, досмотрев последнюю колонку, легко повернулась к мужчине в белом, выдавшем виды, маскхалате, прикрывающем верхнюю теплую одежду и наполовину валенки. На голове его была с коротким ворсом светло-серая шапка-ушанка с красной звездой, в руках он держал лыжи с палками, а с плеч до пояса свешивался на ремешке автомат с круглым диском. Неслышно ступая туфельками на каблуках по паркету, чтоб не нарушить тишину тихого часа в саду, она подошла к нему, ответив кивком на приветствие, и удивленным шепотом спросила:

— Вы что, товарищ, с фронта или на фронт?

— С фронта, — также тихо ответил боец. — Позвонил с управления жене на работу, чтоб ее отпустили домой, и вот зашел к вам, за сыном. Отпустите Кардина Юру? — спросил он. — Сегодня я снова уезжаю туда.

— Конечно. Я знаю вашего сына. Способный и послушный мальчик, — добавила она и пошла, как понял Михаил Егорович, за его сыном.

— Папа пришел! — через некоторое время выбежал из группы Юра и, пораженный видом отца в необычной форме, с оружием, остановился невдалеке от него, спросив растерянно: — Ты что, прямо с фронта за мной? А мама знает?

— Знает, — успокоил его отец. — Она уже, наверное, ждет нас дома.

Отец в этой непривычной для сына одежде показался Юрию еще выше и строже. Но вот он улыбнулся и его строгие складки у рта по-доброму расплылись по исхудавшим щекам. Он шагнул к сыну, ласково, не выпуская лыж, обнял его, поцеловал, легонько уколол щетинкой, и сказал:

— Иди, сынок, на вешалку и поскорее оденься. Нам надо поторопиться. — Юра поглядел по сторонам — не видит ли кто из товарищей его отца в военной фронтовой форме, да еще и с оружием — и, не увидев, к сожалению, никого, побежал одеваться.

Когда Юра торопливо вернулся в вестибюль, застегивая на ходу пальто, то увидел Евгению Петровну, разговаривающую с его отцом, а около них притихших ребятишек, внимательно вслушивающихся в разговоры взрослых.

— Слабенький он у вас здоровьем, но очень способный. Его,

пожалуй, нужно сразу определять во второй класс. Тем более что ему в сентябре исполнится восемь лет, — сказала воспитательница.

— Что вы, Евгения Петровна, маленький он еще для второго класса да и слабенький, как вы сказали: трудно ему будет, — возразив, пожалел сына Михаил Егорович.

— Ничего с ним не случится: он любит занятия, — уверенно сказала Евгения Петровна. — Скоро дети будут ходить в школу не с восьми лет, а с семи. А здоровье, если полюбит физкультуру, со временем и у него будет отменным, — добавила она.

— Я-то не против, — согласился с ней Михаил Егорович, — но вот жена. Неграмотная она у меня, вы знаете, — зачем-то напомнил он. — Помочь сыну в учебе никак не сможет. А школа, как я понимаю, не детский сад. Здесь вы к ним подходите как воспитательница, как родная мать, с лаской. Там же не до ласки — программу надо выполнять. Нет, трудно ему будет учиться сразу во втором, — засомневался снова он.

— Пусть идет как все — в первый. Вам же, Евгения Петровна, за сына и всех детей, которых вы так умело, по-матерински воспитываете, большое спасибо.

— Ну что вы, — смутилась Евгения Петровна, — это же моя работа.

— А вы знаете, Евгения Петровна, когда я еще был дома, только и слышно было от него: «Так велела Евгения Петровна, наша Евгения Петровна, моя Евгения Петровна». В детский сад всегда шел, как на работу: стыдился опоздать. А ведь он давно ходит без провожатых, — сказал Михаил Егорович.

— Да, я знаю, — сказала воспитательница. — Юра у вас вполне самостоятельный мальчик.

— Еще раз спасибо вам, Евгения Петровна, — поблагодарил Михаил Егорович.

— Имел большое удовольствие разговаривать с вами. Позвольте попрощаться и пожелать вам всего хорошего, — с признательностью улыбнулся он.

— Ну, что ж, победы вам и скорого возвращения, Михаил Егорович, — пожелала Евгения Петровна и пожала ему руку.

— Дядя, прогоните скорее фашиста! Не пускайте его к нам! — крикнули дети отцу Юры, шагнувшему с ним к двери.

Михаил Егорович приостановил сына за руку, повернулся к детям, улыбнулся им ласково и сказал:

— Растите спокойно, дети. Фашист не придет к вам. Он скоро побежит от нас, обратно в свой Берлин, — добавил он тверже.

Дома отца и сына ждал накрытый стол, посередине которого на железной подставке попыхивал медный тульский пузатый самовар, напевающий привычную мелодию. Мать, сидевшая на сундуке, поднялась навстречу им, мельком погладила сына по головке и припала к мужу, обняв его.

— Вернулся, Мишенька, — наконец с тоской вымолвила она. — Наверное, не насовсем, раз меня срочно отпустили с работы? Наверное, не надолго? — пытливо спрашивала она, надеясь услышать от него обратное.

— Не надолго, Варенька, — посмотрев в ее печальные глаза, ответил отец. Сегодня ночью уедем на проходящем поезде. Приезжали с командиром за небольшим пополнением...

— Мама, как хорошо, что сегодня за мной пришел папа! — перебив отца, весело сообщил ей Юра, успевший у порога снять с себя валенки и пальто. — Все ребята увидели его в военной зимней форме с автоматом, и Евгения Петровна тоже. Мама, а почему у нас сегодня нет гостей? — вдруг спросил он. — Ведь в первый раз, когда папа уезжал на фронт, были гости.

— В этот раз никого не будет, сынок, — вздохнула мать, посмотрев на раздевающегося мужа. — В этот раз отец приехал неожиданно да и уедет сегодня же. Так что вдвоем будем провожать отца, если не уснешь, — сказала она печальным голосом.

Отец, пока Юра разговаривал с матерью, быстро разделся, прошел к сундуку и спрятал в него автомат, подальше от сына. Затем он снял гимнастерку, не спеша побрился, помылся в коридорчике за дверью, где у них был умывальник, и, уже посвежевшим, снова вошел в комнату. Вытираясь полотенцем, он сказал:

— Мать, достань-ка, пожалуйста, из шкафчика заветную, отметим встречу. Хотел выпить с тобой после победы, но раз вернулся такой случай — давай выпьем за нее. А там видно будет, — сев за стол, сказал он ей, раскупоривая поллитровку. Разливая водку по рюмкам, он заметил: — На войне, чтоб согреться, приходилось пить сорокаградусную из кружки, удобств мало. А дома — грех выпить не из рюмки. Давай-ка, Варюша, выпьем за нас с тобой, детей наших — Зою и Юру, за то, чтоб у всех было все хорошо.

— Давай, — вздохнула мать, — за то, чтоб ты и Зоя уцелели на войне и скорее вернулись домой навсегда.

Юрию было интересно наблюдать за отцом и матерью, вспоминающими его сестру. Отец, читая вслух письма от Зои, успокаивающе подчеркивал: «Видишь, Варюша, у нее все хорошо: летает лишь в нашем тылу, выполняя простые задания. Так что не волнуйся за нее. А я, сама видишь, даже приехал домой...»

Изрядно выпив и закусив, отец, не притронувшись к своей любимой гитаре, взял сына на колени и медленно, заунывно, как показалось Юрию, зашел тихим, заглубевшим, но приятным голосом:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Юра посматривал на задумчивое, сосредоточенное лицо поющего отца и на окна, выходящие в узкий переулок, откуда, словно подпевая, доносился то усиливающийся вой ветра, несущий густую порошу, то затихающий. Ему казалось, что эта песня сложена о их «лачужке», а «старушка», прядущая иногда на играющем веретене шерсть, чтоб потом из нее связать ему теплые носки — его мама.

А отец, усилив голос, вдруг запел более решительно:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей...

Потом отец так же решительно и серьезно спел про ревущую бурю с гремящим громом и блистающими молниями, про известную уже всем священную войну, а затем запел вместе с мамой уже более близкую Юре спокойную песню про садик, во время которой он, устав, слез с колен отца и пошел, будто ублаженный ею, за печку, на свой топчан. Боясь заснуть, чтоб не прозевать проводы отца, Юра повторял про себя незамысловатые слова старинной песни:

Сама садик я садила,
Сама буду поливать,
Сама милого любила,
Сама буду забывать.
При народе в хороводе
Мальчик девочку обнял,
А девчонке стыдно стало:
Стала — плакать и рыдать...

«Неужели Танечка — самая маленькая в нашей группе — худенькая, нежная, с голубенькими глазками, похожая на Дюймовочку из сказки, заплакала бы, если бы я ее обнял?» — почему-то вспомнил он ее, засыпая.

Проснулся Юра часа через два от беспокойного разговора отца с матерью, лежащих на кровати.

— Варя, ну что ты загрустила, будто оплакиваешь меня? Брось унывать, держи выше голову! — сказал ей бодрым голосом отец.

— Не унываю я, Мишенька. Но уж больно тоскливо ты пел песни, словно прощался со мной навсегда. Даже гитару не взял в руки, — заметила мать. — Видно на фронте совсем тяжело.

Лежа на топчане, пригревшись у печки, Юра, словно в полусне, слушал голос отца, рассказывающего о каких-то войсках НКВД, воюющих за линией фронта, где они занимались разведкой, проводили диверсии на объектах врага, устраивали крушения поездов и били нещадно фашистов. И все у них выходило

хорошо. Но вот пришла замена их батальону — и он дома. Так что страшного ничего не случилось: немцев спокойно можно бить и там. Вот только письма оттуда писать невозможно, не то что дочке Зое.

— Ладно, Миша, хватит меня успокаивать, не маленькая. И я знаю — фронт есть фронт. Почти каждый день оттуда везут увечных и раненых. Госпиталь напротив моей работы — пустым не бывает, — вдруг заплакала мать. — Без рук, без ног выписываются оттуда. А ведь у тебя была «броня», — вдруг напомнила ему она.

— Ты что говоришь? За кого меня принимаешь, — вспыхнул отец. — Мне — партийному человеку — прятаться за «броню», когда враг топчет нашу землю, убивает детей, женщин и стариков. Ты что, совсем...

— Я уж больше ничего не говорю, молчу, Миша, — перебила его мать. Успокойся. И чего ты так разнервничался? — вымученным голосом спросила она, посмотрев на проснувшегося сына, старящегося вникнуть в непонятный разговор.

— А ничего, — резко сказал отец, чего с ним раньше не случилось. — Хочу, чтобы ты сегодня веселой была. Ну, если не веселой, то хотя бы такой, чтоб никто не заметил, что провожаешь меня с сожалением, — сказал он.

— Хорошо, — сказала мать, — никто ничего не заметит, не волнуйся, — пообещала она. — Наливай в рюмки по последней; выпьем на дорожку, — вдруг предложила она.

— Молодец, Варенька. Ты у меня всегда все понимаешь, — повеселел отец, выпив рюмку водки. — Одевайтесь с Юрой потеплее: ночью морознее.

Перед выходом из дома, мать, по обычаю, предложила:

— Сядем, Миша: посидим на дорожку. Когда теперь свидимся, — задумчиво сказала она.

Сели. Помолчали секунд двадцать. Но они, вероятно, показались Михаилу Егоровичу до утомительности долгими. Не выдержав, он встал и проговорил:

— Все, Варюша, пора. Верю, что у вас с Юрой будет полный порядок. А я буду лучше воевать, зная, что вы ждете меня. В случае чего, сделай из сына человека: дай ему возможность окончить среднюю школу.

— Постараюсь, Миша, — как бы заверила его мать, — не беспокойся. Главное — ты береги себя, Мишенька, не лезь на рожон. Идемте, — предложила она, не сдержав слабого стога.

По пути к вокзалу родители долго говорили о Зое, служившей в авиаполку. Отец попросил мать, чтоб она ничего такого не сообщала дочери, если что-то случится с ним. И его отцу тоже, потому что он стар.

— Ты учти, — напомнил он жене, — самолетом управлять не

просто. Нервы должны быть спокойными. А Зоя — боевой летчик, — проговорился отец.

— Понимаю, — согласилась с ним мать. — Зря тревожить ее не будем. Юра ни о чем плохом Зое не напишет; тем более что пишет ей под мою диктовку. Так ли говорю, сынок? — обратилась она к нему.

Юра сдернул шарф со рта, вдохнул морозного воздуха и сказал:

— Так. И ты, папа, не беспокойся. Ничего такого я не сообщу Зое без маминого разрешения, да и пишу-то я еще плохо: недавно научился, — сознался Юра, вспомнив, с каким трудом написал первое письмо сестре.

— Ты-то сам напиши Зое, если сможешь, о себе. Пусть узнает она и от тебя, что ты побывал дома, — попросила отца мать. — А мы с Юрой сообщим в деревню деду о твоём приезде.

— Хорошо. Сообщу, если смогу. Как приедем на место назначения, — пообещал отец и они ненадолго замолчали.

Юра, иногда поглядывая на хмурые, задумчивые лица отца и матери, старался уловить, где же та радость, с какой бывало говорили о войне его товарищи из детского сада и со двора. Неужели война — неприятная вещь? В кино же всегда побеждали наши и все почти оставались живыми. «Видимо, только при игре война кажется веселой, да в кино, — подумал он. — Или я в ней ничего не понимаю. Но ведь моя сестра давно воюет и с ней пока ничего не случилось. И папа мой останется живым».

— Папа, тебя не убьют немцы? — неожиданно спросил он у отца.

— Чего? Меня? — растерялся отец, не ожидавший такого вопроса. — Нет, не убьют, — как можно спокойнее ответил он сыну. — Я вернусь, с победой.

Во время этого короткого разговора, мать лишь с испуганным суеверием перекрестилась и, неодобрительно посмотрев на обоих, ничего не сказала.

Вторые проводы отца на фронт были непохожими на первые. На вокзале в этот раз было меньше людей и стоял на рельсах не товарный эшелон, а пассажирский поезд с военными. Несмотря на сильный мороз, многие красноармейцы, вышедшие покурить, были в фуражках с красными околышами.

— Это мой поезд, — сказал уверенно отец, обнял мать одной рукой, поцеловал, дал ей подержать лыжи, а затем поднял на руки сына, крепко прижал к себе и тихо сказал ему на ухо: — Слушайся мать-то, учись хорошо и делай зарядку.

В этот раз звона колокола и гудка паровоза не было. Поезд тронулся по свистку кондуктора, резковатой трелью разлетевшейся по ночной тишине вокзала. Отец в последний раз поцеловал жену и сына и, сказав на ходу: «Смотри за сыном. Ждите», —

побежал к вагону. Военные, подхватив его лыжи, помогли ему взобраться по ступенькам в тамбур вагона. И вскоре поезд, набирая ход, скрылся за Адмиралтейской слободой.

* * *

Юрию до детского сада, если идти вниз по улице Карла Маркса, было совсем недалеко: всего-то два с половиной квартала и еще чуть-чуть. Половина — от дома, со двора которого утром, повернув налево, выходил он, затем — два полных квартала с переходами через три дороги по улицам Лобачевского, Городецкого и Красина. А на углу, на другой стороне, располагался окрашенный в светло-желтый цвет двухэтажный, с окнами на улицы Маркса и Красина, его любимый детский сад.

Каждый день, кроме воскресенья, в любую погоду, он проходил мимо привычных ему зданий, в основном двухэтажных: аптеки на углу, с тяжелой, покрытой черным лаком, рельефной дверью и большими окнами, самого высокого по улице П-образного пятиэтажного дома чекистов, клуба Менжинского с тремя пирамидальными шпильками на верхушке здания, воинской части, городской дезинфекционной станции с санпропускником во дворе, откуда до улицы иногда доносился неприятный запах, совмещенных в одном громадном двухэтажном доме поликлиники и больницы. И вот он — через дорогу детский сад, тоже двухэтажный. Пройди чуть-чуть, несколько шагов мимо никогда не открывающейся, покрашенной в светло-голубой цвет двери крыльца, зайди во двор и, обогнув стены Г-образного дома, увидишь утепленную мягким материалом дверь, щедро открывающуюся перед маленькими воспитанниками. Но Юра, прежде чем войти в ворота, всегда с утра открытые, почему-то останавливался и некоторое время любовался самым красивым, как ему казалось, расположенным напротив, через дорогу, белым трехэтажным зданием Авиационного института с высокими круглыми колоннами и лепными украшениями.

Знакомы Юрию были и дома ниже по улице. Особенно нарядный трехэтажный дом с прекрасной лепниной, покрашенный, как и многие дома на улице, в желтый приятный цвет. Здесь он был в гостях как-то на дне рождения у товарища из группы Юры Шушкова.

Интересовало Юру и обыкновенное светлое здание, во дворе которого виднелись невысокие постройки, в виде сараев из красного кирпича, — около них часто можно было увидеть милиционеров и их ухоженных коней. Здорово было наблюдать, когда милиционеры в черных шинелях и кубанках с красной окантовкой, блестящих сапогах со сверкающими шпорами и папками на боку выезжали на улицу на красивых скакунах и, молодцевато красуясь, следовали в сторону площади Свободы или к кремлевской

стене с бойницами, расположенной на возвышенности. Вероятно, они ехали на службу в Кремль, повернув налево, вверх по улице Батурина, а иногда и вниз, направо, в сторону реки Казанки, мимо тюрьмы с высоким забором и колючкой, примыкающей к белой кремлевской стене.

Однажды Юра даже видел, как зоркие, серьезные солдаты, держа винтовки в руках вперед трехгранными штыками, вели по дороге в тюрьму нескольких понурых, не глядящих по сторонам, обросших арестантов. Юра слышал, как редкие прохожие, глядя на них с презрением и брезгливостью, говорили: «Это — дезертиры, не пожелавшие встать под ружье. И бандиты. Родина в опасности, а они — трусы и подлецы — решили спасти свои шкуры...»

Поглядев немного на идущую к тюрьме в напряженном молчании процессию, оставившую в душе неприятный осадок, Юра остановился. Затем повернул назад и медленным шагом пошел домой, вспомнив первые проводы отца на фронт.

Был холодный сентябрь. Листья с деревьев начали опадать, робко покрывая ими землю, траву, тротуары и брусчатку дорог. Багровое солнце закатывалось за дома и заводы Адмиралтейской слободы. На перроне пассажирской станции Казань толпились многочисленные военные, перемешавшись с гражданскими. Все они о чем-то говорили, спорили, иногда смеялись, пели и ждали команду: «По вагонам». А эшелон с пыхтящим паровозом и телячьими вагонами, приспособленными для перевозки людей, все стоял и стоял.

Около красивого здания вокзала из красного кирпича, у стены, расположились военные музыканты. Они играли на барабанах, тарелках и трубах, сверкающими яркой медью в лучах заходящего солнца, суровые марши и песни.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война...

Отец его — не трус. Он два с лишним месяца добивался освобождения от «брони», ругаясь с начальством и матерью, доказывая им, что должен быть там, на фронте. И вот он стоит у открытой большой двери вагона, как и другие, и говорит невысказанные дома слова и наставления ему и маме. А мама, сдерживая слезы, слушает отца и смотрит на него печальными глазами, в которых угадывается и просьба — сберечь себя, и неверие, что еще увидится с ним, и обещание — ждать его любого безропотно и вечно.

Казалось, что затянувшемуся прощанию не будет конца. Ожи-

дающие гудка паровоза уже не находили слов о чем еще говорить, как будто бы все высказано. Оркестранты, сыграв последнюю песню «Дан приказ ему на запад», сложили инструменты в чехлы и ушли. А гудка все нет и нет. Некоторые с надеждой стали шутить: «А может быть, гудка и не будет. Может быть, закончилась война. Напрасно мы ждем команды...». Но он раздался после звона колокола: сильный, протяжный, тревожно-завывающий. После него командиры прокричали: «По вагонам!». И все пришло в движение. Бойцы бросились по вагонам, провожающие — ближе к ним. Эшелон тронулся. Люди двинулись вслед. Общий шум смешался со стуком вагонных колес и перерос в сплошной гул, сквозь который едва можно было расслышать что-то недосказанное на месте, почти одинаковые просьбы и обещания, больше понимаемые по губам и жестам, отчаянно-тоскливое «прощай».

Когда длинный эшелон прошел от станции порядочное расстояние, Юра посмотрел на провожающих и ужаснулся: он впервые увидел большое количество плачущих женщин, детей, стариков, которые какими-то вымученными движениями рук махали уходившему эшелону, увозившему их любимых мужей, сыновей, внуков, братьев и отцов. Юра повернулся к матери и заглянул в ее лицо. Она, как и многие, охваченные общим горем, плакала, утирая слезы платком и рукавом осеннего пальто. У Юры тоже невольно потекли слезы. Он плакал тихо, без голоса, удивившись этому: раньше ему так не приходилось плакать. Видимо, в тот день он еще повзрослел на чуть-чуть.

Эшелон уходил, а вместе с ним, постепенно, исчезал и гул. Стоящие на перроне всматривались и запоминали, возможно, в последний раз, быстро уменьшающиеся вместе с ходом поезда дорогие лица. Вот и скрылся последний товарный вагон. Все стихло. Люди стали расходиться. Перрон опустел.

Юра с мамой шли домой молча. Он пробовал задавать вопросы задумавшейся матери о войне, об отце, о Зое, которая уже воевала, но, видя по лицу, что мама отвечает на них с неохотой, замолчал и стал вспоминать товарищей из детского сада, со двора, отца в непривычной военной форме, которую он дома надевал очень редко. В ней он выглядел еще выше и строже.

Юрию всегда казалось, что отец, с постоянным огоньком в карих глазах, почему-то строг, хотя он его сердитым никогда не видел. Он приходил поздно с работы или занятий, на которых изучал немецкий язык, усталый: садился за обеденный стол, надевал на прямой нос с небольшой горбинкой очки, брал в одну руку газету и, читая ее, ужинал. Потом ложился на топчан к сыну и рассказывал сказки, пока он не засыпал. Только в воскресные дни, когда не ходил в детский сад, он видел отца почти полный день. Иногда с утра к ним в гости приходили товарищи отца с гитарами, мандолинами и балалайками, садились у печки на топчан, табуретки и на-

чинали играть подряд все знакомые им музыкальные произведения. Закончив одну мелодию, они, прежде чем перейти к другой, шутили, указывая на ошибки друг друга, весело спорили, настраивая струны, а потом снова играли или переигрывали по нескольку раз какую-нибудь полубившуюся им новую песню. Любил такие дни Юра и ждал их всегда с нетерпением. Он часто спрашивал мать: «Скоро ли наступит воскресенье? Придут ли друзья отца поиграть на гитарах?»

Но особенно любил Юра праздничные дни, когда товарищи отца приходили к ним вместе с нарядными женами. Затаив дыхание, он сидел где-нибудь в сторонке и наблюдал, как старательно выводят слова поющие женщины или лихо, сорвавшись с места, под музыку отплясывают веселые «Камаринскую» или «Барыню», в которых активное участие принимала и его мать.

Шагая рядом с матерью по вечернему городу, Юра почему-то вспомнил и семейные походы в кино, где он часто засыпал, отца, несущего его на руках после фильма, и недовольную мать: «Ведь предупреждала тебя, Миша: поздно, пусть останется дома, все равно уснет. Да еще после такого скучного кино, как «Заключенные». Так нет же, не слушаешь меня. Ну и носи его каждый раз себе на здоровье», — ласково ворчала она. На что отец всегда говорил, словно оправдываясь: «Да ладно, Варя, не ругайся, пусть привыкает к кино. Не всегда же он спит».

Проводы отца на фронт запомнились Юрию на всю жизнь, как и последний год, проведенный им на даче. А о детском саде — персонале, воспитательнице, товарищах — и говорить нечего: он будто с самого рождения жил здесь вместе с ними.

* * *

Уже к весне Юра, чередуясь с ребятами из группы, с удовольствием и без запинки читал вслух сказки, рассказы и стихи. И вдруг он потерял интерес к занятиям — начинал капризничать, если и его просили что-нибудь почитать. Евгения Петровна удивилась:

— Что с тобой происходит, Юра? — спросила она его. — Я просто не узнаю тебя в последние дни. Что-нибудь случилось дома? — подошла она к нему. Юра заплакал и тихо проговорил:

— Мама сказала: мы больше не увидим папу. Мы получили извещение.

Евгения Петровна вынула из кармашка халата носовой платок, осторожно вытерла Юре слезы, прижала легонько его голову к себе и тихо сказала:

— Юра, ты же будущий летчик. Тем более — мальчик. Надо уметь себя сдерживать.

Наступил вечер. Дети из детского сада разошлись по домам. Мать, к удивлению Юры, пришла уже с работы. Она молча встре-

тила сына, подала ему горсть лесных орехов и пошла на кухню ставить самовар. Через некоторое время, едва она вернулась и прошла к столу, к ним кто-то постучался.

— Войдите, — сказала мать усталым голосом, по привычке поправляя русые выющиеся волосы. — Дверь не закрыта.

Отворив скрипнувшую дверь, в комнату вошла Евгения Петровна.

— Здравствуйте, Варвара Лукинична. Давно не виделись мы с вами, — приветливо проговорила она, — Шла мимо и решила ненадолго заглянуть к вам, потому что знаю — некогда вам теперь заходить в детский сад — работы много. И сейчас, вероятно, вы только что с работы — выглядите уж больно устало.

— Здравствуйте, милая Евгения Петровна. Простите, что встречаю вас так, думала, кто-то из соседей, — виновато сказала мать. — Мы ж друг к другу ходим из двери в дверь без всяких церемоний. А тут — вы, спасибо, что зашли. Проходите, пожалуйста, раздевайтесь. Скоро чай будет готов, самовар поставила...

— Спасибо, Варвара Лукинична, — как можно вежливее, перебив ее, сказала Евгения Петровна, — но я действительно спешу. Разве ненадолго присяду. А заодно и узнаю, что случилось у вас, — сказала она, присев на стул, стоящий рядом с большим столом, за которым сидел Юра и рисовал... войну.

— Ох, милая Евгения Петровна, — села на зеленый сундук, обитый золотистой проволокой, мать, — горе-то у нас какое, горе, — вдруг заплакала она. Извещение на мужа прислали. Вот, оно, — достав из кармана фартука желтоватый листочек, подала его, — посмотрите.

Евгения Петровна внимательно прочитала извещение и, чуть помолчав, как можно спокойнее сказала:

— Мужайтесь, Варвара Лукинична, не надо плакать. Пожалеете сына, — попросила она. — Глядя на вас, и он расстраивается. А у вас, как я вижу по извещению, не все еще потеряно. Здесь написано, — она подняла листок к глазам и прочитала: «Ваш муж, Кардин Михаил Егорович, в боях за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, пропал в январе 1942 года без вести...» А у меня, дорогая Варя, погиб муж. Тут уж никакой надежды, — с грустью сообщила она.

— Вы думаете — жив Михаил? — оживилась немного мать.

— Безусловно, — с верой в голосе сказала Евгения Петровна. — Сейчас многие пропавшие без вести оказываются в живых: возвращаются из многодневной разведки, другие, когда их уже не ждут, выходят через несколько месяцев к своим из окружения. Да мало ли что бывает на фронте.

— Я тоже слышала об этом, — вздохнула свободнее мать. — На фронте всякое бывает, — согласилась она со словами Евгении Петровны.

— Ну вот видите, — успокаивающе улыбнулась Евгения Петровна. — Не волнуйтесь и ждите Михаила Егоровича. Он обязательно вернется.

Юра смотрел счастливыми глазами на свою воспитательницу, думая о ней: «Какая же она у нас хорошая, даже маму сумела успокоить».

— Куда же вы, Евгения Петровна? — спросила мать, увидев, что она поднимается со стула. — Посидите еще. Сейчас чайку попьем: уж он, наверное, поспел, — попросила она, встав с сундука.

— Спасибо, Варвара Лукинична, за приглашение. Однако я, к сожалению, спешу, уж извините. До свиданья, — попрощалась она и шагнула к двери.

— До свиданья, — отозвался Юра и, подбежав к ней, высыпал горстку орехов в ее сумку.

Увидев орехи, Евгения Петровна удивилась и поблагодарила его:

— Юра, спасибо за орешки. Но как я их буду есть? Ведь старенькая я.

— И нисколько не старенькая, — возразил с пылом Юра. — Вы — самая молоденькая. А орешки можно раскалывать молоточком, не обязательно зубками. Они еще свеженькие, нынешние. Мы их с папой собирали в сентябре, когда он еще не уезжал на войну.

— Ну если так, спасибо тебе, Юра, — еще раз поблагодарила воспитательница. — До свиданья.

Проводив Евгению Петровну, мать вернулась из общей кухни с кипящим самоваром и, поставив его на железную подставку, с восхищением сказала:

— Какая она у вас все-таки замечательная и красивая. С вами нянчится — грамоте обучает — и даже нас, родителей, помнит, своим вниманием не обделяет. Такую надо помнить и благодарить всю жизнь.

— Она у нас, мама, самая лучшая воспитательница на свете, — согласился с ней Юра. — Как добрая волшебница из сказки Шарля Перро «Золушка».

Налив чаю в стаканы, мать достала из шкафчика ломтик черного хлеба и конфеты — подушечки. В вазочке их было штук двадцать. Юра взял одну, откусил с хрустом половину и стал пить чай.

— Юра, нам этих конфет должно хватить на две недели, — предупредила мать. — Когда еще получим по талонам другие. Так что в день придется нам съедать по одной конфетке.

— Мама, а почему ты не поставила их на стол, когда у нас была Евгения Петровна? — спросил Юра.

— Постеснялась. Она, наверное, такие конфеты не кушает, — покраснев, ответила мать.

— Ты угадала, мама, — обрадованно сказал Юра. — Когда их

нам в группе дают, она пьет чай просто так, без подушечек. Зубки, наверное, бережет. Не то что мы. У нас у многих нет зубков. Но ведь потом они у нас вырастут. Так что нам можно конфеты кушать столько, сколько мы захотим, — с радостью сказал Юра.

— Эх, сынок, сынок, — вздохнула мать, замолчала и стала пить чай. Немного погодя, Юра спросил:

— Мама, а раньше тоже были карточки? До войны?

— Не было, сынок. Перед самой войной жили хорошо, — ответила она.

— То-то нам теперь, из-за этих карточек, — с недовольством заметил Юра, — дают на завтрак иногда по три картошки в мундире. Мы их едим с солью и кусочком хлеба, а нас от них, особенно зеленых, тошнит. Но кушать-то хочется и мы, хоть и давимся ею, а едим. Правда, не все. У кого дома есть чего покушать, те не едят. А нам лучше от этого. Мы съедаем их картошку, потому что знаем — до обеда еще далеко. И дома у нас из-за этих самых карточек плохо: хлеба не всегда хватает.

Юра не знал, что мать, получая паек в 500 граммов, отрывала от себя каждый день ему по 100 граммов. Чтoб было поровну: его 300 и ее 100. «Иначе как же — ведь он растет», — рассуждала она про себя.

* * *

Потеплело. Солнце стало всходить раньше и заходить позже. Прилетели крикливые грачи, заняв гнезда на высоких деревьях, а вслед за ними скворцы, возвестившие неугомонными певчими голосами, что весна входит в свои права не робкой гостьей, а полноправной хозяйкой. Радостно вторили им и благополучно перезимовавшие синички. Улицы и дворы благодаря стараниям дворников и жителей города освободились от последнего ледка. После бурного ледохода и высокого паводка постепенно возвращались в свои берега величаясь Волга и скромная, летом мелеющая речка Казанка с водяной мельницей у задней стены высокого Кремля. Появились нежные зеленые листочки на деревьях и кустарниках, стала гуще пушистая травка. Все выглядело счастливо и празднично, если б не война. Она давала знать о себе и в глубоком тылу.

В городе появилось много эвакуированных людей с земель, занятых фашистами. С продуктами уже к весне стало совсем плохо: цены на них поднялись на рынке до невероятной высоты, а зарплата у рабочих и служащих оставалась прежней. Только продуктовые карточки поддерживали как-то их, а также студентов, учащихся школ, малолетних детей и иждивенцев, получающих на них определенные, для каждой вышеуказанной категории, пайки хлеба, мучных и крупяных изделий, сладкого, рыбы и растительного масла. А вот овощи и фрукты — картофель, морковь, лук, капусту, яблоки,

группы, а тем более деликатесы — можно было купить лишь на базарах, по баснословной цене. Многие горожане кое-как перебивались от получки до получки. Если же неожиданно лишались денег и карточек (потеря, кража) — то просто умирали.

Пожалуй, неплохо в это трудное время было лишь ребятишкам из детских садов: у них пища всегда горячая и разнообразная. Однако и в ней к весне много чего из овощей не хватало. Вот тогда-то Евгения Петровна и предложила цветники и пустующие участки земли временно, пока идет война, превратить в огороды.

Как-то утром, после завтрака, она обратилась к своим воспитанникам:

— Дети, хотите ли вы, чтоб у нас в саду росли свои редиска, капуста, морковка, лук, картошка и другие овощи? Для вас же самих?

— Хотим! — дружно ответили дети.

— Очень хорошо. С сегодняшнего дня и займемся огородом, — сказала Евгения Петровна. — Сейчас выйдем на улицу и почистим участки земли у забора от прошлогоднего сора и удобрим их золой.

Во дворе, между детской площадкой и забором, детей встретили тетя Ариша — няня, Тамара Ивановна — заведующая детским садом и Галия Абдрахмановна — завхоз. Они граблями собирали в кучки мусор.

— Вот и помощнички наши прибыли! — встретила их веселым возгласом тетя Ариша. — Берите-ка ведерочки, лопаточки, — показала она на них, — собирайте из кучек мусор и сваливайте его в пустой ящик. Вон в тот, что у выхода.

И работа закипела. Детишки, как муравьишки, быстро собрали прошлогодние ветки, стебли, листочки и прочий мусор в ящики, понадобился еще один, рассыпали золу под будущие грядки. А кое-кто из мальчишек стал помогать взрослым вскапывать детскими лопаточками землю. Но их остановила Тамара Ивановна:

— На сегодня достаточно. Солнце уже прогревает. Потрудились вы все очень хорошо, — похвалила она. — Сейчас идите в группу, вымойтесь как следует, а потом с Евгенией Петровной продолжите разговор об овощах.

Через несколько дней была вскопана земля от забора до площадки. Там появились аккуратные грядки с табличками, на которых были нарисованы масляными красками петрушка, укроп, редиска, лук, морковь и свекла, а позже — горох, бобы, капуста и картофель. Не забыли посадить в мелкие, удобренные золой и перегноем бороздки пророщенные семена огурцов и в приготовленные лунки кустики помидоров. Все приготовления с посевом овощей и их завершение закончилось примерно к концу мая. И вот, казалось бы, все сделано. Но нет: на этом работы на огороде не закончились. Чтoб сберечь и увидеть быстрее плоды своего труда,

дети с воспитательницей, уходя домой, накрывали некоторые грядки рогожками, потому что ночи пока были холодными. А утром, как только солнце начинало припекать, рогожки убирали. Почти каждый день, если не было дождя, после завтрака и занятий дети ходили на огород, чтоб из леек напоить водой семена овощей и понаблюдать за их ростом. Научила Евгения Петровна своих воспитанников и умению отличать листья и ростки редиски, моркови, огурцов и других овощей от травы и листьев сорняка, которые тщательно убирались. Многим детям нравилась эта необременительная работа, особенно когда появились первые плоды. — Стыдно вспоминать, однако надо признаться, что некоторые мальчишки, едва появились первые овощи, тайком бегали на огород в надежде поживиться крупненькой редиской или тонюсенькой морковкой. Преждевременному разорению грядок положила конец тетя Ариша.

— Вы что делаете, сорванцы? — ругнулась она, застав их за нехорошим занятием. — Они же еще не совсем поспели. Вот я вас сейчас...

Ребятишки, расширив глаза от стыда и страха, бросились от нее на площадку. Но тетя Ариша пришла и туда. Подозвав их, она им строго выговорила:

— Нехорошо, дети, брать что-нибудь тайком, без разрешения — большой грех. Когда овощи поспеют, вы их сами же и будете кушать. А пока, чтоб я ни одного разорителя не видела без дела на огороде, — сердито сказала она.

Евгения Петровна осуждающе посмотрела на ребятишек, укоризненно покачала головой и только сказала:

— Как плохо вы поступили, дети.

* * *

В последние дни, перед выпуском из детского сада, большинству детей Евгения Петровна и тетя Ариша подготавливали праздничную одежду, если можно так сказать: чинили рубашки, штанишки, платьица и юбки, стирали и выглаживали их. Они знали, что не все родители имели возможность купить дорогую одежду и обувь даже для такого торжественного дня: цены и на них подскочили. Да и достать вещи по товарным талонам было не всегда возможно — ателье, мастерские и фабрики в первую очередь выполняли военные заказы. К тому же многим родителям было просто некогда привести имеющуюся одежду в порядок: работали с утра и до позднего вечера. Вот и пришлось эту «головную боль» взять на себя воспитательнице и няне, чтоб их выпускники выглядели на празднике хотя бы прилично. Уместно вспомнить здесь и то, что Евгения Петровна и тетя Ариша давно взяли на себя заботы родителей: подстригали под «нулевку» некоторых воспитан-

ников и воспитанниц, мыли их в большом железном корыте горячей водой, чтоб не заводились вши, выпрашивали для них у более состоятельных родителей сносную одежду и обувь. В числе таковых оказался и Юра, — он тоже вырос за лето из своей одежды. Когда никого не было в группе, тетя Ариша, зная стеснительный характер Юры, преподнесла ему почти новый матросский костюм, крепкую белую рубашку и серые брезентовые туфельки, тихо сказав:

— Это тебе, сынок, от добрых людей. Не из нашего сада, — спокойно добавила она. — Так что носи их смело и не робей.

— Большое спасибо, тетя Ариша, — покраснев, не забыл поблагодарить ее Юра и зачем-то спросил про детсадовского сторожа: — А где дядя Вася, который нам сделал трамвайный вагончик на колесах, самолет, как настоящий, и качели? Его давно что-то не видно.

— На фронте он, Юра, — ответила тетя Ариша и, вздохнув, продолжила, — второй месяц как муж мой воюет с проклятым фашистом. Уехал туда добровольцем Васенька. А вчера вот получила письмо от него, — поделилась она, пока Юра примерял костюм. — В нем он и о вас, об детишках, спрашивает. Ну вот — костюм-то в самый раз, будто на тебя пошит! — обрадованно сказала она. — И обувка смотрится красиво! Прямо так и иди на участок, погуляй, а я твои вещи заверну во что-нибудь. Когда пойдешь домой, захватишь их.

Конец августа. Наступило время прощания выпускников с детским садом, с беззаботным детством. После тихого часа их пригласили в зал, усадили на низких длинных скамейках, стоящих в два ряда у стены, а немногочисленным родителям, не занятым сегодня на работах, разрешили сесть на свободные стулья у выхода. И праздник начался.

— Дорогие родители, Евгения Петровна, тетя Ариша, Тамара Ивановна, Галия Абдрахмановна и Софья Петровна, — приятным речитативом открыла праздник Рена Шапиро, — разрешите поздравить вас всех с нашим выпускным утренником!

В зале захлопали, а потом, когда смолкли аплодисменты, рыжеватая бойкая Рена продолжила:

— Мы начинаем наш утренник концертом! Первым номером в нашей программе выступит хор под руководством музыкального работника Софьи Петровны! Сейчас вы услышите и увидите песню-танец «Во поле березонька стояла»! Слова и музыка народного поэта Н.Ибрагимова.

В зале снова раздались овации, но тут же стихли, как только поднялись со скамеек дети и послышались нежные аккорды фортепиано. Под плавную мелодию поющих голосов из групповой комнаты в зал будто выплыли друг за дружкой наряженные в длинные цветные русские сарафаны серьезные артистки с ветками берез.

Старательно размахивая ими под такты мелодии, они, выполнив несколько красивых и разнообразных движений, окружили выпешдшего в круг тоненького, аккуратненького Леву Гордона, а потом разошлись в стороны, давая возможность ему потанцевать на открытом месте. Лева, ловко пританцовывая, показал рукой, как он срезал березовые пруточки, вытащив их тихонько из букета Нелли Забириной, сделал из них три гудочка, потом балалайку, поиграл на них, а затем, увлекаемый танцующими девочками, скрылся в группе.

После дети спели весело о бойком туристе, шутишке-воробышке и песню о первокласснике. Затем начались индивидуальные выступления. Алик Каримов с Кадрией Сафиуллиной станцевали татарский танец «Эпигэ», группа мальчиков в матросках сплясали «Яблочко», Валерий Базаревич и Юра Шупуков спели про тачанку-ростовчанку, Дюймовочка — Таня Крикунова о несчастной ласточке, не сумевшей улететь на юг, а Роза Вафина про родной язык на стихи Г.Тукая. Юру Кардина попросили прочитать рассказ «Плохой товарищ». В зале была тишина. И его все слышали, хотя он и читал в этот раз очень робко. Как только он прочитал последний диалог между товарищами:

— А что тебе на ухо медведь прошептал?

— Он мне сказал: не имей плохих товарищей, — в зале захлопали и стали просить Юру еще что-нибудь прочитать. Но он, как часто бывало с ним, застеснялся и спрятался среди товарищей.

В конце праздника дети спели сочиненную кем-то из воспитателей песню, прозвучавшую не как всегда на репетициях весело, а наоборот, грустно, заканчивающуюся словами:

Попрощаемся с педагогами,
Разлетимся все по разным школам мы.

Всем стало ясно после этой песни и без слов Рены, что концерт окончен, последний для выпускников. Глаза у многих были на мокром месте. Тетя Ариша, будто отрешившись от всего, не скрывая слез, смотрела на своих питомцев так, будто отрывала их от сердца, а Евгения Петровна, сдерживаясь, выслушивала родителей, которые благодарили ее за умелое и отличное воспитание детей, а няню — за заботу и внимание к ним. Поблагодарили за музыкальные занятия с детьми Софью Петровну, повара Василию-апу за вкусные обеды, Галию Абдрахмановну за то, что она умела выпросить для детей хорошие продукты и Тамару Ивановну за слаженное руководство персоналом детского сада.

С большим трудом преодолела в себе горечь расставания с детьми Евгения Петровна, которых воспитывала много лет. Она сумела по-матерински ласковым и в то же время, как воспитательница, требовательно-призывным взглядом приободрить погрустневших детей и сказать им последнее наставление:

— Дети, вот вы почти и школьники. Послезавтра все учащиеся нашей страны сядут за парты. И вы тоже. Надеюсь — вы все будете стараться учиться на «хорошо» и «отлично», а также вести себя примерно на улице и в школе, как в детском саду. Уважайте ваших учителей, как родителей, слушайтесь их во всем. Не болейте, не приносите родителям никаких огорчений. Не забывайте ваш детский сад, заходите в гости к нам с тетей Аришей, — сказала она с усилием в голосе, утирая уголком скомканного платочка неожиданно набежавшие слезы. — Вот, кажется, и все, что я хотела вам пожелать. Пора расставаться. До свиданья, дети.

Но дети, словно онемев и окаменев, после прощальной речи, не двигались. Они старались как бы навсегда запечатлеть образ своей любимой Евгении Петровны. Как привыкли они к ней, как не хотелось им расставаться с первой в их жизни наставницей. Но...

Увидятся ли они снова с ней, как с близкой, любимой, почти родной? Или будут вспоминать ее лишь иногда?

Мама. Школа. Встреча с бабушкой. Праздник. Военные трофеи

Вечерело. Синее небо становилось темно-серым. Постепенно на нем стали появляться далекие, редкие звезды. Пришлось зажечь огни. Зажгли их и в трамвайном парке. В ярком свете электрических ламп засверкали многочисленные рельсы, провода, стекла трамваев и депо. Рабочие на путях и у трамваев казались в своих замасленных спецовках похожими друг на друга. К женщине, заливающей в буксу трамвая мазут, подошел мастер вагонного депо — сгорбленный, семидесятилетний, худенький старичок Григорий Иванович. Щуря близорукие глаза на женщину, он спросил:

— Ктой-то тут сегодня работает? Чтой-то не разгляжу.

— Я это, Григорий Иванович, Кардина, — распрямилась Варвара Лукинична.

— А, Варя, — обрадованно протянул мастер. — Хорошо, что тебя застал. Устала, наверное, домой собираешься? — участливо спросил он.

— Собираюсь. Вот залью мазут еще в две буксы и мотор, и на сегодня все. Теперь сами знаете, Григорий Иванович, работать-то нам с Марусей приходится за троих, по полторы смены. Иван как неделю ушел на фронт, а на его место до сих пор никого нет, — пожаловалась она. — Устала конечно. Да и домой надо. Сын завтра в первый класс пойдет, — сообщила она.

— Это хорошо... домой, — протяжно сказал мастер. — А не можешь ли ты, Варвара Лукинична, погодить еще одну смену, а? —

виноватым голосом спросил он ее. — Ну, хоть неполную? Выручай, милая. Сегодня нам придется всю ночь возить со станции зерно, муку, овощи для города, — сообщил он и добавил: — Народ-то уже давно живет впроголодь.

Растопырив замазученные руки в мягких брезентовых рукавицах вдоль прорезиненного, облегающего спецовку фартука, Варвара Лукинична выпрямила сутуловатую спину, словно скидывая с себя усталость, и тревожным голосом спросила:

— А Маша-то где? Не заболела ли?

— Да где ей о болезни думать, — успокоил ее Григорий Иванович. — На фронт утикала баба, — раздраженным голосом сообщил он. — Там только ее и не хватало, будто мужиков мало. А тут теперь ищи замену ей. Ну да ладно, — с отчаянием махнул рукой мастер, — может, найдем. Ты-то как, Варя, согласная еще поработать, аль нет?

Прежде чем ответить, Варвара Лукинична подумала: «Надо же — не выдержала Машка добавочной нагрузки, хоть и моложе меня. Сбежала».

— Чего уж тут поделаешь-то: придется поработать, — тяжело вздохнув, согласилась она. — Только я должна домой сбегать, сыну сказать об этом.

— Конечно, конечно, милая, недалеко ведь живешь, — обрадовался мастер.

— Обязательно сходи. Предупреди сынка, что еще поработать.

Варвара Лукинична отнесла ведро из-под мазута в сарайчик, сняла там фартук и спецовку, закрыла дверку на замок и заторопилась домой. Тревожась за сына, она думала: «Как же быть-то? Завтра Юрке-то в школу. В первый раз ведь... Эх, раньше-то праздник ведь какой был, когда Зою в первый класс провожали. А нынче... Вот беда-война проклятая. Найдет ли Юра школу сам? Ведь впервые пойдет туда». Занятая думой о сыне, она не заметила, как подошла к дому.

Время было позднее, но Юра не спал. Дожидаясь маму, он лежал на кровати и читал «Сказки братьев Гримм». Наконец она пришла. Юра узнал ее по знакомому стуку в дверь. Быстро вскочив с постели, он подбежал к двери и, открыв ее, радостно закричал:

— Ура! Наконец-то ты пришла! А я уж чуть было не уснул без тебя...

— Тихо. Не кричи. Соседей разбудишь, — остановила его мать, вошла в комнату, улыбнулась сыну, сняла у порога побуревшие от мазута солдатские ботинки, зачерпнула ковшом из ведра воды, ополоснула руки над помойным ведром, вытерла их своим полотенцем и прошла к обеденному столу. Наливая в тарелку холодные постные щи, она сказала сыну:

— Юра, я должна снова уйти на работу. Моя сменщица, ты ее знаешь, она приходила ко мне, тетя Маруся, уехала на фронт. Так вот, я должна сегодня поработать за нее. Возможно, меня и утром не будет.

— Ну, мама, — капризным голосом протянул Юра, — А как же я? Мне же завтра в школу. А потом, я говорил тебе уже: боюсь ночью один оставаться.

Мать, перестав кушать, посмотрела на сына и засмеялась:

— И не стыдно? Чего тебе бояться? Ты же дома, а не где-нибудь в лесу, где много зверей. Закрыл дверь на крючок — и знай спи. Дома, сынок, не надо никого бояться. А то, что завтра в школу одному идти придется, так это не беда. Ты уже не маленький — через пять дней тебе исполнится восемь лет, — напомнила она. — А потом, ты грамотнее меня: найдешь сам школу. Она расположена на горе, у кольца, где трамваи второго номера ходят.

— Я знаю, мама. Найду, — с уверенностью сказал Юра. — Мне Олег с нашего коридора говорил о школе. Я вместе с ним пойду туда. Мы еще вчера договаривались.

— Ну и хорошо, — обрадовалась мать. — Теперь давай-ка поспи. На сегодня хватит читать, не то проспишь. А вставать тебе рано.

— Не просплю, встану. Я будильник поставил на шесть часов утра, — успокоил он мать и вдруг спросил: — Мама, а если ночью опять будет воздушная тревога? Что мне делать?

— Сбегаешь в бомбоубежище, если не будешь спать, — спокойно ответила она. — А если и проспишь — тоже не беда. Пока они у нас, воздушные тревоги-то, учебные.

Закончив кушать, мать подошла к сыну, поцеловала его в постриженную голову, затем села на табуретку, чтоб одеть ботинки.

— Писем от Зои не было? — спросила она.

— Не было, мама. Наверное, завтра принесут, — сказал он уже по привычке. — Как тогда, сразу два, — напомнил он о письмах, которые пришли в марте.

— Ну, ладно, — вздохнула мать и сказала: — Если я задержусь на работе, и не приду до обеда, сходишь сам в магазин за хлебом. Карточки в сундуке, в верхнем отделении-ящичке. Хлеб поделишь пополам. Но свою половину сразу не съедай, оставь на вечер и следующее утро, — наказала она. — Без хлеба и щи не еда, — заметила она. — Ну, я пошла. Закрой за мной и спи спокойно, никого не бойся.

Почти не отдохнув, Варвара Лукинична опять заспешила на работу. На остановке она успела сесть на ночной трамвай. Отгоняя сон, она не переставала думать о сыне и дочке, которую они с отцом когда-то провожали в первый класс. Уже почти полгода нет писем от нее. А в праздничной майской открытке были лишь позд-

равления. Как она там, наша Зоя? В последних письмах она, как и всегда, сообщала, что жива, здорова, что служба ее заключается в перевозке на двукрылом гражданском самолете писем и медикаментов для тыловых госпиталей, просила не беспокоиться о ней и ждать после победы в отпуск. А победу она обещала почти в каждом письме. — Но когда же? Когда она придет, долгожданная? Может, тогда и Михаил объявится? — спрашивала себя Варвара Лукинична. — Скорее бы, что ли, приходила она, долгожданная победа, — торопила ее она, представляя встречу с дочерью и мужем.

* * *

«Сегодня я пойду в школу. Что я там увижу, услышу? В школе, наверное, интереснее, чем в садике. Какой сегодня хороший и радостный день! Олег обещал зайти за мной, чтоб вместе пойти в школу. А раньше он со мной не играл, считал маленьким и даже обижал. Хорошо все-таки быть большим. И мама вчера сказала, что я уже не маленький, могу идти в школу без нее, — думал Юра, проснувшись в этот день пораньше, чем в обычные дни. А все ли у меня на месте? — забеспокоился он и подошел к стулу, на котором лежал портфель с книгами и тетрадями. Отодвинув замочек, Юра открыл портфель и стал перебирать в нем школьные принадлежности, перечисляя их вслух: — Вот букварь, арифметика, книга для чтения, тетради, пенал с ручкой, перьями и карандашами, чернильница-непроливайка. Все на месте, — успокоился он, закрывая замочек. — Только вот плохо — портфель староват, — вздохнул он с огорчением. — Ну, ничего, зато с ним Зоя ходила в школу» — довольно улыбнулся Юра, вспомнив сестру.

Почистив зубы и умывшись, Юра съел вчерашние щи без хлеба, оделся и сел на сундук в ожидании Олега. Поглядывая на часы, он снова стал думать о школе, о ребятах и учительнице, которых еще не видел, о времени, которое, как ему казалось, сегодня тянулось особенно медленно. Вспомнил он и Бориса с Ниной, ровесников со двора, идущих тоже в первый класс, но в другие школы, как выяснилось вчера.

«Как долго тянется время. А зайдет ли за мной Олег, не забудет ли про меня?» — вдруг испугался Юра и, не выдержав, взял портфель, вышел в коридор, закрыл дверь на замок и положил ключ под ларь, стоящий в коридорчике-закутке, примыкавшем к общему длинному коридору.

Юра томился, выходил во двор, снова поднимался по лестнице в коридор, ждал с нетерпением наступления того времени, когда он вместе с Олегом пойдет в школу, пойдет в иной для него, интересный мир. Не выдержав, он пошел в конец общего коридора, где за массивной двустворчатой дверью находилась боль-

пшая кухня на три квартиры, в одной из которых жил Олег с матерью, бабушкой и сестренкой. Отец у них был тоже на фронте. Юра остановился перед дверью, за которой еще до войны был один раз, и робко постучал в нее. Не услышав ответа, он осторожно отворил ее и шагнул в общую кухню с русской печью в углу. У окна, выходящего в переулок, рядом с умывальником он увидел аппетитно жующего пирожок Олега и его упитанную мать, старательно счищающую одежной щеткой с костюма сына пылинки. Они, вероятно, не слышали шагов Юры, несмело прильзвившегося к ним, и с видимым удовольствием занимались каждый своим делом. Но как только Юра поздоровался с ними, они, будто испугавшись чего-то, резко повернули в его сторону одинаково недовольные лица с маленькими, округлившимися глазками, выражающими недоумение и немой вопрос: «А ты как еще тут оказался?»

Юра почувствовал, что пришел сюда не вовремя, помешал им, хотел уж было извиниться и сказать, что обождет Олега в коридоре, как вдруг услышал пренебрежительно-сердитое ворчание тети Гали:

— Иди, иди-ка отсюда. Как будто кто звал его сюда. Нечего тут пляться и высматривать... Сейчас мой Олежек завтракать будет! — уже выкрикнула она, вслед уходившему Юре, как будто ему об этом знать было необходимо.

Обиженный Юра вышел в коридор, прошел в противоположный конец его и сел у окна на небольшой ларь для овощей, принадлежащий Кисловым. Он задумался над тем, что ж с ним произошло только что? С таким явлением ему еще не приходилось сталкиваться. Обидеться и уйти? Но ведь Олег не сказал ему ни слова. «Обожду его, — решил Юра. — А взрослые, я знаю, иногда ведут себя плохо. Вон дед, сосед их по кухне, взял и зарубил топором спящую тетю Аню, жену его сына. Она ему не дала денег на водку — говорили во дворе. Так он ее два раза стукнул острием по голове, кровь была не только на стене спальни, а и на потолке даже. Я видел. Тогда многие приходили посмотреть на покойницу. Страшно было. Она лежала в гробу с восковым неподвижным лицом, а ее закрытые глаза, казалось, вот-вот откроются, и она схватит тебя длинными скрепленными руками за шею и утянет за собою на тот свет. Тетю Аню давно похоронили, а кажется, что она приходит сюда часто, особенно вечерами, обиженная и злая. Жутковато становится, когда вспоминаешь и думаешь о крови: ее не смогли смыть даже до похорон. Теперь мы все, и те, кто постарше нас, когда темно в коридоре, боимся ее и пугаем друг друга, неожиданно крича: «Тетя Аня идет! Покойница! Сейчас схватит!» Нам-то ничего. А вот Павла с Наташей жалко. Они хоть и старше нас, а без мамы им плохо. Хорошо, что Павел живет с мачехой, тетей Викторией, и ее маленьким сыном Сашей. Отец Павла привел их в

дом после смерти тети Ани. А сам вскоре угодил в тюрьму за растрату денег в ресторане, где был директором. Наташа же вышла замуж за Мишу, с нашего двора, и перешла жить к нему со второго этажа на первый. Они не дадут тете Виктории обижать Павку. Правда, Павел сам уже большой, работает где-то и здорово играет на баяне. Я слушал его, когда он играл во дворе ребятам. А тетя Виктория, мне кажется, хорошая мачеха. Она красивая и добрая: недавно угостила меня печеньем. И Сашка у нее неплохой: он тоже не жадный. Как-то дал нам с Гришанькой по две конфеты. Немного подрастет — с ним можно будет тоже играть, как и с Гришанькой, Борькой и Вадькой...»

Наконец с шумом открылась дверь и показался Олег: сначала, будто вырубленный из дерева, хрящеватый нос, а потом выпуклое, словно часть пузыря, брюшко. Он шел важной, медлительной походкой, подняв свой острый конопатый нос, по краям которого неподвижно покоились близко расположенные глазки желтовато-зеленого цвета. От его костюма «с иголочки» с двух шагов запахло духами, а от круглого розовощекого лица с веснушчатými крапинками несло сытостью и беззаботностью. Подойдя к улыбающемуся Юрию, он нехотя повернул в его сторону рыжую голову и, не глядя на него, снисходительно спросил:

— Ну, что, в школу пойдем, малый?

— Пойдем, — с радостью ответил Юра. — Я тебя давно жду. Не опоздаем ли мы? — спросил он тревожным голосом Олега.

— Не опоздаем, не торопись. Время еще есть, — спокойно ответил Олег Юрию, спешащему по лестнице вниз. — Я тоже когда-то торопился, а сейчас... Эх, почему короткое лето? — выйдя на солнечный двор, с сожалением промолвил он и вдруг, словно устыдясь своих слов, бодро сказал: — Ну, так знай, я в третьем «В» учусь, на втором этаже. Кто полезет — мне скажешь. Ясно?

— Ясно, — кивнул головой Юра и вспомнил, что вчера Олег при Борьке и Нинке обещал заступаться за него перед обидчиками, которых он не любил, о чем и сознался товарищам. А в школе, как рассказывал Олег, не обходится без драк.

По сравнению с Олегом Юра выглядел смешным: на нем были брезентовые туфли, длинные штанишки, перешитые вручную мамой из отцовских брюк, белая рубашка, подаренная тетей Аришей и состарившаяся, выгоревшая на солнце кепка, небрежно сидевшая на макушке соломенных коротеньких волос. Прямой нос на худощавом бледном лице, отчего карие глаза казались большеватыми, чуть оттопыренные в стороны уши, небольшой рот с розовато-блеклыми, пухлыми губами и пушлая фигурка делали его похожим на больного, страдающего малокровием старичка.

Стараясь не отставать от товарища, идущего размеренным уверенным шагом по чисто подметенным улицам, Юра, рассматривая их достопримечательности, не забывал при этом задавать вопросы

Олегу о школе, на которые чаще получал исчерпывающие ответы. Но очень скоро Олегу надоело отвечать любопытному первокласснику. Тяжко вздохнув, он вымолвил чуть ли не с печальной тоской:

— Ох, хватит о школе. Попрошу тебя. Надоест еще... И они пошли дальше молча.

Пройдя по улице Лобачевского, мимо энкаведевских продуктового и промтоварного магазинов, типографии, детского парка «Черное озеро» и Ленинского сада с еще зелеными деревьями и травой, красивых с лепкой домов, они по изгибающейся вправо горе вышли на улицу Чернышевского. Слева, через сад с памятником Лобачевскому и Центральной библиотекой, примыкавшей к нему, на противоположной стороне высился великолепнейший университет, чем-то похожий на здание авиационного института, а в конце длинной улицы, справа, виднелся величавый белый Кремль. Миновав магазин электротоваров, «пожарку», хлебный магазин, они оказались у школы. И вдруг их внимание привлек грохочущий одинокий трамвай без прицепа второго номера. Он мчался по рельсам посреди улицы от Кремля к университету. Так как на линии было мало вагонов, а ехать на работу и занятия было далеко и надо было не опоздать, все во что бы то ни стало старались попасть в трамвай. Поэтому пассажиры ехали не только в вагоне, на подножках, крыше, но и «гроздьями» висели вдоль боковых стен трамвая, держась за окна без единого стекла, как после бомбежки, стоя ногами на деревянных обрешетках, закрывающих снизу несущую металлическую раму. Посмотрев на высокое здание Верховного суда, расположенного напротив школы, Юра подумал: «Неужели и судьи ездят на работу таким же макаром? Например, Вадькина мать?...»

— Ну, чего остановился как вкопанный? Удивился трамваю? — словно оживившись, спросил Олег Юрия. — Покатаешься вместо уроков, как я, на подножках или «колбасе» (сцепке) и перестанешь удивляться, — хвастливо сказал он. — Пошли во двор школы, там уже, наверное, собрались люди.

На школьном дворе, больше похожем на сад, учащиеся начальных и средних классов галдели, смеялись, прыгали, играли, радовались встречам с товарищами. Ведь они не виделись целое лето. Все выглядело здесь по-праздничному, как и всегда в первый учебный день. Лишь старшеклассники вели себя при встречах солиднее и степеннее. Они с важным видом приветствовали подходивших к ним товарищей, скептически улыбаясь, пожимали друг другу руки и говорили: «Здравствуй!». А робкие первоклассники, столкнувшиеся впервые с непривычной для них обстановкой, молча и с уважением смотрели на школьников, чувствующих себя здесь по-домашнему легко и уверенно. Ни теплое осеннее солнце, весело ро-няющее свои яркие лучи на березки и клены, цветы и кустарники,

ни приветливые лица взрослых ребят, родителей и учителей, поглядывающих со вниманием на самых маленьких, ни большая, свежепобеленная в желтовато-светлый цвет двухэтажная Г-образная школа пока не радовали их. Они чувствовали себя еще здесь чужими.

Олег, сосредоточившись, окинул взглядом сузившихся глаз собравшуюся толпу, увидел одноклассников, посмотрел с горделивым видом на Юру и, ничего не сказав ему, устремился к ним.

— Смотрите, Каша пришел! О, он растолстел еще больше! — услышал Юра слова одного из одноклассников Олега, встретившего его веселыми, но не совсем приветливыми словами. — Сделаем из каши тюрю напу! — вызывая, прокричал он.

Мальчишки, глянув на Олега, озорно засмеялись, подскочили к нему, окружили и беззлобно начали тузить его пузатыми портфелями и сумками.

— Ну хватит вам! Ладно уж драться-то! — стал плаксиво просить он расхулиганившихся мальчишек. — Новый костюм запачкаете!..

Но мальчишки весело тузили его по спине и плечам, дружно крича: — Из каши сделаем тюрю напу! Из каши!..

Юра посмотрел с осуждением на палунов, разбежавшихся от ребят постарше, поспешивших на помощь к пострадавшему, понял, что Олег никакой не сильный, что он просто хвастунишка и надеяться на него, в смысле заступничества, нечего. Он отвернулся от него, хныкающего перед большими мальчишками, и быстро запугал к самым маленьким.

Зазвонил звонок в руках пожилой работницы школы. Учащиеся, находившиеся рядом со своими классными руководителями, смолкли, быстро построились в пары и торжественно пошли к крыльцу школы, высоко поглядывая на малышей. На дворе вскоре стихло.

Оставшихся первоклассников, столпившихся около учителей, начали вызывать по фамилиям и отделять друг от друга по классам А и Б. Одни шли к молоденькой учительнице, другие к пожилой. Мальчики с нетерпением поглядывали на высокую женщину, одетую в строгий черный костюм с белой кофтой и туфли-лодочки на высоких каблуках, выкликавшую их не по именам, а по непривычным фамилиям. Юра тоже ждал, но не услышал своей фамилии, хотя из всех ребят остался он один. Увидев обращенные на него недоумевающие лица учителей, родителей и ребят, он растерялся и чуть не заплакал. Он не мог понять того, что раз его в списках не оказалось, значит он записан не в эту школу, а в другую. Однако учителя не повели ребят в классы, а о чем-то поговорив между собой, подошли к нему. Женщина, выкликавшая фамилии, погладила Юру по спине и ласково спросила:

— Мальчик, как твоя фамилия и как тебя звать?

— Кардин Юра, — ответил он тихо.

— Юра, ты точно уверен, что мама записала тебя в эту школу?

— Да, точно. Я пришел сюда вместе с Капиным Олегом. Мы с ним живем в одном доме. Он учится здесь, в 3 «В» классе. Он вам может сказать, что я в этой школе должен учиться. Спросите его, — торопливо проговорил он.

— Что ж, раз Олег может сказать нам об этом, — улыбнулась женщина, — возьмите его, пожалуйста, в свой класс, Васса Дементьевна, — обратилась она к молоденькой учительнице, опрятно одетой в белую плотную кофточку, длинную черную юбку и такого же цвета туфли на низком каблучке. — До выяснения, — добавила она и, взяв легонько за плечо Юру, подвела его к ней.

Юра посмотрел на Вассу Дементьевну, ее приветливое лицо, и она показалась ему такой близкой, чем-то напоминающей Евгению Петровну, что он окончательно успокоился, встал в строй и пошел вместе с торжествующими, но еще настороженными ребятами к зданию школы. Подойдя к крыльцу, он вслух прочитал: «Мужская средняя школа № 24 имени В.П.Чкалова».

Учительница обратила внимание на читающего ученика и спросила:

— Так ты, Юра, читать умеешь?

— Умею. Нас в садике учили. — Это очень хорошо, — сказала учительница и стала рассматривать своих ребят, идущих по коридору школы, как бы заранее, — по виду оценивая их будущие способности.

Вот и класс. Желанные парты. Большая черная доска посреди не стены. Шкаф у окна. Учительский стол перед учащимися. Первый учебник и первый урок, после нового знакомства с фамилиями и именами ребят Васса Дементьевна проверяет подготовку и знания у тех, кто умеет читать и писать. Остальные рассматривают в букваре незнакомые знаки и картинки, по которым складываются слова и целые предложения, удивляются, слушая читающих. Среди четверых читающих, Юра, как выяснилось на этом же уроке, мог свободно писать слова, небольшие предложения и кое-что решать за курс первого класса, что обрадовало учительницу и в то же время, насторожило: будет ли ему интересно учиться в первом классе?

Первый урок мальчишкам показался коротким. Когда прозвенел звонок, никто из них не пошевелился и не заговорил. Все смотрели на учительницу и ждали: отпустит ли она их на перемену. Сидящая за столом Васса Дементьевна поднялась, обвела учащихся внимательными карими глазами, улыбнулась и мягко сказала:

— Перемена, урок закончен, дети. Вы сейчас можете отдохнуть, сходить в туалет на первом этаже, погулять по коридору,

покушать. А со звонком — снова в класс, на следующий урок, без опозданий.

В этот день у первоклассников было три урока. После их окончания, в класс пришла завуч, что вызывала по фамилиям учащихся во дворе, и, проверив знания у Юры, сказала:

— Тебе, голубчик, в первом классе делать нечего. А арифметику можно и подтянуть, если приложить старания. Скажи маме или папе, пусть зайдут в школу, чтоб нам решить, как быть с тобой.

Но Юра, привыкнув за три урока к ребятам и учительнице попросил ее:

— Пожалуйста, не надо переводить меня в другой класс. Я хочу учиться только в этом классе, — проговорил он плаксиво. — Маме говорили в садике, чтоб она меня отдала во второй класс. Но она, как и папа — он сейчас на войне — сказала, что я еще слабый здоровьем и успею поучиться во втором.

— Да-а, — с недоумением протянула завуч. — Хорошо, раз твои родители согласовали этот вопрос раньше — учись в первом. А жаль, — задумавшись, добавила она. — Посмотрим, что получится, — поглядела она на учительницу.

Из школы выбежала ватага мальчишек. На их лицах сияли улыбки, радость, веселье. Все казалось около них праздничным и веселым. И прохожие, поддавшись беспечно-светлому настроению детей, любовно глядя на них, сами улыбались и, возможно, вспоминали свои первые школьные годы.

— Счастливые, — сказал военный помолодевшему от улыбки старичку, — не ощущают войны. — И добавил с доброй грустью: — Еще совсем, совсем малыши, наверное, первоклассники.

Гомонящая группа ребятшек таяла на ходу. Одни жили у школы, другие чуть дальше. Вот и еще двое повернули в сторону улицы Дзержинского, направляясь к высокому серому дому. Юра остался один. Он старался идти по улицам города как можно важнее, с некоторой гордостью. Но это у него получалось довольно трудно: он спешил домой, во двор, где мог бы вдоволь наговориться со своими сверстниками о школе, о первом учебном дне и, конечно же, об учительнице.

Во дворе еще никого не было. «Обожду их. Скоро, наверное, придут», — подумал Юра и уселся на бревне, около своего сарая. И действительно, вскоре показались Борис с Ниной, которые шли рядом и о чем-то оживленно разговаривали. Они, увидев Юру, подошли к нему.

— Юрка, ты уже пришел?! Раньше нас?! Вот здорово! А мы тоже идем из школы! Как там интересно! Правда?! — спросил Борис с восхищением.

— Да, интересно, — ответил Юра и хотел рассказать, что ему там понравилось.

Но его перебил счастливый Боря:

— Ой, у нас и школа — большая, высокая и звонок звенит на урок и с урока на перемены! В перемену можно по всей школе ходить и даже во двор сбегать! Правда мальчишки из старших классов дразнятся: первыши-голыши, первоклашки-промокашки, — вдруг грустно прервал он свою бойкую речь. — Но ничего, мы скоро догоним старших, правда? — спросил он Юру и Нину и замолчал опечаленно.

— А у нас учительница старенькая, — воспользовавшись паузой, вступила в разговор Нина. — Она белая-пребелая, добренькая-предобренькая и очки носит. Анна Ивановна у всех спрашивала: где мы живем, и у меня тоже. А школа у нас...

Но тут ее прервал разговорчивый Боря и с ироническим задором протянул:

— Ну и школа, всего-то двухэтажная! Вот наша — трех! А у вас, — обратился он к Юре, — Олег говорил — четырехэтажная. Правда четырех?

— Нет, тоже двух. Он позабыл, наверное, — сказал Юра.

— Ну да, позабыл, — возразил Боря, — как бы не так. Он всегда хочет, чтобы у него все было лучше. Врал он нам вчера, чтоб и я пошел в его школу, — определил он и, помолчав, как бы припоминая что-то, сказал: — А тебя, Юрка, вызывала по списку наша Полина Аркадьевна, учительница моя. Она называла твою фамилию и имя, а я ей сказал, что ты пошел в «кашину» школу. Она обещала сегодня зайти к вам, — сообщил он. — Тебя мама записала в нашу школу, а ты поверил Олегу и пошел с ним. Эх ты, — с укоризной сказал он и предложил: — Переходи лучше в нашу, в одном классе учиться будем. Учительница у нас — во! — показал Боря сжатый кулак с вытянутым вверх большим пальцем. — Школа большая и высокая, на горе! Из окон видны улицы и трамвай второго номера. Они бегают с горы и в гору по улице Бутлерова. Интересно! Переходи, — уговаривал он товарища и вдруг замолчал, устремив свой быстрый взгляд в сторону улицы.

В воротах показалась с портфелем в руке нарядно одетая женщина.

— Учительница моя идет, — сказал тихо Боря и неожиданно громко позвал ее: — Полина Аркадьевна, идите к нам. Вот он — Юрка-то Кардин!

Учительница, услышав Борю, направилась к ним. Подойдя к детям, она внимательно посмотрела на них и поздоровалась певуче:

— Здравствуйте, ребята.

— Здравствуйте, — вразнобой ответили Нина и Юра, вставший с бревна. Учительница, посмотрев на смутившегося Юру, как можно мягче спросила его:

— Так это ты и есть — Кардин Юра?

— Да, я, — робко ответил он, словно чувствуя себя виноватым.

— Мама твоя дома?

— Нет, она на работе.

— А кто-нибудь из старших?

— У него никого нет, Полина Аркадьевна, — вмешался в разговор Боря. — Его старшая сестра, тетя Зоя, на фронте воюет, на самолете летает, отец без вести пропал на войне, а мать целыми днями в трамшарке работает.

— Вот как? — удивилась учительница и спросила: — Ты что же, Юра, сегодня в свою школу не приходил?

— Я был в школе, только в другой, — покраснев, ответил он. — Мне та школа очень понравилась.

— Даже понравилась? — удивилась снова учительница. — А разве в нашу школу ты не хочешь? Там твой товарищ учится, — посмотрела она на Борю.

— Не хочу. Извините, пожалуйста.

— Но почему же? Ведь тебя мама записала к нам. Ты просто сегодня ошибочно ходил в другую школу.

— Нет, не ошибочно. Не пойду я в нашу школу: туда дальше идти, — слукавил Юра, хотя он в ней никогда не был и не знал даже, где она находится. — Я уже привык к школе, в которую сам записался, — сознался он. — Мне понравилась Васса Дементьевна, учительница моя, — не по возрасту твердо сказал он, чем еще больше удивил Полину Аркадьевну, это было видно по ее опешившим глазам.

— Хорошо, хорошо, ты не волнуйся, — быстро пришла в себя Полина Аркадьевна и согласилась с взбудораженным Юрой: — Раз тебе понравилась Васса Дементьевна — учись в той школе. Васса Дементьевна — очень хорошая учительница. А твои документы мы перешлем к вам в школу, скажи маме. Кстати, какой номер вашей школы, ты знаешь? — спросила она.

— Средняя мужская школа № 24 имени Валерия Павловича Чкалова, — как можно подробнее ответил Юра.

— Вот и прекрасно, — записала Полина Аркадьевна адрес. — Это великолепная школа, — одобрила она и, прощаясь с детьми, с улыбкой сказала: — Желаю вам учиться только на отлично и вести себя примерно в школе.

Как только Полина Аркадьевна вышла за ворота на улицу, Нина повернулась к мальчикам и с восхищением сказала: .

— Какая учительница: вежливая и хорошая! Зря ты, Юрка, отказался у нее учиться.

— Ну и пускай, — вымолвил с трудом Юра. — Моя тоже вежливая, и тоже хорошая. И даже лучше, — похвалился он.

— Да уж, лучше, — недоверчиво протянул Борис, сморщив

толстоватые губы на своем продолговатом лице. — Лучше моей ни у кого, ни у кого на свете нет, если вы хотите знать! Вы видели ее — вот так! — похвастался и он. — Собственно, мне некогда с вами стоять, мне уроки надо делать, — вдруг заторопился он, словно боясь, что его переспорят, если разговор об учителях продолжится.

— И мне уроки надо делать, — будто вспомнила Нина и, поправив свою большую косу, часто привлекавшую мальчишек, гордо пошла следом за Борей. Они жили оба в подвальных квартирах, в семьях строгих староверов.

Юра пришел домой, бережно положил портфель на сундук и подошел к столу. Сняв крышку со сковородки, он увидел два блина. «Значит мама приходила с работы и испекла их, — понял он. — Но где она взяла муки, ведь она закончилась у нас?» — удивился он.

Помыв в коридорчике руки из умывальника, тщательно вытерев их своим отдельным полотенцем, Юра вновь прошел к столу, налил из холодного самовара кипяченую воду, достал из вазочки оставшуюся от пайка конфетку и начал кушать. Рассматривая уменьшающийся блин, он вспомнил дедушку, папиного отца, председателя колхоза, приезжавшего недавно из деревни.

Был дедушка у них летом, в воскресенье. Привез он тогда из деревни небольшой мешок муки и масло в глиняном горшочке. Вошел дедушка в комнату уже не той бодрой походкой, что была у него раньше, а устало ввалился через порог, свалил мешок у двери, отдал внуку, подбегавшему к нему, завернутый в платок горшочек, торопливо поцеловал его и, выдохнув тяжело, хрипло поздоровался:

— Здравствуйте теперь, — поправил он рукой седые усы и бороду. — Как живете-можете тут без Михаила-то? Есть ли письма от него и Зои? — разом спросил он у матери, прошел, тяжело ступая сапогами, в комнату и плюхнулся на сундук, вероятно, от усталости или старости. — Мне что-то они давно не пишут, — продолжил он. — Видно некогда там расписываться-то много: воюют. А сводка-то и нонче неутешительна: тяжелые, передают, бои идут, — сказал он. — Ну, это пока, — махнул небрежно он рукой, — поправимся. Как вы тут? — снова спросил он, посмотрев на мать слезящимися поблекшими глазами. — Рассказывай, Варвара.

— Да как, — невольно вздохнула мать, — живем вот. За нынешнее лето лишь два письма от Зои получили, а от Михаила — ни одного. Видимо, и правда им некогда писать, — сказала она.

— Как некогда, мама? — уставился на нее удивленным взглядом Юра. — Разве папа жив? — Он вскочил с сундука, где

сидел рядом с дедушкой, и подбегал к ней. — Откуда ты знаешь, что некогда? — настойчиво спрашивал он ее, растерянно смотревшую на взволнованного дедушку. И лишь потом понял по ее глазам, что она сказала неправду, чтоб не огорчать деда. Но было поздно.

— Ну-ка, Варя, говори правду: что с Михаилом?

Мать достала из настенного шкафчика извещение и молча подала дедушке. Он медленно, с трудом прочитал извещение и дрогнувшим голосом, проговорил:

— Вот и осиротели мы. Нету теперь нашего Мишеньки.

— Как это осиротели, папа? — ровным голосом спросила мама. — Пропал без вести — не значит, что погиб. Он живой, где-нибудь в окружении или на задании. Как выйдет к своим — обязательно письмо напишет. Не волнуйся, — пробовала она успокоить его.

Дедушка вроде бы успокоился тогда, но спросил:

— Нету ли, Варвара, у тебя чего-нибудь крепкого? Душу залить требуется. Ты уж не ругай меня, ослаб я что-то.

— Есть, папа, достала по случаю недавно, — обрадовалась мама и, чтоб как-то утешить его, полезла в посудный шкафчик. Достав сорокаградусную и два стаканчика, она поставила их перед дедушкой. — Наливай, я тоже с тобой за компанию выпью, — сказала она. — С тех пор, как проводили Мишу, в рот капли не брала. Некогда — все на работе да на работе, — говорила она, нарезая порыжевшую селедку, — да и не до праздников сейчас: первый раз за все лето отдыхаю. Повезло сегодня мне, папа, с тобой встретилась. Дай Бог не в последний, — подняла она стаканчик.

Дедушка выпил водку сразу, утер пышные усы и крикнул, но не закусил. А мама долго смотрела на спиртное и, наконец, сморщив нос, быстро выпила. Она взяла вилкой кусочек селедки, поднесла его ко рту и откусила немного.

Дедушка снова налил в стаканчик, выпил и опять не закусил.

— Что же ты, папа, без закуски пьешь? — встревожилась мама. — Пьяный же будешь.

— Тяжело мне, Варя. Не знаю — за живого пью Мишеньку или за мертвого. Но напиться хочу. Давно не пил, а сегодня хочу как следует, прости меня, выпить и отдохнуть от суеты, кроме всего прочего, — добавил он. — Посуди сама: в колхозе остались одни бабы, старики, вроде меня, да ребятишки. А план требуют не то что прежний, а увеличенный, чуть ли не на половину. Тут, конечно, ничего не скажешь: война все-таки. Многие плодородные земли остались под немцем, — напомнил он. — Но хоть жалею баб да мальцов, а покрикивать и на них начинаю. Самому неприятно, а что сделаешь? Требуют и с меня. Уставать стал. Видно ста-

рый я. А отдохнуть — некогда, — он снова выпил и в этот раз закусил. Мама смотрела на дедушку и ждала, что он еще расскажет о деревне, в которой она не была много лет. Съев селедку с кусочком хлеба, он снова заговорил:

— Я, Варя, еле вырвался к вам. Все недосуг. А тут подвезло: попутка мимо нас шла в город. Дай, думаю, мучки привезу. За трудодни осталась, — сказал он просто, без радости. — И вот приехал, потому что знаю — трудно сейчас в городе. Теперь не знаю, когда снова буду: работы неуворот. Самому все приходится делать. И считать, и подсчитывать, и в поле работать: специалисты-то на фронте. А не забудь, Варя, людей выслушивать тоже надо; где помочь делом, а где и советом. Так вот и приходится вертеться день-деньской, как белке в колесе. Не заметишь, как сутки прочь. А что поделаешь: не поработаешь — не поешь, а не поешь — не победишь. Мы, нонче, для фронта все должны без усталы работать. Не так ли, Варвара? — спросил он маму.

— Так-то так, — согласилась мама с дедушкой, — только войне конца и края нет. Устали все, терпим как можем, а она — не кончается проклятая.

— Ничего, Варя, стерпим как-нибудь. Все равно она закончится в нашу пользу, — сказал он маме как можно спокойнее. — Недаром после разгрома фашистов под Москвой у нас теперь, как слышно, объявились союзнички, в бога мать их, — пьяно ругнулся дедушка, чего за ним ранее не замечалось.

— Ладно, ладно, папа, — испугалась тогда мама. — Все ж так о них не говори. За это не погладят. А они, как ни говори, американцы-то, помогают нам иногда. В магазинах нам отоваривают по карточкам их рулет, сгущенное молоко, яичный порошок.

— Вот-вот, — проговорил дедушка, уставясь помутневшими глазами на мать, — порошком и сгущенкой кормят да словами. А наши головы кладут, спасая их, да чего там говорить — весь мир от фашизма. Где их помощь в натуральном виде, оружием? Где их второй фронт? — гневно спрашивал он.

— Да ну тебя, папа. Совсем ты пьяный стал. Говоришь, сам не знаешь чего, — сказала опять испуганно мать. — Давай, ложись-ка спать на Юрину кровать. Мы с ним ляжем. Она расстелила постель и подвела к ней деда. Сняв с него сапоги, она подняла его ноги на кровать и сказала: — Поспишь немного, тебе легче будет.

Дедушка похрапывал немного, поворочался, поговорил еще о чем-то и вскоре уснул. А утром, когда проснулся Юра, дедушки уже не было. Не было и мамы. Она ушла на работу, а дедушка уехал домой, беспокоясь за колхозное крестьянское дело, у которого, по его словам, не было ни конца, ни края, особенно в летнее время.

Юра раньше мало виделся с дедом. Можно по пальцам перес-

читать — сколько раз он приезжал из деревни в город на несколько часов. И то в эти дни Юра чаще был в детском саду и узнавал о его приездах по деревенским гостинцам. Когда отец приезжал в последний раз с фронта, они с мамой говорили о бабушке, Юра слышал сквозь сон, о том, что «пока у него все хорошо и беспокоить его зазря нечего». Но видно теперь у деда не все так ладно. Уж очень больным он выглядел, усталым.

* * *

Прошли первые учебные месяцы. Скучная осень сменилась ранней зимой. Природа быстро заменила надоевший всем дождь снегом, который сразу покрыл все дороги, дворы, крыши домов, сараев и сады единым белым покрывалом. Празднично нарядный город готовился к двадцать пятой годовщине Великого Октября. Повсюду вывешивались портреты вождей, флаги, плакаты и транспаранты. На площади Свободы, рядом с институтом, протянувшимся на весь квартал, к удивлению и радости всех жителей Казани выставили плененные, неповрежденные немецкие танки, бронетранспортеры, пушки и самолеты для всеобщего обозрения. Возле них стояли или ходили в зимнем обмундировании brave солдаты и офицеры, окруженные, в основном, детворой. Встречались здесь и немногочисленные взрослые, идущие с работы или на работу, сбегавшие с лекций студенты, учащиеся техникумов и ФЗО. Еще бы, разве можно пропустить такое неожиданное зрелище: боевая грозная техника «непобедимой германской армии», как она похвалялась, стоит усмиренная в их городе. А молоденький солдат с озорной улыбкой и красным орденом, выглядывающим из-под распахнутой шинели, с удовольствием поглаживая жидкие пшеничные усы под курносеньким носом, радостно объясняет собравшимся около него, показывая на танки:

— Граждане, эта немецкая техника взята нами на одном из участков Брянского фронта! После поражения их под Москвой, фашист стал не тот! Например: на нашем направлении он больше отсиживается, чем воюет! Ну, а мы пока потихоньку его тревожим и забираем у него то, что плохо валяется, вернее, охраняется! — улыбаясь, пояснил он. — Этот танк, вместе с шестью другими, был взят нами при вылазке, целью которой была разведка боем! А как известно — бой боем, но трофеи забрать не забудь! Вот мы и забрали у сонных, теперь навсегда, гансов и фрицев семь танков.

Довольные слушатели посмеивались веселому непринужденному рассказу солдата-танкиста и задавали ему вопросы.

— Страшны ли фашистские танки нашему солдату и поддаются ли они снарядам наших танков? — спросил пожилой рабочий.

— Да не так уж и страшны. Наши тридцатьчетверки их дырявят почем зря, как мыло спичкой! — добавил с шуткой танкист. — Да мы-то бьем их — нам положено! А вот пехота — царица полей бьет их танки, так это, я вам скажу, совсем срамota для немца! Одна — две гранаты или пара бутылок с горючкой — и нет танка! Иной раз приедешь на поле боя, посмотришь вокруг — пекутся немцы! Просто зло берет: опять пехота отбила у нас работу! — посмеивается танкист. — Но мы не в обиде на пешую братию: делаем-то общее дело!

Юра, посидев на холодном танке с вездесущими мальчишками, очистившими его от снега своими брюками и пальто, послушав веселый рассказ боевого солдата, перешел к желтобрюхому «юнкерсу», чтоб рассмотреть его вблизи, а может быть, если удастся, и влезть в него, или хотя бы на него. Он подошел к самолету и взялся было руками за заднее крыло, собираясь незаметно взобраться на него, но его остановил негромкий окрик солдата:

— Куда полез, постреленок? Выставку сломать хочешь? Нельзя, — погрозил он шутя пальцем. — Смотри со стороны, а лезть не надо. — Добродушный солдат сгонял всех мальчишек, пытавшихся оседлать немецкий бомбардировщик. Он спокойным голосом уговаривал ребят:

— Куда ж вы лезете, чертяки? Сломаете ж самолет. А его должно хватить до конца выставки. После праздника закончится выставка — приходите. Так и быть, кто будет слушаться, разрешу посидеть в кабине. Идите-ка пока вон к тому «мессеру» и послушайте, о чем рассказывает наш капитан.

Но и там их близко к боевому фашистскому самолету не подпускал солдат с автоматом. И Юра устремился вместе с мальчишками к бронетранспортеру. Около него кто-то схватил его за рукав пальто. Обернувшись, Юра увидел одноклассника Володю Польского.

— Ты куда торопишься? — спросил Володя. — Не успел еще все рассмотреть? Успеешь. Они еще долго будут стоять, а нам в школу пора. На утренник опоздаем, — с тревогой сказал он. — Бежим, что ли?

— Бежим, — ответил Юра и они, оставив выставку до следующего раза, поспешили в школу.

На утреннике первоклассников приняли в октябрюта, Васса Деметьевна рассказала им об Октябре, о Ленине и его соратниках, потом им показали интересную кинокартину «Человек с ружьем». Завершился утренник праздничным угощением, состоящим из картофельного пюре с кусочком свиного сала. После этого довольные октябрюта разбежались по домам.

Зимние игры. «Славный парнишка» — сволочь. Болезнь. Свет не без добрых людей

Через несколько дней снегопад прекратился. Наступили морозные безветренные дни. В парках и садах лежал глубокий снег, а на улицах города образовались громадные сугробы. Дворникам приходилось очень много работать, чтоб содержать в порядке свои участки. Теперь снег вывозили на лошадях и машинах только весной, когда на улицах начинало таять, а до оттепели он лежал огромными, аккуратно утрамбованными кучами по обочинам тротуаров или дорог. Транспорта не хватало. Он, в основном, был на фронте.

Сугробы часто разрушались распалившимися мальчишками. Вот и сейчас из двух домов, расположенных напротив друг друга по улице, заранее договорившись о времени, выскочили с криком мальчишки и вскарабкались на высокий сугроб. Маленькие стали с него прыгать вниз «солдатиком», крича боевое «Ура!» и еще что-то нечленораздельное, а постарше — «двор на двор» — начали яростно сталкивать с высоты друг друга, играя в захватывающую азартную войну «Кто сегодня займет крепость?» Снег забивался им в валенки, проникал за шиворот пальто и в рукава, но мальчишки, чуть освободившись от полурастаявших комков, снова и снова лезли на приступ сползающей вниз крепости. Увлечшись игрой, они не обращали внимания на прохожих, обходивших озорников стороной. Только когда кто-нибудь из взрослых останавливался и ругал ребят за разрушение красиво утрамбованных дворником снежных пирамид и трапедий, они прекращали бой и прятались за сугробы со стороны дороги. Но стоило только рассерженному прохожему уйти, как мальчишки снова вступали в борьбу за овладение высотой.

Обидно было Юре, когда победителями оказывались ребята-подростки из «банного» двора, их двор соседствовал с высокой стеной городской бани. Они брали числом и не мудрено: у них во дворе более ста квартир, а следовательно, и людей больше. А в Юрином — всего двадцать две. Но, несмотря на это, если выходил на бой Иван, старший брат Бори, победителями становились не «банщики». Он, оглядевшись по сторонам, как метеор, врывается в кучу сражающихся на высоте и, быстро раскидав по обеим сторонам с «крепости» соперников, довольный уходит домой или на занятия в техникум. Еще бы — он был самым сильным из ребят его возраста с обоих дворов, потому что никто из них больше Ивана не мог поднять гирю-двухпудовку, обогнать его в беге на коньках и лыжах, отжаться на руках от земли. «Эх, вот бы стать таким же сильным, как Иван, — думал Юра, наблюдая с гордостью за его победами. — Тогда бы и меня уважали все ребята, как и его. Надо и мне заняться физкультурой, чтоб быстрее подрасти и стать силь-

ным, как он». Наигравшись, ребята приносили из дома лопаты и дружно восстанавливали разрушенные сугробы, зная, что иначе дворник — дедушка Игнатий, которому когда-то и кто-то дал прозвище «Дед Мороз» за его густые, седые бороду, усы и волосы на голове, возвышающиеся великолепной копной, будет обязательно ругаться, а возможно, как прежде, и пожалуется родителям. Не жаловался никогда Дед Мороз лишь на Кашина Олега. Он ставил его всегда в пример всем ребятам со двора и говорил:

— Вот Олег славным парнишкой растет. Его не слышно и не видно. Всегда спокойный и интеллигентный. Не то что вы, черти-идолы, смотреть на вас тошно. Он не лазит по крышам сараев и не играет, как вы, в бесовские игры, а выйдет, посмотрит и снова домой. Вот с него и берите пример.

Но ребятам такой образ жизни не нравился. Они не хотели тихо жить и что-нибудь да вытворяли. А Олег, было видно по его глазам, завидовал их бесконечным играм и даже пытался присоединиться к ним. Но каждый раз зоркий глаз и резкий тягучий голос его матери, раздававшийся из окна общего коридора на втором этаже, выходящего во двор, останавливал его.

— Олежек, домой! Новые пальто и брюки порвешь! — кричала она из постоянно выбранного ею «наблюдательного пункта», если он пытался залезть на крышу сарая. — Олежек, не пинай мяч! Сдерешь носки у теплых ботинок! Олежек, не играй в снежки! Не мочи одежду и шапку: греть не будут! Давай, иди уже домой! — останавливала его она, если видела, как он собирает шерстяными варежками снежный комок. Но стоило Олегу чуть послушаться мать, как она поднимала такой крик-вой, что становилось всем тошно, кто находился с ее сыном рядом. Обычно она заканчивала свой зов гневной тирадой: — Олежек! Олег! Олежка окаянный, погулял и хватит!

И Олежка, понурясь, послушно шел домой, а мать, встречая его наверху в коридоре, внушительно говорила ему, не стесняясь соседок:

— Ты не смотри на дворовую пантрапу: им нечего жалеть свои лохмотья! Не забывай того, что ты не чета им! Ты — сын порядочных родителей! Я ж тебе разрешаю играть с Вадимом Шопиным. У него мать — адвокат. Понятно?

— Понятно. Но он не хочет со мной играть. Он всегда занят уроками...

Кашины считались в доме чуть ли не самыми богатыми. Отец Олега, МIRON Карпович, до призыва в Красную Армию, в связи с войной, ревизировал столовые и рестораны города, а мать, Галина Ивановна, шила на дому юбки и платья состоятельным клиенткам, зарабатывая нешлюхие деньги.

Как-то Юра спросил у своей матери:

— Мама, а почему к Кашиным ходит много женщин?

— Ходят — значит надо, — получил он сердитый ответ уставшей после работы матери. — И ты не суй своего носа куда не следует. Понял? — спросила она. — Иначе Галина Ивановна поднимет такой скандал на весь дом, что и чертям станет тошно. Она не всех любит жильцов во дворе. Этому она учит и своего сына. Лучше подальше держаться от них, — посоветовала она.

Однако Юра, заинтересовавшись походами женщин к Капшным, узнал от товарищей со двора, что они ходят к Галине Ивановне шить наряды тайком потому, что опасаются какого-то фининспектора. Поэтому-то мать Олега не всех соседей жалует и ему не разрешает кого-то приводить к себе домой. Правда, к Олегу в квартиру никто и не стремился, особенно после случая, который возмутил и старших, и младших ребят со двора.

Случилось это перед Новым годом. Олег вышел во двор с куском дымящегося, аппетитного пирога и подошел к катающимся на фанерках с самодельной ледяной горки ребятам. Мальчишки, увидев его с пирогом в руке, перестали кататься и, уставя на него свои голодные глаза, старались угадать по его смачно жующему рту и довольному лицу: даст ли он им попробовать вкусно пахнувшего пирога, если попросить у него «малость». Просьба «дай малость» за время войны стала привычной у изголодавшихся ребят, «растущих и здоревеющих» на скудном продуктовом пайке, которого им всегда не хватало. Были и привычными слова «сам хочу», на которые никто не обижался, потому что они значили, что кушающий сам чересчур голоден.

По помутневшим от еды жадным глазам Олега некоторые мальчишки и девчонки поняли — не даст, и убежали домой, возможно, вспомнив о кусочке хлеба, оставшегося от трехсотграммового пайка. Другие же, не сумев перебороть в себе желания полакомиться, стояли и ждали: кто первым из них попросит пирога.

Не выдержав, Юра, в надежде на то, что они с Олегом все-таки учатся в одной школе, тихо попросил:

— Олег, дай малость пирога попробовать?

Но тот даже головы не повернул в его сторону и продолжал невозмутимо жевать, громко причмокивая толстыми губами.

Стоявший рядом маленький Рафаэль, переехавший недавно с матерью и сестренкой в маленькое подвальное помещение у ворот дома, тоже попросил:

— Олежека, ты чо, глухой, што ли? Дай малость пробать пирога? Охота ведь тоже нам.

— Дай, охота нам, — с ухмылкой передразнил Рафаэля Олег.

— Всем охота, — слащаво протянул он, посмотрев на уменьшившийся кусок. — Только на всю вашу шантрапу, рвань голопузую, разве напасешься пирогов, да еще с мясом, — дразня ребятшек, добавил он.

— Ты тогда не давай всем, дай мне. Немножко. Я сегодня ничего не кушал, — стал опять просить голодный Рафаэль.

— Ну, разве немножко. Можно дать, — раздобылся вдруг Олег и, отщипнув двумя кончиками пальцев корочку от пирога, кинул ее на снег. — Нате, жрите! — сказал он презрительно то ли Рафаэлю, то ли всем ребятам, стоящим около него.

Рафаэль быстро нагнулся, схватил корочку, моментально проглотил ее и стал ждать: может быть, еще даст. И действительно, «расщедрившийся» Олег начал отщипывать по кусочку от остатков пирога и бросать их между ребятами,

— Нате, жрите — потешался он и радостно кричал: — Пользуйтесь моей добротой! Ловите!..

Вытаращив в недоумении от злости потемневшие глаза на Олега, Юра с тоскливой обидой думал: «Вот гад. Хуже фаписта. Жаль, что я маленький. Дал бы ему по толстой харе как следует, чтоб не издевался... Ну, погоди. Я вырасту...»

Голодные ребята, ползая по снегу, подбирали брошенные кусочки и, торопясь, глотали их. А Олег, после каждого броска хватаясь за большой живот обеими руками, смотрел на них сверху и весело хохотал. Из его сузившихся желто-зеленых глазенок лились слезы радости. Он чувствовал себя в эти минуты необыкновенно счастливым, гордым, сильным и, возможно, мстил им за то, что стоял всегда в стороне во время ребячьих игр, за то, что мальчишки, увлекшись игрой, не замечали его и никогда не разговаривали с ним в это время.

Но издевательской радости Олега пришел неожиданный конец: счастливый смех сменился громким воплем. Это Дед Мороз, увидев, что вытворяет его любимец, огрел Олега метлой. Он шел в сарай после уборки выпавшего снега на улице.

— А-а! — заорал испуганно Олег. — Ма-а-ма! — с воплем побежал он домой.

А Дед Мороз зачем-то стал оправдываться перед ребятами:

— Вот ведь как в жизни бывает: я думал — он порядочный. А оказывается, сволочь. Никак не думал, что он может так подлизываться...

Выскочившая во двор в ватной телогрейке (мечте всех ребят) Капина, вытаращив в злобе маленькие глазенки, широко открыв большущий рот с крупными, редкими, пожелтевшими зубами, своим резким криком ошеломила мальчишек и Деда Мороза.

— А-а, старый хрыч — детей обижать?! Да я в милицию пойду и заявлю: там тебе бока пообломают! Как смел ты обижать сына фронтовика?! Да знаешь ли, кем служит мой муж?! Он не простой солдат, а штабной писарь! — гордо прокричала она. — Да я тебя сгною!..

Ощерившийся дедушка Игнатий, державший на весу метлу, сначала опешил от громового крика и потока слов наступающей

на него со сжатыми кулаками Галины Ивановны. Но увидев сочувствующие взгляды мальчишек, исподтишка передразнивающих Капину, осмелел и, выставив черенком вперед метлу, как ружье, остановил ее своим рассерженным зычным басом:

— Да не ори ты, псих-дура! Соседей постесняйся! И не позорь моих седин! Спервоначально узнай, за что я погладил по заду метлой твоего недотрогу! Тогда и сама ему добавишь. А жаловаться и угрожать? Так мы тоже можем. Фининспектора давно чуют, чем ты промышляешь. Недавно спрашивали о тебе.

Тут же Капина смолкла и, продолжая открывать рот, побежала домой. Она раздумала портить отношения с дедом Игнатием, вспомнив, что он частенько видит ее на базаре, торгующей перепитыми вещами.

Не ограничиваясь заказами клиенток, Галина Ивановна покупала поношенные вещи у голодающих граждан и, сделав им необходимый ремонт или перелицовку, продавала их, имея от этого промысла немалую выручку. Ее семья, кормясь с базара, не испытывала недостатка в еде, как многие другие семьи. Такая жизнь Галине Ивановне нравилась и она боялась того, что кто-то вмешается в ее привычную, обеспеченную жизнь.

* * *

Война продолжалась. Все, кто мог носить шинель, находились на передовой, остальные работали, учились или просто росли.

Почти все дети виделись со своими родителями поздно вечером. Поздно приходила с работы и Юрина мама, если не работала в ночную смену. Она готовила неизменный картофельный суп с клецками, который они ели в ужин, в завтрак, а если хватало, то и в обед. Поев, Варвара Лукинична, обычно, спросив об учебе сына, ложилась спать, а Юра, по обыкновению, садился читать книги. Любил он читать все, что попадало ему под руку: и библиотечные книги, и книги старшей сестры, и те, которые ему давали почитать товарищи. Из книг он узнавал не только что-нибудь новое, они помогали ему проводить бесстрашнее ночи, когда мать работала в ночную смену. Однажды, роясь в шкафу, Юра нашел еще одну непрочитанную книгу сестры со странным названием «Робинзон Крузо». Он хотел было отложить ее в сторону, но вспомнил, что все книги, имеющиеся на сегодня дома, — прочитаны. Ему ничего не оставалось, как взять эту книгу с собой в кровать и, накрывшись одеялом до шеи, чтоб не мерзнуть, читать.

Прочитав несколько страниц, Юра увлекся интереснейшей книгой и не заметил, как прочитал почти половину. Давно пора спать, чтоб не опоздать утром в школу. Но нет, ему все хочется больше и больше узнать о бедном Робинзоне! И вот... «Какой ужас! Как

страшно! Человеческий след на необитаемом острове! А теперь и человеческие кости у костра!» У Юры вся эта пугающая картина вмиг пронеслась в голове. Он сам ощутил себя Робинзоном и почувствовал, как холодная дрожь, охватила его всего, а на голове, зашевелившись, волосы встали дыбом. От испуга Юра с головой нырнул под одеяло, приказывая себе: «Спать, скорее спать». Но ему еще долго казалось, что нехорошие люди, дикари или разбойники, подходят к его кровати, скрипя половицами. Стало жарко. Он чуть не закричал и ничего не соображая от страха, машинально откинув одеяло, увидел, что никого нет. По-прежнему горит лампочка, которую он не выключил, вещи стоят на своих местах и он один в холодной, нетопленной комнате.

На другой день, проснувшись поздно, Юра удивился: «Почему мама дома, а не на работе? Почему она меня не разбудила в школу, ведь на дворе уже светло?»

Он хотел вскочить с кровати, но сильный кашель остановил его. И тут Юра почувствовал, будто что-то тяжелое навалилось на него, толкнуло сильно в голову и все закружилось перед глазами.

Очнулся Юра от прикосновения маминой руки. Открыв глаза, он увидел сидящего рядом старенького, одетого в белый халат доктора и стоящую около кровати мать. Как бы издалека он услышал:

— Сильная простуда. Воспаление легких. Немедленно везите в больницу. На карету скорой помощи не надейтесь. Они, в основном, все на фронте. Вот направление.

Через некоторое время Юра чувствует, как мать его, такого большого, заворачивает в ватное одеяло, выносит на улицу, сажает в салазки и куда-то везет.

В больнице тяжело больного ребенка приняли врач и няня. Они переодели его в больничную одежду и унесли на носилках в палату. Вскоре врач возвратилась, заполнила карточку на больного и сказала Варваре Лукиничне:

— Все, милая, все, идите домой. Вашего сына положили в третью палату. Не беспокойтесь о нем. Все будет хорошо.

Но Варвара Лукинична медлила с уходом и, прежде чем уйти, стала просить врача:

— Один он у меня остался. Спасите его, доктор. Я не смогу приходить к нему часто — целыми днями иногда работаю. Пожалуйста, посмотрите за ним получше.

В слова — пожалуйста и получше — мать вложила все свое переживание и любовь к больному сыну. Врач поняла ее и успокоила:

— Не беспокойтесь за Юру. Лекарства у нас есть, больница хорошая, здоров будет ваш сын, не волнуйтесь. Не забудьте, пожалуйста, принести на него продуктовые карточки, — напомнила она.

Прошло две недели. Юра почувствовал себя лучше: стало меньше кашля, появился аппетит, лишь иногда кружилась голова, да ноги при ходьбе еще дрожали. Но «главная опасность позади», как говорила лечащий врач Анна Тимофеевна студентам-практикантам из медицинского института, когда они проверяли состояние здоровья и у Юры, «кризисное положение миновало».

В больнице было хорошо. Здесь, как и в детском саду, кормили завтраками, обедами и ужинами. Еда была разнообразной и очень вкусной. Дополнительно больным ежедневно давали и горячее молоко: «Но это не то, что у нашей соседки Анны Герасимовны, — вспомнил Юра ее. — Она всегда нам раньше приносила вкусное молоко, топленое. А сейчас ей самой трудно, корова мало дает молока зимой. И то ей приходится продавать его и прикупать еду на базаре, потому что она старенькая и нигде не работает. А не работающим дают какие-то иждивенческие продуктовые карточки, на которые трудно прожить, — вспомнил Юра мамины слова». Скучая по маме, дому, улице, товарищам и школе, он иногда отказывался от чего-нибудь из еды. Но его медсестры и няни заставляли силой съедать все, «чтоб быстрее поправиться», как говорили они. Юра еще не знал того, что в городе стало тяжелее с питанием. Однако догадывался об этом по разговорам больных, прибывших в больницу недавно.

— Мы здесь как паны живем: три раза горячее получаем. Не то что дома, где мечтаешь хоть иногда разок горяченького супца хлебнуть. Цены на базаре растут неимоверно. А тут ожиреть можно запросто с такой еды, — говорил молоденький монтер Володя, доставленный сюда недели полторы назад в тяжелом состоянии. Он упал с электрического столба, отбив себе легкие.

— Ну да, куда там ожиреть? — бурчал всегда при этих словах его сосед: полный не по годам парень лет шестнадцати. — А вообще-то пища здесь ничего. Я бы согласился тут полежать месяца два, отоспаться. Бывало, стоишь за станком и мечтаешь: поспать бы часов десять подряд, хотя бы раз в неделю. Теперь вот, пожалуйста, сплю, даже надоело, — сказал он без пафоса.

— Ваня, а ты чем заболел? — спросил Володя полного парня.

— Да ничем, — ответил Ваня, — Закончил работу, пошел домой и упал по дороге в снег. Оказался здесь, — улыбнулся он, как бы выражая этим свое недоумение. — Врачи всегда что-нибудь найдут. Надо же им кого-то лечить. Вот и меня лечат. Прошусь, чтоб отпустили домой, не пускают. — Говорят: подлечим немного — отпустим. — Тоже, нашли больного, — сказал недовольно он. — Вон, мальчишка-ленинградец, которого сегодня перевезли из коридора в палату, — кивнул он тихонько на лежащего в углу мальчика лет восьми, — действительно больной. И мать, его, что

пришла к нему, я вижу, больна. Их надо лечить. Изголодались они там, намерзлись.

Ленинградец Витя расспрашивал сидящую на его кровати молодую, такую же худенькую, как он, с синевой под глазами, мать:

— Мама, напи еще не наступают? Как Ленинград, все еще в блокаде?

— Да, сынок, пока в блокаде. Но еще немножко и освободят наш город. К твоему выздоровлению все будет хорошо, — успокаивала она его.

Но сын, как бы вспомнив что-то страшное, испуганно и торопливо стал говорить:

— Мама, здесь хорошо, не бывает бомбежек. Есть хлеб, суп, чай, масло, — а затем сказал уже помедленнее и с сожалением, — нет только мишки моего. Но это ничего, я уже большим стал, — уверенно сказал он, словно веря в то, что пережитое им в блокадном Ленинграде дает ему право говорить о себе, как о взрослом.

Палата, где лежали Витя и Юра, была предназначена для взрослых больных. Но ввиду того, что детские больницы оказались особенно переполненными больными детьми, некоторых из них помещали в палаты для подростков и взрослых, где не было игрушек. Детям это даже нравилось: взрослые уделяли им здесь такое внимание, какого они не встречали и дома. Старшие учили их играть в шашки, шахматы, читали и рассказывали им сказки, делились сладостями.

Услышав про мишку, о котором вспомнил Витя, Ваня, когда ушла мать мальчика, сходил в детские палаты больницы, примыкающей к взрослой, и выпросил там для него огромного, коричневого, с оторванным ухом медведя. Вытянув его на руках, он поднес его к мальчику и, улыбаясь во весь широкий рот, сказал:

— На вот, Витя, играй, тебе его дали до самого выздоровления.

Витя обрадовался и впервые за все время нахождения в больнице засмеялся, прижав мишку к груди. Потом он положил его рядом с собой, накрыл одеялом и, закрыв глаза, ласково проговорил:

— Спи, мишенька, глазки закрой. Тебя ведь не убило, а только ушко оторвало. Здесь вылечат тебя и дадут покупать...

К вечеру хватились Вани. Но его нигде не нашли. Он сбежал из больницы. Узнали об этом по спрятанному под матрац халату, куда были завернуты и остальные больничные вещи, и по записке. В ней Ваня извинялся перед медперсоналом за побег и доставленное беспокойство. В конце записки он сообщил, что к нему пришли друзья с одеждой и он ушел домой, потому что считает себя здоровым, готовым на ударную работу ради победы, и благодарит всех за внимание и ласку.

В марте выписали из больницы Юру. Выйдя на улицу, он был ослеплен яркими, весенними лучами солнца и долго не мог открыть глаза: в них светились летающие в темноте ярко-красные пятна. Затем они исчезли и на смену им понеслись серебристые искры.

— А ты не сразу открывай глаза и моргай ими почаще. Эдак-то лучше привыкнешь к солнцу, — заметила добрая старушка няня Шура, посланная врачом проводить домой Юру. — Солнце и воздух тебе сейчас обязательно нужны. Это лучшие лекарства после больничных запахов и душных палат. Но сразу помногу не гуляй, — говорила она уже идущему рядом с ней, оправившемуся от весенних лучей Юре. — Слабый еще ты. Как врач сказала, так и делай: два дня совсем не ходи в школу, спать ложись пораньше, поменьше читай и режим соблюдай, — внушительно напутствовала она..

— Няня Шура, а почему за мной не пришла мама? Вы не знаете? — вдруг перебил он ее.

— Звонили твоей маме на работу, но ее начальник сказал, что не может ее отпустить. Одна она работает в смене, а другая придет только к вечеру. Он сообщил: людей не хватает в трампарке, каждый человек на счету, — рассказала она Юре о том, что знала. — Да ты не волнуйся: свет — не без добрых людей. Оставлю тебя у соседей, а к вечеру и твоя мама придет, — успокоила она его.

— А вдруг соседей никого не будет дома? — спросил ее настороженно Юра.

— Тогда вернемся в больницу. Вечером пойдешь домой, с мамой, — ответила она. — Только вечером, вот беда, подмораживает, а тебе еще нельзя сразу выходить на холод. В случае чего — переночуешь ночку в больнице, — сказала она, — но не в своей уже палате. Видишь ли, милый, какое дело: эвакуированных детей сегодня привезут. Лечить многих будут. А ты уже выздоровел и коечку твою должен будет занять другой больной мальчик. Понял? — спросила она Юру и подняла ему воротник теплого халата.

Юра шел по улицам города и осматривал соскучившимся жадным взглядом людей, спешащих по своим делам, обращал внимание на мчащиеся трамваи и редкие машины, на съезжившиеся, потемневшие от ярких лучей сугробы, на падающие с крыш и водосточных труб крупные капли от тающего снега, смачивающих вокруг себя затвердевший за зиму лед, образуя на нем глубокие, ноздреватые ямки. Проходя мимо недостроенного театра, строительство которого было временно приостановлено из-за войны, Юра сказал радостно няне, показывая вперед рукой:

— Няня Шура, смотрите, мой дом показался! Я там живу! Сейчас мы подойдем к нему и вы увидите его!

— Хорошо, хорошо, милый, давай показывай, где ты живешь, — вторила ему певучим голосом няня.

— Мы живем на втором этаже. Вот сюда нам, — показал он на открытые деревянные ворота и, забежая вперед, устремился в глубину заснеженного двора. Во дворе никого не было. По ступенькам они поднялись на второй этаж и ступили в общий коридор. — А вот и квартира наша, — остановился Юра перед дверью, закрытой на замок, и вспомнив, что мама на работе, опечалился.

Открылась соседняя дверь и оттуда выглянула тетя Маша, Грипина и Сапина мать.

— Хозяйки нет дома. Она только к вечеру придет, — сообщила она.

— Тетя Маша, — бросился к ней Юра, — а меня вы не узнаете? Это я, Юра!

— Почему не узнаю. Узнала. Поправился только ты на казенных харчах, да вытянулся немного, — с одобрением сказала она и пригласила их к себе, зазывающе махнув рукой. — Заходите, у меня дождетесь, пока придет с работы его мама. Я уже на сегодня отработалась. В два часа пришла и дров успела наколоть для печки. Сейчас затоплю, теплее будет, — пообещала она.

— Тетя Маша, а Гриша еще в садике? — спросил Юра, усевшийся на сундук около няни.

— В садике, — ответила тетя Маша. — скоро придет — играть будете.

— Вот и хорошо, — сказала молчавшая до сих пор няня. — Идти мне пора. Спасибо вам, хозяйка, что согласились взять его к себе до прихода матери. Хотела было попросить вас сама об этом, да избавили вы меня от такой неловкости.

— Да чего уж там благодарить. Соседи же, — сказала тетя Маша.

— А не найдется ли у вас, любезная, какой-нибудь одежды для Юры? Больничную я должна отнести обратно, — извиняющимся тоном сказала няня.

— Сейчас, посмотрю, кажется, есть какие-то брюки старшего. Младшего ему не подойдут. — Повозившись с минуту за перегородкой, где стоял шкаф, тетя Маша достала старенькие брюки и телогрейку и, подавая их Юре, сказала: — Пока в комнате холодно. В телогрейке теплее будет. На-ка, накинй.

Няня Шура завернула одежду в узел, взяла его в одну руку, а галоши в другую, еще раз поблагодарила хозяйку за теплый прием и вырuchку и, прощаясь, сообщила:

— Ленинградских детей сегодня встречаем, потому и тороплюсь. Извините, что и поговорить-то не пришлось толком.

Тетя Мапа, закрыв за няней дверь, обернулась к Юре, усевшемуся перед этажеркой с книгами, и спросила его:

— Что ж, выходит, выздоровел ты?

— Выздоровел, тетя Мапа. Через два дня в школу пойду, — сказал Юра.

— В школу? В школе хорошо. Там завтраки сейчас выдают каждый день, — протянула она задумчиво. — А Сапа не захотел учиться. Вместе с Колькой с третьего этажа ушли из школы в сапожники, — пояснила она. — Который месяц в мастерской получают ученическую зарплату, а что толку. Два-три дня — и ее уже нет. Опять же вино научились пить, просто горе. Мастер, говорят, угощает, — вздыхая, рассказывала она о них, видимо, осуждая уход друзей из школы. — Хвалились, что к лету их переведут на самостоятельную работу, да где им: не верится что-то, — высказывала она свои наболевшие мысли Юре, который сидел у этажерки и перелистывал книгу М. Горького «Детство», почти не слушая тетю Мапу. — Как погиб отец — он в танке сгорел — Сапа совсем от рук отбился. Кольке-то Егорову ничего — он хитрый — у него мать тоже промышляет пошивом одежды. Поест и попить у них всегда хватает. А у меня что, у простой курьерши: зарплата маленькая, никаких доходов со стороны, такие же карточки, как и у всех рабочих. Ладно хоть Люда с Мусей работают. Но они обе молодые — им одеваться надо. А Гриша — еще маленький. Боюсь, что Сапа свяжется с плохой компанией: пропадет ни за грош, — с тревогой сказала она и спохватилась. — И что я рассказываю тебе о своих опасениях? — спросила она. — Ты все равно ничего не понимаешь.

— Понимаю, — вдруг сказал Юра, оторвавшись от книги. — Связаться с компанией — это значит подружиться с жульем. Они воруют, грабят и убивают.

— Откуда тебе об этом известно? — удивленно спросила тетя Мапа.

— В больнице слышал. Один больной парень рассказывал, что в городе появилась банда под каким-то названием. Они подойдут к двери, помякают, а когда люди подумают, что это настоящая кошка и откроют ей дверь — заходят жулики и грабят квартиру, — рассказал Юра. — А что, тетя Мапа, и правда такая жульническая кошка есть? — спросил он.

— Говорят, что есть. А на самом деле это шайка бандитов, маскирующаяся под кошку. Дверь ей открывать нельзя, — подтвердила она. — И вообще-то сейчас много всякой шпаны развелось. То и дело слышно: там часы сняли, там карман вырезали вместе с деньгами и карточками, а там квартиру ограбили или еще что-нибудь. Просто беда с этой войной. Распустились некоторые донекуда.

Постучали в дверь. Юра вздрогнул от неожиданности. Но быстро успокоился, услышав знакомый родной голос:

— Мама, не у тебя ли мой сын?

— У меня, сейчас отопру, — ответила она и, открыв дверь, выпустила Юрину маму. — Вот — беседуем с твоим сыном. Как большой рассуждает, а я считала его все маленьким, несмышленышем. Недаром твой на два года старше моего Гриши, — как бы с похвалой заметила она.

— Это так, — подтвердила мамина мать и сказала. — Отпустил меня начальник смены. Сказал, чтоб я пошла за сыном в больницу. Прибежала домой за одеждой Юриной, а попавшийся навстречу дедушка Игнатий и говорит: «Кажется, твоего сына привели из больницы. Видел из окна, как он с какой-то женщиной прошел во двор. А потом она ушла одна. Наверное, оставила твоего сына у кого-нибудь, раз тебя дома не было». Хорошо, что дедушка Игнатий встретился, а то пришлось бы бежать за Юрой в больницу. И тебе, Машенька, спасибо, что приютила сына, — поблагодарила она....

— А как же не приютить-то: соседи ведь, — сказала просто тетя Маша. — Друг к дружке ходим то за солью, то за спичками, то еще за чем-нибудь, — к чему-то добавила она.

— Пойдем, сынок, домой, — обернулась мать к Юре. — Соскучился, наверное?

Но Юра медлил с ответом и продолжал читать книгу. На самом деле он делал вид, что читает, и думал о том, догадается ли мама, что на нем одежда чужая.

— Да вставай же, — засмеялась мать, догадавшись, о чем думает ее сын. — Сейчас переоденешься дома и я принесу вещи Марии Александровне.

— Ничего, Варя, не к спеху, — сказала соседка. — Придет Юра играть к Грише и занесет. Тебе же спешить, наверное, на работу надо? — спросила она и рассудила: — Пока поешь, пока чего и на сына не успеешь наглядеться.

В комнате ничего не изменилось: так же, напротив окон, метрах в двух, была расположена стена соседнего дома, из-за которой, если в квартире не горело электричество, царил полумрак даже днем, без изменений стояла мебель, по-прежнему в углу чернело большой тарелкой радио, проведенное еще отцом.

Осмотрев комнату, Юра подошел к шкафчику, потрогал лежащий на нем портфель, присел, открыл дверку и начал перебирать находящиеся там игрушки и книги. Затем он достал оттуда незамысловатые игрушки: единственного оловянного солдатика с ружьем, несколько одинаковых конических железок, вынутых из разбитых подшпиков и самодельную лодку из сосновой коры. Выстроив из железок ровные ряды, поставив перед ними в лодке солдатика, он стал громко командовать:

— На-ле-во! На-пра-во! Ша-гом марш! — и запел губами полюбившийся, не раз слышанный им по радио и на площади Сво-

боды, когда проходили демонстрации, марш «Прощание славянки».

Варвара Лукинична, любуясь беспечно играющим сыном, посматривая на него соскучившимся взглядом, в то же время тревожно думала: «Каким вырастит Юра? Кем будет? Выучится ли или бросит школу?»

Многие подростки, едва исполнялось им по 14—15 лет, из-за нужды бросали школы и шли учиться в ФЗО или работать. Были и такие, которым не хотелось ни учиться, ни работать. Они начинали заниматься нехорошими делами: подворовывать или спекулировать. Не нравились такие ребята Варваре Лукиничне и она боялась того, чтоб ее сын не подпал под их влияние.

Без призора. На работе у матери. Неожиданный друг — Толя

Закончился учебный год. Наступило лето. Для Юры — первое самостоятельное лето: спи, сколько хочешь, иди, куда хочешь, делай, что хочешь. И никто тебя контролировать не будет. Теперь можно познакомиться с улицами и закоулками города, его парками и садами, кинотеатрами и другими достопримечательностями.

В первый же день каникул, встретив во дворе Нину и Боря, Юра неожиданно для себя поделился с ними планом на сегодня. Но прежде всего он спросил их:

— Вы видели когда-нибудь поезда? Вы слышали, как паровозы гудят, пыхтят, выпуская пар, везут людей в вагонах? Не видели. А я много раз видел: на даче и когда провожали моего отца на фронт. На поездах отправляют на войну солдат, танки и пушки. Смотреть на них очень интересно. И я сейчас снова хочу сходить на вокзал. Дорогу я туда знаю. Пойдете со мной посмотреть на поезда? — вдруг предложил он, увидев в их глазах заинтересованность.

— Пойдем, — согласился сразу Боря. — А ты, Нинка? — спросил он ее. — Ты ведь тоже не была там.

Помедлив, Нина спросила:

— И долго мы туда ходить будем? Мы в три часа обедаем дома.

— Совсем недолго. Сходим туда, и быстро вернемся домой, — ответил с оживлением Юра, обрадовавшись, что ему не одному придется топать до вокзала... чуть ли не через весь город.

Взявшись за руки, не торопясь, они вышли со двора, пошли по своей улице, затем по Лобачевского, мимо зеленеющих садов Ленинского и Черного озера на Чернышевского дошли до школы, где учился Юра.

— Вот и школа моя, — показал на нее Юра, — А вон Кремль

и трамвай второго номера. Я уже один раз ездил на нем, «зайцем», — похвастался он. — Сейчас подойдем к Пассажу — там кинотеатр «Пионер». Мы туда ходили с классом смотреть фильм «Чапаев». Ох, и фильм мировецкий, про войну! — с восхищением сказал Юра. — Когда будут деньги, вместе ходим на это кино. Его можно смотреть миллион раз. А заодно посмотрите изнутри и Пассаж.

Боря и Нина, большею частью молча и со вниманием слушали своего товарища, с интересом рассматривая незнакомые им улицы и дома. Они дальше двора и своих школ нигде еще не были. А Юра продолжал их знакомить с новыми городскими достопримечательностями. Спустившись по Пионерской вниз, путешественники увидели перед собой канал с чистой водой, по берегам которого расположились рыбаки с удочками.

— Это Булак, — сообщил им Юра. — Мой папа говорил, что он соединяется с озером Кабан и рекой Казанкой. А Казанка впадает в самую большую реку Волгу. Она как раз протекает за железнодорожным вокзалом. Как-нибудь ходим туда, посмотрим на пароходы. Я пока тоже там не бывал.

Выйдя на привокзальную площадь, они увидели красивое красное здание, около которого толпились люди с мешками, чемоданами, корзинами и сумками. Боря с Ниной еще не видели такого большого скопления жаждущих уехать на поезде. Среди них они заметили прилично одетых пассажиров и нищих в несвежем и рваном тряпье. Возможно, среди них вертелись и воры.

— Юрка, а как мы пройдем к поездам? — спросил с тревогой Боря. — Ты видишь, тетка в военной форме не всех туда пропускает.

— Она не в военной форме, а в железнодорожной, — заметил Юра. — Если не пустит — плакать не будем — перелезем где-нибудь через забор или уйдем домой, — сказал он спокойно. — Но попробуем сначала пройти в дверь: я впереди, а вы за мной.

Подойдя к двустворчатой массивной двери вокзала, Юра сказал железнодорожнице:

— Мы к маме. Выходили погулять, она в зале ожидания.

Железнодорожница-контролер посмотрела на прилично по тому времени одетых детей и открыла им дверь.

Пройдя через душный зал, они вышли через другую дверь на перрон вокзала. Перед ними на первом пути вытянулся длинный пассажирский состав с зелеными вагонами. Около них они увидели взрослых и детей, в беспорядочной суете протягивающих свои билеты сердитым проводникам. То и дело было слышно у вагонных дверей: «Осади! Осади назад! Да встаньте же в очередь! Женщины с детьми, проходите вперед!..» Но толпа, напирая, стремясь оттолкнуть передних в стороны, лезла к проводникам, чтоб быстрее занять в общих вагонах лучшие места.

Пройдя вдоль всего состава, наши путешественники заметили, что почти все вагоны были общими, кроме двух спальных. Около них люди не толпились. Они спокойно подходили к проводницам, подавали им с важным видом билеты и, не торопясь, заходили в вагоны, занимая места около окон с занавесками.

— Пошли посмотрим на паровоз, — предложил друзьям Юра. — Посмотрим, откуда он выпускает пар и как повезет за собою поезд.

— Пошли, — нехотя согласились уже уставшие путешественники.

Под лучами еще яркого солнца, нагретого за целый день перрон, им около пыхтящего, громадного, черного паровоза на больших с рычагами колесах стало до того невыносимо жарко, что Нина, чуть не заплавав, жалобно протянула:

— Я уже сварилась на солнце. И пить сильно хочу.

— А я думаю не хочу. Я тоже хочу, но молчу, — сознался и Боря, посмотрев на Юру.

— Ладно, пошли обратно, — сказал Юра. — У стены вокзала я заметил краны с водой. Там попьем и спрячемся в тенечке. Надо ж нам посмотреть, как поезд тронется и повезет людей.

Не доходя до вокзала, они услышали гудок паровоза. Поезд «Казань—Ташкент» тронулся с места. На крышах вагонов откуда-то появились лихие «пассажиры»: мужчины, женщины и даже дети. По их лицам было видно, что они счастливы, покидая станцию «Казань». Набирая скорость, поезд быстро скрылся за при вокзальными большими складами. Он ушел в сторону пригородной станции «Вахитово».

Попить воды ребятам из кранов не удалось: из них обоих наливали в свою посуду крутой кипяток временные обитатели вокзала. Уходить домой, не посмотрев с моста загадочную Волгу, тоже не хотелось. Ведь вот он, мост, рядом. Рядом и железнодорожные, кое-где пересекающиеся между собой рельсовые блестящие пути. Паровозы, маневрируя по ним, с одной линии на другую перевозили пустые и полные товарные вагоны. Чего только в них не было: и доски, и бревна, и уголь, и ящики, и другие товары. Смотреть на них было очень интересно. Это не трамваи, ходящие под проводами. Если бы не жажда и голод, подкравшиеся неожиданно, можно было бы долго смотреть на них. Да еще чуть не плачущая Нинка. Было видно, что она давно устала и жарко ей стало от толстой косы на голове, которую она прикрывала ладошкой. Ей, светленькой и худенькой, наверное, уже надоело находиться на солнце. Хорошо, что оно начало заходить за появившиеся на западе тучки. Однако по красивеньким с синевой глазкам Нинки, посматривающим на Юрку, угадывалось, что она ждет его слов о возвращении домой. Но он, противный, вместо них предложил:

— Давайте залезем на деревянный мост, — показал он на него, — посмотрим только издали на Волгу и сразу же пойдем домой.

На мосту их встретил легкий ветерок. Идти по ровным доскам было приятно. Остановившись в конце моста, у противоположной лестницы, спускающейся вниз, они увидели позеленевшие луга, а дальше широкую полосу синей воды. Это была Волга. А за ней крутые берега, на которых просматривались, будто игрушечные, домики. Заманчивая даль привлекла их ненадолго: им захотелось домой. Солнце садилось и стало прохладнее. И цель, намеченная ими, была выполнена сполна. Усталые, они пошлепались обратно. И надо же такому случиться, как только Нина произнесла: «Я есть хочу. Уж моченьки нету!», внизу под мостом, прямо под ними, проходящий паровоз издал такой громкий тревожный гудок, объяв их белым густым паром, что они повалились от неожиданности на деревянный настил из досок и заревели от испуга.

Юрка быстрее Нины и Бори пришел в себя. Он стал их успокаивать:

— Не задавил же нас паровоз. Напугал и ладно. Я видите — уже не плачу. И вы не плачьте. Идемте скорее домой. Нас, наверное, ищут.

Сойдя с моста, выйдя с вокзала, усталые и напуганные гудком ребята, не вытирая слез, пошлепались домой. Юрка, чувствуя себя виноватым, тащил из последних сил за руку Нину, а Нина Борю: они еле передвигали ноги. Уже начинало темнеть, когда путешественники подошли к дому. У ворот их ждали обеспокоенные родители и сочувствующие им соседи из дома. Со всех сторон посыпались на них вопросы и угрозы: «Где были? Кто заманил?.. Ну, теперь держитесь. Сейчас вам дома попадет. Ишь, чего захотели — посмотреть на поезда. А мы тут уж хотели сообщить о вас в милицию!

Теперь во дворе Юре поиграть было не с кем. Боря занят, хоть и напустили каникулы, повторением пройденного за первый класс. Так он сказал ему после путешествия на вокзал и хорошей порки ремнем. Отец у него высокий, строгий. Он не любил много разговаривать. Нина не выходит на улицу уже два дня, хотя, наверное, отец ее не тронул. Он очень приветливый и несердитый. У Вадика с третьего этажа, имевшего много игрушек, надоело собирать из конструктора одни и те же фигуры. Он старше Юры на год, закончил второй класс на отлично и мечтает стать инженером-строителем. На улице он почти не бывает. Вероятно, ему мама не разрешает водиться с дворовыми мальчишками. Его мама — высокая и красивая женщина. Вадик похож на нее глазами: серые, большие, умные. Тетя Лиза не со всеми во дворе дружелюбна, она, как юрист, вероятно, знала, за кем водятся «грешки». С Юриной мамой она

всегда хорошо разговаривала и не запрещала ему приходиться к Вадиму. Рафаэль и Гриппа младше Юры. Играть с ними во дворе было не всегда интересно. Шура с матерью и сестрами недавно переехали жить в дом напротив, на «банный» двор. Там они поселились в большой двухкомнатной подвальной квартире. А здесь у них была квартира однокомнатная и тоже в подвале, у ворот. Сейчас там живет Рафаэль с матерью и сестренкой. Откуда они приехали или приехали в Казань — никто не знал. Беднее их во дворе никого не было. Их мать, Зулейха апа, маленького роста, болезненная и худенькая, как и ее дети, рано утром или поздно вечером собирала в кастрюлю из мусорного ящика очистки от картофеля и других овощей, изредка находила там поношенные вещи. Несмотря на это, она была гордой и никогда ни у кого ничего не просила. И Рафаэль после случая с Олегом даже семечек у своих сверстников не просил. Если давали — брал. И только. И его сестренка Райхан, если выходила во двор, играла в одиночку с тряпичными самодельными куклами. С кем же Юрке играть? Дома, в темной комнате, да еще летом, сидеть надоело. Его тянуло на свет, к солнцу, к людям, на простор городских улиц и садов, на которых он еще не был.

За два дня Юра обошел ближайшие от дома улицы, тянущиеся к реке Казанке. Они были разными — прямыми и изогнутыми. На прямых улицах встречались и каменные дома, а на изогнутых, спускающихся к Федосеевской и Подлужной, как и на них самих, чаще деревянные. Буйство июньской густой зелени листвы на деревьях и кустарниках, подросте трав на взгорках и холмах вдоль мощенных камнем улиц, скрывали серость и неухоженность многих облезлых домов. Но все равно все выглядело прекрасно, загадочно и тихо — не как в центре города. Особенно манили к себе какой-то волшебной далью тянущиеся до деревеньки Савиновка обширные ярко-зеленые луга и синие озера за обмелевшей Казанкой, серебристо сверкающие под лучами солнца, если смотреть на них с высокого обрыва у «маленького базарчика». А сам базарчик в конце улицы Пушкина — просто соблазн какой-то: здесь торговали прошлогодними овощами и нынешними: зеленым луком, редиской, петрушкой, укропом, издающими вкусные запахи. На открытых лотках и прилавках под крышами были выставлены молоко в больших и маленьких бутылках, свежая и соленая рыба, семечки, а в лабазах — мука, крупа и даже мясо с колбасой. «Лучше подальше отсюда, все равно денег нет», — подумал Юра, выходя из базарных ворот на улицу, где продавались «с рук» поношенные и новые обувь и одежда, самодельные игрушки, предметы домашнего обихода, уголь для самоваров и другие вещи.

По кривому, вдоль обрыва, переулку Юра вышел к Фуксовскому саду. По сравнению с садами Ленинским, Черное озеро и Лядским этот небольшой садик над обрывом выглядел тихим и удоб-

ным зеленым уголком для отдыха мам с детьми и людей престарелых. Спустившись по неровной булыжной дороге на Подлужку, пройдя мимо домов, утопающих в зелени бузины, сиреневых кустарников и широких развесистых верб по обеим сторонам улицы, Юра оказался у гористой окраины Центрального парка имени М.Горького. Взобравшись по пологому склону до деревянного забора, он перелез через него, порвав брюки о вылезший из доски ржавый гвоздь, и оказался в парке. Высокая трава, раскидистые дубы, ели, сосны, липы и клены с кронами густой листвы напоминали больше лес, если б не ровные ухоженные дорожки, свежеращенные в зеленый цвет мостики между двумя глубокими оврагами, аттракционы, эстрада со множеством скамеек на большой поляне, спортивные площадки и выпшка для прыжков с парашютом.

Несмотря на большую площадь лесопарка, было видно, что у него хорошие хозяева: везде чисто, кустарники ровно подстрижены, домики — комната смеха, игровые и служебные помещения, а также скамейки для отдыха покрашены. Но очень жаль, что остались непокрашенными качели, самолеты, во время полета совершающие вокруг своей оси «мертвые петли», карусель, парашютная выпшка. Вероятно, на них не хватило даже зеленой краски. Зато у фонтана «Лягушки» и в середине центральной аллеи от входных ворот и до памятника М.Горькому росли красивые цветы, а по краям пешеходных дорожек высились ровные спокойные липы.

«Какой все-таки у нас в городе замечательный парк. Такого нет, наверное, на всем белом свете, — с гордостью подумал Юра. — Сегодня малоллюдно. Надо побывать здесь в воскресенье: с деньгами и товарищами. Покататься на карусели, а может быть, и на высоких качелях, если мама денег даст. А что, если сейчас зайти к маме на работу? Трампарк рядом. Посмотрю, что она там делает. Работает она много, а получает денег мало. Когда прощу я у нее что-нибудь купить, она говорит: денег нет. Ушли на картошку, лук, морковь и молоко. Да и по карточкам без денег продукты не дают. Где уж тут думать о брюках или ботинках...»

Юра быстро отыскал проходную в трамвайном парке, огороженном высоким забором. Поднявшись по деревянной лестнице, он открыл дверь и вошел в полутемное помещение. У следующей открытой одностворчатой двери, пропускающей с улицы дневной свет, сидела старая женщина на скамейке. Она поднялась ему навстречу, загородив своей массивной фигурой проход, и строго спросила:

— Ты к кому идешь? Кого тебе надо?

— Маму, — ответил тихо Юра. — Мне надо очень к ней.

— А кто твоя мама?

— Кардина. Варвара Лукинична, — добавил он.

— А, Варя, смазчица вагонов, — сказала старушка уже мягче. — А ты знаешь, что в трампарке опасно ходить? Здесь много путей и трамваев, и можно запросто угодить под них. А мне потом отвечай. Ведь я поставлена на этот пост не просто так. Небось, и ты об этом знаешь?

— Знаю, тетя. Я очень внимательный и не попаду под трамвай, — протянул заискивающе Юра. — Пропустите.

— Ну, иди, — сжалилась тетка, — смотри, будь осторожным, — предупредила она.

Юра быстро отыскал мать. Она шла по двору размеренным шагом, словно боясь разлить из ведра черный мазут. Впереди, у депо, ее ждали притихшие, будто сонные, трамваи.

— Мама! — окликнул ее Юра. — Можно к тебе?

Мать, услышав голос сына, повернула голову в светлой косынке к нему, посмотрела удивленным взглядом и спросила тревожным голосом:

— Ты чего пришел? Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего не случилось, — спокойно ответил Юра. — Просто я гулял в парке культуры и отдыха и решил зайти к тебе; посмотреть, как ты работаешь.

— А, ну ладно тогда, — с облегчением сказала мать. — А то я уж подумала что-нибудь случилось.

В работе, которую выполняла мать, Юра ничего интересного не нашел. Просто она подходила с ведром мазута к трамваям, открывала у них железным крючком дверки, расположенные над колесами вагонов, и вливала туда удлинненным половником маслянистую темную жидкость. Чтоб, как объяснила она, не изнашивались при трении, во время движения трамваев, крутящиеся металлические части, соединенные с колесами.

Удовлетворенный объяснением матери, Юра, проголодавшись, вскоре ушел домой. Но на другой день, не зная, куда девать себя от скуки, он снова решил пойти на работу к ней. Ведь он еще не все там осмотрел. А ему захотелось узнать: чем же занимаются в трампарке другие рабочие. И он стал ходить туда чуть ли не каждый день.

Рабочие быстро свыклись с присутствием любознательного Юры, который больше наблюдал, чем спрашивал об их работе, тем самым не мешая им. У них, конечно же, были работы гораздо интереснее, чем у его мамы. Они чинили деревянные рамы, двери и полосчатые полы у вагонов, копались в трамвайных моторах, меняли устаревшие электродуги, вытачивали в цехах новые детали на смену старым, износившимся. Юра подолгу простаивал около слесарей, электриков и токарей у шумных станков, если разрешали побыть рядом с ними, стараясь понять сущность каждой их работы. Они казались ему каким-то волшебством, которым могли владеть только взрослые.

В свободное время рабочие, товарищи Варвары Лукиничны, часто разговаривали с Юрой, интересуясь, чем может жить в эти трудные годы детская душа. Эти беседы-разговоры почти всегда сводились к тому, что товарищи мамы говорили ему:

— Юра, вырастешь большим, не бросай мать. Смотри, как она трудится и все для тебя: по две смены работает. А работа у нее не легкая. Потаскайся-ка целый день, иногда ночь с полными ведрами мазута по трамвайному парку, обойди-ка все трамваи. А она все успевает сделать к их выходу из парка и ни один вагон пока не возвратился с линии по ее вине. Вот такая она у тебя. И ты должен быть таким же тружеником, когда подрастешь, чтоб помогать уже ей. Смотри слушайся ее, уважай и учись хорошо. Мама твоя должна быть довольна тобой. Она — золотой человек.

Трампарковские рабочие, окончательно привыкнув к Юре, старались его иногда чем-нибудь побаловать, угостить. Степенная, полная, доброжелательная тетя Матреша (ей очень подходило это имя), работница гардеробной, часто находила для него конфетку или кусочек пресной лепешки, другие угощали вареной картошкой в мундире, кусочком вяленой рыбки, а иной раз давали ему и кушленный в столовой по талону пирожок, доставшийся им за ударную работу. Мама тоже приносила ему иногда пирожки с работы. Они были всегда очень вкусными, с капустой или картофелем.

Варвара Лукинична, узнав о том, что у сына вошло в привычку брать еду у рабочих, пожурила его и сказала:

— Все сейчас живут на пайке. Ни у кого нет лишнего. С тобой они делятся последним кусочком, а ведь у них тоже есть дети. Ты, наверное, когда они едят, нарочно лезешь им на глаза. Так вот что, сынок, лучше больше не ходи ко мне на работу. От людей неудобно.

И Юра перестал ходить в трампарк.

* * *

Чтоб не скучать, Юра записался в детскую городскую библиотеку, находящуюся в двух кварталах от его дома. Там он помогал склеивать оторвавшиеся листы у ветхих книжек, пользующихся постоянным спросом читателей, научился делать маленьким книжечкам перешлет, за что Ирина Владимировна — строгая, но справедливая старушка-заведующая читальным залом подыскивала ему интересные книги и разрешала до следующего дня брать их с собой домой.

За несколько дней Юра прочитал про волшебника изумрудного города, о приключениях Буратино, узнал много новых сказок и дошел до интересных рассказов Гайдара.

Библиотека ему чем-то напоминала школу и детский сад. Сюда

он шел всегда с удовольствием и охотой побыть среди ребят, побыть под привычным для него контролем взрослых. А в библиотеке и действительно было не плохо.

Здесь, после обеда, с двух и до четырех часов показывали детям диафильмы, рассказывали сказки или кто-нибудь из работников библиотеки читал им интересные рассказы. Особенно интересными были чтения очерков о героях Отечественной войны, о которых периодически печатали в «Пионерской правде».

Однажды, шагая в библиотеку с книгой в руке, Юра столкнулся недалеко от своего дома с мальчишкой лет десяти-одиннадцати с веселыми, озорными серыми глазами и лукавой улыбкой на круглом лице. Озорник, пристально глядя ему в глаза, явно намеренно подлетел к нему, подставил ножку и ловким, легким движением своего плеча толкнул Юру. Падая, Юра выпустил из рук книгу. Мальчишка на лету подхватил ее и прочитал вслух, без запинки, название:

— Аркадий Гайдар. Избранные сочинения.

Юра тут же вскочил и бросился на обидчика, стараясь выхватить у него книгу. Но мальчишка, ловко крутясь на месте, не отдавал книгу и, торопливо перелистывая ее, старался разглядеть в ней картинки. Он был чуть выше Юры и явно сильнее его. Однако Юра, изловчившись, все же выдернул у него книгу, но не побежал, а стал ждать нового нападения. Вихрастый, белокурый мальчишка больше и не собирался нападать: это было видно по его спокойному виду. Он стоял перед Юрой, будто ничего не произошло, и улыбаясь, с любопытством рассматривал его. Вдруг он заговорил:

— Слышь, пацан, дай мне почитать эту книгу?

— Не могу, — не пришедший еще в себя после стычки, рассерженно сказал Юра, — она библиотечная. Но если бы и была моя, все равно не дал бы, потому что ты хулиган, — выпалил он.

— Да ладно, не сердись я не хотел тебя обидеть. Но так уж получилось, — виновато сказал он. — А книг... У нас много и своих. Хочешь, я тебе любую дам? Пошли ко мне, — предложил он. — Я живу здесь, в техникуме.

Дружеский тон и объяснение мальчишки поколебали Юрину обиду. Он как-то сразу простил его и, поверив ему, пошел за ним в здание техникума связи. Поднимаясь по двухступенчатой парадной лестнице, мальчишка спросил:

— Тебя как звать?

— Юрой. А тебя? — в свою очередь спросил он у него.

— Толькой, — небрежно ответил он и сказал: — Я давно тебя приметил: ты всегда по утрам ходишь с книжкой. Нам сюда, — показал он на лестницу в конце вестибюля, идущую вниз, за которой темнела дверь.

За дверью оказался большой двор. В конце двора, слева, стоя-

ла старая полуторка у каменного гаража, а напротив, справа, в нескольких метрах от гаража возвышался громадный деревянный сарай, примыкающий через высокую кирпичную кладку к сараям соседнего двора, в котором жил Юра. Он когда-то с ребятами лазил на крышу этого сарая и видел с него техникумовский двор, но там еще никогда не был. Со двора техникум выглядел как перевернутая буква П. В левом крыле этого дома, на первом этаже, жил Толя. В небольшой комнате, куда они вошли, у одной стены стояли самодельный стол и две некрашенные табуретки, напротив топчан с застеленной постелью, на тумбочке чайник, небольшая кастрюля, железные миски и ложки. Около тумбочки, прямо на полу в аккуратной стопке действительно было много книг: штук тридцать. И все такие, о каких Юра никогда и не слышал. Он внимательно просмотрел их и положил на табуретку три книги. «Таинственный остров», «Золотое руно» и «Рыжик».

— Вот эти книги можно взять? — спросил он у Толи.

— Сразу три? Ну, даешь, — иронически заметил Толя. — Для знакомства на первый раз и одной хватит, — рассудительно сказал он. — Возьми «Рыжика», — предложил он, — зачитаешься. Я ее уже два раза прочитал.

Юра не побился на прямоту нового товарища и сразу понял: книги эти он обязательно прочитает. Полистав «Рыжика», он неожиданно спросил:

— Толя, у тебя есть отец?

— Есть, — почти с гордостью ответил он.

— И мама?

Толя, моментально переменившись в лице, вздохнул и тихо сказал:

— Умерла недавно. Простудилась на окопах, да так и не выздоровела. Хорошо, что папа лечился в Казани. А то как бы я ее один хоронил? — с грустью сказал он.

— Да, без мамы плохо, — посочувствовал по-взрослому Юра. — А у меня отец погиб на войне. Я пенсию за него получаю. Мама говорила небольшую, но и это ладно, — добавил он.

— Мой папа тоже чуть не погиб на фронте. Четыре месяца пролежал в военном госпитале, что напротив трампарка. У него тяжелое ранение. Больше его в армию не возьмут, потому что у него здоровенный красный шрам на животе, я видел, когда мы ходили в баню, — сообщил Толя.

— Ты в какой класс перешел? — переключился с одного разговора на другой Юра и, не ожидая ответа, как это бывает у детей, сказал: — Я во второй.

— А я в третий! — снова оживившись, сказал Толя.

— Ты в какой школе учишься?

— В шестидесятой, на кольце. А ты?

— В двадцать четвертой, имени Чкалова.

— Ты очень любишь читать?

— Очень.

— Я тоже. Пошли в библиотеку. Запишешься там, — предложил Юра.

— Пошли, — согласился Толя. И они, совершенно позабыв о недавней стычке, дружно запагали в библиотеку.

* * *

Толя и Юра подружились как-то легко и незаметно. Через несколько дней их можно было видеть только вместе. А недели через две, глядя на них, любой бы усомнился в том, что они еще совсем недавно не знали друг друга. Мать Юры и отец Толи смотрели на эту дружбу положительно! Им нравилось, что оба мальчика любят читать и смотреть кино. Они хотели видеть их всегда спокойными и послушными, а главное — не связанными с уличными, испорченными мальчишками.

Мать узнала от Юры, что Толин отец не только хороший плотник и столяр, но и мастер на все руки. Он мог выполнять любые работы, включая и сантехнические, и считался в техникуме незаменимым человеком. Сюда они переехали в феврале, закрыв свою квартиру, находящуюся в доме недалеко от Кремля, на замок. Здесь не надо было беспокоиться о дровах, потому что здание техникума полностью обеспечивалось паровым отоплением от собственной небольшой котельной. А маленькой комнатки, примыкающей к столярной мастерской, вполне хватало на двоих.

Благодаря Толиному отцу заведующий хозяйством — высокий, полный, с нездоровым румянцем на щеках строгий мужчина — мирился с вездесущими, непоседливыми приятелями, шныряющими по всем закоулкам двора и аудиториям учебного здания, когда в них не было занятий и они пустовали. Но он всегда предупреждал их о том, чтоб они не позволяли себе ничего лишнего, иначе об этом будет известно Семену Григорьевичу, Толиному отцу.

В начале июля выпускники техникума сдавали последние экзамены по военному делу. Сдав теорию, они уходили на стрельбище, расположенное за «коровым» мостом на другой стороне реки Казанки. Вместе с ними уходили и Толя с Юрой. Они, позавидовав тому, что студенты с винтовками чуть ли не каждый день ходят стрелять, однажды увязались за ними.

— А вы куда, мелюзга? — спросил их важно парень в военной гимнастерке, подпоясанный обыкновенным ремешком.

— Ты сам мелюзга, — ответил бойко Толя, чем удивил приятеля. — Чуть старше и воображаешь. Не думай, что у тебя одного гимнастерка. У моего отца тоже есть. Захочу, так одену, — хвастливо сказал он.

По лицу парня было видно, что он рассердился и сейчас Тольке несдобровать. Это заметили и его товарищи. Но вдруг они услышали:

— Ладно тебе, Мишка. Чего пристаешь к пацанам? Пусть идут. Им тоже интересно посмотреть, как стреляют, — заступился за них здоровый, крепкий добродушный отличник Мингалеев Радик. Он был известен в техникуме всем: его фотография висела в вестибюле на Доске почета.

— А мне-то что, пускай идут, — мирно согласился Мишка.

Военный руководитель в офицерской форме, но без знаков различия, с глубоким, ужасным прамом у рта, только покосился на мальчишек и ничего не сказал. И они, уже бодрее, пошли за четко шагающей колонной учащихся.

В тот раз Толя с Юрой со стороны скромно и робко наблюдали, как стреляют почти состоявшиеся связисты. Но на другой день, осмелев, они стали просить у них «хоть по разочку пальнуть». Но связисты им отвечали, словно заученно:

— Не имеем права в чужие руки доверять оружие.

— Да мы же не чужие, свои. Мы же нащи, — упрашивали их Толя с Юрой.

— Вы можете понять? Мы не имеем права давать оружие, — сердились выпускники. — Просите у военрука.

— Попроси, Толька, а. Он тебя лучше знает. Может, разрешит хоть по разочку пальнуть, — тихо начал умолять приятеля Юра.

— Да, даст. Не видишь, какой он строгий? — засомневался Толя. — Ну, будь что будет, попробую, — решил он.

— Дядя, — заискивающе обратился Толя к военруку, — разрешите разочек стрельнуть?

— Не положено, — сухо ответил тот.

— Ну ладно уж, разрешите, — протянул Толя снова.

— Не положено, сказал ведь, — уже сердито ответил военрук.

Но мальчишки теперь каждый день приставали к нему со словами: «Дядя, разрешите стрельнуть»! Военрук на их надоевшие просьбы почти не реагировал и спокойно отвечал: «Не положено». Однако мальчишки надеялись на то, что непоколебимый военрук все-таки разрешит им выстрелить из винтовки, а может быть, и из пулемета по зеленой фанерной цели. Они не верили выпускникам, говорящим про него, что у него легче выпросить снег летом, чем лишний патрон, и оказались правы.

В последний день стрельбищ военрук сжалился над нетерпеливыми, настойчивыми друзьями. Он объяснил им, как держать в руках «малокалиберку», лежа на земле, как целиться из нее в мишень, и, сам вложив в винтовки по одному патрону, разрешил им выстрелить по зеленым фанерным человечкам. Потом

он коротко рассказал им про пулемет «максим» и его назначение, разрешил из него пострелять, но, к сожалению мальчишек, без патронов.

Однако друзья остались довольны последним днем стрельбищ — они достигли цели.

Голод не тетка. Побег. Предприимчивый Толя. Нехорошие мечты

Занятия у учащихся закончились. Техникум опустел. Друзьям, чтоб не скучать в пустующем, уже основательно изученном здании, пришлось искать новые, более интересные игры и развлечения. С утра и до вечера они были заняты тем, что ходили в кино, когда у них были деньги, в библиотеку, обсуждали по-своему просмотренные кинокартины и прочитанные книги, играли в шашки и шахматы, купались и загорали на Казанке или на озере Кабан, раскинувшимся красивым зеркалом посреди города. Иногда, тайком от родителей, они ездили на трамвае купаться на Волгу, привлекающую их своей красотой и таинственной неизвестностью. Сегодня, выкупавшись у краешка широкой, глубокой Волги, Толя и Юра сидели на не совсем чистом песчаном берегу недалеко от пристани и рассматривали идущие вниз и вверх по спокойной, величавой реке пароходы, баржи и катера, оставляющие за собой серебристые, сверкающие на солнце бурунчики.

— Юра, а возможно, на том пароходе плавал Алеша Пешков, — показал Толя на удаляющийся по течению от пристани двухпалубный теплоход «Добрыня Никитич». — Вот попасть бы на такой, поработать бы на нем поваренком или посудником, отъестся бы и посмотреть заодно по пути на города поволжские, — мечтательно проговорил он.

— А еще бы лучше поработать в булочной. Ехать никуда не надо, ели бы всегда булки, сколько бы захотели, и домой бы приносили своим, — подкрепил мечтания Толи Юра. — Как дядя Вася с нашего двора, — добавил он.

— А кто такой дядя Вася? — спросил Толя.

— Да повар здоровый, как борец. Неужели ты его никогда не видел в нашем дворе? — удивился Юра. — Он всю свою семью кормит, — с восхищением сказал он. — Я к нему в столовую ходил кушать по школьной обеденной карточке, когда еще учились. Он мне всегда больше супу накладывал, а иной раз побольше давал и второго. А я ему за это почти каждый день тихонько, чтоб никто не заметил, уносил к нему домой бидончик с чем-то тяжелым. Прямо руки отрывались, бывало, пока донесу, — рассказал он.

— Видно, чумарной этот дядя Вася, — определил Толя.

— Какой? — удивленно спросил Юра.

— Чумарной, — повторил Толя и объяснил: — Чумара — это значит взять что-нибудь с работы для себя или продажи. Понятно?

— Понятно, — неуверенно ответил Юра.

Но Толя, не заметив неуверенности в ответе приятеля, весело сказал:

— Ну, раз понял, поехали домой. Может быть, отец уже чего-нибудь сварил, пошамает, — опять он применял незнакомое слово, однако понятное Юрой по смыслу предыдущих слов.

Дома они застали уснувшего прямо в одежде пьяного Толиного отца. Он, прижав руки к животу, лежа на спине на темном одеяле, никак не среагировал на шумное появление приятелей. На самодельном столике стояла кастрюля с вареной очищенной картошкой, немного хлеба и бутылка из-под вина. Толя равнодушно посмотрел на спящего отца и громко сказал:

— Проходи, Юрка, к столу! Не стесняйся! Садись на табуретку, бери ложку и шамай! Это отец оставил нам — проговорил он уверенным тоном и отодвинулся чуть в сторону, чтоб приятелю было удобнее дотянуться до картошки. — Я ж тебе говорил, что отец что-нибудь сварганит! И вот, — ткнул он единственной в доме вилкой в кастрюлю, — картошечка! Молодец, отец! — похвалил он спящего Семена Григорьевича.

Юра удивился бесцеремонным выкрикам Толи при отце, пусть пьяном и спящем. Но позже понял, что дядя Семен — добрый отец, давно не обижается на Толю. Он разговаривал с сыном, когда был трезв, как с равным, а будучи пьяным, стеснялся его и оправдывался:

— Толя, ты прости меня, что иногда выпиваю. Легче мне, когда выпью.

— Пей, ты же зарабатываешь, — соглашался с ним Толя и тревожно спрашивал: — Только не будем ли мы опять сидеть голодными? Как в прошлый раз, когда ты был без приработка? Ты пропивай лишние деньги, а то, что на питание, оставляй. Сам же говорил, что я расту, мне надо больше кушать, а не только обходиться пайком из магазина. А на базаре все дорого...

Но Семен Григорьевич, когда запивал, забывал об этом. Недавно он снова запил, забыв о сыне. А Толя уже пятый день приходил со своим хлебом к Юре, чтоб поесть горячего супа или картошки. Семен Григорьевич, увлеченный пьянкой, ничего не готовил сыну, и сам, перебиваясь хлебным пайком, страдал от мучившей боли в животе и голове. Где он напивался и на какие деньги — для Толи было загадкой. Но он предполагал, что робкого отца, хорошего мастера, «не берущего дорого», угощали вином заказчики, иногда приглашавшие его к себе подработать на мелком ремонте квартиры или мебели.

Сегодня утром, перед уходом на Казанку, приятели, не утер-

пев, съели весь хлеб и суп из лебеды и крапивы с двумя картофелинами, предназначенными на день. А к обеду они снова вспомнили о еде, с которой так нерасчетливо поступили.

— Лучше бы мы не ходили купаться. После купания всегда сильно хочется есть, — сказал Юра задумавшемуся приятелю, после его слов: — Эх пожрать бы сейчас чего-нибудь.

— Это верно, — согласился с ним Толя. — Лучше бы мы не съедали все сразу. Сейчас бы пришли домой и поели. Ну ничего, перетершим. А может быть, и чего придумаем, — сказал он, бодрясь, и неожиданно предложил: — Послушай, Юрка, а не поехать ли нам за хлебом в Ташкент, как Сережка с Мишкой? Помнишь, мы о них читали в книге «Ташкент — город хлебный»? — спросил он. — Мы так же, как и Мишка, поступим там на работу, наедемся всего вдоволь, заработаем денег и хлеба, привезем домой.

— Что ты, — испугался Юра. — Что скажет мама, когда я вернусь? А вдруг я умру по дороге, как Сережка?

— Э, чего испугался! — бодро сказал Толя. — Теперь не те времена. Теперь мы не сможем умереть, — стал убеждать Юру Толя. Но видя, что он молчит, с досадой сказал: — Не думал я, что ты трус. А товарищ тоже. Ведь голодаем же мы. Забыл, что мать отдает тебе каждый день от своего пайка по сто граммов хлеба? Из-за тебя голодает? А ты?

— Да не трус я. Просто младше тебя на два года, — начал оправдываться Юра. — Я даже паровоза когда-то не испугался, когда был на мосту, а он загудел подо мной, — зачем-то вспомнил он.

— Юрка, во-первых, ты младше меня не на два года, а на полтора. Ну и что ж? Разве я тебя обижаю? Мы же с тобой как братья, — сказал Толя, тем самым давая понять, что никогда, ни при каких обстоятельствах не обидит его и не подведет. — А во-вторых, — ты даже паровоза не испугался.

— Ну, ладно, — поколебавшись, согласился Юра и спросил друга: — Но как мы в Ташкент доедем? Ты знаешь?

— Зайцами. Помнишь, как сказал Полфунта Саньке из книжки «Рыжик», когда они поехали на поезде в Одессу? Но мы поедем сначала на Москву. Сейчас там спокойно. Фашистов давно отогнали. И туда идут теперь все поезда. Там пересядем на ташкентский и доедем прямо до места, — рассудительно объяснил он.

— Хорошо, когда поедем? — почти решительно спросил Юра.

— Да хоть сегодня, — обрадовался Толя.

— Нет, Толька. Лучше завтра. Получим хлеб и поедем.

— А ведь верно, — задумчиво согласился Толя. — Я об этом и не подумал.

Вечером Юра попросил маму сварить побольше картошки в мундире. Он сказал ей, что ему не хватает еды на целый день, что он уже к вечеру голодает. Варвара Лукинична удивилась: раньше сыну всегда хватало оставляемой еды на день и он никогда не жаловался. А сегодня... «Видно, возраст дает о себе знать, — подумала она. — В этом возрасте, когда ребенок растет, всегда хочется кушать». Ей стало как-то не по себе. Она подошла к сыну, обняла его одной рукой и, глядя другой по постриженной голове своей крепкой, но нежной рукой, стала ласково говорить:

— Сыночек, растешь ты, поэтому и не наедаешься. Но ничего, сейчас нам легче будет. Наши грузовые трамваи возят с пристани зерно и муку. Иногда они остаются в вагонах. Я сегодня об этом узнала. Увидела рассыпанную муку на полу и стала сметать ее на фанерку, — рассказывала она. — А тут вошла уборщица Марьянова Галя и сказала, что муку мы должны поделить между собой, так как она сама убирает грузовые вагоны. Мы поделили ее между нами и решили всегда вместе собирать остатки зерна, крупы и муки. Сегодня я принесла с полкилограмма. Сейчас испеку лепешки и мы покушаем.

От редкой ласки Юре сделалось как-то не по себе. Ему жалко стало маму и немного себя. Он чуть было не сознался ей, что завтра убежит за хлебом в Ташкент, чтоб им жилось еще лучше. Но сдержался и молча ждал, когда мать испечет лепешки. Но, не дождавшись, устав за целый день, Юра уснул.

Утром, получив хлеб в магазине, оставив положенные пайки родителям, Юра с Толей ушли на вокзал. День побега обещал быть жарким. Солнце уже палило вовсю и на небе ни облачка. Хорошо, что они взяли с собой две бутылки с водой. Они вместе с едой уместились в Толиной брезентовой сумке из-под противогаза.

При виде вокзала Юра вспомнил, как провожали отца на фронт, плачущую мать, и ему до того стало жалко ее, что он, посмотрев на Толю, почти с грустью сознался:

— Ты знаешь, Толя, отсюда мы провожали моего папу на войну. Было много-много людей на вокзале, многие плакали. Тогда я увидел и плачущую маму, и понял, что для меня нет на свете никого лучше ее. И еще Зои с дедушкой, — добавил он.

Толя спокойно посмотрел на погрузневшего приятеля и, словно угадав его мысли, как можно бодрее сказал:

— Юрка, мы же едем туда не насовсем. Заработаем хлеба — и сразу домой. Приедем не пустыми — нашим большая радость будет. Они ругать нас даже не будут, вот посмотришь!

— Да я ничего. Я даже записку написал маме, что мы с тобой уезжаем за хлебом, — сказал спокойнее Юра. — Может быть, ей

кто-нибудь из соседей прочитает записку и она не будет так сильно волноваться.

— Ну и порядок, — одобрил Толя. — Я тоже написал отцу, чтоб не беспокоился, — сознался и он. — Пошли к поездам, пока не жарко. Может, влезем в какой. Там спрячемся в вагоне под скамейку и спокойно поедem на Москву.

Когда друзья прошли мимо душных залов ожидания вокзала и вышли на перрон, то увидели массу людей, желающих уехать на поезде. Среди них было и много беспризорников. Юра, когда здесь был в последний раз с Борей и Ниной, как-то не присматривался к ним. Может быть, их и не было тогда. А сегодня увидел их, голодных и грязных. Худые, давно немытые лица у бездомных ребят были потемневшими от солнечного загара и ввевшейся пыли, глаза при виде жующих ртов поблескивали завистью и желанием выпросить или отнять у сидящих на громадных сумках, чемоданах и мешках все съестное, что поддержало бы их детскую жизнь на какое-то время. Но они, боясь милиционера, униженно выпрашивали у «богачей», по их понятию, хоть кусочек.

Двое мальчишек и девчонка, лет десяти-двенадцати, одетых в грязное тряпье, с нечесаными, давно немытыми волосами, почесавшись, словно стараясь привести свои обовшивевшие головы в надлежащий порядок, остановились перед обжиравшейся ливерной колбасой и хлебом бабой, сидевшей на туго набитом мешке у стены здания вокзала. Между ног у нее была зажата хозяйственная сумка.

Позабыт, позаброшен
С молодых юных лет...

Красивым дискантом запел босоногий мальчишка. Чистый голосок его сразу привлек внимание рядом находящихся пассажиров. Все смолкли. Баба с дородной фигурой перестала жевать. А солист, рассматривая толпу синими, как небушко, глазами, продолжал петь:

А я мальчик на чужбине,
Счастья, доли мне нет.

Второй куплет из знакомой многим песни, переделанной на свой лад, подхватили девочка с кудельками свалывшихся волос и кареглазый мальчик то ли со светлыми волосами, то ли с седыми. Они своими альтами усилили тревожную громкость и жалобную скорбь песни:

Вот умрем, умрем мы,
Спохоронят и нас.
И никто-о не узнает,
Где могилка у нас.

Дородная баба, сидящая на мешке, вдруг заохала, заахала, зерзала и зашлакала, причитая вслух: «Ох, детоньки, ах миленькие...» А трио продолжало петь, вызывая жалость не только у нее.

Харьков наш разбомбили,
Разбомбили наш дом...

Этот куплет, явно придуманный певцами, звучал более строго и призывающе:

Мы остались сиротами,
Страшно это, как сон.
Пожалейте нас, люди,
Пожалейте, друзья.

Выделили они голосами слова — люди и друзья.

И не дайте нам погибнуть,
Жить без хлеба нельзя.

Как только ребятишки перестали петь, баба, позабыв о мешке, который могли в любую минуту утащить воришки, встала, подзвала их поближе к себе, открыла сумку, достала оттуда целую колбасину, кусок хлеба и, подав им, сказала материнским голосом:

— Поделитесь детоньки, покупайте на здоровье.

Воришки, со стороны увидевшие доброту женщины, не тронули ее мешок. А она, успокоившись после своих слез, смотрела на жадно жующих ребятишек и тихо говорила:

— Миленькие вы мои, грязненькие и худенькие. Одни косточки у вас, да тонкая кожица светит. У меня двое своих, но здоровше. Они в школу ходят. У нас дом и баня своя. Огород и корова с курами имеются. Поехали к нам в Канап, — вдруг предложила она. — Поживете у нас. Понравится — останетесь.

Тут подошел поезд дальнего следования «Барнаул — Москва». Многие бросились к нему. И Юра с Толей побежали к вагону, у которого было меньше людей. Но...

Пропустив пассажирский поезд, недолго простоявший у станции, приятели поняли, что лучше уехать на товарном. На пассажирский бы их наверняка не пустили стоящие у дверей сердитые кондукторши, дотошно проверяющие билеты у каждого. Пришлось пробираться на пути, где стояли товарные вагоны.

Все происходило как во сне. Приятели, проскочив мимо часового, занятого разговорами с двумя задержанными женщинами, разыскали рядом, в длинном составе товарняка, вагон с открытой дверью на шарнирах. Помогая друг другу, они втиснулись в вагон, заполненный ящиками, и на сколько смогли, сдвинули дверь, поближе к висящей на проволоке пломбе. Спрятавшись за верхними ящиками, они стали ждать отхода поезда. Наверху, как в хорошей парилке, было жарко. Они быстро вспотели, и стали пить принесенную воду. Минуты ожидания казались

им вечностью. Постепенно, освоившись в вагоне, они заговорили шепотом, а потом начали и шутить. Так прошло много времени. Но состав не трогался. Осмелев, Толя подполз к зарешеченному окошечку, откуда пробивался дневной яркий свет, и подозревал Юру:

— Ползи сюда. Отсюда все видно.

Но что можно было увидеть из окошечка? Стоявшие напротив грузовые вагоны, да рельсы между ними. Приятелям стало скучно, и они заговорили громче.

— Юра, это женщины открыли дверь у нашего вагона, — догадливо сказал Толя. — Вот их и забрал стрелок за это. А двери приоткрытой не заметил.

— Может быть, — нехотя откликнулся разомлевший от жары Юра.

— А здорово пели мальчишки с девчонкой, — вспомнил о них Толя. — Мы с тобой думали — баба жадная, а она вон какая оказалась добрая.

— Да, добрая. С первого раза и не поймешь, — снова откликнулся Юра.

— Поедем, что ли, мы сегодня или будем мариноваться тут весь день? — еще громче спросил, бодрясь, небрежно Толя, повернувшись к приятелю. — Наверное, мы не на тот поезд сели. Обождем еще чуток, не пойдет этот, попробуем на другом уехать. Но найдем ли мы снова приоткрытую дверь?

Вместо ответа Юра сказал:

— Толя, может быть, не обязательно сегодня уезжать. Завтра есть день, — тихо промолвил он, а сам подумал: — Может быть, и не поедем совсем ни сегодня, ни завтра. Все-таки дома лучше, спокойнее. А то станем такими же, как беспризорники... Но тут кто-то прервал его мысли.

Вдоль состава, по обеим сторонам, шли, судя по голосам, две женщины и, постукивая чем-то железным под вагонами, громко разговаривали. Они подошли к вагону, где спрятались беглецы. Кто-то из них задвинул дверь плотнее, чем-то щелкнув, и они снова заговорили.

— Тетя Надя, а мой пипет — скоро войне конец! У немцев паника на фронте, их наши солдаты здорово бьют! Сдаются фашисты нам целыми тыщами, — говорила женщина со стороны двери.

— Вот кормить-то иродов, — откликнулась с другой стороны невидимая тетя Надя. И они прошли мимо, постучав молоточками по колесам вагона.

Прошло некоторое время после ухода осматривщиц, и вагон дернуло. Состав ожил и, постепенно набирая скорость, затрясся, устремляясь вперед тяжеловесные вагоны. Друзья поехали, молча прощаясь с родным городом. Быстро скрылся Кремль с его высокими

белыми стенами на зеленом холме, Казанка и Адмиралтейская слобода, показались пригороды. Юра, разбив пустой бутылкой из-под воды стекло у окошечка, долго смотрел в него на убегающие назад дома, сады, огороды и ждал, когда же появятся лес и Займище, где он отдыхал с детским садом. Наконец, показались густой знакомый лес и гора, на которой не раз он стоял со своей любимой воспитательницей и группой, провожая уходящие на фронт эшелоны. Промелькнул знакомый спуск к железной дороге и поезд пронесся с протяжным гудком мимо памятного, близкого детскому сердцу места.

В открытое окошечко дул свежий ветерок с запахами леса, а иногда и дыма. Паровоз тащил за собой по изогнутой дороге вагоны, вытянувшиеся за ним длинной, громадной змеей. Наверху стало не так уж и жарко. Только одно плохо — ящики под ними покачивались, стучаясь друг с другом, и не давали спокойно лежать наверху. Пришлось слезть вниз. В темноте друзья разыскали в одном из углов свободный простенок, куда не уместились из-за своих габаритов ящики, и прилегли там, устав за день, на кем-то приготовленном для сна и отдыха мешковато-грубом тряпье.

Толя, лежа головой к задней стене, сделал вид, что уснул, он даже начал похрапывать слегка. А Юра, лежа к нему ногами, тоже пытался уснуть. Но не мог, в голову лезли разные мысли. Он вспоминал детский сад, Евгению Петровну, отца, маму, Зою, дедушку, свой двор, школу, Вассу Дементьевну и всех и все, что всплывало в его памяти. «Доедем ли мы до Ташкента? Вернемся ли снова домой? А может быть, я не увижу больше никого на свете? Может быть, мы зря поехали с Толькой в такое опасное, незнакомое путешествие?» — подумал он и тихо заплакал.

— Ты чего? Хнычешь никак? — вдруг спросил очнувшийся Толя. — Домой захотел? Мне тоже что-то невесело, — сознался он. — Но я же не плачу. Раз уж поехали, была не была, — нечего реветь! — сказал он как можно веселее. — Хлеб, лепешки и картошка у нас есть. Хуже было Мишке с Сережкой, — успокаивал он друга. — Мы, как только приедем в Ташкент, немного подработаем и сразу домой.

— Да я ничего. Мне маму жалко, — продолжал Юра, не стесняясь друга, потихонечку всхлипывать. — Она, наверное, ищет нас, волнуется, плачет. А мы, как беспризорники, без денег и билетов едем в далекий, неизвестный край.

— Ладно уж, Юрка, не плачь как рева-корова. А то и мне хочется заплакать, — пошутил Толя. — А плакать нам никак нельзя: мы сейчас катим на Москву. А «Москва слезам не верит», — вставил он в шутку пословицу, сказанную им, возможно, и не к месту.

Но шутка и пословица возымели действие на Юру. Он понял,

что хоть Толя и шутит, ему тоже нелегко и тревожно ехать в неизвестный Ташкент. Он успокоился и пообещал приятелю:

— Я не буду больше плакать, Толя. Вот посмотришь. А хлеба мы обязательно привезем.

— Конечно привезем, — подтвердил Толя. — Главное — никогда не ныть и смелыми быть, как Александр Матросов, — вспомнил он героя, о котором они впервые услышали в передаче по радио. Герой с тех пор в их разговорах был ярким примером. — Юра, ты не хочешь поесть? Давай поедим и ляжем, может, поспим немного, — предложил Толя. — А то от духоты и темноты глаза слипаются. А я ночью плохо спал.

— Давай, — согласился Юра. — На сытое брюхо быстрее уснем, — повеселев сказал он...

Поезд шел без остановок. Он лишь иногда притормаживал, проходя через станции, но большею частью неся вперед с громадной скоростью. Казалось, что вся эта громада со скрежеще-стучащими колесами и скрипом вагонных стенок, пола и крыши, стремится развалиться и улететь в бездонную пропасть. Частые пронзительные гудки паровоза, толчки на стыках рельс долго не давали заснуть утомленным беглецам. Но постепенно напряжение спало, и они уснули крепким сном.

Проснулись друзья от громкого смеха. Открыв глаза, они увидели много света, стоящих у открытой двери хохочущих солдат и почти пустой вагон, выгруженный, по всей вероятности, солдатами во время их сна,

— Смотрите, наконец-то наши Миклухи-Маклаи соизволили открыть глаза, — нарочито серьезно проговорил молоденький солдат, величественным жестом показывая рукой на растерявшихся, еще не совсем очнувшихся мальчишек. — Вы случайно прибыли сюда не из «Тики-таки-каки»?

Новый, еще более громкий хохот солдат вновь потряс беглецов и они, теперь уже совсем очнувшись, поняли: смеются над ними. Вскочив, они посмотрели друг на друга, потом на открытую дверь, за которой высились аккуратно сложенные ящики и, будто сговорившись, сделали несколько торопливых шагов в сторону выхода. Но стоящий у двери хмурый старшина с большим лицом и крупным телом остановил ребят, спросив у солдата:

— Как там, Перепелкин, все чисто?

— Все нормально, товарищ старшина! — ответил веселый солдат и добавил: — Они не из «Тики-таки-каки» и даже не из «Таки-кики-сики»! Видимо, давно одним воздухом питаются.

— Тогда ладно, — удовлетворенно сказал старшина, глядя сердито на мальчишек серыми глазами. — Прыгайте вниз, — приказал он им, после чего крепко взял Толю за руку, а Юру за плечо, чтоб они не сбежали. — Ты посмотри на них: бегут и бегут. Просто эпидемия какая-то напала нынче на этих огольцов. И

все говорят: на фронт едем бить фашистов. Ну тем хоть лет по пятнадцати-шестнадцати, а этим и по двенадцати, наверное, нет, — кивнув головой солдатам, показал он глазами на съезжившихся от испуга беглецов. — Уж на что я привычный, а и меня утомили своим подвигом эти вояки! — сказал веселей старшина. — А ну, солдатики, топайте с нами! Да не вздумайте бежать! Договорим, уши надерем! — пригрозил он. — Пошли, Николай, с нами, — позвал он веселого солдата, — проводим до комендатуры. А потом вернешься. Остальным — продолжать разгрузку, — приказал старшина.

Растерявшихся и изумленных неожиданным исходом беглецов привели в здание станции к военному коменданту. Усталый комендант с красными веками, выслушав старшину, приказал:

— Накормить и ближайшим поездом отправить домой. Куда, узнайте у них. В случае чего — отведете в детский приемник. Вот, возьмите направление в столовую, — подал он листок, заполненный им за время короткого разговора. — Тут выписано на двоих.

Старшина привел ребят в станционную столовую, где обедало несколько военных, посадил их за стол, а сам, иногда посматривая в сторону беглецов, подошел к окошку кухни, откуда несло таким вкусным запахом, от которого ни за что не убежишь. Через некоторое время он окликнул ребятшек и велел им взять по солдатскому котелку с супом. Сам он, вышагивая за ними, нес винтовку, висевшую на ремне, перекинутом через плечо, и на вытянутых руках — две железные миски со вторым.

Друзья, улыбаясь друг другу, поставили котелки на стол и посмотрели на довольного старшину. Он вслед за ними бережно поставил около них миски с чем-то вкусно пахнущим.

— Идемте еще раз. Хлеба возьмете и ложки. А я чай захвачу, — сказал он окончательно повеселевшим ребятам, которые поняли, что не так уж и строг старшина, каким показался вначале.

Когда было покончено с борщом, кашей из гороха с кусочками сала, хлебом, корочками которого приятели подтерли дно мисок из-под вкусного второго, и чаем, не с сахарином, а с настоящим сахарным песком, они поднялись из-за стола, поблагодарив старшину за вкусный обед. Но он жестом руки показал им, что еще нужно посидеть с ним. Ребята сели. Вглядевшись в озабоченное лицо о чем-то думающего старшины, приятели заметили, что он уже не молод и, как комендант, усталый. Он чем-то напоминал им их отцов, хотя почти и не разговаривал с ними толком, а лишь внимательно разглядывал наевшихся ребят, будто выискивая в них что-то для себя позабытое. А возможно, он вспоминал своих детей, оставшихся с женой и старой матерью в каком-нибудь далеком городке или деревне. Толя, заметив на стриженной голове старшины красный шрам, спросил как можно осторожнее:

— Дядя, это осколок или пуля вас ранила? — Осколком задело, — устало ответил старшина.

— Больно было? — снова осторожно спросил Толя.

— Уж и не помню, давно было. Сейчас все прошло. Да не в этом дело, — вдруг отрывисто проговорил он. — Скажите, когда перестанете бегать из дома и отвлекать нас от службы? Нельзя же так. Матерей беспокоите, нас. Откуда сами-то? — спросил он.

— Казанские мы, — не скрывая, ответил Юра.

— Так вот, ребята, казанский проходит мимо нас в четыре часа дня. Им и уедете, — сказал старшина и спросил: — Как звать-то вас?

— Меня Толей, а его Юрой, — кивнул он на приятеля.

— Вот и хорошо, Толя и Юра. Приедете домой, скажите нашим ребятам, пусть не бегут и не мешают нам в службе. Пусть воспитывают в себе самодисциплину. Ясно?

— Ясно, — ответил за обоих Толя и сказал, как бы чего-то устыдясь: — Мы не хотели вам мешать, мы не на фронт ехали, а в Ташкент, за хлебом. Но если бы приехали на фронт, то не трусили бы и там. Мы с Юркой уже стреляли из винтовки и знаем, как нажимать большими пальцами на гашетки у пулемета «максим». Правда, Юрка?

— Правда, — подтвердил Юра. — Стреляли из мелкокалиберной винтовки и с пулеметом имели дело. На фронте нам это пригложилось бы, — храбрясь сказал он. — Там моя сестра воюет, она летчик, — сказал, оживившись, он и, неожиданно сникнув, проговорил: — А на отца мы получили извещение.

Старшина, посмотрев на Юру сочувствующим взглядом, успокаивающе погладил его по спине и сказал:

— Что поделаешь — война. Она мало кого шадит, проклятая. Она может не убить, может даже не ранить, но в душу влезть так надолго, что некоторым от нее и после победы не успокоиться по истечении многих лет. Вот вы...малышечки, совсем еще дети, как мои сынки, а уже знаете, что война — это горе, голод, слезы, смерть. Нет, вы ее не забудете. Подрастаете, будете жить мирно, а она вам будет напоминать о себе. Отец твой, — обратился он к Юре, — сложил голову за тебя, за вас обоих, за всех людей на земле нашей. Сложил, чтоб вы могли учиться и спокойно жить. Слава твоему отцу. Будь достоин его, — сказал он Юре и посоветовал обоим: — Вам сейчас нужно в такое трудное время вести себя прилежно, как подобает честным людям: стараться лучше учиться и, вообще, быть умными ребятами. А о фронте — думать забудьте. Нельзя вам еще воевать, малы вы. Там и без вас полно нашего взрослого брата. И уезжать из дома нельзя: в военное время может всякое случиться, — наставлением закончил свою речь старшина, вероятно, бывший учитель, со вниманием и тревогой глядевший на беглецов своими серыми, строгими, умными глазами.

— Раз нельзя, так нельзя, — согласился со старшиной Юра. — Больше мы из дома никуда не поедem. Верно, Толька? — спросил он у приятеля.

— Конечно верно, чего там говорить, — согласился Толя.

— Хорошо, что поняли меня, — одобряюще сказал старшина. — Сейчас получим для вас сухой паек на дорогу и давайте домой, только домой, — посмотрел он на часы. — Не забывайте о военном времени и о том, что сейчас главное — дисциплина, требуемая и от вас.

В четыре часа дня наши путешественники сели на проходящий мимо станции «Черусти» поезд, помахали доброму старшине дяде Васе руками и, устроившись по указанию недовольной проводницы на свободной скамейке общего вагона, поехали с комфортом, по сравнению с товарным вагоном, домой.

В поезде они вспоминали о подробностях, происшедших с ними, говорили много о старшине, веселом солдате, их сослуживцах, коменданте, договорились о том, что сообщат знакомым ребятам о неудавшейся поездке не по их причине, а по причине военного времени, и о том, что личная просьба дяди Васи, обращенная к ним — просьба серьезная, и должна касаться всех, надумавших бежать на фронт или куда-нибудь еще.

* * *

К вечеру, на четвертый день (пассажирские поезда тогда проходили свой путь от Москвы до Казани и наоборот почти за четыре дня: двое суток туда, двое — обратно), наши беглецы возвратились домой в сопровождении двух милиционеров, они встретили их на вокзале. Мать Юры и отец Толи, искавшие своих детей с помощью милиции, несколько не были удивлены их приходу. Они знали, что далеко им уехать не дадут и скоро вернут домой. Так оно и получилось.

Родители отнеслись к этому событию каждый по-своему. Отец Толи ограничился серьезным разговором с сыном, а мать Юры, стукнув его раза два по лбу ладонью, поплакала немного, вспомнив отца:

— Был бы отец — такого не случилось бы. Позоришь ты меня перед людьми, — постыдила она сына. — Я эти дни не спала, все думала о тебе. Разве я не стараюсь, не работаю по две смены, чтобы ты был сыт и одет хоть немного? Для тебя и живу, чтоб тебе было лучше. А ты...

Юра понял, что своим побегом он очень огорчил мать. Он старался не смотреть на нее, стыдясь, и, едва дождавшись, когда она перестанет ругать его, разделся и быстро нырнул под одеяло. Не прошло и минуты, как он уже спал крепким, домашним сном.

Проснулся Юра утром от стука в дверь. Его он услышал сквозь

сон. Вроде бы он вставал уже, чтоб закрыть за мамой дверь. И снова уснул. Ему показалось, что это стучат колеса поезда. Но раздавшийся за дверью крик Толи: — «Юрка, открывай! Это я — Толька!», заставил его подняться с постели и вспомнить, что он уже дома.

— Сейчас открою! Не кричи на весь дом, — приглушенно откликнулся Юра и пошел открывать дверь. Открыв ее, он спросил стыдливо: — Ты чего разорался? Хочешь, чтоб соседи услышали? Только этого нам не хватало.

Довольно улыбаясь во всю свою полную рожицу, будто ничего не произошло, в комнату вошел Толя. Юра включил свет и всмотрелся в озорные, серые глаза приятеля. «Неужели ему от отца совсем не попало? — подумал он. — Наверное, нет. Вон как оскалил свои белые зубы».

— Ну, чего уставился? Давно не виделись? — прервал мысли Юры Толя. — Тогда здравствуй! — спокойно протянул он руку другу.

— Здравствуй, — растерянно протянул руку Юра. Он еще никогда ни с кем за руку не здоровался. — Ты чего такой веселый? — спросил он.

— Деньги есть, — показал Толя Юре десять рублей. — Пошли в кино! — бодро предложил он.

— Нет. Не пойду никуда, — отказался Юра. — Смеяться будут все над нами. Тебе хорошо, у вас, кроме Дроздовых, нет других жильцов во дворе. Да и то они культурные люди. А у нас все узнали о нашем побеге.

— Э, чего испугался! Пусть смеются, а ты внимания не обращай ни на кого, вот и все! Давай одевайся, пошли! — снова бодро предложил Толя. — Отец сказал, чтоб я зашел за тобой, и чтоб мы вместе пошли в кино. Он о тебе сказал, что ты неплохой товарищ.

Юра стал одеваться, а Толя продолжал говорить об отце:

— Он хотел меня выпороть. Даже ремень снял. Но потом вспомнил, что я голодным ходил несколько дней перед побегом из-за его пьянки и лишь поругал меня. А тебе как, попало от матери? — спросил он.

— Да, два раза по лбу съездила. Но не больно, — добавил Юра. — Однако рассердилась сильно.

— Это ничего. Хорошо, что так обошлось. Тем более что не сильно тебя стукнула. Была бы жива моя мама, она бы меня тоже стукнула, она хоть и хорошая была, а тоже бы рассердилась. Ну ладно, пошли, — сказал он уже одевшемуся Юре и они, еще более сблизившиеся после побега и благополучного возвращения, поехали в кинотеатр, жуя на ходу лепешки, испеченные матерью.

— Юрка, тебе не кажется, что лепешки с песком? Уж здорово хрустят на зубах, — заметил Толя.

— Они и есть с песком да пылью, — подтвердил Юра. — Мама

собирает муку с пола трамваев, когда ее возят на склады, что у парка Горького. Ты разве не заметил этого, когда еще мы ехали на товарняке?

— Заметил, но я думал, что лепешки испачкались там. А оказывается, вон как. Но ладно, можно есть. Было бы побольше.

В детском кинотеатре «Пионер» шел фильм «Чапаев». У кассы выстроилась большая очередь. Толя протиснулся к знакомому парнишке и, без слов договорившись, посредством взглядов, встал перед ним в очередь. Вскоре он купил билеты и подошел к Юре, стоявшему на всякий случай в очереди. Отозвав его в сторонку, Толя тихо сказал:

— Смотри, я взял пять билетов по два рубля.

— Зачем пять? — удивился Юра.

— Три — толкнем, — с воодушевлением сказал Толя, — а деньги проедем: купим на них что-нибудь повкуснее. По пять рублей дают за билеты двухрублевые. Мне папан сказал, он из нашего класса. Понятно? — радуясь удаче, спросил он и, не дожидаясь ответа, показав на мальчишку, выходящего из очереди, глазами, тихо сказал: — Он давно зимбарит здесь билетами.

— А что такое — зимбарит? — с любопытством спросил Юра.

— Зимбарит — значит перепродает. Иначе говоря, берет билеты по дешевке, а продает подороже.

— Вот здорово! — удивился Юра. — Так можно каждый день ходить в кино и иметь всегда деньги!

— Да тихо ты, не шуми, — остановил бурную радость приятеля Толя. — За это в милицию забирают, билеты отнимают и штрафуют.

До начала сеанса осталось минут десять-двенадцать. Билеты были проданы. Касса закрылась. Но желающие попасть на любимую кинокартину не расходились и ждали, что, может быть, какой-нибудь случай поможет им приобрести билеты. Вот тогда-то и появились билеты «с рук».

— Вам билеты нужны? — подскочил Толя к молоденькому пареньку, разговаривающему с девушкой.

— А что, есть? — обернулся он. — Давай пару.

— Пара — червонец, — предупредил Толя. — На третий ряд с краю. Берешь? — спросил он.

— Ладно, сойдет. Давай билеты, — торопливо сказал паренек.

— Э, нет. Деньги давай.

— Да на, возьми, — протянул парень десятку и взял билеты.

— Еще есть? — подскочил взлохмаченный покупатель, вероятно, студент.

— Один остался, — небрежно ответил Толя.

— Беру. На пятерку, — и он, схватив билет, бросился к контролерше.

У приятелей, после перепродажи билетов, оказалось пятнад-

пать рублей. Довольные, они побежали в зрительный зал. Сеанс начался.

Вместе со всеми они переживали радость победы Чапаева, Анки-пулеметчицы, их товарищей над шедшими в «психическую» атаку белогвардейцами-интеллигентами. Восхищались смелостью Чапаева и в то же время его простотой в обращении с солдатами и крестьянами. Поллюбили Петьку, особенно после того, как он взял в плен и отпустил, из-за болезни брата Митьки, «беляка». А о Фурманове и говорить нечего. Он не побоялся самого Чапаева, замахнувшегося на него табуреткой в пылу гнева. Не испугался Фурманов и выстрелов наших часовых, которые по ошибке, думая, что это враг в кустах, стреляли в него. Все хорошо, все интересно, но плохой конец фильма, где показали гибель Чапаева, его ординарца Петьки, их товарищей.

— Надо же, такой герой и погиб из-за уснувших в дозоре часовых, — расстроился Толя, выходя первым из зала.

— Да, жалко. Не успел переплыть Урал раненый Чапаев. И все из-за часовых и хитрости белогвардейцев, — добавил Юра, следуя за Толей в толпе задумавшихся зрителей.

— Зато память о Чапаеве жива до сих пор, — откликнулся кто-то.

Выйдя из длинного коридора пассажа, Толя предложил Юре:

— Пошли на колхозный базар. Потратим там деньги на что-нибудь съедобное. А заодно и посмотрим, что там делается.

То, что они увидели на рынке, поразило их. Во-первых, большая, как пчелиный рой, гудящая толпа, медленнодвигающаяся вдоль торговых рядов и домов. Во-вторых, множество всякой еды: картофеля, моркови, свеклы, лука, подсолнечного и горохового жмыха, хлеба, ломтевых сухарей, сахара и другой всячины, и даже простой воды, продаваемой мальчишками стаканами в этот знойный, жаркий день. Основные продукты питания стоили дорого. В куше и продаже участвовали только рубли, копейки не имели никакого значения. Здесь Юра с Толей заметили бойкую жизнь одних и не совсем радостную других. Те, что пришли на базар продать что-нибудь из еды или вещей из-за нужды, чтоб купить малолетним детишкам настоящего молока или сахару для капи, или чего-то другого, выглядели невесело. Постоянные же спекулянты, здоровые и красивые, сразу же узнавались в толпе. У них на лицах не было заметно ни горя, ни нужды. Их бойкие, расторопные глаза выискивали в толпе не только нуждающихся покупателей, но и тех, у кого можно было бы что-то выгодно купить и тут же, с выгодой для себя, продать.

А вот покупатели были все какими-то одинаково озабоченными, сосредоточенными, старающимися найти у продающих что им нужно по дешевке, скорее купить и уйти из этого содома домой или на работу. Они сразу выделялись среди торгующих людей

спекулянтов и тех, что приплыли сюда продать полученный на работе кусок мыла или чего другое по необходимости. К таким людям, если они иногда встречались покупателям на рынке, их отношение было лучшим и они к ним подходили за покупкой охотнее, нежели к спекулянтам, которые жили здесь ежедневной базарной жизнью, прикрываясь документами об освобождении их от работ и армии благодаря несуществующим у них, надуманным болезням.

Выступая будто со сцены, румяная торговка, чем-то напоминающая мадам Стороженко из фильма «Белеет парус одинокий», никого не стесняясь, визгливо орала:

Пирожки с картошкой, совсем по дешевке,
Задарма отдаю — пять рублей за пштуку!
Налетай, хватай, а не хватит — не зевай!
Только здесь вкусные пирожки!..

Друзья, привлеченные зазывающим криком, подошли к торговке, чтоб купить у нее пирожки. Но она встретила их настороженным, злым взглядом. словно просверлив их едкими, презрительно сощуренными глазами, она, перестав кричать, хрипло прошипела:

— А вам чего? А ну, проваливай отсюда. Дармоеды, пяташники чертовы. Шныряете по базару — кусошники. Погибели на вас нету. Вот позову сейчас...

Напуганные злым, охрипшим голосом торговки, не сулящим ничего хорошего, Толя с Юрой отошли в сторону и стали думать, как же подойти к ней, чтоб купить у нее пирожки без всякого шума, аппетит к которым невольно возрос. И тут они увидели подошедшего к ней нарядного мальчишку, примерно одинакового с Толлей возраста, одетого в новенький темно-синий костюм. Из-под костюма выглядывала белая рубашка, а на ногах красовались блестящие, хромовые, черные сапожки, собранные в модную гармошку.

— Здорово, Квашня, — поздоровался он с ней по-взрослому. — Подкорми-ка мальчишечку. Дай-ка попробовать твоего «честного товару». С утра не жрамши, — без тени смущения пожаловался он ей.

Толя и Юра с изумлением главели на бойкого и нахального мальчишку, которому Квашня без денег завернула несколько пирожков в газетку.

— Это ты мне дала. А теперь заверни и Пузатому. Он привет тебе велел передать.

— Ой, миленький, так он сам сегодня здесь? — с какой-то сладкой радостью, всплеснув пухлыми руками, почти пропела Квашня и, нагнувшись к стоящей на земле корзине, завернула в газету кучу пирожков. Подавая их, любезно улыбаясь, она сказала маль-

чишке, жадно обернувшись по сторонам: — Волчок, передай Витеньке, десертное достала. Литров десять. Никому не продам, ему оставлю.

Волчок выслушал ее и, ничего не сказав, ушел от нее торопливой походкой, прижав к груди свертки.

Удивленные картиной только что увиденного, приятели осмелели и приблизились к Квашне. Толя, достав из кармана рваных брюк пятнадцать рублей, протянул их торговке и решительно сказал:

— На деньги. Заверни пирожки.

По счастливому лицу торговки было видно, что она еще о чем-то думала хорошим или деньги подействовали на нее успокаивающе, только на этот раз она не прогнала ребят, а спокойно взяла деньги, завернула в обрывок газеты три пирожка и, почти вежливо, подала их покупателям.

Приятели разделили пирожки поровну и тут же съели. Но с базара не ушли и, о чем-то оживленно говоря, оказались в толпе. Им было любопытно посмотреть на всех и все. Устав от шума людского, осмотрев почти весь базар, увидев много интересного, они решили еще побывать здесь, но уже не с пятнадцатью рублями.

— Юрка, как только мы с тобой разбогатеем, обязательно придем сюда, — проговорил возбужденно Толя. — Наедемся здесь всего до отвала, а там и помереть можно будет, — сказал он словами отца, который часто говорил после выпивки: «Эх, закусить бы сейчас икоркой дальневосточной кетовой, да до отвала бы, а там и помереть можно».

По дороге домой, они предлагали друг другу множество способов, как разбогатеть. Но все варианты, большею частью предлагаемых Толей, им же самим и отвергались. Он рассуждал так:

— Торговать билетами не всегда выгодно, только когда идут хорошие кинокартины. Продавать по части хлеба от пайка и копить деньги — тоже ни к чему. Сначала не доедим, а потом переедим — получится то же самое. Нет, надо придумать что-то другое. А что? — спрашивал он. — Ты тоже давай думай, каким образом нам с тобой разбогатеть, — обратился он к молчащему Юре.

— Я думал, но ничего не смог придумать, — с сожалением сказал Юра.

— А я, кажется, придумал! — вдруг радостно сообщил Толя. — Ты видел на улицах чистильщиков обуви, пацанов? Так вот, они сидят у домов и чистят прохожим сапоги и ботинки. За сапоги берут пятерку, а за ботинки или туфли — три рубля.

— Ну, видел, — сказал Юра и спросил: — Ты хочешь чтобы и мы стали чистильщиками?

— Конечно, — подтвердил уверенно Толя.

— А где мы достанем ящик для чистки обуви, крем и щетки?

— Ящики сделаем сами, у отца в мастерской, крем купим в магазине «Люкс», а щетки попросим на время у ребят. Пока свои не купим.

Через день, как равноправные чистильщики, приятели со своими удобными отполированными ящиками, с крепко прибитыми накладными подставками для ног появились на улицах города. Они выбирали людные места, где не было конкурентов. Но в первое время им не везло. Пришлось им, понаблюдав за «коллегами», выучить бойкие, зазывающие слова и предложения к клиентам, поучиться издали у мальчишек мастерски и еще лучше счищать от пыли и грязи обувь щетками коричневого, черного и светлого цвета, наведя потом на них соответствующий лоск кремом, парафином и бархоткой. Они бойко кричали прохожим:

Идите сюда, идите к нам!

Почистим сапоги, ботинки вам!

Черные ботинки будут, как картинки!

Белые ботинки будут, как снежинки!

Парусиновую летнюю обувь приятели приспособились чистить зубным порошком, намочив его в баночке с водой. Клиентов, носивших эту удобную и недорогую обувь, хватало, как и других, предпочитающих темную. Они с большим удовольствием подходили к веселым мальчишкам, нежели к профессионалам ассирийцам, работающим на центральных улицах и у базара. По-видимому, взрослым нравилось, что мальчишки гораздо дольше и старательнее наводили блеск на их не всегда новые сапоги или ботинки. А главное — с ними можно было запросто поговорить и пошутить, забыв о тяжелом времени.

Но вскоре, к неудовольствию нелегальных чистильщиков и их клиентов, этот уличный промысел был запрещен. Профессионалы пожаловались на малый доход, приходящийся на их точки, финансовым органам.

Мальчишки вначале сопротивлялись запрету и все же выходили с ящиками на улицу. Но энергичные меры со стороны милиции: стали ломать ящики или уносить их с собой в отделения — лишили маленьких предпринимателей хоть какого-то заработка. Особенно неистовствовал участковый — рябой старший лейтенант по кличке Ржавый, данной ему пацанами, с улицы Карла Маркса. Завидя его, мальчишки и даже девчонки, кричали Тольке с Юркой: «Атас! Смывайтесь! Ржавый идет!» Но несколько раз, когда не было рядом дозорных, увлеченные работой, они не замечали, как участковый подкрадывался, налетал на них, словно коршун на испуганных воробышков, и, не обращая внимания на просьбы и ругань взрослых, оставшихся с одним нечищеным сапогом или туфлей, уносил

с собой ящики к площади Свободы. Там он поднимался по лестнице на высокую трибуну, откуда в праздники городские власти принимали парады и демонстрации, и закидывал ящики за нее. Он думал, что трибуна, почти в два этажа, и высокий крепкий забор, окружающие громадное здание недостроенного театра оперы и балета в связи с войной, не позволят мальчишкам перелезть через них и достать оттуда запретные орудия труда. Но не тут-то было. Они с трибуны по веревке спускались вниз и с помощью ее поднимали ящики наверх и сами по ней же поднимались. Тогда рассердившийся участковый стал ломать ненавистные ему ящики чуть ли не до щепок, топча их подкованными сапогами. В общей сложности он сломал Тольке с Юркой пять ящиков. Делать новые, поняли они, было бесполезно. Да и строительного материала, что выделил им Толин отец, не осталось.

— Ну, погоди, ржавый гвоздь! Ты еще нас попомнишь! — пригрозили друзья участковому, бросив это полезное, по их понятию, дело, которое хоть как-то поддерживало их.

* * *

Кардины получили письмо из села Заовражное. Юра прочитал его матери:

«Здравствуй уважаемая Варя и твой сын Юра. Кланяется вам семья Гусевых. Долго не могли собраться с силами, чтоб сообщить вам о постигшем нас горе. Но вот решились написать. Ваш свекор, Егор Дмитриевич, умер 23 июня. Хоронили его, как уважаемого человека, всем селом. На могиле поставили деревянный памятник со звездой. Сделали ограду из штакетника. Вообще все как положено. Перед смертью он вспоминал о вас и жалел, что не мог приехать к вам, беспокоился о внуке Юрке. Если вам живется тяжело, пусть приезжает к нам. Примем как родного. У нас в селе имеется школа. В ней он сможет учиться. Дом ваш хотя и стар, но его можно продать. Правда, покупателя сейчас затруднительно найти. За Егором Дмитриевичем осталось капиталу две тысячи сто рублей, ватное пальто, чесанки-самовалки и другие вещи. Когда Егор Дмитриевич был живой, то он отдал в помощь Красной Армии полушубок, сапоги, четыре тысячи накопленных денег на постройку самолета. Кажется, о чем нужно, сообщили подробно. Если чего не так, то приезжай сама, обо всем узнаешь. Может, чего и упустил. Пишет-то вам под мою диктовку внучка Прасковья.

Пока до свиданья. С поклоном и уважением Гусевы.»

Варвара Лукинична, выслушав письмо, с горечью пожаловалась сыну:

— Что за время? Просто беда... Близкого, родного человека похоронить не смогла. Сообщили поздно. Да и знают там, что до-

бираться из города до села теперь трудно, не успела бы. Эх, времечко...

Юра смотрел на мать, моргая глазами, но ничего не говорил, боясь потревожить ее расспросами, отчего она могла и заплакать. А он давно не видел ее плачущей. Наоборот, она становилась с каждым днем все молчаливее и суровее. Читая ей редкие письма от Зои, он видел выражение ее глаз и лица, почти не меняющимися. Видимо, она давно примирилась с тем, что война, не спрашивая согласия, отнимает у людей самое дорогое — родных.

— Попробую отпроситься у мастера дня на три, — прервала молчание мать. — Может быть, отпустит. В отпуск-то я не ходила, почитай, с самой войны. Съезжу в Заовражное. Привезу оттуда, что смогу, — сказала она сыну. — А ты поживешь без меня. Картошка осталась, немного муки для клецок, растительное масло, а чтоб получились супы вкуснее, сходите с Толей на Черное озеро и нарвите там лебеды или крапивы, если еще остались, не выдраны людьми. Порции моего хлеба нарежь тонкими ломтиками, клади их на фанеру и переворачивай, чтоб они не испортились на подоконнике у окна. Понятно? — спросила она и добавила. — Смотри, живи без баловства.

— Я понял все, мама, не волнуйся, не маленький я. Все будет в порядке, — пообещал Юра. — Поезжай спокойно.

— А может, поедешь со мной? — предложила мать. — Останешься у Гусевых до окончания войны. Они хорошие люди, родственники нам, правда, дальние. У них хорошо тебе будет.

— Что ты, мама, — испуганно возразил Юра. — Я там никогда не был и никого не знаю. И школа там, конечно, не как у нас, и ребята, — добавил он.

— Как хочешь, — спокойно согласилась мать. Она знала, что ее городскому сыну будет нелегко там прижиться.

На другой день мать уехала. Юра остался один. Вернее, не один, а с приятелем Толей. Вместе они варили супы, убирались в комнате, ходили в магазин, собирались с мальчишками поболтать о всякой всячине и поиграть.

Обычно Юра с Толей, к которому быстро привыкли мальчишки, играли во дворе, а вечером в общем коридоре, где горела единственная тусклая лампочка, по очереди вывешиваемая жильцами, соревнующихся между собой в экономии то ли мощности лампочек, то ли в их дешевизне. Интересно было при таком полумраке рассказывать что-нибудь страшное.

Сегодня мальчишки уселись в закутке на Юркином ларе, чтоб услышать от кого-нибудь из них новый, необыкновенный случай из жизни города или что-нибудь любопытное.

— Ну, кто чем может похвастаться интересным или рассказать о неизвестном нам случае? Кто смелый? — спросил на правах старшего Толя. — Давай, начинай. Нам все интересно.

Выдержав вежливую паузу, головастый, толстенский Гриппа, самый младший по возрасту, несмело проговорил беззубым ртом:

— Я жнаю пье случай стапный. Вы о нем ничего не жнаете.

— Давай, рассказывай, — нетерпеливо попросил его Толя.

— Так вот, — таинственным, обыденным началом, как все, начал говорить Гриппа. — К нам пьиходила тетя Оля. Она ясказала маме об одной женщине. Пьиснилось жначит ей... Да тихо вы, — робко попросил он распевелившихся от нетерпения ребят. — А то ясказывать не буду, — предупредил он, больше по привычке, остальных рассказчиков. Все затаенно утихло и перестали шевелиться, а Гриппа продолжил: — Снится, жначит, ей муж весь в чейном, в костюме. А сам он погиб на фонте. Его убили немцы. А он вдьюю пьипшел к жене ночью и говоит: «Не ходи мимо кьемьевской стены, а то она обвалится и жадавит тебя. Только об этом никому не ясказывай». А она не повеила ему и ясказала соседке, когда собьалась на яботу. Когда она пьеходила мимо стены, стена обвалилась и жадавила ее. Насмейть, — добавил он.

— Ух ты, — испуганно протянул Вадик. — Значит правду говорил ей муж.

— Как же он мог говорить правду, если он убитый? — заметил Толя.

— А так. Очень просто. Он же превратился в духа. А с неба знают и видят все, — объяснил Вадик. — Мне бабушка рассказывала. Ей, женщине, перекреститься бы надо было и не говорить о своем сне никому. Тогда бы ничего не случилось, — заметил он.

— И я знаю про страшный случай. Случай так случай, — вступил тут Борис. — Слушайте. В одной черной-черной комнате, — начал он также таинственно, — стоял черный-черный стол. На этом черном-черном столе стоял черный-черный гроб. В этом черном-черном гробу лежала черная-черная покойница. У этой черной-черной покойницы не было одного черного-черного пальца. — Помедлив, Борис посмотрел в полутьме на затаивших дыхание мальчишек, ждущих с нетерпением окончания, и вдруг как закричит: — Отдайте мой черный палец!

Вздрогнули мальчишки от требования покойницы, по их телам пробежали холодные мурашки. Они невольно вспомнили про зарубленную топором тетю Аню. Им стало жутко. Однако, немного погодя, когда все успокоились, Толя тоже решил рассказать про случай.

— Слушайте, теперь я расскажу про черное. Это будет пострашнее. Итак: по одному черному-пречерному городу шла черная-пречерная машина-фургон. Света нигде не было. Въехала машина на черную-пречерную улицу и тихо поехала по ней, будто чего-то выискивая. В кабине черной-пречерной машины сидели грозные мужики в черных-пречерных халатах. Своими черными-пречерными глазами они высматривали кого-то. Завидя их, думая,

что это едут бандиты, прохожие от испуга шарахались в стороны и прятались в подворотнях. А когда машина проезжала рядом с ними, они успевали прочитать на ее черных бортах и задней стенке..., — тут Толя посмотрел на ребят, будто спрашивая их, что же там было написано. Но все с напряженным вниманием ждали ответа от рассказчика. И Толя закончил банальным вскриком: — Хлеб! Хлеб!

После небольшого оцепенения мальчишки расхохотались над таким необыкновенно простым окончанием рассказа. А Гриша, обрадовавшись тому, что на его рассказанный первый случай обратили внимание, снова решил удивить мальчишек.

— А я еще слышал по случай, — сказал он, когда все замолчали.

— Давай. Чего же молчишь? Рассказывай, — посыпались на него нетерпеливые просьбы.

— К одной жнакомой с маминой яботы, пьежала едственница. Она на колхозном базаре купила пиежок, а там оказался человеческий ноготь от пальца...

— Ты чего брешешь?! — вдруг подпрыгнули все от звонкого голоса Гришиного старшего брата, тихо подкравшегося к ним. — Люди болтают всякую ерунду, а ты подхватываешь! Я те смотри — будешь много болтать! — пригрозил он. — Пошли, пацаны, лучше в тот коридор, на кухню к Капиным. Я расскажу вам страшнейшую вещь, про Вия, — предложил Сашка и, крадучись, зная, что там не жалуют чужих, двинулся на цыпочках в конец коридора. Мальчишки, осторожно ступая, пошли за ним.

Рассмотрев в углу кухни, от света коридорной лампочки, еле проникающего в это помещение, здоровенный ларь, Сашка подошел к нему, открыл тяжелую крышку и, посветив зажженной спичкой, заглянув в него, тихо сказал:

— Лезьте сюда. Тут пусто.

Мальчишки, подсаживая друг друга, осторожно юркнули в ларь, прижались по углам и дали спокойно влезть в него здоровенному Сашке, прикрывшему крышку. На кухне вновь установилась мертвая тишина, если не считать возни, удобно рассаживающихся на дне ларя мальчишек.

— Все хорошо уселись? — заботливо спросил Сашка.

— Все, — тихо ответили мальчишки. — Только трудно дышать: воздуха не хватает. И жарко, — добавили они поочередно. — Открыть бы немного крышку.

Когда все приготовления были завершены, Сашка начал рассказывать им неизвестную повесть-сказку Гоголя про бурсаков и про красивую панночку, оказавшуюся ведьмой. Слушая рассказчика, мальчишки, затаив дыхание, представляли страшную старуху со сверкающими глазами и клыками, выпирающими из-под тонких губ, оседлавшую философа Хому Брута и взлетевшую на нем

в поднебесье. А затем Хому, оседлавшего благодаря битью по бокам поленом и молитвам ведьму-панночку, попросившую у него пощады. Тайнственность обстановки — темнота, тишина, умелое повествование рассказчика о страшнейших сказочных превращениях красавицы-ведьмы и страданиях Хома Брута при чтении молитв в ночной закрытой церкви — заставляли ребят не раз вздрагивать и пугаться малейшего шороха, словно они сами находились рядом с гробом покойницы, летающим по воздуху около них. Им казалось, что злая панночка вот-вот их схватит мертвыми, холодными руками и унесет в поднебесье, в ад. Мальчишки прижимались друг к другу от страха, не обращая внимания на струившийся по их спинам жаркий пот.

— Вия! Приведите Вия! — вдруг жутким, громким шепотом прокричал Сашка, отчего по телам мальчишек поползли теперь от ног до волос на голове леденящие мурашки. — Подымите мне веки отяжелевшие! Веки подымите! Я не вижу его! — изменил голос рассказчик. — Вот он! — закричал Сашка громче и добавил во весь звонкий крик: — Спасайся, кто может! Покойница тетя Аня идет!

Выскочив первым, Сашка быстро прикрыл за собой крышку от ларя, стукнув кого-то ею по голове и, придерживая ее, тяжелую, своим телом, начал стучать по ней руками и ботать по передней стенке ботинками, как по большому звучному барабану. Мальчишки заорали, кто-то заплакал, умоляя Сашку выпустить их, но тот продолжал неумолимо стучать по доскам и кричать: «Покойница! Тетя Аня! Всех заберу в ад крошечный!..» Услышав замочный щелк и лязг цепочки открываемых дверей, Сашка бросился бежать из кухни. А испуганные, ревущие мальчишки предстали перед воинствующей, грозной Олежкиной матерью, включившей свет в кухне. В руке у нее была скалка. Если бы не тетя Викторина, маленького Саши мать, успокаивающая напуганных мальчишек, помогая им вылезти из злополучного ларя, тетя Галя, наверное, огрела бы их хорошенько скалкой, которую крепко держала в правой руке.

* * *

Варвара Лукинична привезла из родного Заовражного, оставленные Егором Дмитриевичем деньги, чесанки и мешок муки. Большого груза она не могла взять с собой: много ли унесешь на себе. Но и этому она была рада: все ж таки, если экономить, то денег и муки, по ее расчетам, им с сыном должно бы вполне хватить на месяца два с небольшим. Да еще можно прикупить Юрке телогрейку и что-нибудь из обуви, а то все лето босиком да босиком.

Встречи с родным селом, с подругами и знакомыми не прошли

безрадостно для Варвары Лукиничны. Правда, она всегда представляла их по-иному. Но... война. Да и годы прошли немалые: то ли изменились и отвыкли они друг от друга, то ли огрубели от тяжелой работы. Но встречи больше носили деловой характер: вопросов и ответов о жизни. Побывала она на могилах родных, поговаривала, поделилась мысленно с ними своей нелегкой судьбой. И уехала, веря, что еще когда-нибудь побывает здесь с сыном и дочерью.

— Ну как, мама, съездила? — на четвертый день вечером встретил Юра мать. — Какие новости привезла из деревни?

— Есть и новости, — довольная встречей с сыном улыбнулась мать. — Что смогла, привезла. Картошку отдала государству, потому как съездить туда не смогу больше до следующего лета. А она пропадет просто на корню. Гусевы приглашают тебя к ним пожить. Школа там есть. И все в деревне лучше. Поедешь, что ли?

— Нет, я же тебе говорил в прошлый раз, мама. Разве я тебя оставлю одну, — снова отказался Юра. — Да я там никого и не знаю. Нам с тобой вместе лучше будет и как-никак мы с тобой разбогатели.

— Разбогатели, — задумчиво повторила мать. — Надолго ли? А лучше бы и вовсе не было ничего, лишь бы дедушка был живой, — вздохнула она. — Мы и так как-нибудь прожили бы.

— А как, мама, дедушкин дом? Там живет кто-нибудь? — спросил Юра.

— Никто не живет. Но его попросили для школьников. Класс будет там. Я отдала. Пусть дом деда будет памятью ребятишкам, — сказала мать и добавила: — Где теперь новое-то строить? А дом деда как раз им.

— Мама, чай будешь пить? Мы с Толей заварили его из душицы и мяты, набрали мы их за Коровьим мостом, у озер. Скипятили в чайнике. Он еще горячим должен быть, — предложил Юра.

— Конечно попою, — с благодарностью посмотрев на сына, сказала мать и стала развязывать дорожный узелок, лежащий на столе.

— Юрка, победа! — стремительно открыл дверь и вбежал в комнату Кардиных возбужденный Толя. Увидев Юрину мать, он остановился и тихо сказал: — Здравствуйте, тетя Варя. С приездом вас.

— Здравствуй, Толя, — ласково сказала она. — Какая победа? Где? — с затаенной надеждой спросила она.

— На Курской дуге! Сейчас по радио передали сводки из Совинформбюро! Наши войска освободили много населенных пунктов и даже городов! Враг повсюду бежит! Так сейчас передал Левитан! — одним духом выпалил Толя.

— Это победа, но еще не совсем, — почти разочарованно ска-

зала мать. До полной победы, наверное, еще далеко. Но и то ладно, — удовлетворенно улыбнулась она. — Давайте ваш чай будем пить. Я гостинцев привезла. Проходи к столу, Толя.

Попив чаю, похвалив за него ребят, Варвара Лукинична стала собираться на работу. Короткий срок ее отпуска заканчивался сегодня вечером

— Вы будете ночевать у нас или пойдете к Толе? — спросила она у мальчишек.

— У нас, — ответил Юра. — Только жаль, что у нас почему-то давно не говорит и не поет радио. Что-то случилось, что ли, с ним? — спросил он у мамы.

— Не знаю, — ответила мать. — Я в этом не разбираюсь. Надо будет у кого-нибудь спросить.

Сдружившиеся мальчишки давно не беспокоили Варвару Лукиничну. Они после побега и возвращения домой не нарушали дисциплины. Жалоб на них со стороны соседей почти не было. Да и находились они большей частью теперь не во дворе. Толя с Юрой, пока было тепло, взяв с собой еду на целый день, уходили за реку Казанку. Там они собирали шавель для супов, полезные травы от болезней и для чая, купались в озерах, загорали и мечтали о хорошей жизни.

— Толя, как ты думаешь, в этом году закончится война? — спросил Юра лежащего на траве рядом с ним приятеля.

— Не знаю, — подумав, ответил Толя. — Наверное, нет. Много городов пока еще под немцем, говорил мне отец.

— А ты пробовал когда-нибудь шоколадные конфеты? — задал новый вопрос Юра.

— Кажется, пробовал. Сейчас уж и не помню. Знаю, что каких-то конфет много до войны переел, но были ли они шоколадными, точно не помню, — равнодушно ответил он. — По мне так их вообще бы хоть не было. Были бы хлеб и картошка, да молочка немножко, — улыбаясь проговорил Толя, довольный, что так складно ответил товарищу. — А шоколад так себе. Им не наешься.

— А я бы попробовал хоть одну шоколадку. Наверное, они очень вкусные, — признался Юра.

— Конечно, вкусные. Недаром же их летчикам дают, — подтвердил Толя.

— Ну вот, а ты говоришь, что для тебя их вообще бы не было, — обрадовался Юра тому, что заставил и Толю сознаться в этом.

Смутившись, Толя повернулся в сторону озера и стал разглядывать летающих над водной гладью чаек, о чем-то думая. Помолчав некоторое время, он, будто вспомнив что-то, опустил голову к траве и с какой-то настороженностью в голосе проговорил, обращаясь к Юре:

— Помнишь того мальчишку на базаре? Что взял у Квашни пирожки? Он — вор, — почти утвердительно сказал Толя.

— Вор? — удивился Юра. — С чего ты взял? — с беспокойством посмотрел он на Толю.

— С чего? Ты разве не видел, как он здорово одет? А как он разговаривал смело с торговкой? Мы же слышали. Так могут разговаривать только воры, — уже с уверенностью определил Толя. — А кличка Волчок? — последовал новый вопрос. — Их дают только вора́м, — ответил он на него сам же. — Помнишь в книге «Рыжик», когда Санька со Спирькой попали в воровскую шайку, у всех воров были клички. Косоручка, Мошка, Каракуль, Немец, Англичанин, Фомкач, Сонька — Золотая ручка, — перечислил Толя на память клички из шайки.

— Помню, — сказал Юра. — И я еще тогда подумал, что он не простой пацан. Но чтоб был вор...

— Вор он — это точно, распахал, перебил Толя Юру. — Я тоже хочу стать вора́м, как Фомкач! — не стыдась, вдруг сознался он. — Помнишь, как он кидался деньгами в трактире?! Как здорово одевался и какое имел уважение в шайке воров?! — с оживлением спрашивал он Юру, увлекшись опасной, нехорошей мечтой.

— А ты разве не помнишь, как Фомкача при воровстве поймали и здорово избили? — ответил вопросом на вопросы Юра, стараясь выразить в этом воспоминании весь ужас воровской профессии.

— Ну и что? Потом он выздоровел и снова воровал, — не сдавался Толя.

— Нет, плохо быть вора́м. Стыдно красть у людей, — с убеждением сказал Юра и они перестали говорить об этом.

Поход к красному дому. Кража. Интересная компания. Дерзость

Путешествия в пределах города или вблизи его уже не устраивали любопытных мальчишек. Толю и Юру давно манило одинокое красное здание, видимое издалека, с двумя рядами стоящих высотных мачт и переплетающимися между ними проводами. Оно располагалось на возвышенности у Троицкого леса за рекой Казанкой, на юго-восточной стороне. Одни знакомые мальчишки говорили, что это — городская радиостанция, другие — пункт управления взлетами и посадками самолетов, расположенный в стороне от аэродрома, но самым интересным было утверждение Бориса, что высотные мачты сделаны из дерева. Доподлинность существующих разговоров решили проверить и наши приятели. Боря, конечно же, увязался за ними.

Ранним погожим утром, собравшись, они поехали на трамвае к Арскому кладбищу. Пройдя мимо церкви и могил по длинной аллее, по краям заросшей высокими деревьями и декоративными кустарниковыми растениями кладбища-леса, они вышли к высокому обрыву. От аллеи дальше шла вниз тропинка, круто спускающаяся по оврагу в низину. Там они по неизвестной пыльной дороге, пролегающей вдоль левого берега Казанки, обросшего зеленым, душистым кустарником и травой, двинулись к таинственному дому.

Солнце светило им прямо в глаза. Но наши путешественники, стараясь не глядеть на него, изредка разговаривая, шли и с интересом рассматривали попадающиеся им по пути огороды, кустарники, редкие деревья, птиц, летающих стаями и в одиночку. Идти босиком по теплой дороге было легко и приятно. Неожиданно их внимание привлекли купающиеся в пыли воробьи.

— Юрка, Борька, вы знаете почему воробьи хвостами и крыльями потряхивают в пыли? — загадочно спросил их Толя.

— От радости, — первым ответил Боря. — Наелись комаров и мошек досыта.

— Не знаю, — пожал плечами откровенно Юра.

— Эх вы. Они таким способом избавляются от птичьих вшей, — поучительным тоном сказал Толя.

— Скажешь тоже, — не поверил Боря. — Какие у них вши?

— А вот такие. Нам старший вожатый из школы говорил, — авторитетно сказал Толя.

— Смотри-ка ты, — удивился и Юра. — Я тоже думал, что у птиц вшей не бывает.

— Еще как бывает. У птиц и людей — вши, а у кошек и собак — блохи. Пошли лучше по траве. А то они по ногам на нас переползут, — предложил Толя. — Мы с Юркой недавно избавились от вшей, — не стеснясь, сказал он Боре. — После поездки на Москву, они нас дня три нещадно жрали. Просто сил не было от их укусов. Юркина мать догадалась нас осмотреть. Пришлось белье прокипятить, постричься наголо и в бане мыться часа два.

— Тифозная вошь — страшнее пули на фронте, — сказал Боря. — От нее, заразы, могут умереть тысячи людей сразу. Мне об этом отец сказал. Он все ж работает в «желтом» доме санитаром, знает. Поэтому он каждую неделю заставляет всех нас ходить в баню.

Высоко поднимая ноги, мальчишки топали по травянистой неровной обочине дороги. Иногда оглядываясь назад, они рассматривали Подлужку, прижатый к ней огромный парк культуры и кладбище, объединенные общим зеленым лесным массивом, казавшиеся им уже далекими. Но и до красного дома было еще далековато. Казалось, что он не приблизился к ним ни на полшага.

— Как ты думаешь, Толя, за сколько часов мы дойдем до дома? — спросил через некоторое время как-то кисло Боря.

— За полчаса, а возможно, и за час, — ответил неуверенно Толя.

— Мы уже идем, наверное, целый час, — заметил Юра.

— Нет, тебе так кажется. Когда идешь по незнакомым местам, всегда так кажется, — сказал спокойно Толя, оглянувшись назад.

— Интересно, бывал ли кто-нибудь из мальчишек у красного дома? — спросил Юра.

— Едва ли, — уверенно ответил Толя. — Не всякий решится идти в такую даль. А вот мы посмелее, идем и ничего не боимся! — бодро сказал он.

Путешественникам казалось, что они давно вышли за край обитаемой земли, где до них никто не бывал. Оставив дорогу в стороне, они топали к намеченной цели по высокой траве, цепляясь пальцами ног о ее жгучие стебли.

Но стоило им услышать гудок паровоза, тянувшего наверху, вдоль холмов, пассажирские вагоны, почти в противоположную сторону от Москвы, приятели поняли, что до края таинственной необитаемой земли далеко-далеко. Однако они все равно воображали себя первооткрывателями и считали, что первыми из всех мальчишек достигнут загадочного дома, посмотрят на него вблизи и, возможно, узнают о точном его назначении.

— Смотрите, пацаны, дом приблизился! — неожиданно крикнул Толя приятелям, идущим за ним, больше глядящим под ноги. — Еще немного — и мы подойдем к нему! — огласил он радостно окружающую их окрестность.

— Ты чего раскричался? Мы что — слепые, что ли? — недовольно остановил его пыл Боря. — Сами видим, что подходим, — пробурчал он.

— Ты чегой-то, Борька? — опешил Толька. — Недоволен, что ли? Мы ж все-таки дошли.

— А с чего быть довольным-то? Ну, дошли. Постоим у дома. И обратно? Стоило ради этого столько топать, ломать ноги, — разочарованным, усталым голосом сказал Боря.

— Ты чего, устал, что ли, Борька? — спросил Толя.

— Конечно, устал, — сознался Боря. — А еще надо идти обратно. Опять по траве босиком.

— Зато мы увидели мачты вблизи, — победно улыбаясь, сказал Толя. — Они и правда деревянные: каждая мачта состоит из нескольких столбов, скрепленных железными обручами! Мы не зря сюда пропутешествовали! — бодро похлопал он приятелей по плечам.

— Вообще-то, конечно, не зря, — поддавшись настроению Толи, согласился Юра. — Но есть охота, — протянул он. — Прямо сосет в животе. И голова от жары кружится.

— Сейчас пойдем обратно. Давайте посидим немного на траве, отдохнем и пойдем обратно по дороге, — предложил Толя.

— Нет, Толька, — не согласился с ним Юрка. — Надо подойти к колючей проволоке, поближе к тому грибу, где стоит часовой с винтовкой. Спросим у него про дом. А потом пойдем.

Мальчишки подошли, насколько могли, к часовому, стоявшему шагах в двадцати от колючей проволоки. Толя, сложив ладони рупором, прокричал:

— Дяденька часовой! Объясни нам, пожалуйста, что это за дом?!

— Я вам объясню! Сейчас! — зло дернул он затвор винтовки. — А ну, марш бегом отсюда!

Толька, удержав мальчишек, приготовившихся к отступлению, настороженно глядя на долговязого часового, тихо сказал:

— Не бойтесь, не стрельнет. Не такой уж он дурак, чтоб в мальчишек стрелять, — сказал Толя громче. — Не положено.

— Конечно не дурак, не стрельнет, — согласно подтвердил Юра. — Мы что ему, шпионы.

— Пошли отсюда, — вдруг сказал Толя. — Он все равно ничего не скажет: военная тайна.

— Пошли, — охотно согласились мальчишки. — Быстрее дома будем.

Побывав около таинственного красного дома у Троицкого леса, усталые, но все же довольные, приятели, спустившись вниз, зашагали по дороге домой, весело вспоминая о грозном часовом.

К полудню жара стояла уже невыносимая. Только редкие облачка, плывущие в белесо-синем небе, да трусики спасали детские открытые тельца от нещадно палящих лучей солнца. Путешественникам хотелось теперь не только есть, но и пить или хотя бы освежиться в холодной воде. Но приходилось идти, еле передвигая ноги по горячей земле, шли молча, без хныканья, выдерживая изнурительный зной и прочие невзгоды. Первым, подняв голову, прервал молчание Толя:

— Пацаны, а что вы скажете в отношении того, чтоб нам искупнуться? Казанка рядом, — сказал он веселее.

— Конечно, давайте искупнемся, — поддержал его тут же Юра. — Жарко.

— Но только подальше отсюда, — согласился и Боря. — Тут глубина неизвестна. А около огородов я несколько раз купался, — удивил он мальчишек неожиданным сообщением.

— Когда это? — не поверил Юра.

— Недавно. У нас здесь огород рядом, — проговорился Боря, чем еще больше удивил товарищей.

— Что ж ты раньше, когда мы проходили мимо, не сказал нам об этом? — с укоризной, но все ж с какой-то радостью спросил его Толя. — Мы б хоть по одному огурчику взяли.

— Ты что? — вытянул свое и без того удлиненное лицо Боря. — Отец узнает — убьет. Они еще не совсем спелые.

— Ладно, все ясно, — как можно спокойнее сказал Толя. — А рядом с вашим огородами есть? — спросил он.

— Конечно, есть! — отлегло у Бори от сердца. — Туда я вас и веду, чтоб искупаться, — слукавил он.

Между грядками, по тропинке, они спустились к речке и, сняв трусики, голышом зашли в теплую воду. Чем дальше уходили они от берега, тем глубже и прохладнее становилась вода. И вот они уже на середине речки, а им всего до пояса. Но и это хорошо, тем более что Юра не совсем еще научился плавать, а Боря вообще не умел.

С удовольствием побарахтавшись в воде с полчаса, мальчишки вспомнили о доме и о том, что рядом с ними грядки с овощами.

— Сейчас бы в самый раз по огурчику съесть перед дорогой, — посмотрел Толя на Боря и смело, без тени смущения, спросил его: — Охранник здесь есть?

— Сейчас нет. Я заглядывал в шалап, когда вылезал на берег, — обрадовал товарищей Боря. — Наверное, где-нибудь на глубокое место рыбачит или ушел домой. Днем здесь мало бывает людей, — пояснил он. — Потому что огороды просматриваются со всех сторон. Попшли потихоньку за мной к огороду доктора из «психушки». У него самые большие огурцы.

Мальчишки, пригнувшись, прячась за береговыми кустарниками, затем по невысокому обрыву подкрались к огороду. Осторожно ступая через растения, они наткнулись на грядки с огурцами, зелеными помидорами, морковью и луком.

— Выбирайте покрупнее, — прошептал Толька, срывая огурцы. — Побыстрее.

Лихорадочно торопясь, они сорвали несколько созревших овощей, быстро выбрались наверх и побежали, пыля босыми ногами по накаленной солнечными лучами дороге. У самого парка они остановились и, переводя дыхание, с улыбкой посмотрели друг на друга, радуясь, что замысел их удался.

Уже спокойнее они выбрали густой кустарник, уселись около него, спрятавшись от солнца, и, вытирая листьями от лопухов пыльные и грязные бородавчатые огурцы, стали есть, громко разговаривая.

— Не зря мы сегодня ходили к красному дому. Где бы мы еще поели свеженьких огурчиков, — с удовлетворением сказал Толя.

— Нигде. На базаре не купишь, дорого, — подхватил разговор Юра. — Вот Борьке хорошо, у них свой огород есть...

Но тут блаженству приятелей был положен неожиданный конец. Из-за соседнего кустарника вдруг выскочила на них огромная немецкая овчарка. Пролаяв два раза, в метрах трех-четырех от них, она с рычаньем набросилась на испуганных мальчишек.

Только, загородивший собой прижавшихся к нему товарищей, вскочивших вслед за ним с травы, размахнувшись, бросил огрызком огурца в собаку. Овчарка, ловко отскочив в сторону, оцетибилась, показав острые зубы, и зло зарычала. Через секунды две, быстро оценив противников волчьими сердитыми глазами, она снова бросилась на них, успев цапнуть за зад Боряку, пятившегося за Юркой. Клок трупов с мясом был выдран. От боли Боряка завизжал так громко, что овчарка от испуга отскочила снова в сторону. Только вновь изловчился, кинул большим огурцом в собаку и попал ей прямо в нос. Овчарка, еще злее мотнув головой, чихнула и снова бросилась на них. На этот раз пострадал Юрка. Овчарка зубами успела куснуть его за руку повыше локтя и проскочить мимо. Пришлось мальчишкам кричать и звать на помощь.

Мужчина в военной форме, с перевязкой из марли через плечо для поддержки раненой руки, и молодая женщина, гуляющие у парка, услышав детские крики о помощи, поспешили на голоса. Они успели вовремя. Овчарка готовилась к новому прыжку. Мужчина, схватив палку с земли, закричав «пошла вон!», смело бросился к овчарке, а женщина, подбежав к мальчишкам, обняла их за плечики, оберегая, словно курочка своих цыплят, от опасности.

Показалась хозяйка овчарки, неслышно выпедная из-за кустарника.

Она была молодой и, если бы не злые глаза, красивой женщиной. Увидев в руке решительного мужчины поднятую палку, она легонько стукнула себя ремешком-поводком по ноге, где заканчивалось платье и, показав пальцем рядом с собой на траву, резко приказала:

— Рекс, сидеть. — Не спуская рассерженных серых глаз с мужчины, она отрывисто спросила: — И что вы за них заступаетесь? Не видите, — кивнула она головой на валяющиеся в стоптанной траве огрызки овощей, — сколько труда пошло насмарку? Пусть бы познали, как брать чужое. Как...

— Ах ты фашист дерганый по башке! — перебив ее, нахмурил густые черные брови военный. — Шайтан-скупердяйка, пожалела несколько огурцов! Пошла вон со своей собакой! Я тебе не позволю малаек обижать за какой-то огурец. Возьми, Фирдаус, малаек за руки и идите наверх, — сказал он черноволосой, статной женщине и, бросив с пренебрежением в сторону палку, через некоторое время стал подниматься за ними по стоптанной тропинке в парк.

— Ибрагим, зачем ты обругал ее нехорошими словами? — с укором спросила Фирдаус, обернувшись к нему. — Разве можно так? — постыдила она его.

— Эх, Фирдаус, прости меня. Мы кровь на фронте проливаем, а какая-то интеллигентка, вооружившись собакой, натравливает

ее на пацанов в нашем тылу. Ведь они голодные, — первничая, сказал Ибрагим.

— Конечно голодные, — согласилась с ним Фирдаус. — Но воровать тоже нельзя. Терпеть надо, — посмотрела она беспокорными и в то же время добрыми красивыми глазами на мальчишек.

— Нехорошо брать у людей не свое, чужое, — уже наверху выговаривал мальчишкам храбрый военный, хотя сейчас и трудно. Они ведь трудятся. А вы... Такая сердитая барышня — сама как собака. Еще раз попадетесь к ней — сама съест вас, — улыбнулся он своей шутке белозубым ртом. — Больше не ходите воровать, — предостерег он. — Добром это не кончится. Идите сейчас к фонтану с лягушками, он действует, там и обмоетесь, — посоветовал он.

— А придете домой, помажьте укусы и царапины йодом, — подсказала им Фирдаус. — Но лучше сходите в больницу: там вам обработают и обеззаразят раны. Кто знает, может собака бешеная.

Никуда и ни к кому, конечно, наши мальчишки не обращались после укусов собаки. Наоборот старались скрыть свое очередное «поражение» от товарищей. А их было два. Первое, когда находились в ларе, слушая про панночку и Вия, второе — у парка. Даже встречаясь друг с другом, они не вспоминали о своих страхах и криках. Было стыдно: мальчишки, а вели себя как девчонки. Однако здесь уместно вспомнить, что Толька, защищая Юрку с Борькой, в битве с овчаркой почти не пострадал. Она лишь поцарапала его когтями, оставив кровавистые следы на ребрах и животе. Мало того, надо признать и Толькину стойкость: он, кажется, не звал на помощь ни у парка, ни из ларя, когда Сашка ботал по нему ногами и руками, создавая адский грохот. Может быть, потому, что был старше Юрки и Борьки на полтора года, терпеливее их. Но самое главное — Толька был корректным пацаном: ни разу не напомнил приятелям об их слабой выдержке.

* * *

После случая у парка дальнейшие путешествия у приятелей не прекращались. Теперь к ним присоединились мальчишки из «банного» двора: Ильдус, Наиль, Шура, Чулпан и Гена — все одноклассники. Они недавно услышали от кого-то о Толькином бесстрашии и его мальчишеской верности. Им захотелось тоже увидеть и убедиться в его смелых действиях не только в уличных играх, но и при путешествиях за город. Первым заговорил с ним Чулпан, ровесник Юрки и Борьки, коренастый, с медным красивым загаром по всему телу, бойкий пацан.

— Тебя звать Толькой, а меня Чулпанкой, — без всяких церемоний представился он. — Ты живешь на нашей улице недавно, в

техникуме связи. Я еще заметил тебя, когда играли в футбол на площади.

— И я тебя заметил тогда, — сказал Толька. — Здорово ты играешь в футбол, — похвалил он его и спросил: — Почему тебе дали девичье имя — Чулпан? Толька ты не обижайся. Ведь это имя с татарского — Венера?

Чулпан не обиделся. Улыбнувшись полноватыми небольшими губами, он весело ответил:

— Так мать меня назвала! Тут уж ничего не поделаешь! Неграмотная она у меня. Но я на нее не обижаюсь. Мне даже нравится имя мое, привык. А это — ты их тоже видел на футболе — Наиль, Шура — «Шургоня», Ильдус — «Исталин» и Гена — «морж». Нас Юрка с Борькой давно знают.

— Знаем. Давно играем вместе, когда встречаемся на улице, — подтвердили они.

Было часов девять утра, когда соседи по домам встретились на улице. После ночного дождя дышалось легко и настроение у всех было хорошее. Толька и его приятели собрались ехать за КазГРЭС: полазить там по немецким танкам и поискать в них неразорвавшиеся патроны, ракеты, а возможно, и найти в них кинжалы и пистолеты. Знакомые уличные пацаны сказали им вчера, что в трофейных «тиграх», «пантерах» и «фердинандах» можно найти их запросто, если постараться. Для этого они взяли с собой брезентовые полевые (военные) сумки, купленные недавно в промтоварном магазине для школы. Они были удобными: вешались на ремне через плечо.

— А куда вы с сумками собрались? — спросил их беззастенчиво Чулпан.

— За КазГРЭС, — ответил Толя. — За патронами и ракетами. Там свалка немецких танков. Если хотите поехать с нами, сбегайте домой и возьмите что-нибудь для них.

— Вы только не уходите. Дождитесь. Мы сейчас, — заинтересовавшись, сказали «банные» мальчишки и побежали через дорогу домой.

Ждать долго «банщиков» не пришлось. Через некоторое время, сев у площади на трамвай «тройку», мальчишки поехали до далекой конечной остановки. Ехали они «зайцами» и в моторном вагоне, и в прицепном, и на подножках, откуда нещадно сгоняли их кондукторши. А уж если видели, что вывели совсем их из терпения, ссаживались и дожидались следующего трамвая, разучивая песню о трамвайщиках, диктуемую по строчкам Толькой, на мотив «Как много девушек хороших».

Проехали они мимо Ленинского сада, кинотеатров «Возовец» и «Чаткы», магазинов, Клуба меховщиков, бани, пивзавода «Красный Восток», пахнущего мылом химкомбината, убивающего своим кислым запахом аромат кондитерской фабрики «Микоян», ва-

ляльно-войлочной фабрики, ледников, складов и, наконец, дымящей во все черные трубы ГРЭС. На конечной остановке, у завода «Искож», рассердившиеся за беспокойный проезд, мальчишки выскочили из трамвая у диспетчерской и, провожая кондукторш и вожатую до нее, во всю громкость прогорланили выученную за время вынужденных стоянок песню:

Как много в городе трамваев,
Как быстро бегают они,
Но лишь один ваш третий номер
Всегда плетется позади.
Вагон идет, как черепаха,
Вожатый спит, как бегемот.
Кондуктор лает, как собака:
— Пройдите, граждане, вперед...

Вожатая и кондукторши послушали песню, посмеялись над босоногими озорниками в длинных темных трусах и пригрозили им:

— Смотрите, поедете в следующий раз! Уши-то надерем! И по заднице нахлопаем!

Но мальчишки, чувствуя себя героями, громко похохотали над их словами и пообещали:

— Если будете нас сгонять с трамваев — мы и не то придумаем! Лучше не трогайте нас! У нас все равно нет денег! А и были бы — мы на них купили бы пирожок! А пока покедова, — прокричал уже Ильдус. — Нам некогда с вами базары разводить!

Мальчишкам до свалки танков пришлось идти пешком. Солнце нещадно палило непокрытые головы и тела ребят. Оно после ночного дождя будто стало злее, растрескав твердую землю на неровные квадраты, кружки и полосы. А может, эти неровности образовались и до дождя: лето-то было засушливым. Редкая пожухлая трава попеременно с мелким углем, шлаком и стеклом заставляли мальчишек идти по этой вытоптанной пустоши, словно по раскаленной от лучей солнца сковороде, вприпрыжку. Несмотря на то, что ступни их ног за лето превратились чуть ли не в твердые подошвы, все ж между пальцами находились слабые места, куда то и дело впивались плак, стеклышки, ржавые проволоочки или синеватые металлические, закрученные спиралью, стружки. Но все ж они дошли до намеченного места почти без ругани и вскриков.

У железнодорожной ветки мальчишки увидели большое количество усмиренных угловатых, разных по форме и величине немецких танков с фашистскими знаками на башнях и боках. Было тихо около них и в округе. Мальчишкам показалось, что они приплыли на какое-то странное кладбище из металла с белыми, желтыми и черными крестами. Но им все равно было интересно не только посмотреть на них вблизи, но и побывать в них изнутри, чтоб раз-

житься какими-нибудь немецкими военными трофеями, ради чего они и пришли сюда.

— Вот это да! Сколько фашистских танков захватили наши войска! — с восхищением прокричал интеллигентный, почти без загара, Генка. Отец у него работал на заводе инженером. — И все они пойдут на перешлавку.

— А вон и бронетранспортеры — радостно отозвался Наиль с одним глазом. Глаз ему выклевал петух, когда ему не было и трех лет, так говорили мальчишки с их дома. — Здесь их вместе с танками целые сотни накидано!

— Сейчас проверим, что в них есть! — сказал обрадованно и Толька.

— А что в них может быть? — спросил скептически Юрка, обведя мальчишек карими глазами. — Уж все, наверное, до нас отсюда растащили, — заметил он.

Сначала робко, осторожно, а потом с полным спокойствием и весельем мальчишки завладели немецкой техникой. В танках было интереснее. В них можно было спрятаться за броней полностью. Они залезали через люки в башни, а оттуда в неудобные отсеки, с непривычки стучаясь головами об углы, полки, внутританковые заграждения, куда, оказывается, можно было пролезть и через боковые ходы. На дне танков, в полутемных отсеках, где были расположены пулеметы, валялось много гильз от использованных патронов. Среди них редко, но находились и целые — с острыми гладкими пулями и непробитыми капсюлями.

Ильдуска, самый маленький по росту из компании, но очень ловкий, первым набил свою сумку трофеями. Еле вытащив ее из бокового люка, откуда вылез и сам, он с радостью оповестил всех:

— Пацаны, я уже набрал патронов! Много! В моем танке их целые сотни! — Из танков повывлезали мальчишки и окружили Ильдуску, удивляясь его скорости. А Толька, пошвырявшись в его сумке, с пренебрежением сказал:

— Это — металлолом. Надо искать вот такие, — достал он из сумки единственный патрон, — чтоб у них были пули и непробитые капсюли.

Вскоре мальчишкам надоело копаться в зеленом и желтоватопотускневшем мертвом металле в поисках нерасстрелянных патронов. Видимо, прав был Юрка, предугадавший, что кто-то до них здесь хорошо полазил. Из танков послышались громкие звуки. Это мальчишки, подражая горлом реву моторов, нажимали на педали, двигали в них рычагами взад и вперед, закрывали и открывали толстозастекленные амбразуры-триплексы, целились из них, прижимаясь к прикладам пулеметов, стреляли по невидимому врагу «та-та-та-та», били из пушек «ба-бах»!

Среди танков мальчишки быстро разыскивали интересные редкие экземпляры, у которых поворачивались влево и вправо, вниз и

вверх благодаря крутящимся круглым дискам с ручками неуклюжие башни вместе с утолщенными на концах дул пушками. По приметам страшных, кое-где облезших от огня, разрисованных масляными красками тигров, пантер, леопардов, рысей и человеческих черепов, мертво взирающих пустыми глазницами с бронированных боков, мальчишки выделили себе «целые» танки с гусеницами и «совсем подбитые», с поврежденными механизмами. Не все сегодня танки и бронетранспортеры ими были осмотрены. Устали мальчишки. Наигравшись в душных от солнца танках, набрав в сумки немного патронов и цветных гильз, они пошли купаться на быстротечную речку, вытекающую со стороны электростанции, мимо которой они проезжали.

— Я не грязный? — спросил по пути Шура.

— Нет. А я?

— И ты нет.

— Видно мальчишки, побывавшие до нас в этих танках, пообтерли всю пыль, грязь и ржавчину, — сказал Чулпан. — В следующий раз махнем в их середину или конец. Там, может быть, найдем и что-нибудь поинтереснее.

На быстротечной речке, особенно у бурного водопада, купалось много мальчишек, девчонок, взрослых людей. Недалеко от купающихся, ниже по течению, подогнув платья, на пологом берегу женщины стирали и полоскали белье, громко разговаривая. И вообще, здесь — на берегу и в воде — все разговаривали громко из-за шумного водопада.

Толя, Наиль, Чулпан, Ильдус, Гена и Шура, сбросив в кучу сумки, сразу же устремились к воде. Зайдя по колено, они друг за дружкой, без раздумья, словно купались здесь всегда, нырнули в быструю речку. Первым вынырнул Ильдус, последним, почти у другого берега, Чулпан. Все они поплыли за Толькой, против течения, к водопаду. Юрка, провожая их глазами, не глядя на Борю, сидевшего около сумок, вдруг сказал ему решительным голосом:

— Я тоже пошел. Попробую поплавать.

— Ты чего, Юрка, сдурел, что ли? Мы же не умеем плавать. А тут глубоко. Ты видел — пацанам здесь с ручками? — спросил он с тревогой. — Утонешь.

Но Юрка, не слушаясь Борю, что только на него напало, вошел в зеленоватую воду, шагнул два шага вперед и, соскользнув, потерял под собой дно. Уже барахтаясь на поверхности, он понял: речка действительно глубока. Утонуть тут можно запросто. Но отступить поздно. И он, размахивая в беспорядке руками вперед, как не умеющий плавать, устремился, закрыв глаза, забыв о дыхании, к противоположному берегу. «Что-то долго нет берега, — подумал он и открыл глаза, — Ой-ей, до берега еще далеко», — испугался он и, закрыв глаза, куда попала разди-

рающая едкая вода, вдохнув жадно воздуха, захлопал еще быстрее руками.

— Ну ты, — услышал он, когда коснулся руками скользкого берега и поднял голову, — чего плещешься, как мельница? Не можешь плавать, не берись. А то утонешь — мамка плакать будет, — презрительно сказал мальчишка лет восьми и красиво перед ним нырнул в воду.

Но довольный и счастливый Юрка не обиделся на мальчишку. Глядя на Борьку, который стоял и смотрел на него с другого берега, он хвалил себя: «Я все ж перешлыл речку. И еще надо будет, перешлыву. Я научился плавать...»

Отдохнув после собственного испытания, Юрка с радостью бросился к бетонному, выбитому до ямок машинами мосту, под которым с пеной и шумом бился неистовый водопад. Перебежав мост, он, улыбаясь, поспешил к Борьке. Рядом с ним вылезал на берег и довольный Толька, встретивший его радостными восклицаниями:

— Ну, ты даешь! Молодец, Юрка! Ты научился плавать! Я видел все издали! Но, — тут он стал говорить тише, — надо было хоть меня предупредить. Я бы рядом поплыл. Тут глубоко все же. В следующий раз поплывешь, руками и ногами действуй спокойнее, голову держи выше, чтоб вода не попадала в глаза и рот, а дышать надо через два-три взмаха руками, равномерно и уверенно. В следующий раз поплывем вместе, — сказал он Юрке, у которого слезились еще глаза, вероятно, и от напряжения.

— Борька, пошли в воду, — чуть ли не в приказном тоне предложил ему Толька. — Покупаешься хоть немного у берега. Жарко же. Я буду рядом с тобой, — сказал он как можно спокойнее. — А захочешь — учить тебя буду плаванью, как мать меня когда-то учила.

Юрка уселся на сумку и вытянул вперед ноги. У него кружилась голова то ли от жары, то ли от едкого мыльного запаха речки, то ли от первого в жизни неумелого плавания. Он, как в тумане, наблюдал за Толькой, держащего на вытянутых руках Борьку, дрыгающего ногами и руками по поверхности воды. Вскоре и он, счастливый, вылез на берег, а Толька поплыл к заманчивому водопаду, где мальчишки боролись с особенно сильным течением.

Долго плавали мальчишки. Юрке с Борькой даже надоело их ждать. Они, разговаривая друг с другом, дали слово, что до конца летних каникул обязательно научатся, как и их товарищи, уверенно плавать на любой глубине. И не будут подолгу ждать их из воды, как сегодня.

Наконец-то все, кроме Генки, повылезали из воды. Пришлось ему кричать с берега:

— Генка! Морж! Здесь не холодная вода! Смотри — сварись! Давай вылезай! Мы пошли! Нам жрать охота!

Наконец-то вылез и упитанный, крепкий Генка. Широко улыбаясь, он пошел вместе с дружной компанией к трамвайной остановке.

Еще несколько раз ездили мальчишки к танкам и речке. За это время у них накопилось изрядное количество неразорвавшихся патронов, а Юрка с Борькой все ж научились плавать уверенно. И все было бы у них хорошо, если бы... не печальный случай. Кто-то предложил извлечь из патронов порох, все равно они им ни к чему, и посмотреть, как он горит. С этой задачей, хоть и осторожно, они справились быстро. Накидав черную кучку у стены бани на заднем дворе, мальчишки заспорили: кому поджечь ее. Жребий пал на Борьку: он вытащил короткую спичку.

— Борька, подальше от себя бросай зажженную спичку, — посоветовал Генка. — И отпрыгивай сразу назад.

После двух неудачных бросков, третья спичка зажглась и достигла цели. К тому времени поджигатель придвинулся, ну совсем на чуть-чуть, к кучке. Но этого было достаточно, чтоб порох, вспыхнув ярким костром, взлетев искрами вверх, моментально опалил Борьке лицо и одежду. Он отпрыгнул назад, схватившись за глаза, потом отдернул руку, чтоб убедиться не ослеп ли, и, увидев испуганных товарищей, глазающих на него, улыбнулся им и сказал:

— Все в порядке. Я вижу вас.

Но его лицо, усыпанное красными точками, без бровей, было невеселым. Хорошо, что в этот августовский прохладный вечер он, как и все, оделся в теплую одежду. А то бы ноги, живот и грудь у него были бы опалены огнем гораздо сильнее, внизу жар был обильнее.

Борьку тут же мальчишки проводили в медсанчасть НКВД, благо она находилась рядом, через улицу, если выйти с банного двора на Лобачевского. Там ему оказали первую помощь, дали с собой противоожоговую мазь и посоветовали сходить на другой день к своему врачу.

К радости мальчишек врач у Борьки «ничего страшного» не нашел. Он сказал ему: «Хорошо, что ты человек мужского пола. Черные рябинки на лице теперь будут тебя сопровождать в течение всей жизни. Брови отрастут и станут еще лучше. Ресницы тоже отрастут. Но, запомни, глаза даются один раз, как и жизнь, а посему запомни: с огнем не шути и не играй с ним больше никогда. Иначе сам понимаешь...»

Правился мальчишкам их врач участковый: худой, доброжелательный старичок с бородкой и в пенсне. Он всегда на приеме говорил с ними серьезно, а когда надо было приободрить, то и в шутиливой форме, не обижая их словесно. С сегодняшнего дня он

для них стал вообще богом, потому что Борьке, по его словам, ничего серьезного не угрожало.

Но теперь мальчишки путешествовали по городу и за его пределы без Борьки. Он, стесняясь, а возможно, ему и запретили родители водиться с компанией, временно отсиживался дома, залечивая ожоги-ранки. А в это время, придя во двор к «банщикам», Юрка с Толькой принесли и им мировецкую новость, услышанную от уличных мальчишек.

— Пацаны, у вокзала, сказали, свалены немецкие самолеты, — сообщил им Толя.

— Это поинтереснее танков, — подтвердил Юра. — Завтра мы собираемся туда. Пойдете? — спросил он.

— Конечно пойдем, — посмотрел Чулпан на ребят. — Полазить по ним и посмотреть, из чего они сделаны — не помешает.

— А может быть, и в них найдем что-нибудь интересное, — подхватил разговор и Шурка. — Например, компас или часы. Там они бывают.

На другой день мальчишки были у вокзала. Действительно, несколько громоздких немецких самолетов покоилось у забора рядом с железной дорогой. Вместе с ними в отдельности от фюзеляжей валялись на земле и вздутые широкие крылья. В некоторых самолетах уже были выворочены приборные щитки, дверки, а у иных и сломаны рулевые управления. Но все равно они оказались пригодными для игр в войну, особенно те, у которых что-то уцелело.

Мальчишки, вообразив себя летчиками, яростно поворачивали влево и вправо штурвалы, дергали шишкообразные черные рычажки, нажимали на педали, подражая голосом гулу моторов немецких самолетов, слышанных в кино, прыгали, будто с парашютом, из открытых дверей и с самих фюзеляжей на землю. Несмотря на фашистские знаки на самолетах, они представляли, что летят на наших, громко крича:

— Шестой, шестой, атакую! Иди за мной! Впереди цель! — приказывал Наиль.

— Десятый, десятый, позади «мессер»! Срочно уходи из-под огня! — советовал Гена. — Я тебя прикрою!

Незнакомые мальчишки, сидевшие в соседнем самолете, увлекшись, тоже кричали:

— Ахтунг, ахтунг! Нас атакуют русские самолеты! Поворачивайте назад! Сбрасывайте бомбы!

— Ура! Я сбил еще одного гада! — прокричал радостно Чулпан. — Юрка, твой тоже горит! Ты сбил ведущего, а я ведомого!

— Шестой, внимание, «фоккер» справа!... И Толька стал забрасывать пустыми гильзами соседний самолет. Из него высунулись недоуменные лица незнакомых мальчишек.

— Ты чего палишь в наш истребитель? — сердито спросил Тольку соломенноволосяй мальчишка. — Это же наш, советский. Не видишь, мы сидим в нем?

— А почему на вашем самолете фашистский знак? — задорно спросил Толька. — И кто недавно кричал: «Ахтунг, ахтунг!»?

— А ты-то на каком летишь? На нашем, что ли?

— А вот на нашем! — снова задорно сказал Толька. — Посмотри на хвост! — Соломенноволосяй выпрыгнул из двери самолета, посмотрел назад и увидел, что на месте фашистской свастики была выпарапана звезда.

— Так любой может, — без обиды сказал мальчишка. — Мы только не знали, что ее можно стереть. А чем вы стерли?

— Железкой, — просто ответил Толя.

— Завтра мы тоже сотрем. Сегодня некогда. Сейчас мы пойдем к складам. Там, может, жмых привезли, — сообщил он. — Пошли с нами, если хотите, — предложил он.

— Пошли, — обрадовался Толя. — А какой там жмых: из семечек или гороха?

— Когда как. Когда из гороха, а когда и из семечек.

— Он называется подсолнечным жмыхом, — заметил худенький товарищ соломенноволосяго. — Он даже лучше, чем белый хлеб.

Мальчишки, вылезшие из самолетов, неожиданно познакомившись, не узнав даже имена, дружно запагали к складам, пробираясь через разбросанные в беспорядке, как им казалось, железнодорожные линии и будки с часовыми. Они подошли к одному из складов вовремя: из вагона заканчивалась выгрузка светло-рыжеватых плит горохового жмыха.

— Не повезло сегодня, — с досадой сказал соломенноволосяй. — Как назло гороховый. Да ладно, он тоже пойдет.

— Можно мы поможем? — подскочил худенький мальчишка к грузной женщине с блокнотом в руке, одетой в серый комбинезон.

— Еще чего не хватало. Много таких помощничков по вокзалу шляется, — пренебрежительно проворчала она, оглядев мальчишек. — А ну, катитесь отсюда.

— Тетечка, мы с утра ничего не ели, — жалобно промямлил худенький. — Дай по кусочку жмыха. И мы уйдем, — пообещал он.

— Капка, дай им один кусок, — сказала грузная весовщица грузнице, одетой в такой же комбинезон. — И пусть убираются, не мешаются тут.

Мальчишки, получив изрядную плитку жмыха, ушли в сторону от склада. У забора они честно разделили жмых на части, уселись на траву и стали, причмокивая, его сосать и жевать. От горохового жмыха во рту было не совсем вкусно. Подташнивало. Однако мальчишки, сжевав его, все ж веселее поплелись к

колонке, чтоб запить невкусное, горьковатое угощение. Но как они ни запивали, тошнота снова подступала к горлу. Тем не менее мальчишки остались довольными: они что-то приняли в рот, что-то поели.

* * *

К двадцатым числам августа на улице стало прохладнее. Мальчишки перестали ездить купаться даже на казгрэсовскую теплую речку. Они теперь больше играли в футбол на Черном озере или площади Свободы, иногда во дворе в шахматы и шашки, изредка в бабки. Постепенно и эти игры отошли на задний план. Наступила пора, когда надо было подумать и о школе. Они, приобретая учебники, тетради, карандаши, ручки с перьями и другие школьные принадлежности, стали реже собираться в компанию.

— Послушай, Толя, у тебя случайно не сохранилась арифметика за прошлый год? — спросил Юра у Толи, играя с ним вечером в шахматы. — У меня не хватает этого учебника.

— Кажется, есть, — подумав, сказал Толя, глядя на деревянные фигуры, сделанные им самим. — Но очень потрепанный. Завтра утром сходим к нам на квартиру, к Кремлю, поищу, — пообещал он Юре и, жертвуя фигуру, спокойно двинул ладью под коня.

Юра «клюнул» на эту приманку и получил мат от ферзя. Конь, загораживающий подступ к королю, оголил прямую линию к главной фигуре, чем и воспользовался Толя, съев пешку. К тому же ферзь был подкреплен со стороны слоном. Игра закончилась со счетом два один в пользу Толи.

— Юрка, тебе охота учиться? — спросил неожиданно Толя. — Мне так — не особенно, — откровенно признался он. — Сиди, пыхти целый день над учебниками и тетрадками. Я бы лучше работать пошел, если бы был постарше, или бы на фронт уехал воевать.

— И я бы тоже. Я ведь закончил первый класс, почти не делая уроков дома. И это несмотря на то, что я долго пролежал в больнице. За переменку успевал написать примеры и задачки. А уж русский — я прямо на чтении выполнял. То есть писал домашние упражнения, когда другие читали. Потому что читать, писать и решать нас научили еще в детском саду. Поэтому на уроках мне иногда бывало скучновато. Наверное, зря я не пошел сразу во второй класс, — разоткровенничался и Юра. — Сейчас бы перешел в третий. Ну, ладно, хватит о школе. Еще надоест, — вспомнил он слова Олега, которые тот произнес еще в прошлом году. — Я пошел спать. Завтра встретимся.

Утром Толя зашел к приятелю.

— Ну и спишь ты, — укоризненно сказал он Юре, — больно уж долго. Давай одевайся потеплее, на улице прохладно, и пошли к нам.

Юра наскоро ополоснул лицо холодной водой из умывальника в коридорчике, вытерся, оделся в латанные-перелатанные брюки и рубашку, из которых вырос, обулся в драные брезентовые туфли, напялил на голову фуражку с большим козырьком и, взяв кусок хлеба со стола, поделившись с Толей, сказал: — Я готов, пошли.

Толя был одет не лучше своего приятеля. Он тоже за лето вырос из брюк, подпоясанных бечевкой, рубашки и ботинок. Они ему явно жали со всех сторон. Но он мужественно крепился, шагая по коридору и лестнице вниз.

Во дворе им встретился катающийся на велосипеде Олег. За лето он несколько не загорел, вероятно, мало был на солнце, и ни насколько, как показалось Юрке, не подрос. В общем, каким он был, таким он и остался, полным и безмятежным, судя по его маленьким, спокойным глазам. Но его безмятежность оказалась обманчивой. Увидев идущих по двору приятелей, не обращающих на него внимания, он повернул на них велосипед и, проезжая мимо, насмешливо спросил их:

— Ну как, жулье, съездили за хлебом? Много ли привезли? Не дадите ли мне с мешок? — насмехался он, катаясь по кругу.

Приятели, опешив, остановились. А Толька, не видевший ни разу Олега, возмущившись, спросил у Юрки:

— Кто это? Откуда рыжий гад появился в вашем дворе? Он что — ненормальный? Мы ж его не трогали?

А Олег, услышав ругань Тольки, отъехав на всякий случай подальше, медленно кружась на блестящем велосипеде по двору, продолжал насмехаться: — Не нужен ли вам мой новенький велосипедик для подвозки хлеба? Ха-ха — хохотал он заливистым смехом. — Могу предложить вам тачку для мусора! Она стоит в сарае у деда Мороза! Только смотрите не поломайте ту развалину! Она не выносит большого груза! Ха-ха-ха! — ухивался он, войдя в раж, видом растерянных мальчишек.

— Кто это? — снова опалело спросил Толя у Юры.

— Один гад с нашего двора. Который нам крошки от пирожка кидал на снег. Я тебе как-то о нем рассказывал, — напомнил Юра.

А Олег продолжал изгиляться:

— Юрка, ты молокосос, а уже воровать учишься, — выговорил он соседу слова, ужалившие его самолюбие. — Тоже, напел товарища. Шляетесь с ним по базарам, улицам и огородам в поисках того, что плохо лежит. Я всем расскажу в школе, что ты жулик. И учительнице вашей тоже...

Толя, ни о чем не предупреждая приятеля, бросился за уезжающим в спешке Олегом, быстро догнал его и коротко, но с силой стукнул по руке, держащей руль велосипеда. Олег, потеряв равно-

весие, грохнулся вместе с велосипедом на твердую, пыльную землю. Оказавшись под велосипедом, он поднял окровавленное лицо, отбросил от себя сломанную тяжесть, схватился руками за голову и вдруг заорал на весь двор визжащим, резким криком:

— Мама-а!.. Мама-а! Где ты?! А-а!..

— Юрка, бежим! — крикнул Толя растерявшемуся приятелю. — Пусть знает, как нахально наговаривать на нас.

— Бежим, — согласился Юра, — а то нам здорово попадет...

И они, мимо Борькиного отца, поглядевшего на них с удивлением, схватившись за руки, выбежали со двора.

В доме поднялся переполох. На этажах пооткрывались окна и из них выглянули удивленные лица. Кто-то успел сбегать за матерью Олега и рассказать о беде, случившейся с ее сыном. Соседи каждый по-своему стали обсуждать плохой поступок Толи, приходившего к Юрке.

— Я видела из окна, как Юрка с мальчишкой, что приходит к нему, стояли рядом с окровавленным Олегом, — сказала сердито Егорова Валентина Григорьевна с третьего этажа. — Они его и избили, больше некому.

— А я видела, как он сам задирался к ним, — сказала твердо Вера Владимировна Романова с первого этажа. — Вызывал на ссору, обзывал их по-всякому. Тут любой мальчишка не стерпит — надаёт как следует.

— Ну и что, что обзывал? Обзывай и ты, — заспорила Егорова с Романовой. — За это что, избивать его надо было? До крови? Здесь без участкового не обойтись. Сообщить ему надо будет об этих хулиганах.

— Так и будет он тебе ввязываться из-за каких-то мальчишечьих драк. Больше делать ему нечего, — с задором сказала Романова. — У него и без того дел полно. Например, вылавливать таких швейспекулянтов, как вы с Капиной. Без патентов, небось, пьете на дому, да торгуете на базаре...

Галина Ивановна выбежала из дома и, как орлица со сверкающими, округленными глазами и распростертыми руками, подбежала к катающемуся по земле сыну, которого тщетно старались поднять Савелий Павлович, Борин отец и дедушка Игнатий. Олег, не даваясь им, дрыгал по земле и воздуху ногами и руками. Не давался он и матери, кричащей на весь двор, старающейся перекрычать орущего сына.

— Олежек! Сынок! Что они с тобой, негодяи, сделали? Смотрите, люди добрые, они мне искалечили, убили сына! — обратилась она к столпившимся около нее и сына людям, сбежавшимся на крики со двора и улицы. — Будете свидетелями! — И снова к сыну с причитаниями: — Очнись, приди в себя, Олежек! Ведь это я, твоя мама!

Наконец Галине Ивановне удалось взять за плечи орущего сы-

на. Он сразу же узнал ласковые руки матери, замолчал и перестал дрыгаться. А она, вытирая запыленное лицо сына, смешанное с кровью и слезами, подняла и повела его к крыльцу, бережно придерживая одной рукой за плечи, а другой велосипед. По пути она продолжала громко проклинать провинившихся ребят.

— Бродяжки, босяки проклятые! Погибели на вас нету! Смотрите, что сделали, бандиты, с моим сыном! Они изуродовали его! — остановившись, показывала она заплаканного сына, выдвинув его вперед любопытным соседям. — Они выйти ему не дают во двор. И все Юркина мать. Она научила, проклятая! Завидует нашему благополучию! Выселить их надо со двора! Я сейчас же пойду в милицию! — разошлась она, видя, что на нее обращают внимание люди.

— Галина Ивановна, бросьте заниматься ерундой, — охладил ее пыл спокойным голосом Борин отец, Савелий Павлович, солидный годами, крепкий мужчина, заставший неприятную картину уже в конце, когда мимо него пробежали Юрка с Толькой. — У вашего сына небольшие ссадины на коже лица и ушиб на лбу, не представляющие опасности для здоровья. А вот с психикой у него не все в порядке, — констатировал он. — Ему надо больше гулять на улице и во дворе, дружить с ребятами. Он же мальчик, — посмотрел он на Олега. — И вы, Галина Ивановна, постыдились бы наговаривать на Юркину мать. Она-то здесь причем? — спросил он ее. — Это просто непорядочно.

— А тебя никто и не спрашивал тут. Нашелся тоже, — огрызнулась Галина Ивановна. — Устанавливай порядочность в своей психушке, санитарный советчик. У самого-то сын чуть не остался без глаз. И все из-за них, хулиганов, — со злорадством сказала она.

— Напрасно, Галина Ивановна, сердитесь. Правильно сказал Савелий Павлович о Варваре Лукиничне, что она ни при чем. Она не позволит себе сына учить плохому. Она — рабочий человек, — поддержала Савелия Павловича Вера Владимировна, смотревшая в раскрытое окно на разошедшуюся в гнев Капину. — А ваш сыночек тоже хорош: он первый задел их, всяко задоря и унижая. Я все слышала отсюда, — сказала она. — А мальчишки, возможно, не забыли и то, как ваш «порядочный» Олег глумился над ребятами, бросая им на снег крошки от пирога, — напомнила она Капиной, думая, что ей станет стыдно и она с сыном быстрее уйдет домой.

— Я думала ты мне скажешь что-нибудь другое, а ты... Молчала бы ты лучше, дрянь косая, — обругнула ее Капина и, подняв гордо круглую голову, подтолкнув вперед давно успокоившегося сына, прекратила крик, ступила на крыльцо и вошла в дом с велосипедом.

Мужчины быстро разошлись по домам, а следом за ними и

женщины, чуть посудачив о скандале и о делах житейских. Во дворе стихло.

После случая с Олегом приятели долгое время не показывались в Юркином дворе. Избегая встреч с Капиными, проснувшись, Юрка уходил к Толе. А когда наступил учебный год, Юрке невольно пришлось встретиться с Олегом в школе, он выходил из 3 «А» класса, а мальчишки кричали ему вслед:

— Второгодник! Второгодник! Каша второгодник!

Мушкетеры. «Ледовое побоище». Потеря первого друга

Толя Поляков учился в школе № 60, расположенной за «кольцом», где разворачивались маршрутные трамваи. Ему, как и Юре, давали в школе иногда месячную обеденную карточку в детскую столовую, по которой можно было один раз в день сносно пообедать. Такие столовые, по рекомендации детских врачей и решению местных органов власти, открылись во всех районах города уже в начале войны. В них питались десятки тысяч полусирот и детей, нуждающихся в помощи. Это было большой безвозмездной поддержкой для растущих детей, сыгравшей в тяжелейшие годы войны неопенимую роль в их здоровье, а возможно, если подумать, и в их воспитании.

Толя, несмотря на некоторые трудности, связанные часто с недоеданием из-за участвовавших в последнее время запоев отца, рос сильным по духу, любознательным мальчиком. Он всегда стремился скорее познать то, что его особенно интересовало. Но, едва познав одно интересующее его дело, он, потеряв к нему интерес, переключался на другое. Однако в одиннадцать лет он мог уже по чертежам делать из досок кухонные столики, табуретки, собрал из фанеры и луп кинозатвор для демонстрации диафильмов.

Юра старался научиться у приятеля этим интересным процессам работы. Он, освоив некоторые из них, сделал сам табурет, выточил фигуру, напоминающую шахматного коня и смастерил вместе с Толей несколько деревянных сабель, пика и пистолетов для ребят. Теперь мальчишек после уроков можно было часто видеть во дворах и на улице, сражающихся между собой.

«Баннэ» мальчишки из большого жилого дома, насчитывающего более ста квартир, союзники из других домов по улице, понаделав сабли и мечи, с удовольствием присоединялись к этим играм. Они однажды влились в общую компанию играющих в мушкетеры, влились как-то просто, незаметно, без всяких ссор и претензий на главенство, и вскоре стали постоянными участниками интересных сражений, в которых иной раз участвовало до тридцати и более мальчишек.

Вскоре у мушкетеров появились свои Д'Артаньяны, Атосы, Портосы, Арамисы и кардиналы. Знаменитыми именами из книги А. Дюма и кинофильма «Три мушкетера», пропедшего недавно на экранах кинотеатров, ребята награждали наиболее отличившихся товарищей в пропедших сражениях. Чаще всего Д'Артаньяном был Толя, как самый ловкий и искусно владеющий саблей и пшагой. Его крепкая, подвижная фигура с взлохмаченной русой головой успевала побывать всюду, где было трудно в сражении его товарищам по команде.

Смекалистый и быстрый, весело сияя серыми бесстрашными глазами, он почти никогда не бывал «убитым». Вот почему при делении на группы мальчишки чаще стремились попасть в команду королевских мушкетеров, возглавляемую Д'Артаньяном - Толей.

Хуже приходилось кардиналу. В его команду мальчишки шли неохотно. И когда «мати-мати» отгадывали по очереди условия, задуманные ребятами, то все видели, что Д'Артаньяну, выбирающему одного из двоих, кто-нибудь из них же помогал выбрать желаемого путем акцентированного произношения загаданного слова или резкого выбрасывания одной из рук, в которой находился предмет желаемого попасть в королевскую команду. Но Толя умело отгадывал замыслы хитрецов и делил ребят по справедливости на равноценные группы. Он не хотел пользоваться явной возможностью отбирать только сильнейших для своей команды и не желал, чтоб команда кардинальцев выглядела слабой. Иначе неинтересно было бы играть.

К удивлению мальчишек, зрителей со стороны, в последнее время кардинальскими воинами постоянно руководил чуть ли не самый пушлый, но отчаянно храбрый кардинал — Юрка. Товарищи выдвинули его в кардиналы не за умелое фехтование, которым он неплохо овладел, тренируясь каждый день с Толей, не за увертливость в бою и серьезное отношение к игре, а... за фамилию. В ней содержались почти все буквы странного имени. До интересного открытия в кардиналы никто не хотел идти. А если и шли на «вражеский пост», как называли кардинальскую должность мальчишки, то только по очереди. Но как-то, перед очередным спором, кому быть кардиналом на время игры, Генка — Морж, крепкий мальчишка с «банного» двора, крикнул:

— Юрку! Кардина Юрку, надо выбрать навсегда в кардиналы! Попробуйте-ка, прибавьте к фамилии Кардин окончание — ал! Получится — кардинал! — обрадовался он собственному открытию.

Все радостно захлопали руками, захохотали и закричали, как в победном бою, поддерживая Генку:

— Ура! Правильно! Точно сказал Генка! Кардин — кардинал! Смотрите, он и есть как кардинал: прямоносый и худой! — определил кто-то из мальчишек.

Юрка возмутился сравнению с кардиналом, хотел было податься с Генкой, но уверения ребят, что он только на время будет им, успокоили его и он, к своему не совсем большому удовольствию, согласился. Тем более что Толька ему ободряюще сказал:

— Юрка, и чего ты обижаешься?! Ведь кардинал почти тот же самый король! Со своим войском и подчиненными!

А Чулпан заметил:

— Он не просто рядовой мушкетер, а командир, умеющий хорошо фехтовать и принять необходимое решение.

С тех пор новое имя надолго прилипло к Юрке и сделалось добавлением к его настоящему имени. Пока Толька не затеял новую, еще более интересную игру. Он был большим мастером на выдумки. По его предложению, в один из предпраздничных ноябрьских дней мальчишки решили сыграть на площади Свободы в «Александра Невского». За основу игры они наметили взять эпизод сражения из фильма между российскими войсками и немецкими «псами»-рыцарями. В сражении, по их подсчетам, должно было участвовать до пятидесяти-шестидесяти человек от девяти до двенадцати лет. И это не считая мальчишек из других домов, которые, узнав «по секрету» от своих товарищей о предстоящем сражении, обязательно захотят принять участие в «историческом бою».

Площадь Свободы представляла собою огромную, аккуратно вымощенную ровным, светло-розовым брусчатником пустошь. По ее периметру возвышались красивый дом Красной Армии, с колоннами и террасой, невзрачный завод пишущих машинок (Пишмаш), громадное здание Юридического института, временно занятого под военный госпиталь, и самый высокий недостроенный театр в Казани, огороженный со всех сторон покрашенным в светло-синий цвет забором. К забору примыкала такого же цвета двухэтажная деревянная трибуна, с которой городские власти приветствовали в праздничные дни демонстрации трудящихся, интеллигенцию, бойцов Красной Армии, школьников и студентов. В обычные дни на трибуне играли дети. Вот на ней и собрались в воскресенье вечером мальчишки, чтоб совместно обсудить ход военной битвы.

Толя, показывая рукой на площадь, тоном командующего говорил мальчишкам:

— Через два дня, шестого ноября, в четыре часа мы начнем здесь наше сражение. Я думаю его по кинокартине можно будет назвать «Ледовым побоищем». Мальчишки согласно кивали головами. А Толя продолжал:

— Чтобы все выглядело по-настоящему, надо достать старые ведра, кастрюли, большие чайники и выдолбить в них отверстия для глаз, носа и рта. Каждому, кто не успел, придется сделать боль-

шие, деревянные, крепкие мечи. Чтоб они не сразу поломались о ведра. Кольчуги, конечно, мы не достанем, но можно из фанеры сделать щиты. Как вы на это смотрите, пацаны? У кого есть какие предложения по поводу намеченной игры? — по-деловому обратился он к мальчишкам.

— Ни у кого, — ответил за всех самый высокий по росту Наиль. — Будем искать материал для вооружения. Мне, наверное, Толька, — обратился он к нему, — достаточно будет и одного отверстия для глаза? Другого-то у меня нет.

— Лучше, Наиль, сделай два, — подумав, посоветовал Толя. — Тогда тебя во время боя никто не узнает.

— Пацаны, а я уже нашел кое-чего! — обрадованно сообщил черноглазый Ильдус. — У моего отца в сарае есть несколько тонких листов железа. Из них можно вырезать специальными кровельными ножницами пластинки для защиты груди и спины от меча. Сделать их очень просто: пробьем на пластине с двух сторон по две дырки, проденем через них парашютные или какие-нибудь другие веревки и обвяжем их вокруг шеи и живота. Тогда никакой удар мечом не будет страшен.

— Разве мы по-настоящему будем биться? Мы ж, наверное, потихоньку будем сражаться? — спросил настороженно белобрысый Вова, самый младший по возрасту.

— Конечно, потихоньку, — успокоил его Шурка. — Мы сначала, для вида, посражаемся, потом чуть посильнее — и все. Так ведь, Толька?

— Конечно, так. Посражаемся, пошумим железом, чтоб слышалось всем, покричим на всю площадь, потом возьмем рыцарей в плен и на этом игра закончится.

— А кто же захочет быть рыцарем? — с обидой сверкнул черными большими глазами Чулпан. — Никто и не согласится, — с уверенностью сказал он.

— Мы же загадаемся, чтоб не было обидно никому, — сказал Толя. — Мы будем сражаться, как в кино. Понимаешь? Если при загадывании я попаду в рыцари, то значит и меня возьмут в плен, — справедливо рассудил он. — Под ведром никто и не узнает наших лиц. Понятно? — спросил он и у ребят.

— Понятно, — ответили они хором и, довольные справедливым решением вожака, заулыбались в предвкушении увлекательной и интересной игры.

— А теперь пошли по домам. Нужно спешно готовиться к бою, — сказал Толя. — Не забывайте, до сражения осталось всего два дня.

Не только присутствующим на «совещании» захотелось принять участие в необычном сражении. Знакомые и незнакомые мальчишки с окрестных домов, узнав «по секрету» о нем, тоже загорелись желанием посражаться. Они спешно готовили мечи, искали

по дворам и общим коридорам устаревшие, не представляющие ценности, как они считали, ведра, прачки, негодные листы железа и все, из чего можно было сделать рыцарские доспехи. Ильдускин сарай превратился в общую слесарную мастерскую. Здесь были инструменты, стол с тисками и наковальней, деревянный и металлический молоты и так далее. Пока отец Ильдуса был на работе, ребята пользовались его инструментами.

Погода благоприятствовала планам мальчишек. Осенние мрачные тучи, собирающиеся вечерами над городом, не пролив ни дождинки, ни снежинки, к утру рассеивались. Но все-таки они тревожили мальчишек. Они переживали, как бы в назначенный день «Ледового побоища» погода не испортилась.

И вот через два дня, в четыре часа, при облачном небе, без дождя, с центральной улицы Карла Маркса ступила с «банного» двора команда рыцарей с мечами и черными тевтонскими крестами на щитах из фанеры. Мечи у них были продеты с левой стороны через ремни или веревки, опоясывающие у талии верхнюю одежду. Щиты у рыцарей болтались на локтевых изгибах, держащимся на веревках, а в руках, одетых в толстые рукавицы или вязаные варежки, они держали «музыкальные инструменты». На головах у них были болтающиеся укороченные ведра, кастрюли и чайники с неровными отверстиями для глаз, носа и рта, а на груди и спине привязанные накрепко железные пластины. Рыцари старались идти ровным строем, громко стуча крышками от старых прачек, кастрюль и чайников, подражая музыкантам, играющим на тарелках, дудели в ржавые трубы, вставив их примятыми концами в отверстия, где должны были находиться рты, другие орали какой-то бессловесный марш, стараясь перекричать звуки железа и трубного гудения. В чинном шествии преобразившихся мальчишек, не обращающих внимания на удивленных прохожих, было что-то ужасное.

Ошарашенные дикими звуками люди, не успев разглядеть одну странную процессию, ступившую на площадь, вдруг увидели другую, вышедшую из-за госпиталя, с параллельной улицы Большая Красная. Она выглядела ничуть не лучше первой. На головах у них были не только ведра и кастрюли, но и у некоторых шапки-буденовки вместо касок, на щитах нарисованы красные звезды, и пели мальчишки под аккомпанемент таких же крышек известную всем песню про священную войну.

Любопытные прохожие, остановившись на тротуарах, и раненые из госпиталя, привлеченные необыкновенным шумом, не успев сообразить, для чего вышли эти команды, увидели, как «войны», стройно развернувшись, прекратив пение, побросав теперь ненужные им крышки от чайников, кастрюлек и трубы, сблизившись шагах в десяти друг от друга посередине площади. Рассматривая друг друга, они настороженно молчали.

— Ну вы, рыцари, готовы ли вы к бою?! — вдруг громко и небрежно спросил Толька, вновь нарушив тишину площади. — Где ваш командующий?! Выходи! Сражемся один на один! — с дерзостью предложил он, вероятно, забыв об уговоре.

— Давай, сражемся! — смело согласился Юрка, командующий рыцарями, и как можно бодрее вышел навстречу первому в своей жизни поединку.

Обе стороны молча наблюдали, как их товарищи, осторожно сближаясь, держали наготове мечи и фанерные разукрашенные щиты. Наблюдали за ними сверху из открытых окон и раненые и немногочисленные прохожие.

— Давай нападай! Смелее! — предлагал Толька. — Я буду защищаться!

— А ты чего не нападаешь?! Дрейфишь?! — подзадоривал его Юрка.

— Это я-то дрейфлю?! Защищайся! — напал Толька на Юрку.

И они начали биться мечами, стараясь попасть в туловище, — защищаясь щитами. Перевеса не наблюдалось ни с одной стороны. Долгое безуспешное единоборство надоело созерцать готовым к бою нетерпеливым мальчишкам. Они не выдержали и налетели друг на друга, стараясь попасть мечами в ведра и кастрюли. Под дикие крики сражающихся по площади понесся гулкий, жуткий, сплошной железный скрежет.

Вот у одного провалилось ветхое ведерное дно, у другого, у третьего повернулась кастрюля лицевой стороной к затылку, у четвертого — слетела с головы, у пятого — краями врезалось в ключицы, отчего он заорал не на шутку и отбежал в сторону, у шестого сломался меч, и так далее. Но сражение ни на минуту не прекращалось. Уцелевшие воины, войдя в азарт битвы, забыв, кто из них рыцарь, а кто наш, выкрикивали боевые призывы и лозунги:

— За Родину! За Сталина! За Советскую Родину! Вперед на врага! Бей фашистских псов-рыцарей! Да здравствует Красная Армия! Ура!!!

Забыв об уговоре, мальчишки сильно дубасили друг друга по ведрам и щитам. Не видя из-за сползающих в стороны кастрюль-касок намеченной цели, они иной раз попадали в своего, который в свою очередь стремился дать сдачи. Все смешалось и гремело от ударяющихся друг о друга деревянных мечей и железа.

— Что они делают?! Ведь убьют же друг друга! — переживали столпившиеся прохожие. Кто-то из них, не выдержав, закричал мальчишкам: — Эй вы, перестаньте драться! Прекратите безобразия! Сейчас милицию вызовем!

Но мальчишки, словно не чувствуя боли, до того разошлись в дикой игре, что никого и ничего не слышали. И вдруг чей-то звонкий мальчишеский голос громко прокричал:

— Атаанда! Бегите! Милиционер!

— Стойте! Бросайте оружие! — прокричал и Толька. — Нас окружают раненые и милиционер! Бежим к Казанке!..

Мальчишки остановились и увидели бегущих к ним раненых из госпиталя и «ржавого» — старого участкового их улицы, придерживающего сбоку одной рукой кобуру, чтоб из нее не выпал пистолет, а в другой свисток, сунутый в рот, издающий пронзительные, тревожные трели. Они испугались их и, не выполнив до конца намеченной цели — взять рыцарей в плен — побросали на ходу тяжелые доспехи и бросились от них врассыпную к улице Пушкина. На площади осталась груда металлолома, деревянных мечей и щитов, разбросанных по сторонам.

Так бесславно для обеих команд закончилось это «историческое» для близрасположенных улиц и дворов сражение. Попало тогда, наверное, всем поровну. Многие с побоища возвратились в синяках и шишках, к которым прибавились дома новые от родительского ремня. Еще бы: многие жилыцы окрестных домов не нашли своих ведер, кастрюль с крышками от них и прачек в коридорах и сараях. Было много шума.

Но особенно здорово влетело Ильдусу. Его отец, узнав от людей о «Ледовом побоище», пошел в сарай и, не обнаружив там ни одного железного листа, предназначенного для крыши сарая, выпорол сына так, что он долгое время не мог спокойно сидеть ни в школе, к тому времени закончились осенние каникулы, ни в кино, чем вызывал смех у товарищей, узнавших об Ильдускиной боли. Это обнаружилось, когда они пришли в кинотеатр.

— Ты чего, Ильдус, не проходишь в серединку, на свое место? — спросил мальчишки боевого товарища. — Там лучше видно.

— Да нет. Я уж лучше с краю посмотрю, — скромно ответил он. А когда кинокартина началась, его снова спросили:

— Ты чего стоишь, как пень, не садись?

— Не могу сидеть. Болит, — ответил он громким, раздраженным шепотом.

Мальчишки, услышав его ответ, быстро передали другим товарищам, почему он не может сидеть. Раздался на весь зал сильный раскатистый хохот, хотя ничего смешного в кинокартине в это время не происходило. Зрители недоуменно повернулись к ним и кто-то из них громко пикнул:

— Ну вы там, потише! Ничего смешного нет!

В зале снова установилась тишина.

Через некоторое время участковый дознался от кого-то, кем было выдуманно это жестокое сражение на площади, в самом центре города. Обходя родителей на дому, он настрашал их «политическим делом», за которое можно было бы и ответить в суде. Тем более что многие жители его участка пожаловались ему на

пропажу, пусть старой, но пригодной еще в домашнем обиходе, металлической и другой утвари. Он наказал родителям, чтоб их дети держались подальше от Тольки, пока он не исправится. А пока за ним нет «догляду»: отец у него пьет, хоть и раненый на фронте, и разговаривает с «милиционером-тыловиком» не всегда вежливо. А он, участковый, разве виноват в том, что его не берут на фронт из-за многих лет и слабого здоровья. Беда просто с Толькой. Из-за таких, как он, волей-неволей сбежишь на фронт.

* * *

После посещения участковым родителей мальчишки долго не выходили на улицу поиграть. Дом и школа, школа и дом, не считая продуктового магазина, вот и все их передвижения. Избегая Тольку, они стыдились признаться ему в том, что их родители категорически запретили им водиться с вожакom, мастером на нехорошие выдумки, беспризорником. Лишь Юрка, постоянный участник всех Толькиных приключений, по-прежнему ходил с ним на улицу, в магазин и кино, играл в шахматы и шашки, делил с приятелем поровну совместные радости и огорчения, тем более что и с ним родители товарищей тоже не велели «особенно-то связываться». Однако в последние дни и Варвара Лукинична стала смотреть на их дружбу неодобрительно. Она заметила, что Тольку больше интересует вольная жизнь, что он не совсем благожелательно относится к занятиям в школе, часто говорит с восторгом о каком-то графе Монте-Кристо, его богатстве и отчаянных товарищах, о которых он недавно прочитал в книгах. Приход учительницы на дом для разговора с ней по поводу успеваемости и дисциплины сына, послужил ей объяснением с Толей. Она сказала ему:

— Толя, к нам сегодня приходила Юрина учительница. Она пожаловалась, что у него не все в порядке с дисциплиной: побег из дома, совместное избиение Олега, хулиганство на площади. Кроме того, будучи уверенным, что он все знает, как в первом классе, Юра стал плохо учиться, целую неделю после вашего «сражения» вообще не выполнял домашнего задания. А из-за чего все это? Из-за того, что вы зря болтаетесь по улицам, да увлекаетесь ненужными книжками. Вам надо поменьше с Юрой встречаться. А если он не исправится в учебе, то я ему вообще запрещаю встречаться с тобой. Бездумное хождение по улицам и напрасная трата времени к добру не приводят. Об этом сказал и участковый.

Толя, выслушав Варвару Лукиничну, виновато встал, опустил голову и пошел к двери. Ничего не сказав, он открыл дверь и тихо попрощался.

Юрка чуть не заплакал, когда за Толькой закрылась дверь. Он почему-то почувствовал, что нога друга теперь долго не переступит порог их дома. Ему было очень плохо оттого, что его мама, пусть словесно, все же обидела Толю. «Пусть он не приходит к нам, но я-то знаю, где живет он. Я сам к нему буду ходить каждый день. Мама-то моя всегда на работе. А этот ржавый мент получил все же свое, как и обещал Толька: сам с дворниками собирал на площади напши железки и обломки от мечей. Да еще, наверное, ему за «побоище» попало от начальства. Иначе бы он не ходил по домам с жалобами...»

Через несколько дней Юра догнал ребят в учебе, исправил двойки и даже смог вторую четверть закончить без троек. Но о нем как о способном ученике больше уже не говорили. Втайне от матери он несколько раз заходил к приятелю домой, но никогда его не заставлял. Даже вечерами его не было дома: ни здесь, в техникуме связи, ни на собственной квартире, у Кремля. А отец Толи, давно запивший «горькую», ничего вразумительного не мог сказать Юрке, где находится его сын.

Укрепившаяся в своих правах белая зима с пухлым снежком и свежим легким морозцем не радовали Юрку. Ему как бы чего-то не хватало. Он и новогодний праздник встретил без особого веселья, и зимние каникулы. Давно все катались с горок на традиционных фанерках, салазках, в парках на лыжах, бегали на каток, а Юрка все ходил по улицам и на нарядные, праздничные елки на площади Свободы и в детский парк Черное озеро, где по краям дорожек было выставлено много картин, иллюстрирующих любимые сказки, разглядывал красочные терема, избушки на курьих ножках, веселую карусель и многочисленные радостные толпы людей, выискивая глазами Тольку. Был он несколько раз в кинотеатрах и на колхозном базаре, где чуть не влип в неприятную историю. Но об этом позже.

Лишь в конце зимних каникул Юра встретил Толю в кинотеатре «Унион». Вместе с бойкими мальчишками он продавал «с рук» билеты на «Антошу Рыбкина» с участием любимого всеми артиста Бориса Чиркова. Увидев Юрку, Толька обрадовался, быстро подошел к нему и громко, словно они никогда и не расставались, спросил:

— В кино пойдешь?

— Пойду, — улыбнулся признатьно Юра.

— Вместе пойдем. Я оставляю на тебя билет. Сейчас продам последних три, и пойдем. Постой пока. Хорошо? — отходя, спросил он.

— Хорошо! — обрадовался Юрка тому, что Толька на него не сердится — после неприятного разговора его матери и стал наблюдать за приятелем, почти не изменившимся за время их вынужденной разлуки.

— Все, продал, — довольный подскочил он к Юре. — Сорок билетов загнал за три сеанса. Хватит на сегодня, — устало сказал он. — Пошли.

И они спокойно, с дорогими билетами на лучшие места, подошли к старенькой, неприступной контролерше, не берущей «на лапу», то есть деньги, тете Фатиме, которая иногда днем, в обычные дни, все же жалела безбилетных мальчишек и, рискуя своей работой, бесплатно пропускала их на свободные места.

— Здравствуйте, тетя Фатима, — смело поздоровался с ней Толька.

— Здравстуй, здравстуй. Буто ни видела меня. Цалый динь небусь видела, — плохо по-русски говорила она. — Матри, мальчишкам, плохим делом занимаешься, с нехорошими пацанами знаешься. Я видел, — постыдила она Тольку. — Матри пропадешь савсим. Жалкам.

— Нет, тетя Фатима, я только билеты продаю, — стыдливо сказал Толька. — Не пропаду.

В буфете Толя купил по два дорогих мороженных, впервые появившихся здесь за время войны. Прямо с мороженным приятели вошли в зрительный зал и сели не на свои дорогие места, а, обменявшись со взрослыми, на любимый третий ряд. Начался сеанс и они увидели в смешной кинокомедии Чиркова-Рыбкина, сражающегося на фронте с немцами, вытворяя боевые чудеса. То и дело по залу прокатывался веселый смех. Но особенно он был сильным, когда Рыбкин вылез из немецкого госпиталя за счет медикаментов врага и привез с собой полную лодку трофейного оружия, расстреляв в реке до взвода фашистов, принявших Антошу за своего командира.

После кино Толя домой идти отказался. Он сказал Юре:

— Я не пойду домой. Не удивляйся. Я ночую у знакомых ребят. Мы вместе перепродаем билеты и кое-что еще имеем. Живем неплохо.

— Значит ты живешь с ними хорошо? — ревниво спросил Юра.

— Конечно, — ответил спокойно Толя, не заподозривший приятельской ревности. — Вечером мы играем в карты, иногда пьем вино. А о еде и говорить нечего: всего полно.

— А что же скажет твой отец, когда узнает? Он же тебя, наверное, ищет, беспокоится? — спросил тревожно Юра. — Он же тебя ругать будет.

— Не будет. Я был дома. Он снова пьет, — со злобой сказал Толя. — Он и не замечает, что меня нет дома.

— Я знаю. Я был у вас, — сказал Юра.

— Вот видишь. Что делать мне дома, — с грустью сказал Толя.

— Ну, ладно, тогда я пошел, — чувствуя себя в чем-то виноватым, сказал Юра, заметив мальчишек, ждущих его друга.

— Погоди немного, — попросил Толя. — Ты нашим пацанам

никому не говори, чем я занимаюсь. И матери своей тоже. Неудобно, — стыдливо сказал он.

— Не скажу, не бойся, — пообещал Юра. — Я сам недавно попал в нехорошую историю. Пока искал тебя, — добавил он. — Познакомился с пайкой поддельщиков карточек. Помогал им сбывать их. Меня арестовали...

— Юрка, не обижайся, ждут меня, — перебил его Толя, глянув на мальчишек. — Ты приходи ко мне в любое время. Сюда. Тогда и дорасскажешь свой случай, — улыбнулся он, видимо, вспомнив вечера в Юркином коридоре, когда мальчишки рассказывали друг другу были и небылицы. — Для тебя у меня всегда найдется билет. И еще кое-что, — пообещал он.

— Ладно, приду, — сказал Юра. — Пока, Толя, — попрощался он и опечаленный пошел домой, вспоминая слова тети Фатимы: «Матри, мальчишкам, плохим делом занимаешься, с нехорошими пацанами знаешься».

На следующее воскресенье Юра с утра пришел в «Унион». Но Толи там не было. Тогда он пошел искать приятеля по ближайшим кинотеатрам. Однако ни в «Вузовце», ни в «Электро», ни в «Чат-кы», ни в «Пионере» его не оказалось. Тогда Юра вернулся в «Унион» и обратился к пацанам, торгующим билетами.

— Вы Только знаете? Он с вами билетами зимбарил? — встал Юрка словечко приятеля, чтоб показаться им не простачком.

— А ты ему кто будешь? — настороженно нахмурился цыгановатый мальчишка, одетый со вкусом, хоть и не богато, в поношенный костюм песочного цвета, выглядывающий из-под расстегнутого черного осеннего пальто, хромовые сапоги и, несмотря на мороз, модную кепку «лондонку».

— Я друг его, Юрка, — просто, но с достоинством ответил он.

— А! — расправил нахмурившиеся тонкие брови мальчишка. — Кардинал! Так это ты с ним путешествовал в поезде и дрался на площади с рыцарями?

— Да, — подтвердил Юра. — Только на площади был рыцарем я.

— Это не важно, Кардинал. Важно, что Толька-Поляк на мелком деле повис, — доверительно тихо сообщил он. — Погорел на дамской сумочке, в которой всего-то был стольник. Сейчас, наверное, чалится в приемнике. Ну, хорош, потрекали и будя. Я поканал, билеты спрашивают, — торопливо сказал пацан и нырнул в толпу.

Неприятное известие о Толе огорчило Юру. Ему было жаль приятеля. В то же время он подумал о том, что подобное могло бы случиться и с ним, если бы не мама, запретившая им на какое-то время встречаться.

Товарищам, заметившим исчезновение жожака, Юра соврал:

— Уехал Толька к родным в другой город. К лету обещал вернуться.

Солгал он и матери, когда она спросила:

— Где Толя? Что-то я его давно не вижу. Не случилось ли с ним что?

— Ничего не случилось. Уехал он к родным.

— А, — успокоенно вымолвила мать. — А то я все хотела спросить тебя: почему он к нам не приходит. Не обиделся ли на меня. Привыкла я к нему. Беспокоиться стала. Ведь без мамы живет он. А это хуже некуда.

Юра, услышав от матери сожалеющие слова о Толе, чуть не зашпакал, вышел в коридор, будто помыться, успокоился там, потом вошел в комнату и взял «Графа Монте-Кристо», чтоб дочитать вторую книгу. Но ему не читалось. Вспоминая Толю, его привязанность к новым друзьям, от которых хорошего нечего было и ждать, Юра вспомнил и свое недавнее опасное знакомство, пускай и коротенькое, с торговцами поддельных хлебных карточек. Из-за них он чуть не угодил в колонию для малолетних преступников. Об этом он и пытался рассказать своему другу после кино.

Но Толя даже слушать его не захотел, решив, что Юрка просто фантазирует, хочет убедить его уйти с ним домой и бросить «фартовую» компанию. А жаль... Потеряв первого близкого друга, Юра так и не смог пока ни с кем по-настоящему подружиться. Общась с ребятами во дворе, на улице и в школе, он не находил ни в одном из них тех характерных черт, какими обладал его приятель. Он ни с кем уже так близко и интересно, как бывало с Толей, не мог порассуждать о книгах, кино и жизни и по сути оставался один на один со своими мыслями и мечтами.

Пассаж. Беспризорники. Дядя Миша. Юркины мечты

Юра долгое время надеялся на то, что Толю все же выпустят из неволи. Он настойчиво искал его на улицах, базарах и в кинотеатрах. Домой к нему он больше не заходил, зная, что если бы Толя вернулся «оттуда», то обязательно зашел бы к нему. Постепенно Юра, знакомясь на улицах с мальчишками-беспризорниками, вскоре и сам стал уличным пацаном. Ему нравились свобода, которой он мог распоряжаться сам, и признание его уличными ребятами со схожими судьбами. Часто не зная даже имен друг друга, они были тем не менее дружны между собой: здоровались, разговаривали, делились съедобным, а иногда вместе что-нибудь и подворовывали.

В годы войны наибольшей любовью у казанских ребят пользовался городской пассаж. Дети сюда шли не только из-за красивой

архитектуры, сказочных скульптур в павильоне пассажа под стеклянной крышей, из-за лепных украшений на потолке и стенах, хотя при суровом быте тех лет это великолепие к себе притягивало. В одном из многих салонов пассажа располагался детский кинотеатр «Пионер» с тремя фойе, удобным, полным света от огромных окон круглым читальным и уютным зрительным залами. Для ребят здесь организовывались интересные встречи с фронтовиками и ударниками тыла, подбирался отличный репертуар из киносказок и кинокартин о войне, тимуровцах, веселых ребятах и других.

Однажды контролер тетя Валя сообщила наиболее замеченным ею беспризорникам о том, что в одном из отделений пассажа дядя Миша, мастер-краснодеревщик, открыл для них ученическую столярную мастерскую. А надо сказать, что раньше уроков труда в школах не было.

— Идите к нему, — посоветовала тетя Валя. — Сегодня я вас без билетов не пропущу. И вообще, на дармовщину больше не надейтесь. Будете работать у дяди Миши, с ним и будете ходить сюда, бесплатно.

— Да ладно уж, тетя Валь, пусти. Нас мало. Есть же, наверное, свободные места, — канюча, попросил ее удивительно голубоглазый, светленький Витька.

Витьку знали почти все уличные мальчишки города. Его, со слепой матерью, часто можно было видеть на улицах и базарах собирающим милостыню. Когда он ходил с ней, круглое лицо его всегда было постным, страдальческим и печальным, как будто он не ел два дня. Но как только он оказывался один, без матери, так сразу же преображался, — становился бойким, веселым, вездесущим мальчишкой. Смешно потряхивая лохмотьями, подпрыгивая на ходу, как лошадка, он легко бежал к «Пионеру» в рваных великоватых галопах, привязанных бечевками поверх серых шерстяных носков, горланя одну и ту же песню Д'Артаньяна из старого фильма «Три мукшетера»:

Вар-вар-вар-вар-варе,
Мой сытый конь Мальш,
Вар-вар-вар-вар-варе,
Шагай вперед в Париж!
В Париже всех милее, вино там всех вкуснее,
Вар-вар-вар-вар-варе,
В Париж!..

— Теть Валь, ты всегда такая добрая, хорошая, чего уж жмотничать-то, пусти, — продолжал канючить Витька. — Боженька тебя еще лучше любить будет, пусти. Всегда ведь пускала.

Мальчишки, конечно, точно знали, что в боженьку он не верит: сам говорил на днях, что был бы боженька, его бы мать не родилась слепой. Однако поддерживали его:

— Да, да, тетя Валь, боженька вас будет любить и охранять от нечистой силы. Пропусти нас, пожалуйста..

Но тетя Валя, оглядев в который раз нездоровые лица мальчишек, одетых в обноски, из которых многие выросли или, наоборот, до которых не доросли, переборолла в себе жалость.

— Ну, хватит канючить. Идите к дяде Мише. Будете с ним работать и организованно ходить в кино, — твердо сказала она и закрыла перед безбилетниками массивную дверь.

— Смотри-ка, не пропустила, — удивленно сказал Витька. — Что ж, пацаны, пошли, посмотрим, что за гусь этот дядя Миша. Может, что-нибудь у него стибрим. Продадим, в кино сходим. И не сюда, а в «Унион» или «Электро»!

В мастерской их встретил чисто выбритый, опрятно одетый, худенький, старающийся не горбиться, невысокий старичок.

— А, ребятенки, — улыбнулся он грустно, — пришли? Раздавайтесь вот тут, в уголочке, и проходите за верстачки. Вот так, — удовлетворенно сказал он, видя, что мальчишки послушно выполнили его команду. — Значит так, вы будете здесь учиться делать детали из дерева и собирать из них миниатюрную мебель. Хорошего матерьяла у нас пока нету, все хорошее идет на фронт, а вот обрезочки от досок, кусочки фанеры, клей, гвоздочки имеются. Будем мастерить из них стульчики, столы, кровати, домики и другие игрушечки для ребятишек помладше вас. К примеру, для детского сада. С игрушками, вы знаете, нехватка шас.

А надо знать, какие были игрушки у ребят во время войны. У мальчишек железки да биты из свинца, которыми сбивались бабки, у девчонок — самодельные тряпичные куклы с нарисованными химическим карандашом носом, глазами, ртом.

— Сегодня вы познакомитесь с инструментами, — продолжал дядя Миша, — которыми будете работать. Они разложены у вас на верстачках. У кого не окажется чего-нибудь, не огорчайтесь, посмотрите у товарища. Вот рубанок, — поднял он перед собой деревянную колодку. — Сделан он из букового дерева. Посреди колодки — отверстие. Сюда вставляется острием вниз стальная пластина, заточенная острием с одной стороны по-особому. Вот так, — показал он, уже поблескивая светло-серыми глазами. — Затем она легким постукиванием молоточка прижимается наискосок деревянным держателем. Чтоб пластина не драла толстым слоем стружку или, наоборот, не царапала дощечку, надо рассчитать ее положение так, чтобы острие широкого жала было ровным и излишне не выпяченным.

Дядя Миша подробно рассказал мальчишкам о столярных инструментах и их назначении во время работы. Они познакомились с ножовкой, фуганком, стамеской, шурупами, столярным клеем. Мальчишки рассеянно слушали его и рассматривали заманчивые

предметы. «Что ж здесь поценнее? Что можно подороже загнать? Скорее бы кончал баланду травить».

Однако ничего не подозревавший дядя Миша не торопился. Он спокойно, не сняв с белой рубашки старомодного, широкого, яркого галстука, прямо на светлый пиджак в черную полоску надел темно-синий фартук, завязал узлом на пояснице и перешел к следующему этапу урока.

Он стал показывать уже заинтересовавшимся мальчишкам, как строгать, фуговать дощечки. Тяжело и неловко было фуговать прыгающие маленькие обрезки досок, цепляющихся лишь одним концом за держатель верстака. Но все-таки ребята почему-то строга-ли и зачем-то слушали советы и указания старика. И вот урок первого дня закончился. Дядя Миша постучал деревянным молоточком по верстаку и сказал затихшим мальчишкам:

— На сегодня — пабаш. Но вы не уходите. Щас я схожу в столовую и принесу обед, — выговорил дядя Миша неожиданные слова, надевая ватник. — Нам будут давать обеды, и мы будем один раз кушать во время занятий или после занятий. Ждите, не бросайте так мастерскую. Все-таки инструмент-то дорогой.

И он ушел, доверив беспризорникам богатство, возможно, собранное им в течение всей жизни.

— Ура! — закричал Витька на всю мастерскую. — Ушел! Ну, как, пацаны, накнокали, что можно хапнуть? Это мое, — показал он на отполированные до блеска, вероятно, за многолетнюю работу рубанок и шерхебель.

— А я фуганок заберу. У меня пальто длинное, не заметит, — сказал с утонченно красивым лицом Махмудка.

— Я тоже заберу рубанок и плоскозубцы. Плоскозубцами хорошо орехи колоть, — сказал пушловатый, но задиристый, в чем не раз убеждались мальчишки, Юрка.

— Дурак — не плоскозубцы, а плоскогубцы, — поправил его без злости Пашка-Скорород, получивший кличку за быструю ходьбу.

— Что ты сказал? Повтори, — попросил его сердитым голо-сом Юрка. — В морду захотел?

— Да я же не со злости сказал. Я же хотел только тебя попра-вить, — оправдываясь, сказал Пашка. — А ты...

Некоторые мальчишки, дрожа от волнения, они еще никогда ни у кого не брали чужого, все же наметили тоже, что унести с собой из мастерской. Они ждали чьей-нибудь команды, чтобы быст-ро одеться и выскочить отсюда на улицу. Но никто не решался сделать это первым. Лихорадочное томление вновь разрядил Вить-ка-Париж:

— Пацаны, дождемся шамовки, порубаем, а потом рванем от-сюда. Старик дряхлый, не сможет поймать нас.

Услышав слова авторитетного Витьки, расслабившись от нап-раженных мыслей, одни стали свободнее ходить по мастерской,

заглядывать в открытый кем-то шкаф, стоящий у стола дяди Миши, разговаривать друг с другом, другие бесцельно строгать или вворачивать в дощечки взятые со стола шурупы.

Минут через двадцать пять-тридцать пришел дядя Миша и принес вместительный бачок. Из-под крышки выходил пар. Сверху бачка лежала буханка хлеба. Слабенько крикнув, он приподнял бачок и почти без стука поставил его на стол.

— За ширмой, на тумбочке, стоят тарелки. Откройте дверку, — одышливо обратился он к мальчишкам, стоящим ближе к нему, — увидите на верхней полочке ложки. — Сам он в это время раздевался. — Разнесите их по местам.

В один момент были расставлены железные миски и ложки по верстакам, и дядя Миша, орудуя половником, стал ходить и разливать горячие щи. Обойдя всех, налив и себе, он снова пошел по мастерской, деля остатки. Затем достал из заднего кармана ватных брюк суровую нитку и стал мерить хлеб. Себе он взял такую же порцию хлеба, какие раздал и мальчишкам, и себе налил столько же щей, сколько налил и им. Все молча, в каком-то напряжении, приступили к еде.

Мальчишки недоумевали: «Как же так, такой взрослый, учитель все-таки столярного дела, а взял себе столько же хлеба и щей, сколько дал и нам. Вот это человек!»

И вдруг интеллигентный Махмудка, поговорив с товарищем, сказал:

— Дядя Миша, вы старше нас, возьмите вот хлеб, — подбежал он к нему. — Нам с Юранькой хватит и одного куска.

— Что вы, что вы, ребята, — обиженно махнув рукой, проговорил дядя Миша. — Вам ведь расти. А мне, старику, много ли надо. Нельзя так. Мы все работники одинаковые, трудимся вместе. Правда, еще ничего не сделали. Но у нас все впереди. Нельзя кому-то брать больше, кому-то брать, вернее давать, меньше, — с правоучением сказал он. — Всем одинаково, по норме положено.

Мальчишки, не скрывая, облегченно вздохнули и поняли, что дядя Миша им сказал такую суть, такую вещь... А они... пришли сюда с целью украсть у него инструменты. Да разве после его слов и действий поднимется у кого-нибудь рука взять чужое. Да никогда. И они, уверовав в себя, с чистой совестью принялись за щи, сопя и чавкая, иногда подшучивая друг над другом.

Вездесущим беспризорникам хорошо был знаком быт людей того времени. Они знали, что «для одних война, а для других она — мать родна». Пользуясь всеобщим горем, имея возможность соприкасаться с питанием, последние не только «обеспечивали» свою семью, но и спекулировали. А надо сказать, что в эти трудные военные годы хлеб, да и вообще еда, ценились действительно баснословно дорого. Они все получали паяк: по 300 граммов хлеба в день да крохи крупяных изделий, сладкого и жиров. На базаре же

хлеб стоил с рук — 300 рублей буханка, за килограмм картофеля платили 60 рублей. А получали рабочие в те годы в среднем по 1000 рублей в месяц. Дядя Миша тоже мог бы взять себе побольше хлеба и налить полнее щей. И никто бы ему ничего не сказал. Но он не сделал этого.

— Ну, ребятенки, видно вы уже поели, — заметил дядя Миша. — Надо бы и посудку помыть. Вон там кранчик, за ширмой, — показал он. — Помойте-ка.

Под холодной водой вымылись металлические ложки и судки из-под щей и аккуратно сложены в уголке на тумбочке.

Мальчишки стали ходить на занятия с удовольствием, видя в дяде Мише не только хорошего учителя-столяра, а и доброго, редкого, честного человека. Каждый день в метель или стужу, как на работу, приходили в «Пионер», в помещение, пахнувшее краской, клеем и стружкой. На массивной, покрытой черным лаком двери, с тончайшей узорной резьбой, мальчишек встречала бумажная вывеска, написанная Юркиной рукой: «Детская столярная мастерская».

Дядя Миша, словно помолодев, стал легче ходить по мастерской, объясняя мальчишкам, как держать инструменты во время работы, как склеивать детали, как окрашивать кистью готовые изделия. Борясь с бракованными изделиями, он спокойно их разрушал, как карточные домики, и снова терпеливо объяснял ребятам, беря в руки метр, измерительную линейку, ножовку или рубанок, как красивее и точнее делать их. Интересовался дядя Миша и жизнью, и учебой мальчишек, радуясь, что все у них хорошо, хотя и чувствовал, что многие из них, чтоб выглядеть лучше, скрывали. Но он и таких похваливал, говоря: «Молодец. Умница. Жить тебе будет тогда годно, если будешь брать от уроков много».

Мальчишки быстро привыкли к старику-учителю и с большой любовью относились к нему. Они сами стали ходить в студенческую столовую, расположенную неподалеку от пассажа, за хлебом и обедами, берегли мастерскую от набегов случайных огольцов. Они сразу, по настороженным глазам и тихому шепоту новичков, узнавали об их нечестных намерениях. Бывало, что кое-кого они и выгоняли тумаками в коридор пассажа за попытку украсть что-нибудь из мастерской.

Через три недели были сделаны первые игрушки. Ребята понесли их в ближайший детский сад. Пожилая заведующая и воспитатели, выпешедшие к ним, удивились и настороженно спросили:

— Ребята, что надо? Откуда вы? Что за игрушки у вас?

— А мы их, тети, вам принесли. Для детей ваших. Возьмите, — робко попросили они, боясь, что самодельные игрушки им не понравятся. — Мы сделали их сами.

— Кто вы и откуда? — снова изумленно спросила заведующая, рассматривая в руках оборванных мальчишек красивые домики, кровати, столики со стульчиками и шкафчики.

— А паc дядя Миша придет и скажет вам, кто мы, — ответил за всех Витька.

Дядя Миша, по дороге отставший от ребят, кряхтя, открыл дверь, вошел своей патающейcя, старческой походкой в вестибюль и, увидев женщин в белых халатах, окруживших его мальчишек, бойко поздоровался:

— Здравствуйте, дорогие воспитатели. Вот, — фальцетом крякнул он, — мои ребятенки вашим ребятишкам подарки решили преподнести. Своими руками постарались, сделали. Дарим мы их вам. Пусть малые детки потешатся, поиграются. Может, игрушки не совсемладные? — испытующе посмотрел он добрыми глазами на воспитателей. — Но как могли, так и сделали. Вот этими ребячьими рабочими руками, — уважительно обвел он глазами руки мальчишек.

— Ой, дядя Миша! Спасибо, милый! Спасибо вам, ребятки! Не знаем, чем вас и отблагодарить. Ничего нет у нас сегодня. Не думали мы, что вы придете к нам так неожиданно. Приходите к нам, пожалуйста, завтра, — пригласила растроганная заведующая, вытирая платочком невольную слезу. — Обещаем обед.

— За приглашение, конечно, спасибо, — солидно сказал дядя Миша. — Но нас кормят. А вы ведь, небось, от своих детей отнимете пиццу.

— Да как-нибудь выкрутимся, — сказала заведующая. — Дети наши не останутся голодными. А завтра праздник — 23 февраля. В роно обязательно дадут разрешение на дополнительное питание. Приходите к четырем часам. Не обижайте нас.

— Ну хорошо, — согласился дядя Миша, — придут ребятишки. А меня, уж извините пожалуйста, не ждите. Очень занят буду завтра неотложными делами.

На улице дядя Миша наказал ребятам: одеться почище, подшопаться, а главное — привести в порядок речь, чтобы не проскальзывали охульные слова даже между собой.

— Да мы уж, дядя Миша, неделю как не «лаемся». У нас новый закон вышел: за каждое ругательство платим штраф в 50 копеек, — заверил его Витька. — Даже для связки слов не употребляем. А я даже в школу стал ходить, — проговорился он.

— Значит ты стал совсем молодец, Витя, — обнял его на ходу правой рукой воспитатель, а левой нежно, по-отцовски, погладил по плечу.

На другой день счастливые ребята сидели в зале за столиками. Они почти с самого начала войны не ели таких обедов — из трех блюд. А тут им дежурные из старшей группы принесли и рассольник, и гуляш, и удивительно сладкий компот с печеньем.

Мальчишки не торопясь, не чавкая, со степенностью, как дядя Миша, съели первых два блюда. Взялись, было, за компот, но тут вдруг вышла к ним девочка с большим марлевым бантом на голове и торжественно сказала:

— Дорогие ребята, разрешите поздравить вас от всего детского сада с Днем Красной Армии! В честь праздника выступает наш объединенный хор!

Раздалась музыка фортепиано и в зал из коридора, ритмично маршируя, вопли мальчики и девочки, судя по лицам, настроенные на серьезный концерт.

— Священная война! Слова Лебедева-Кумача! Музыка Александрова. Исполняет хор! — строгим голосом объявила чернявенькая девочка и присоединилась к выступающим.

Полилась торжественно-призывная песня, заставившая всех находящихся в зале подтянуться, влиться в ее общий ритм и смысл, и петь ее с чувством возмущения и гнева к всеобщему врагу — фашисту. Напряженно стоя, держа руки по швам, выпятив грудь и подняв головы, мальчишки вместе со всеми запели следующий куплет:

...Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война.

Тупой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!..

После этой песни напряжение у присутствующих в зале спало. Детсадовцы исполнили несколько веселых песен, станцевали задорные народные пляски, продекламировали стихотворения, показали акробатические номера, а в конце праздника подарили мальчишкам-мастерам рисунки и вышивки. Уличные мальчишки, которые и были-то старше детсадовцев года на два-три-четыре, на один день вновь побывали в беззаботном детстве.

Мальчишки успели сделать еще несколько партий игрушек и разнести их по детским садам. И вдруг, однажды в мае, дядя Миша не пришел на работу. Мальчишки бросились туда, сюда, прибежали к работникам «Пионера» узнать, что с дядей Мишей. Но никто не знал, почему его нет. Наконец, узнали, что их мастер живет недалеко, на улице Дзержинского, около Черного озера. Мальчишки заторопились всей гурьбой и быстро разыскали дом, квартиру и осторожно постучали в дверь. Открыла дверь бабушка.

— Вам кого, ребятенки? — спросила она еле слышно.

— Нам дядю Мишу. Он дома? — спросил Юрка.

— Дядя Миша умер, — заплакала бабушка.

— Как умер? — не веря, спросил Махмудка.

— Старенький он был, дети. От старости и горя умер Мишенька. Похоронку получили мы вчера. Второй наш сын, Сашенька, погиб на фронте. Не выдержало сердце старика. Вот и умер.

Огорченные неожиданной вестью мальчишки, растерянно переглядываясь, не знали, что делать. Они молчали. Но вот Витька догадался спросить:

— Бабуля, когда дядю Мишу хоронить будете?

— Завтра.

— Во сколько?

— В двенадцать дня выносить положено.

На другой день ватага мальчишек шла за двухколесной тележкой, везущей фанерный невыкрашенный гроб с телом дяди Миши на Арское кладбище. По пути, толкая тележку перед собой, менялись: по двое брались за длинные деревянные ручки и шли по улице к кладбищу в напряженном молчании под ярким майским солнцем.

Прохожие, видя, что за гробом идут вместе с малочисленными стариками и старушками скорбные мальчишки, догадливо говорили между собой:

— Учителя хоронят.

— Видно, хороший был человек.

— По мальчишкам видно, что любили его. Вон сколько идет их за гробом.

Дядю Мишу хоронили на четвертой аллее, недалеко от зазеленевшего овражка. Рядом с вырытой могилой, склонясь, стояла березка, распутившая на своих кудрях молодые листочки. То ли на ней, то ли на соседних деревьях или цветущих сиреневых кустах пели какие-то разноголосые птицы. Они пели замечательно в скорбной тишине таинственного кладбища. Но своим залиvistым пением они еще больше тревожили чувства, особенно у мальчишек. Они знали: «Дядя Миша теперь никогда не услышит чудесного пения».

Бросив по совету бабушек по две горсти холодной, темно-коричневой земли на гроб дяди Миши, мальчишки отошли в сторону, не скрывая своей печали. Они наблюдали, как землекопцы-могильщики с нещадным равнодушием, торопясь, бросали полные лопаты земли в глубокую яму. А потом появился бугорок с деревянным, свежевystруганным крестом. Дядю Мишу похоронили.

— Ребятенки, — вдруг вывела их из оцепенения жена дяди Миши, — подойдите-ка ко мне. — Она развернула чистый платочек и рукой раздала им по щепоточке кути: сладкого вареного риса с изюмом. — Помяните покойника...

Мальчишки долго еще ходили около своей мастерской, вспоминая дядю Мишу. Они надеялись и ждали, что, может быть, им снова дадут учителя по столярному делу. Да где там: ни старого,

ни молодого специалиста для ребят работники «Пионера» сыскать не смогли. Мужчины были на фронте.

Красавец пассаж. Милый и уютный кинотеатр «Пионер». Как памятен он своей притягательной силой, умением работников кинотеатра заинтересовать детей разнообразной актуальной тематикой до начала сеанса. Сюда приходили навстречу с детьми и сказочницы, и писатели, и военные, долечивающие раны в госпитале, и другие интересные люди.

Но особенно притягательным стал «Пионер», когда на сцене главного фойе, превращенного в концертный зал, вдруг появился высокий, веселый, молодой русоголовый солдат с трофейным, белого цвета, аккордеоном. В первый раз он красиво и артистично исполнил популярные мелодии советских композиторов из кинофильмов детских и взрослых. Дети, затаив дыхание, прослушав необычный для того времени концерт, сидели, не шевелясь, и ждали, несмотря на звонок, приглашающий в кинозал, когда он снова заиграет. Но солдат, улыбнувшись, сказал :

— На сегодня, дети, все: концерт закончен. Приходите завтра.

На другой день, перед дневным сеансом, солдат в зеленых погонах на гимнастерке снова вышел из кабинета директора с белым аккордеоном «Hohner». Полный зал ребят уже ждал его. Пока он шел к сцене, усаживался на стуле, поправлял ремни от аккордеона на плечах, дети ему аплодировали. Но вот солдат окинул всех спокойным взором серых, чуть вышуклых со смешинкой глаз, улыбнулся полными добродушными губами детям и, когда в зале наступила тишина, по-дружески спросил их:

— Что бы вы хотели спеть, друзья мои?

— Катюшу! — не сговариваясь, прокричало большинство. Раздались красивые серебристые звуки мелодичных, задорных аккордов вступления, после чего все — и солдат, и малочисленные взрослые — запели:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Затем дети так же дружно спели под аккомпанемент солдата про Орленка и веселый ветер из кинофильма «Дети капитана Гранта». И тут на сцену легко поднялась директор кинотеатра, статная, красивая, голубоглазая блондинка Нина Федоровна. С благодарностью посмотрев на солдата, она что-то сказала ему, довольно улыбнулась ребятам и, как артистка, давно вписавшаяся в сцену и роль ведущей, веселым, приятным голосом сказала:

— Дети, познакомьтесь: играет вам на аккордеоне Константин Сергеевич. Пока Константин Сергеевич долечивается в госпитале, он любезно согласился до выздоровления на музыкальные встречи с вами. — В зале дружно зааплодировали. — Сейчас Константин Сергеевич исполнит мелодии Исаака Дунаевского, Тихона Хрен-

никова, Дмитрия Кабалевского и других популярных композиторов. Ваша задача — вспомнить, в каких кинокартинах звучала та или иная мелодия или песня. Но сначала мы разделимся на две группы: левую и правую. Посмотрим: чья сторона больше отгадает музыкальных произведений. Началось увлекательное соревнование...

«Эх бы, научиться играть на таком аккордеоне, — думал Юрка, со вниманием слушая Константина Сергеевича, ловко исполняющего знакомые мелодии. — Был бы у меня такой инструмент, я бы только играл и играл. Никуда бы не выходил из дому. И берег бы его пуще глаз. Была у меня когда-то игрушечная гармошка, — вспомнил он. — Когда мне было лет шесть. Я даже на ней что-то подбирал из песен. Да как-то по глупости распрощался с ней: вынес под дождь, чтоб посмотреть, как она играет под потоками струй. Гармошка намокла и замолчала. Положил ее на плиту просушиться, после того, как дрова в печи прогорели. Она рассохлась и развалилась. Попало мне за нее дважды. Первый раз, когда мать купила на последние деньги гармошку. Я тогда закапризничал и сказал: не уйду с базара, пока не купишь мне гармонь. Я тогда, «заболев» гармошкой, упал даже на землю. Мать, рассердившись, подняла меня за шкирку, отплепала как следует, но все же купила ее. И второй раз, после ее просушки, успела меня пару раз шлепнуть по задку. Хорошо, сестра Зоя заступилась за меня тогда. У дяди Васи, играющего у карусели, большая гармонь. У Павла с Мишей с нашего двора тоже большие баяны. Они играют на них хорошо. Но дядя Костя, мне кажется, играет лучше и аккордеон у него в два раза больше. А кнопок сколько на левой стороне. Как он не путается в них? Удивительно. А правая сторона... смешно... напоминает пианино. — Здорово, — вздохнул он с завистью, неожиданно сказав это слово вслух. — «Вырасту большим, заработаю денег, обязательно куплю себе такой и научусь играть».

После музыкальной игры раздался звонок. Под веселый марш из «Веселых ребят» дети и взрослые, легко напевая мотив и слова из песни, пошли в зрительный зал.

С появлением в «Пионере» дяди Кости-музыканта, жизнь у детей-зрителей, участников импровизированных концертов, стала духовно богаче и интереснее. Как на праздник шли они в кинотеатр, где можно было послушать музыку, попеть детские и даже взрослые популярные песни того времени, представить себя играющим на таком редком, красиво звучащем инструменте, напоминающим фортепиано.

Но вскоре, к большому сожалению ребят, и эти праздничные встречи с Константином Сергеевичем закончились так же неожиданно, как и неожиданным было его появление в кинотеатре. Он, выздоровев, уехал на фронт освобождать наши земли от фашистских захватчиков.

Война и беда. Преступники. Инспектор УГРО. Не укради

Весна, особенно после очередной, полуголодной, военной зимы, вновь вселила в людей какую-то надежду на лучшее. Она позволила им снова мечтать о том, что наконец-то за нею придет новое прекрасное лето, лучшая пора из всех времен года — пора цветения цветов, целебной травы, а затем и созревания лесных даров, овощей, фруктов, хлеба, и жить станет легче. Постепенно, на время, уйдут заботы о дровах, теплой одежде и обуви; и только главное волнение пока не покинет людей — беспокойство за скорое, успешное окончание надоевшей войны. Всем хочется быстрее долгожданной победы, мира, спокойного труда. Они, кующие общую победу, стремятся как можно скорее приблизить их, трудясь и воюя под всенародными лозунгами:

«Не менее двух норм в смену!»,

«Проведем весеннюю посевную ударным темпом!»,

«Чем больше ты уничтожишь врагов, тем быстрее приблизишь победу!»

Всю весну 1944 года советские войска были в наступлении. После освобождения великого города Ленина от фашистской блокады, Красная Армия, не давая никакой передышки захватчикам, мощными ударами на всех фронтах окончательно сломила сопротивление врага и погнала его к тем границам, откуда он, проклятый народом, начал войну.

Люди, слушая вдохновенный голос Левитана, с торжественностью называвшего освобожденные пункты, города и области, с благодарностью напоминающего имена командующих, чьи фронты решали скорую победу, а воины, вдохновленные великой освободительной миссией, проявляли чудеса героизма и самоотверженности, встречали каждое, ставшее привычным, радостное сообщение с приподнятым настроением. В эти короткие праздничные минуты радиопередач они были едины в общем устремлении, в общей вере в долгожданную победу и даже в любви друг к другу.

— Ну, Варя, слава богу, перезимовали еще одну лихую годину! Теперича повеселее работаться-то будет! — прищутив весело светлые, выпцветшие от старости, синие глаза, выглядывающие из-под тяжелых роговых очков, сказал, будто сообщил радость, мастер депо Григорий Иванович.

— Перезимовали, Григорий Иванович! Слава богу! Без аварий и частых возвращений вагонов в трампарк! — откликнулась Варвара Лукинична его же словами, которые иногда, беспокоясь, произносил он. Растопылив замазученные руки вдоль прорезиненного темного фартука, она, выпрямив сутоловатую спину, ждала дальнейших слов мастера, предчувствуя, как всегда,

что он к ней с разговором во время работы подошел опять неспроста.

— А ты слышала о приятной новости? — продолжил мастер. — Нам землю выделили для огородов за кладбищем, у Казанки. Я тебя внес в список.

— Неужто, Григорий Иванович? — не совсем веря, спросила Варвара Лукинична. — И по сколько же?

— По две сотки на семью, — со значением ответил Григорий Иванович. — И то ладно. Для поддержки хватит, если с лаской обойтись с землеицей-то.

— Значит можно покупать семена для посадки?! — уже веря, спросила она.

— Нужно даже, Варя. Припасай заранее. Покаместь картошка не подорожала, — посоветовал он. — Половинки одни в супы клади, а другие пока пусть дают отростки. Для этого рядом с ними клади чуть увлажненные тряпки, — поделился он своим опытом. — Они-то как раз и поспеют к самой посадке и всхожесть раннюю дадут. Как сынок-то, учится? — перешел он к другому разговору.

— Учится. Скоро заканчивает второй класс.

— Смотри-ка. Большой значит, попрос. Вот тебе и помощник, Варя.

— Помощник, — с гордостью согласилась Варвара Лукинична. — Всю зиму помогал пилить дрова, воды приносил со двора, иногда варил и полы мыл.

— Не лодырь значит? Хорошо, — протянул он. — Мы ведь тоже с малых лет начинали работать. Зря хлеб не переводили. Оно-то и к лучшему: дурь проходила стороной. Людьями стали. Дочь-то что пишет? — снова спросил он.

— Мало о чем пишет, Григорий Иванович. Видно о многом нельзя. Была в госпитале, простудилась, — сообщила она. — Пока не летает Зоя.

— Ничего. Выздоровеет и снова полетит, — с сочувствием сказал он. — Эх, Варя, темные мы с тобой люди. А дети наши в люди вышли. Мой-то Ванька тоже танком командует, а Александра — санротой. Значит у тебя все хорошо? — неожиданно спросил он.

— Пока грех жаловаться, Григорий Иванович, — задумчиво сказала она и вдруг пожаловалась: — Устала только я от всего, — мерзну и слабость какая-то появилась во мне. Голова часто кружится. И аппетит пропал куда-то.

— Я тя, Варвара, наверное, скоро в отпуск отпущу. Я ведь давно заметил, что тебе нездоровится. Но все недосуг было подойти. А сегодня я высказал начальству: пусть ищут еще человека, — сообщил ей мастер. — И ты прости меня. Работать-то некому. Уж потерпи еще немного, скоро отпущу, — пообещал он и пошел вдоль выстроенных на путях трамваев, дальше.

«В отпуске бы хоть раз за всю войну побыть не помешало бы. Съездили бы в Заовражное с Юрой к Гусевым, отдохнули бы. Там хорошо. Понравилось бы там сыну, остался бы у них в семье на годок. Ведь приглашали же. А там, глядишь, и война бы закончилась, — думала Варвара Лукинична после разговора с мастером. — Что Юра повидал хорошего за последние годы? Ничего, кроме холода, голода и слез. Я, правда, стараюсь все возможное сделать для него. Но многое ли могу? Вот будет свой огород, разживемся, одену его как следует. А старое сожгу. Вместе с гнидами и вшами. Ведь всю зиму парился в одной и той же одежде. В классе зимой, говорил, было холодно: телогрейку не снимешь, дома тоже не всегда тепло. Спасибо учителям, что хоть в санпропускник водили... Как могли, поддерживали. А я-то сама, и не верится как перезимовала? — пожалела она и себя. — Страшно вспомнить. Морозы. Все военные годы сильные морозы. Руки мерзнут, а варежки или рукавицы не оденешь, иначе не вольешь через воронку мазут в редуктор, в компрессор, в моторные подушки или в полускаты букс. Видно намерзлась за зиму, да за весну, наголодалась — вот и приболела. Не свалиться бы перед посадкой картошки на огороде. Семян припасти бы...»

Не завидовали тяжелой работе Варвары Лукиничны товарищи. А и чего завидовать: ее работу мог выполнять любой — от самого неграмотного рабочего до инженера, была бы сила и какое-то терпение. Так казалось многим. А поэтому на нее, как на неквалифицированную работницу, начальство не обращало особенного внимания. Работает давно по второму, самому низкому разряду и ладно. Тем более что ее специальность считалась не подлежащей квалификации. А если бы ее и повысили, что бы от этого изменилось? Так она и работала, получая зарплату меньше любого рабочего. Но когда коммунальное управление выделяло для трампарка поощрительный фонд, то мастер, Григорий Иванович, всегда напоминал начальству о труженице Кардиной. Ей с удовольствием пожимали руки, вручая заслуженную, пусть и небольшую премию.

Рабочие трампарка уважали Варвару Лукиничну. С ней можно было поделиться всем: излить горе, сообщить радость, высказать сомнения в чем-то. Они знали, что она терпеливо выслушает, хотя и ничего не посоветует по своей неграмотности или скромности, а главное — никому не передаст разговора, каким бы он ни был. В ней как бы умирали все слова желающих поделиться. Она была скупа на излишние разговоры. Даже о своей семье на вопросы интересующихся отвечала коротко и не всегда с охотой. И никто на нее не обижался.

Варвару Лукиничну в нерабочее время можно было попросить помочь в погрузке и выгрузке тяжело раненых бойцов из трамваев. Она считала такие просьбы за обыкновенную работу. Она по-

могала носить их с пристани и вокзала на носилках до трамваев, а затем к госпиталям, часто думая: «А может быть, вот этот, весь перевязанный с ног до головы, как кукла, мой? Или этот, с забинтованной головой, где для дыхания осталась лишь ротовая щель?» Она все ждала без вести пропавшего мужа и верила, что еще встретится с ним.

На работе заботой Варвары Лукиничны были трамваи, а дома сын, растущий, к сожалению, без ее присмотра. За дочь она была спокойной: Зоя имела определенную специальность, временно применяемую на войне, которой скоро, верится, наступит конец. А вот сын Юрка с каждым днем постепенно уходит из-под ее влияния. Растет без отцовского веского слова. А она все топчется на месте, неграмотная. Он уж и отвечать ей научился не по-детски, хоть пока и не грубо. Но порой и не поймешь как. Иной раз стыдно бывает за неумение с ним поговорить. Скрытным стал. И не всем с ней делится...

* * *

Сегодня несчастный день у Юрки: потеряны продуктовые карточки и деньги. А может быть, и вытаснены из кармана, пока стоял в очереди за хлебом. Напрасно он искал их в карманах телогрейки и стареньких брюк: ни денег, ни карточек не было...

Продавщица ждала его карточки: она держала наготове ножицы, чтоб отрезать от них талоны, и вопросительно смотрела на мальчишку. Торопясь обслужить других, она сочувственно спросила:

— Что, мальчик, карточки позабыл дома? Это бывает, — успокоила она его.

Беги-ка скорее за ними, а то на обед закроюсь скоро. Отпущу тебя вне очереди, — пообещала она и, взяв карточку у старушки, стоящей за ним, стала отрезать талоны.

Юра, запыхавшись, прибежал домой. Он сразу же бросился к столу. Но там карточек не оказалось. Тогда он открыл крышку сундука и заглянул в него. И там, в отдельном ящичке, кроме тридцати рублей да облигаций, их не было. «Потерял или украли, — понял он и слезы глубокого горя невольно потекли у него из глаз. — Что я скажу маме? Как будем жить без хлеба и продуктов столько дней? — лихорадочно спрашивал он себя. — На целых две декады было карточек...» Юра прекрасно понимал, в каком тяжелом положении оказались он и мама. Но предполагал, что она его, возможно, ругать не будет. Потому что у нее самой в прошлом году вытаснили кошелек с зарплатой и карточками на три дня. Но то, что она будет голодать из-за него двадцать дней, его несказанно огорчало. Он продолжал горько плакать. «Как теперь мама сможет работать с утра и до вечера? — думал он. — Неужели я ее

оставлю совсем голодной? Надо что-то придумать. Но что? — спрашивал он много раз себя, но так и не находил ответа. И тут он вспомнил друга Толпо и, поставив мысленно его на свое место, задал себе вопрос: — А что бы сделал он? Наверное, продал бы обеденную столовую карточку и на вырученные деньги каждый день покупал бы на базаре хлеба. Точно, — успокоился Юра, — так я и сделаю».

Достав из недочитанной книжки карточку, Юра быстро пошел в столовую, где всегда околачивались охотники на покупку у детей «карточек-выручалочек». У Юры оставалось талонов двадцать. Двадцать обедов он должен был продать, оторвав от себя. Но что поделаешь...

В детскую столовую на улице Баумана взрослые на обед не допускались. Но они ухитрялись обеды брать на дом якобы для заболевших детей. Поэтому для Юры не составило большого труда продать свою карточку — за 700 рублей какому-то старику.

На колхозном базаре Юра купил третью часть от буханки хлеба и принес ее домой. Половину от части он тут же съел, а остальную прикрыл бумагой, чтоб мать не сразу заметила, что хлеба он ей оставил меньше, чем обычно. А затем, измученный неожиданно нахлынувшими на него сегодня горем и заботами, усталый Юра лег спать раньше обычного. Даже читать ему не хотелось, так скверно было на душе. От переживаемых мыслей и волнений у него разболелась голова: «Как будем жить? Денег для покупки хлеба хватит лишь на семь-восемь дней. А потом?.. «Он вспомнил, как мать в последние дни тяжело ходила по комнате, еле переставляя ноги. То ли от усталости на работе, то ли от огорода, на котором они недавно вскопали землю и посадили картошку, то ли от болезни, о которой говорить не хотела. «Куплю-ка завтра маме молока. Может, ей полегче станет», — подумал он и уснул в душе с тревогой.

Во сне Юре приснилось событие, происшедшее с ним зимой, о котором он, боясь, никому не рассказывал. Пытался об этом поделиться с Толей, когда встретился с ним в кинотеатре, но тому было некогда: его ждали. А случилось то событие с Юрой не просто во сне, а наяву.

В поисках своего друга он оказался на колхозном базаре. Как всегда ранее прошелся через толпу вдоль съестных рядов, невольно взирая голодными глазами на сытых торговков, бойко предлагающих «настоящим» покупателям горячие пирожки, картофельные котлеты, вареную требушину, жареную рыбу и другую снедь, раздражающе щекотавших обоняние вкусными запахами. «Вот зараза, живут же люди, — с досадой, чуть ли не вслух, выругался Юрка, выбираясь из гомонящей толпы. — Мясом торгуют, а тут даже хлеба досыта не поешь. Хоть воровать иди...»

Неожиданно Юру остановил долговязый мужчина в зимнем

кожаном пальто с планшеткой через плечо. Убрав загородившую путь Юрке ногу в блестящем сапоге, он с сочувствием спросил у него, дрожащего от холода:

— Что, пацан, промерз? Шамать хочется? — улыбнулся он. Долговязый издали приметил Юрку — в драной телогрейке, подшитых больших валенках и выдавшей вида шапке-ушанке.

— Хлеба хочешь заработать? — уставился он серыми глазами на него, словно гипнотизируя.

— А что надо делать? — насторожившись, спросил Юра.

Давно беспризорничавший Юрка сразу понял, что дело тут нечисто. Испугался чего-то. Но голод сильнее страха. И он, уже смелее, снова спросил:

— Что надо делать-то?

Долговязый, прежде чем ответить, еще раз оценивающим взглядом волчьих глаз окинул мальчишку с головы до ног и, наклонившись к нему, тихо проговорил:

— Отнесешь сверточек вон той барышне в коричневом пальто с темным каракулевым воротником. Незаметно отдашь и скажешь: «От Лебеда».

— Отнесу и отдам, никакая вошь не заметит, — заговорщицки подмигнул Юрка, согласившись пойти на риск и стараясь выглядеть бывалым пацаном.

— Молодец-оголец, скумекал! — обрадовался Лебедь и, оглядевшись по сторонам, вложил в Юркину ладошку небольшой бумажный сверток. — Отдашь и вернешься ко мне, если рядом никого не будет.

Юрка подошел к женщине, тронул ее осторожно за рукав:

— Тетя, от Лебеда, — и боязливо сунул ей в руку сверток.

Молодая красивая торговка ободряюще улыбнулась Юрке уголками тонких ярких губ и большими голубыми глазами и тихо похвалила, как Лебедь:

— Ну и оголец-молодец! Давно тебя искали. Передай Лебедю: оптовик объявился.

...Юрка ежедневно получал от Лебеда по половине буханки хлеба (брал он его без талонов у знакомой продавщицы в магазине, недалеко от рынка), иногда деньги на продукты питания. Вскоре вошел в доверие — его стали приглашать на Собачку, как называли улицу Некрасова. Там, на квартире Машки, ему вручали талоны на хлеб, чтоб на другой день он их передавал «друзьям» для продажи на рынке. У Машки-Козырихи часто устраивались «царские пиры», как казалось Юрке. Выпивка его не интересовала, а вот в отношении «пошамать» деликатесов всегда пожалуйста. Кое-что «от стола» он приносил матери, говоря ей, что заработал еду в свободное от уроков время в магазине или на базаре. Но каким образом — не рассказывал. Жизнь наступила для него веселая, о школе он совсем позабыл...

Лафа для Юрки кончилась неожиданно быстро, как и началась. Его за спинку телогрейки крепко ухватил милиционер, вдруг вынырнувший из толпы. Юрка успел выбросить сверток, что нес любимице Лебеда Нинке-красотке, вмял его валенком в снег и, вырываясь из рук милиционера, громко и возмущенно закричал, привлекая ее внимание:

— Ну ты, лягавый! Чего телогрейку рвешь?! Не слышь — трещит?! Нету у меня ничего! Отпусти, мент поганый!..

Торгующие обернулись на крик. Вмиг около Юрки образовалась пустота. Подбежал второй милиционер.

— Талгат, посмотри около нас, вокруг, — обратился к нему первый, держа вырывавшегося мальчишку. — Он сверток здесь сбросил.

— Нет нигде, — разочарованно сказал Талгат, поискав его в снегу, чуть ли не ползая. — Умеют же действовать, гады. А может, у него и не было ничего? — спросил он с сомнением.

— Ну как же не было. Тихонов его еще вчера приметил. Поищи еще, — приказал первый. — А я отведу его в детскую комнату. Там разберутся.

На улице Кирова, на втором этаже отдела милиции, в детской комнате полно было беспризорных мальчишек и девчонок. Познакомиться с ними Юрка не успел — вызвали на допрос к следователю.

— Эй, пострел, пошли-ка со мной, — уже миролюбивее предложил ему милиционер, что привел его, ругаясь, с базара, и ввел Юрку в комнату, о которой он мельком узнал от пацанов, что «комнатка маленькая, а вот срок в ней могут «припаять» большой, для отсидки в колонии».

Молодая симпатичная брюнетка с лейтенантскими ромбами в петлицах предложила милиционеру сесть на стул у двери, а Юрке показала цыганистыми черными глазами на табуретку около стола, сказав ласковым голосом:

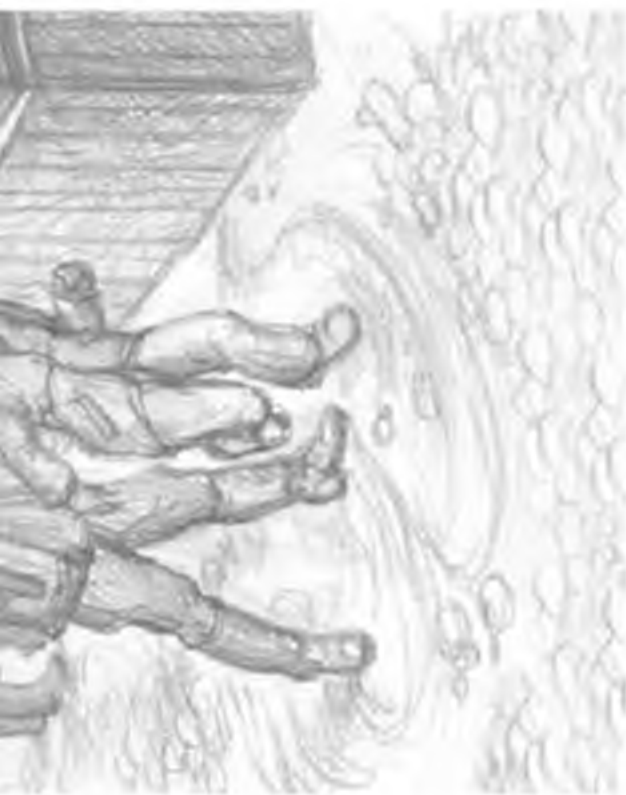
— Не стесняйся, мальчик, проходи и садись ко мне поближе. Сейчас мы с тобой и познакомимся, — взяла она из кипы лист разграфленной бумаги и обмакнула в чернильницу перо обыкновенной школьной ручки. — Меня звать Любовь Матвеевна. А тебя?

— Жорой, — соврал Юрка. — И больше ничего не скажу, — насунился он.

— Скажешь, если не захочешь загреметь в ДВК, — ответила брюнетка на полублатной манер. — И не такие гусята у меня гоготали, дорожа волей. Итак: фамилия, имя, отчество, сколько лет, где проживаешь?

Чтобы быстрее отвязаться от прилипчивой Любви Матвеевны, Юрка еще решительнее стал врать:

— Зовут меня Жорой Кораблевым. Отчества не знаю. Родителей нет. Сюда приехал из Харькова. Больше ничего не знаю.

— А кому ты нес сверток? Ты знаешь эту женщину? Кто тебе его дал?

— Никакого свертка у меня не было. Чем докажете, что был?! — смело повысил Юрка голос, зная, что свертка не нашли.

— Да, — задумалась Любовь Матвеевна. — Оказывается, ты еще тот гусь — крапчатый. Ладно, иди-ка пока к остальным, потом поговорим, — пообещала она, как показалось Юрке, с угрозой. — А вы, Иван Алексеевич, на минуточку задержитесь.

Той минуточки, пока не было милиционера, доставившего сюда Юрку, хватило, чтоб сбежать. Юрка вышел в коридор и улыбнулся дежурному милиционеру:

— Отпустила меня Любовь Матвеевна. Разобралась. Велела завтра прийти, — соврал Юрка так вкрадчиво и спокойно, будто давно готовил себя к этому случаю и, сдерживая себя, стал медленно спускаться с лестницы.

Оказавшись на улице, несмотря на большие валенки, Юрка дал такого стрекача, что только его и видели!

Проснулся Юра оттого, что во сне ему показалось, будто милиционер его догнал и схватил за шкуру телогрейки так сильно, что оторвал воротник. Возмущившись, он громко заорал: «Ты чего сделал, лягаш?! Телогрейку порвал!..»

Вскочив с постели, словно собираясь бежать, Юра увидел испуганное лицо матери.

— Ты чего кричал, Юра? Приснилось что страшное? Что за лягаша ты увидел во сне? — с напряжением спрашивала мать, сидевшая на табурете.

И когда она пришла с работы? Как откинула проволокой дверной крючок, что Юра не слышал?

— А, это так, один знакомый, — глядя на мать, успокоившись, быстро напелся Юра. А сам, снова вспомнив тот нехороший эпизод, в который раз подумал: «Хорошо, что я тогда ловко проскочил мимо мента-охламона. Не то бы мне несдобровать, как Тольке».

* * *

«Злым гением человечества стало лицемерие: на словах любовь, а в жизни — беспощадная борьба за существование, за достижение так называемого счастья, «карьеры»... Я ненавижу всякую фальшь и лицемерие. Я думаю, что всякая фальшь — наихудшее зло, — со слов Ф.Дзержинского начал свое выступление на совещании сотрудников милиции майор госбезопасности, народный комиссар внутренних дел ТАССР Габитов Абдулла Гисматулович. — Один говорит «люблю» — и это лишь фраза для него, ибо он говорит, но не чувствует, это — никчемное фарисейство, это тот яд, который отравлял всю нашу жизнь с самого детства, —

оглядел комиссар озабоченным взглядом карих глаз немногочисленных инспекторов и воспитателей детских комнат. — Другой же говорит «люблю» и находит отзвук в человеческих душах, ибо за этим словом выступает человек с чувством, с любовью».

— Любаша, — обратился комиссар к молодой симпатичной сотруднице Новоселовой, оперуполномоченной Управления милиции НКВД, — я знаю, у тебя много работы. Но хочу попросить тебя взять еще одну нагрузку: помочь в розыске детей, потерявшихся в дни войны. У тебя добрый характер, ты сама мать и понимаешь не хуже меня, что надо помочь детям, оказавшимся в чужом городе без крова, хлеба, родителей. Это, конечно же, касается всех нас, — заметил он между прочим. — Небывалая миграция населения страны на восток из западных районов СССР, над которыми нависла угроза оккупации, не обошла, конечно же, и нашу республику. Сюда организованно эвакуировались и детские учреждения, и дети неорганизованные: у кого-то погибли родные при бомбежке поездов, другие потерялись по дороге, и до сих пор не нашли себе ни приюта, ни родных, — помолчал Абдулла Гисматуллин в прискорбном раздумье. — За год с лишним войны у нас появились и свои беспризорники. Безотцовщина дает о себе знать и в Казани. Люди жалуются: подростки, собираясь как волчата в стаи, воруют продукты питания, отнимают у сверстников деньги, вливаются в пайки бандитов, которые обучают их открыванию замков, форточному проникновению в квартиры, карманным и другим кражам. Надо уберечь детей. Ведь погибают они не только в самой преступной среде — от неправильного слова или действия, связанных с выдачей «малины» или соучастников пайки, но и от разъяренных потерпевших, у которых украли последние деньги, рассчитанные на питание, или продкарточки, — посмотрел он снова на Любовь Матвеевну, проводя твердой ладонью по курчавистым, темным волосам над высоким красивым лбом. — Помоги, пожалуйста, Любаша, возглавь отдел по беспризорничеству, — не приказал, а попросил ее он. — У тебя и имя-то само подходит: Люба, Любочка, Любовь — к этому серьезному заданию, наиважнейшему сейчас в стране, — улыбнулся он ей по-товарищески.

Еще до начала Великой Отечественной войны Любовь Матвеевна Новоселова — сотрудник Казанского уголовного розыска — принимала активное участие в борьбе с бандитизмом и преступностью. Была ранена кастетом бандита в лицо при его задержании. Но мужества никогда не теряла и в последующие годы работы в органах милиции. Но тут она, немного растерявшись, невольно вспомнила слова начальника милиции города Казани Махмуда Мухамеджанова: «Ловкость и неуловимость молодых преступников дают много очков вперед их старшим коллегам». Он утверждал, что большинство дерзких ограблений — дело рук ма-

полеток. Да и сама она хорошо знала, что подростки начинали с воровства «по мелочам»: вырывали из рук граждан сумки, продукты, другие вещи, а вскоре переходили к более серьезным преступлениям: принимали участие в грабежах магазинов, складов, квартир и других объектов, где можно было пожить. На задержание юных преступников приходилось отвлекать внушительные силы милиции, которых не всегда хватало: многие воевали на фронте. Однако она, прекрасно понимая, какая нагрузка возлагается на нее и малочисленных помощников, с безропотностью приняла приказ-просьбу Народного комиссара ВД ТАССР Абдуллы Гисматулловича Габитова, сказав по-военному: «Есть. Постараюсь оправдать доверие».

И потекли у Любаши, как называли ее любовно сослуживцы, и сотрудники НКВД, бурные, словно никогда не отдыхающие извилистые горные реки, дни и часто бессонные тревожные ночи. Нужно было срочно устраивать сотни детей — голодных, полуодетых во вшивое рванье, одичавших без родительской ласки — хотя бы на первое время в детские приемники, а затем сиротские приюты — детдома, интернаты, ФЗО и ремесленные училища, где были общежития. А вскоре, после постановления СНК СССР от 15 июня 1943 года «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» ей пришлось возглавить отделение угрозыска, занимающегося борьбой с преступностью среди несовершеннолетних. Здесь Любове Матвеевне и ее малочисленным помощникам пришлось еще труднее: преступные бандитские группировки, возглавляемые корыстными «паханами», «братками» и «маманями», цепко держали в своих нечистых лапах когда-то по случаю крайней нужды попавших в их «сети» изломанные войной детские души. Здесь нужно было много проявлять энергии, живого участия в судьбах подростков, чтоб помочь им выбраться из грязной ямы преступного мира, встать на честный путь, умело направить их на дела, полезные обществу.

Через некоторое время для одних беспризорников — мальчиков и девочек, а их было сотни, возможно, и тысячи — она стала «тетей Любой», «мамочкой», для других — «хитрой ментовской инспекторшей», но с «понятием». Ее почему-то зауважали все пацаны-огольцы и, конечно же, пацанки, соприкоснувшиеся с ней близко при допросах и беседах. Лаской и добрым словом отогревала она их поневоле заблудшие души. Лишь иногда приходилось ей «срывать», увидев перед собой еще не насовсем заматеревшего, но уже близкого к этому, судя по разговору, малолетнего преступника. Но потом она ругала себя за «дешевый жаргон» и нетерпение, срывающиеся от чрезмерной усталости и от того, что «он, дурашка, не понимает, что я ему хочу добра... Нельзя так. Ну что ж, что не спала из-за работы, из-за таких же сорванцов двое суток. Он все равно еще ребенок. Нужно искать дру-

гой подход... К нему... К ней... Им тоже очень трудно в этой обрушившейся на них неожиданно злым врагом жизни. Будь проклят, фашист...»

С неохотой отправляла Любовь Матвеевна малолетних преступников за колючую проволоку. Тогда в ДВК (детскую воспитательную колонию) можно было «устроить» за совершение преступления с одиннадцати лет. Казалось бы, мальчишку, пойманного за воровство на рынке овощей, по всем статьям надо изолировать. Но сердце подсказывало ей: «У него есть мать — рабочая, труженица. Раньше ни в чем предосудительном не замечен. Можно ограничиться штрафом или порицанием. А дальше посмотрим... Юрка, чувствуется, тоже не подарок. Правда, я с ним еще не встречалась. Но учительница рассказала: «Собирали в школе посылки для фронтовиков. У него ничего не оказалось по причине крайней бедности. Чтоб на него не смотрели косо товарищи, украл, как доложили они, мешок махорки у колхозника и притащил в класс. Сам же сказал им, что нашел махорку у туалета вместе со стаканом. Рядом никого не было. Мужчина, вероятно, спешно ушел к «толчку», позабыв о мешке с зельем, за который мог бы выручить немалые деньги». Это и навело учительницу на подозрение. Ну — это все цветики, цветы впереди: война не закончилась...»

Всем людям нашей страны было нелегко, особенно бюлестителям порядка. Уж на что физически крепкий, боевой комиссар, майор госбезопасности Габитов Абдулла Гисматуллович, устав от оперативной работы в течение почти двух военных лет, завидовал фронтовикам: там враг был известен. А здесь... На него были возложены обязанности по обеспечению охраны оборонных предприятий, торговых объектов, борьба с расхитителями государственного добра и вооруженными грабителями, дезертирами. В случае налета вражеской авиации он должен был организовывать и проверять дежурство и светомаскировку возле домов, заводов, фабрик и магазинов. Что только в его обязанности ни входило — одному ему и Аллаху известно. Но он никогда не показывал усталости или раздражения своим подчиненным. Встретив Любовь Новоселову как-то в Управлении, он поздоровался с ней и, обаятельно улыбаясь, спросил ее:

— Ну как, Любаша, воюешь с пацанами?! Небось, трудновато? Помощь нужна?

— Воюю, Абдулла Гисматуллович! — как можно бодрее сказала она. — Все в порядке, обходимся!

— Ну-ну, все в порядке. Наслышан, какие к тебе архаровцы попадают. Небось, во сне маме жалуешься. Но ничего, Любаша, переживем войну — легче станет!

В 1943 году на должность наркома внутренних дел ТАССР заступил генерал-майор Горбулин Павел Николаевич — внешне спо-

койный, серьезный, выше среднего роста крепыш. Он продолжил работу Габитова Абдуллы Гисматулловича. Ему пришлось тоже нелегко: война продолжалась. Но новому комиссару уже, а это главное, не надо было менять какие-то порядки в Управлении. Все было распределено по пунктам прежним наркомом. Однако он с первых же дней потребовал от сотрудников НКВД — оперативников, участковых уполномоченных, дежурных и постовых милиционеров усилить борьбу с преступностью вообще и, в частности, с беспризорничеством, безнадзорностью и хулиганством среди несовершеннолетних, приказал срочно расширить круг задач по устройству подростков в различные детские учреждения, проследить за тем, чтоб они были одеты, обуты и накормлены: многие из них, как правило, поступали грязными, больными, раздетыми. Павел Николаевич также напомнил сотрудникам о конкретных воздействиях на родителей, родственников, «поставляющих» неблагополучных детей обществу, определил меры воздействия на них. Он сказал на совещании:

— Как можно чаще и убедительнее надо воздействовать на нерадивых, а подчас и корыстных родителей, толкающих своих детей на нищенство и кражи, не умеющих своих детей направить на честный путь беседами, разъяснениями, предупреждениями, пт-рафами. А если эти мероприятия проходят «мимо ушей» родственников и родителей — помещать детей, по решению суда, в детские дома, воспитательные колонии, если за ними тянутся преступления, вплоть до устройства их, если появится медицинская необходимость, в больницы или специальные изоляционные отделения психиатрических лечебниц. Ни для кого, — он посмотрел суровым взглядом карих глаз, особенно на сидящих в первом ряду воспитателей и инспекторов детских комнат, приемников-распределителей и воспитательной колонии, — не секрет: сегодня он или она — нищие, а завтра вор или проститутка, несущая заразу. — Помолчав, он добавил: — При отделах службы управлений милиции необходимо вновь организовать специальные отделения по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних. Мы же, руководство управления, должны быть постоянно в курсе этой проблемы. Каждый из нас должен бороться за судьбу каждого ребенка, чтоб он был обучен в школе, научился улыбаться, спокойно играть, заниматься спортом. В этом отношении хочу похвалить, поблагодарить и поклониться низко в ноги нашим педагогам-воспитателям и инспекторам Новоселовой Любови Матвеевне, Комиссаровой Марии Феофановне — начальнику детского приемника-распределителя, Котовой Эльзе Алексеевне, Чистяковой Марии Петровне и другим нашим замечательным женщинам! — такими словами закончил свою речь на совещании сотрудников НКВД в клубе Менжинского Горбулин Павел Николаевич.

В течение пяти дней Юра скрывал от матери истинное положение, связанное с питанием. Утром, перед школой, он съедал неизменную за последние дни тарелочку похлебки из картофеля и чечевицы с оставшимся от матери кусочком хлеба. В классе, после второго звонка на перемену, лакомился бесплатным завтраком, состоявшим из половинки небольшой булочки и половника жидких щей, выдаваемых всем учащимся. А в обед, после школы, добросовестно покупал на базаре хлеб и по дороге домой съедал половину. Потом до следующего утра он уже никуда не выходил — делал уроки, играл сам с собой в шахматы, сделанные Толей, читал книги, а незадолго до прихода матери с работы ложился спать, чтоб она его ни о чем не спрашивала и тем самым, возможно, избегал разговора с ней по поводу небольших порций хлеба, оставляемых им ей в эти злополучные, мучительные дни.

На шестой день Юра понял, что матери от недоедания совсем плохо. Он, открыв глаза, увидел, как она вяло ела сваренный суп, хлебнув из тарелки несколько ложек. И испугался: «Не заболела ли мама? Даже кушать не может. Завтра же кушпо хлеба побольше, чтоб мама поела его досыта и поправилась». С этой успокаивающей его мыслью он на другой день после школы пришел на базар.

Базар, как всегда, жил своей жизнью. Здесь с подобострастием смотрели на тех, кто, не торгуясь, мог купить много, и с сожалением, а иногда и с презрением на тех, кто старался сэкономить для семьи нелишний рубль, а иногда и десятку при покупке любой мелочи.

Юра шел между толпившимися на базаре людьми, выискивая глазами большую половину буханки и, по возможности, дешевую. Но обойдя весь торгующий хлебом закоулок, он так и не услышал ни от кого заниженной цены. Всюду господствовала базарная дорогая, стандартная цена. Пришлось за третью часть буханки хлеба заплатить 100 рублей, после чего у него осталась еще целая сотня.

«Купить бы молочка немножко. Давно уж мы его не пили. Может быть, от молока маме легче будет», — вспомнил он снова о похудевшей за последние дни больной матери и побежал домой за бутылкой.

В этот вечер Юра не лег раньше времени спать и дождался прихода мамы. Не успела она перешагнуть порог, как он обрадовал ее:

— Посмотри, мама, на стол, я молока купил! Я купил его на накопленные деньги, которые у меня оставались от магазина, — соврал он, заранее приготовив себя к этому. — Давай, мама, помысь поскорее и покушай.

Варвара Лукинична с удивлением посмотрела на сына и, улыбнувшись, похвалила его:

— Молодец, сынок. Ты будто отгадал мое желание. Сейчас покушаю, — сказала она и, вымывшись под железным умывальником, который висел на стене, около двери, неторопливо подошла к столу.

— Мама, а ты не больна? — тревожно спросил ее Юра, когда она не торопясь, выпила кружечку молока и съела кусочек хлеба.

— Нет, не больна, — как можно спокойнее ответила мать и спросила: — С чего ты взял?

— Я видел вчера, как тяжело ты ходила по комнате и плохо поела суп. Мне показалось, что тебе нездоровится.

— Да нет, сынок, у меня все хорошо. Просто очень я устаю на работе, — снова успокоила она встревоженного сына.

— Мама, а почему ты уже давно не приносишь с работы ни муки, ни чечевицы? У вас что, теперь трамваи не возят их? — спросил Юра.

— Не возят — с огорчением ответила мать. — Нам сказали, что на грузовых машинах, которых много прибыло в город, быстрее можно развезти всю продукцию по складам и магазинам. А почему ты вспомнил об этом? — вдруг озабоченно спросила она. — Тебе, наверное, не хватает еды? В столовой-то небось плохо кормят.

— Что ты, мама, хорошо, мне вполне хватает, — чтоб успокоить мать, он снова соврал. — В столовой кормят очень даже хорошо, я тебе всегда говорю об этом. Это я так просто спросил, — успокоил ее Юра.

— Ну и ладно, что хорошо, — успокоилась довольная мать. — Давай-ка ложись спать, завтра рано в школу вставать, — напомнила она сыну. — А я пока суп сварю на завтрак из оставшейся крупы и картошки и постираю. Сегодня нам выдали по два куска хозяйственного мыла.

Ложась в постель, Юра не удержался и опять задал вопрос матери:

— Мама, а когда у вас на работе будет зарплата? Ты много получишь в этот раз?

— Не знаю. Но думаю, на этот раз обязательно купим тебе рубашку и ботинки.

— А ты знаешь, мама, у нас и картошка кончается. Там, кажется, ее совсем немного осталось, — нерадостно сообщил Юра.

— Знаю, — вздохнула невольно мать. — Может быть, как-нибудь дотянем до полочки. А не дотянем — займу денег. Да спи ты уж в конце концов, времени много, — то ли с раздражением, то ли с огорчением сказала она.

Юра долго ворочался в постели, пытаясь уснуть, но мечты — хорошие, а иногда и дурные, не давали ему сделать это. Он видел себя то князем Гвидоном, укрывшимся с матерью на славном острове Буяне, то инженером Киром Смитом из книги Жюль Верна

«Таинственный остров», умеющим все делать, то Робинзоном Крузо, научившимся доить коз, то Остапом Бендером, находившим различные неблагоприятные варианты для достижения цели, то Владимиром Дубровским, отбирающим у зажиточных людей богатства. Только тогда, когда мать закончила стирку и перестала стучать деревянным корытом, которое стучалось дном о поставленную под него табуретку, Юра уснул.

На следующий день Юра потратил последние деньги на хлеб, несмотря на то, что до получения новых карточек оставалось еще недели две. «Буду приносить маме завтраки из школы и постараюсь не есть хлеба, кушленного мною сегодня. Его хватит маме на два дня, а там что-нибудь придумаю», — тоскливо подумал он и вдруг заплакал, вспомнив отца, сестру и дедушку, детский сад, где не нужно было заботиться о пище, Евгению Петровну, свое дошкольное счастливое детство.

Прошло еще два дня. Юра, конечно же, школьные завтраки съедал, вопреки своему желанию приносить их матери, потому что невозможно было смотреть на ребят, лакомящихся свежей булочкой, но хлеба, оставленного для нее, он даже не касался. И кушал Юра тогда, когда мать уходила на работу или до ее прихода. От супа без хлеба, в котором плавало несколько картофелин с примесью чечевичной крошки, слегка подтапливало, но он, закрыв глаза, старался быстрее протолкнуть полные ложки с надоевшим, невкусным варевом и мужественно справлялся с этим.

Но на третий день ему стало совсем плохо. Едва он встал с кровати, как у него закружилась голова и схватило живот. От боли он присел, схватившись руками за бока, и жалобно застонал; потом повертел головой в разные стороны и неожиданно растянулся на некрашеном полу, потеряв сознание. Через некоторое время он пришел в себя. Боли в животе постепенно утихли. И голове стало легче. Юра поднялся, сел на табурет, который сделал когда-то в мастерской Толиного отца, и задумался: «А что, если сходить на маленький базарчик и попробовать там утащить чего-нибудь незаметно. А может быть, я там найду кошелек с деньгами. Бывает же, что теряют. Я же потерял карточки. А возможно, и не терял, а просто у меня их вытащили. Есть же ловкие люди, которые могут красть. Наверное, они никогда не голодают. Вот, например, Косоручка или Сонька Золотая Ручка, — вспомнил он воров из книги Свирского «Рыжик», — были разодеты, как господа, и бриллиантики имели, не говоря о еде. А Фомкач даже деньгами кидался в трактире. Недаром же Толя хотел стать вором, — вспомнил он друга. — А я же им быть вовсе не хочу. Только один раз чего-нибудь украду, чтоб никто не заметил, и нам хватит с мамой до получки, — предавался преступной мечте Юра, от которой уже не в силах был отвязаться. — Если я пропущу один день в школе, так это ничего. Другие по несколь-

ку дней не бывают в ней, — успокоил он себя и стал собираться на базар.

На маленьком базарчике, расположенном в конце улицы Пупкина, Юра долго ходил между рядами торгующих, высматривая на земле чей-нибудь затерявшийся кошелек или деньги. Но ничего утешительного не нашел, а только приметил внимательные глаза продавцов, неотступно следивших за ним, да продающиеся вкусные вещи: пирожки, вареный картофель с укропом, соленые огурцы, сушеную рыбу, хлеб. «Если попросить у торгующих чего-нибудь покушать — не дадут», — размышлял Юра, устало прохаживаясь около рядов. Он слышал их злые ответы попрошайкам, наподобие этого: «Много вас тут шляется. На всех не напасешься». Но и уйти просто так с базара, на который он сегодня понадеялся, было выше его сил. Еле передвигая ноги, обутые в рваные ботинки, куда набилось много грязи и воды от прошедшего ночью майского дождя со снежком, он подошел к краснощекой упитанной торговке и в нерешительности остановился перед грудой соленых огурцов, высившихся в железной тарелке на прилавке. Он когда-то ел их. Осенью. С Толькой покупали. Они были вкусны. И сейчас этот вкусный запах, по которому он сильно стосковался, просто манил его.

Хозяйка огурцов посмотрела на Юру настороженным взглядом, не сулящим ничего доброго, и неожиданно, сделав лицо равнодушным, отвернулась. Этого движения в сторону было достаточно для того, чтобы начинающий воришка поверил в него. Он быстро и вроде бы незаметно схватил облюбованный им огурец. Но... это действие не могла не заметить слукавившая перед детской простотой торговка. Она резко повернулась к нему, ее округлившиеся глаза в страшном гневе зло посмотрели на сжавшегося от страха воришку, рот искривился в громовом извержении:

— Положь огурец, гаденыш! Убью!..

Юра растерялся: то ли бежать ему, то ли положить огурец на место? Но...положить на место — значит обратить на себя внимание людей, стоящих рядом, и явно доказать, что он жулик. Ему было жутко стыдно. От стыда у него вспотело и отяжелело тело и закружилась голова. Однако он сумел себя заставить оторвать от земли одеревеневшие ноги и броситься в сторону обрыва, спускающегося к Казанке, от выбежавшей из-за прилавка торговки. Не успев достигнуть спасительного обрыва, где кончался базар, воришка был схвачен крепкой рукой торговки, приподнят вверх и брошен на сырую землю, как кутенок. Она стала бить его кулаками по спине, бокам и голове, как взрослого, приговаривая: «Убью, сволоченок. Законы божьи позабыл. Вот тебе! Вот тебе! Не укради! Запомни слова божии! Вот тебе!..» Устав бить, она шнула его ногой в обрыв и с чувством исполненного долга запагала к торговым рядам.

Юра, когда падал в обрыв, почти в бессознательном состоянии ухватился за старый репейник и, можно сказать, был спасен от тяжелейшего исхода. Обрыв был крут и глубок. Преодолевая боль, гудящую в голове и теле, он, цепляясь скрюченными пальцами за влажную, скользкую землю, с трудом вылез на поверхность обрыва и потерял сознание.

Только к вечеру Юра пришел в себя. Повернувшись на спину, он открыл глаза и увидел прозрачную синеву неба, по которому нехотя двигались небольшие розовые облака, иногда загораживающие заходящее солнце. В небе, весело виражируя, летали юркие ласточки. Глядя на них, он вспомнил свой неудачный день. «Почему я не ласточка? Улетел бы ввысь. Там много комаров и мошек. Их на всех хватает. А на земле? Почему у одних много всего, а у других мало, иногда ничего? Неужели ей стало жаль одного огурчика? Неужели из-за него меня так сильно надо было бить? Как я теперь доберусь до дома? У меня все болит. Ну, это ничего, пройдет. А вдруг, — он испугался главного, о чем хотел, но не мог позабыть, — меня в момент кражи видел кто-нибудь из знакомых. Тогда об этом узнают и мама, и все остальные — вот стыд-то и позор. Меня будут считать вором, дразнить...»

Под влиянием обрушившихся на него стыда и горя Юра равнодушно лежал в грязной, не успевшей высохнуть на солнце, начинающей быстро холодеть жиже, и представлял, что все уже знают о его воровстве. Он боялся идти домой и ждал, когда стемнеет.

Едва стало смеркаться, Юра попробовал сесть, но встать не решился: так сильно болело тело. Озябшее, оно будто бы слушалось его, но Юра ощущал, что до дома дойти ему будет непросто. Почти ползком, через весь базар, он с трудом достиг главных ворот. Они еще были не закрыты. Поднявшись на четвереньки, он постарался выпрямиться и дойти до колонки, чтоб напиться воды и избавиться от подступившей к горлу тошноты, но тут же в беспомощности свалился.

— Фроська, смотри, у колонки человечек валяется. Пьяный, наверное! Вот умора-то! — придя в себя, услышал Юра приближающиеся к нему шаги и веселый голос женщины.

— Ну и запри его. Пусть проспится за закрытыми воротами. Эка невидаль, пьяный, — спокойно рассудила Фрося, однако и она подошла к лежащему в грязи человечку. — Только жаль его, может, колхозник и при деньгах дядя. Обкрадут начисто. Давай, Люба, посмотрим у него в карманах, — предложила Фрося. — Если у него окажутся деньги, завтра вернем, — твердо сказала она.

— Давай посмотрим, — не возражала Люба, — и отнесем его под навес лабаза. На сухом-то месте как раз до утра проспится.

Они повернули на спину лежащего человечка, чтоб удобнее было осмотреть его и... ужаснулись.

— Любка, смотри-ка, — невольно вырвалось у Фроси, — да это же мальчишка! Да и вином от него не пахнет. Заболел он, как пить дать, заболел. Смотри-ка, как тяжело он дышит. Давай-ка помогай, держи его за ноги, отнесем ко мне в контору и вызовем врача! Ему в больницу надо, — заботливо добавила она.

Они внесли его в небольшую комнату и положили на сдвинутые в ряд стулья.

— Воды давай, Любка, лицо обмоем мальчонке. Оно, кажись, все в крови, из-за грязи-то ничего не разберешь.

Люба сбегала с ведром за водой и подала ее в кружке Фросе.

— Ожил! — обрадовалась Фрося, когда обмыла над тазом лицо больного и дала ему глотнуть воды из алюминиевой кружки. — Ты что делал на базаре в такой поздний час? Тебя побил кто-то? — спросила она у мальчишки.

Юра молчал и не шевелился. Только глазами вертел, поглядывая настороженно то на Любу, то на Фросю.

— Да не бойся ты нас и скажи: где у тебя болит? — снова спросила Фрося.

— Вот здесь, — нехотя показал руками Юра на живот. — Только, тетечки, не звоните в больницу. Меня мама дома ждет. Я сейчас домой уйду.

— А где ты живешь? — спросила Фрося. — Может, недалеко, так мы тебя проводим.

Юре было приятно оказанное ему работницами базара внимание. Но он, боясь разоблачения ими его нехорошего проступка, если не сегодня, то в последующие дни, стыдась, робко попросил:

— Не надо, тетечки. Большое спасибо вам. Я сам дойду.

— Ты смотри, какой герой выискался, — удивилась Фрося. — Неужели думаешь, что мы тебя отпустим одного в таком состоянии? И думать так не смей — сейчас и отведем.

Мать еще не возвратилась с работы. Юра пошарил руками под ящиком, в котором хранилось ненужное барахло, и, достав из-под него ключ, открыл дверь. Молодые женщины, которые привели его под руки домой, не решились войти в темную комнату: они стояли в коридорчике и о чем-то оживленно шептались. Наконец Фрося открыла свою сумку, достала оттуда сверток и, подавая его в открытую дверь, тихо сказала:

— Мальчик, вот здесь пирожки с капустой, возьми их. Мы наелись сегодня их вдоволь, и они у нас все равно пропадут. А ты, может, кушать захочешь.

Но Юра почему-то молчал и не подходил к двери.

— Что ж ты молчишь и не берешь пирожки? Может быть, ты сыт? — удивилась Фрося и, не получив ответа, заподозрив в этом что-то неладное, шагнула в темноту. Нашарив рукой выключатель, она зажгла свет и вновь с удивлением сказала, обращаясь к подруге:

— Батюшки, Любка, да он уже спит. Прямо на полу улегся, Посмотри!

— И правда спит, — отозвалась вопедшая вслед за нею в комнату Люба. — Ну, это и хорошо, что он заснул. Пока придет его мать, ему легче будет. Клади пирожки на стол, и пошли на дежурство. Вот только дверь обязательно надо закрыть на ключ и положить под ящик, откуда он его достал. А не то воры у них последнее унесут, — сказала она рассудительно и добавила: — Так мы и не узнали, кто его сильно избил. Но ничего, узнаем...

Более недели провалялся Юра в постели. За это время он сумел набраться смелости и рассказать матери о пропаже продуктовых карточек, о проданных столовых талонах и о несуществующих мальчишках, якобы избивших его.

К счастью, врач не обнаружил у Юры ни одного перелома и был немало удивлен его стойкостью к болезненным синякам и шишкам. Он похвалил его за терпение и сказал матери, что с таким явлением столкнулся впервые и относил стойкость ее сына к весьма редкому случаю. А сам подумал о том, что сейчас психика ребенка, возможно, и не среагировала на случившееся, но со временем это может дать нежелательные результаты.

Перед выпиской Юры в школу, неизменный в течение многих лет участковый врач-старичок Николай Иванович, дотошно осмотрев поправившуюся от побоев фигурку, удовлетворенно улыбаясь, сказал:

— Ну-с, богатырь, ты совсем поправился. Даже лучше стал выглядеть, чем прежде. Надеюсь, что теперь-то сможешь мне рассказать о том, кто так добросовестно тебя отделал. Молчишь? Ну ладно, ладно, раз это секрет, носи его в себе на здоровье, — сказал он, видя, что Юра, насупившись, крепко сжал губы. — Только смотри, Юра, более никому не позволяй так собою распоряжаться, а не то попросишься с этим довольно-таки заманчивым светом. Ну-с, вот и все, — подписал он справку, разрешающую Юре Кардину посещать школу. — Надеюсь, теперь не скоро с вами встретимся, молодой человек. Прощайте. — И он, надев на ботинки блестящие галоши, открыл дверь и перешагнул порог, услышав несущуюся вслед ему благодарность: «Спасибо, Николай Иванович! До свидания!»

Все плохо. Тройка по поведению

После выздоровления Юра выходил во двор на некоторое время, в общественный туалет. А заодно он присматривался к ребятам: знают ли они о том, что он вор. Вроде бы ничего не знают. Иначе бы засмеяли. И это чувство не обмануло его, когда мальчишки предложили сыграть в лапту, а затем побегать по улицам в

поисках «чинариков» (окурков) для ребят постарше, чтоб они заступались за них и не обижали.

Но в школу Юра пока не ходил. Боялся, что вдруг Васса Дементьевне и ребятам известно, как он попался на краже. Стыдясь и страдая, он корил себя и в то же время оправдывал: «И зачем я пошел на базар?! Но не виноват же я в том, что у меня украли продуктовые карточки. Я ж не просто так пошел на воровство, а из-за голода. Подумаешь, украл огурец. Другие больше воруют... Опять же плохо, что я много дней пропустил в этом месяце мае — жарком, холодном и снова жарком. В школе будут думать, если узнают о случае, что я все эти дни воровал. Но я же в начале мая хоронил с ребятами дядю Мишу, потом, не мог удержаться, ходил в «Пионер», послушать аккордеон солдата, а затем... Все ж я ходил несколько дней в этом месяце в школу. За пропуски уроков меня, может быть, Васса Дементьевна не оставит на второй год. У меня же в трех четвертях не было двоек. Но если она узнала о случае на базаре, то обязательно оставит меня во втором классе. Зачем я ей буду нужен такой, позорящий класс?.. До конца учебного года осталось пять дней. Пропущу и их. А там летние каникулы. После них, возможно, все позабудут о моем нехорошем поступке. Не пойду в школу...»

Неожиданно к Юре пришел товарищ из класса, самый примерный октябренок Папа, и сказал как можно строже: «Если ты не явишься завтра в школу, то Васса Дементьевна сообщит твоей маме на работу о том, что ты почти целый месяц не ходишь учиться. Сама она к вам прийти не может. Заменяет во вторую смену больницу учительницу...»

На следующий день Юра пришел в школу. Через урока два он понял, что жизнь здесь идет по-прежнему: тот, кто был лодырем, так и остался им, старательные, как и прежде, добросовестно рассказывали домашние темы и решали без подсказки классные задачи, а в перемены, перемешавшись между собой, невзирая на различие в знаниях, разговаривали друг с другом, играли или шалили. На него никто особенного внимания не обращал, а это значило, что о злосчастном огурце никто ничего и не знает.

После уроков Васса Дементьевна, позвав к себе Юру, сказала:

— Юра, ты снова отстал от класса. Мы прошли много нового по арифметике, русскому языку и чтению. Запиши пройденные темы и постарайся разобраться в них. Если тебе будет что-то непонятно, спросишь у меня. Хорошо?

— Хорошо, Васса Дементьевна. Большое спасибо. До свиданья, — попрощался Юра довольный тем, что она его ни о чем пока не спросила. Видимо, спешила в другой класс.

Через два дня неожиданно в классе с Юрой перестали разговаривать товарищи. После звонка на перемену, едва из класса

уходила учительница, они собирались где-нибудь в уголке и начинали оттуда, многозначительно улыбаясь и перешептываясь, рассматривать Юру, словно видя его впервые. Такое странное отношение товарищей насторожило его и обеспокоило. Ему показалось, что они все-таки узнали о его «приключении» на базаре. Но он терпеливо ждал, когда кто-нибудь ему об этом прямо скажет, и тогда... «Тогда я сразу же брошу школу. Сейчас можно и без нее обойтись. Или уйду в Борькину школу... А может быть, они об этом ничего не знают, а говорят о чем-нибудь другом. Но о чем же?...» — думал он, мучительно переживая и теряясь в догадках.

На последнем уроке Юра услышал шепот соседа по парте, Павлова Вити, таинственно спросившего его:

— Кардин, это правда, что ты — жулик?

— Что? — опешил Юра, не ожидавший такого вопроса сейчас, на уроке.

— Кашин из соседнего класса рассказал нам, что ты жулик. А твой товарищ уже сидит в колонии за воровство. Это правда? — снова спросил Витя.

— Какой Кашин, какой товарищ? — с растерянностью помедлил с ответом Юра.

— Ну, Кашин с вашего двора, который на второй год остался в третьем классе, — пояснил Витя.

— А, Кашин... Врет он, — неуверенно сказал Юра и, уже волнуясь, спросил: — А что он еще говорил обо мне?

— Говорил, что ты неспроста шляешься по базарам и магазинам, что ты там крадешь кошельки с деньгами. Тебя видела его мать, — сообщил Витя. — Это здорово! — неожиданно с одобрением сказал он. — Взял бы меня хоть разок с собой. А? — попросил он Юру.

У Вити, как и у Юры, отец погиб на фронте. Его маме, технической работнице какой-то организации, приходилось одной воспитывать троих малолетних сыновей, из которых Витя был старшим.

— Да пошел ты, дурак, к черту, — зло выругался Юра. — Какой я тебе жулик? У меня у самого недавно в магазине украли продуктовые карточки из кармана. Больше полумесяца голодали. Даже мать заболела. А ты говоришь — жулик.

— Ладно, ладно уж, не скрывай. Все в классе знают, что ты знаком с жульем. Тебя видели с ними в кинотеатрах и на улице. И Кашин зря рассказывать обо всем этом не будет, — с уверенностью сказал Витя.

— Ох и гад же этот Кашин! Я покажу ему сегодня! — вскипел Юра. — Я покажу ему, как болтать и наговаривать...

— Кардин, встать! — прервала его громкое возмущение учительница. Она перестала писать на доске и повернулась к классу. —

Что там у вас стряслось? — обратилась она сначала к Юре, а потом к Вите. — О чем вы громко говорите или спорите?

— Ни о чем. Мы просто разговаривали между собой, извините, — сказал мирно Павлов.

Но последние восклицания Кардина, произнесенные с угрозой, слышал весь класс и учительница, конечно же, тоже.

— Нет, я ясно слышала слова Кардина, который хочет сегодня кому-то показать. А это, вероятно, как я понимаю, побить кого-то. Уж не тебя ли, Павлов? — спросила она.

— Нет, не Павлова. Он хочет избить толстяка Кашина из 3«Б» класса, своего соседа по дому, — ухмыляясь, вмешался в разговор Чернов Сапа. — Он кое-что рассказал нам о Юрке. Только зря Юрка кипятится. Каша ему раз влепит — и сразу свалит. Он во, — показал руками Сапа, какой высоты и ширины Кашин.

— Садись, Кардин, — сказала спокойно учительница, — потом мне расскажешь, о чем наговорил про тебя тот Кашин. Я постараюсь устранить вашу ссору.

— Ни о чем я рассказывать не буду. А морду ему, гаду, все равно набью! — вдруг в полный голос пообещал взбодораженный Кардин.

Но последние Юркины слова заглушил хохот класса, который прекрасно знал здоровяка, жующего каждую перемену чего-нибудь лакомое, и хилого, до сегодняшнего дня безобидного одноклассника.

Не успел прозвенеть звонок с последнего урока, как нетерпеливые ребята, уверенные в том, что сейчас увидят забавную картину, бросились, попрощавшись с учительницей, вслед за Кардиным к выходу, который первым выскочил на школьный двор и стал ждать появления Кашина.

Кашин, вероятно, кем-то оповещенный о предстоящей «встрече» с Кардиным, спускался не торопясь по ступенькам школы, зная заранее, что сомнет слабенького Юрку, недавно болевшего, как соломинку. Отворив широко дверь, он вышел во двор и увидел толпу мальчишек, наперебой советовавших Юрке, как защищать нос и глаза во время драки и куда бить толстого Кашина.

Кашин тяжелой не по годам походкой подошел к толпе, разыскал сузившимися, презрительными глазами шушлую фигурку противника, пообещавшего набить ему морду, и важно, со снисходительностью спросил:

— Ну что, малый, может, прощения у меня попросишь? Тогда бить не буду. А вообще-то вздуть тебя как следует не мешает, — уже с угрозой сказал Олег, продвигаясь к Юрке. — Ты, наверное, забыл, как вы меня с Толькой на всем ходу столкнули с велосипеда? Молчишь? А я не забыл, — еще злее сказал он, бросая на землю портфель. — Ну, будешь у меня просить прощение? Или сейчас начну бить.

Но зла оказалось много и в Юрке. Он вспомнил, как недавно его отколотила торговка на базаре, которой он не посмел сопротивляться. Но там он сам был виноват. А здесь, сейчас... «Ведь мы ж с одного двора. Вместо того чтоб враждовать, держаться бы нужно друг за друга... Но такой уж он гад: любит обижать малышей, за что и не любят его многие. И я не люблю, и зря ему сейчас не дамся...» — подумал Юрка и, крепко сжав кулаки, с яростью бросился первым на обидчика.

— На, получай гад! — крикнул он, целя удары в сытое Олежино лицо.

Олег, не ожидавший такой прыти от слабенького Юрки, еле успел отпрянуть в сторону от пронесшихся мимо его лица рассерженных кулаков.

— Атас! — вдруг выкрикнул кто-то из мальчишек. — Учительница идет!

Все обернулись в сторону учительницы, преподающей в старших классах, и, почти не сговариваясь, бросились на задний двор. Там они снова быстро сгруппировались в круг, оставив место для неравного, но интересного поединка, где слабый вызвался подраться с сильным. Здесь, в спокойной обстановке, со всех сторон посыпались советы: «Бейтесь до первой кровянки», «Нет, лучше деритесь до слез» и т.д.

— Эй, пантрапа, погодите, не гудите, как навозные мухи! — остановил галдящих мальчишек небольшого роста, но крепкий Славка Чистов, пятиклассник-забияка, знавший все законы уличной драки и оказавшийся каким-то образом на школьном дворе: он чаще прогуливал, чем учился. Все стихли. — Я смотрю, здесь драчка намечается? — спокойнее спросил он, посмотрев на Юрку и Олега, смерив последнего с головы до ног оценивающим взглядом. — Как хотите драться, до первой кровянки или до слез? — спросил он у противников.

— До первой кровянки, — ответил за обоих Олег. — У него слезинки не выжмешь. Он из настырной, тупой породы: возни много будет, — добавил с пренебрежением Олег о Юрке.

— Хорошо, — резко сказал Славка, — но напоминаю обоим, что драться надо по-честному, лежачего не бить, а если кто-то из вас откажется драться до кровянки — то тоже не бить. Понятно? Такой будет считаться побежденным. Ясно? — снова спросил он у них.

— Понятно, — снова за обоих ответил Олег.

— Тогда порядок, — удовлетворенно сказал Славка и скомандовал. — Бокс!

Противники, сжав кулаки и сделав сосредоточенные лица, осторожно стали подкрадываться друг к другу. Первым удар в грудь нанес Юрке Олег, от которого тот отлетел в сторону, наткнувшись спиной на толпу. Быстро оттолкнувшись от кого-то, Юрка подле-

тел к Олегу и молниеносно, подпрыгнув вверх, крепко двинул его по горбатой сопатке. Неожиданно для всех, и больше всего для изумленного Юрки, из носа Олега потекла густая темно-алая кровь.

— Стоп, хватит! У одного из противников показалась «клок-ва»! — громко прокомментировал Славка, остановив бой. — Ты, — обратился он к Кардину, — как тебя звать? Ага, Юркой, — услышал он чью-то подсказку. — Ты победил. Держи пятак, — пожал он крепко протянутую с робостью руку и, похлопав Юрку по плечу, будто бы зная давно, сказал мальчишкам весело:

— Вот так надо драться, огольцы: раз и в дамках! Малый победил здоровяка вполне заслуженно! Молодец! — похвалил он разочарованного быстрым исходом драки Юрку.

— Да разве ж мы дрались? Мы и не дрались нисколько. Ударили друг друга по разу — и все. Разве это драка? Я ему, гаду, должен столько отвесить за болтовню, сколько ему никогда и не снилось, — стал возбужденно говорить Юрка, глядя на Олега, державшего под носом окровавленный платок.

Но его пыл остановил Славка.

— Ты че? А уговор? Нельзя, — напомнил он осмелевшему победителю условия. — Лучше в следующий раз договоритесь драться до слез, а на сегодня все, хватит, таков закон, — сказал он твердо, как настоящий арбитр. — Если будете драться еще, меня обязательно позови, — обратился он к Юре и убежал на голос, позвавший его из-за забора.

Юра пришел домой раньше Олега, оставшегося во дворе школы, чтобы смыть кровь с лица под краном. Оставив сумку дома, он вышел во двор и стал ждать Олега для окончательного выяснения отношений. Минут через десять показался Олег. Он шел своей тяжелой походкой, глядя на Юру сердитыми глазками, в которых еще не затухла недавняя злость за поражение, опозорившее его перед школьниками. Юрку насторожил не сулящий ничего хорошего блеск желто-зеленых глаз давнишнего соперника. Однако он не струсил, и, дождавшись его приближения, спокойно спросил:

— Тебе что, нравится обо мне все рассказывать? Что я тебе плохого сделал? Давай не будем больше ссориться, — сам того не ожидая, предложил Юра.

— Нет, будем, — дерзко отверг предложение Олег и добавил: — Жулик несчастный. Ненавижу тебя.

— За что? — спросил Юра и вдруг от неожиданного, коварного удара по голове портфелем, набитым тетрадами и книгами, а возможно, и еще чем-то тяжелым, уселся на землю. Тараща от боли глаза на улыбающегося Олега, Юра пытался встать, но не мог: перед ним все кружилось.

Олег посмотрел на оглушенного соседа и со злобой процедил:

— Ненавижу за все: за твою свободу, за то, что тебя никто не ругает, за то, что с тобою все играют, несмотря на то, что ты гол как сокол, — закончил он складно и спокойно пошел домой.

Пересилив гудящую боль в голове, Юра поднялся, схватил с земли подвернувшийся под руку камень, догнал Олега и запустил им в него. Олег, схватившись за затылок, закричал и с привычным для всего дома визгом, не оглядываясь, побежал вверх по ступенькам домой.

С этого дня Олег совсем притих и более не показывал своего превосходства над малышами, а к Юрке-хулигану — так стала называть его мать Олега — пришло уважение не только со стороны ребят младше его возрастом, но и постарше. Во дворе и в школе все знакомые мальчишки говорили про него: «Не смотрите, что он маленький: на днях он отдул такого здоровяка, что все диву дались. И откуда у него такая смелая прыть? — удивлялись они Юркиной победе. — Наверное, этому его научила уличная шпана, — решили они. — Наверняка он имеет с ними связь».

За избиение Капина Кардин получил по поведению годовую тройку.

Как ни оправдывался он перед директором, завучем и Вассой Дементьевной, что не виноват, что не он первый затеял ссору, однако оценка по поведению была ему выставлена в табель, а о его проступке было сообщено на работу матери.

— Что ж вы, Варвара Лукинична, плохо смотрите за сыном? Так он у вас дойдет до не знаю чего. Вчера стукнул Капина, сосед по дому, а завтра натворит еще что-нибудь. И это в таком-то возрасте. А что ж с ним будет дальше, когда он вырастет? — слышала она упрек от директора, явившись по вызову в школу. — Нехорошо получается. А ведь мы ему помогаем: даем каждый месяц столовую карточку. Хотели выдать ордер на ботинки. И вот вам — за все хорошее он платит нам черной неблагодарностью, позорит школу.

— Простите вы меня, пожалуйста, товарищ директор, не доглядела. Да и когда мне за ним глядеть? Целыми днями на работе. Один он остается дома. Что хочет, то и делает, — виновато сказала Варвара Лукинична и, помолчав немного, не найдя больше слов для оправдания, стала благодарить директора: — За помощь спасибо вам. Если бы не вы, совсем пропали бы. Тяжело мне одной воспитывать его.

— Всем сейчас нелегко, — посмотрев сочувственным взглядом добрых серых глаз на изможденную работой, а возможно, и больную мать Юры, согласилась с ней директор. — Но вы все же по мере возможности присматривайте за сыном. Он у вас не плохо учится, соображает, — успокоила она разволновавшуюся мать, — мог бы быть круглым отличником. Но эти срывы — пропуски уро-

ков, которые часто случаются с ним, могут помешать ему стать прилежным учеником. Поговорите с ним, — мягко посоветовала директор.

— Спасибо, поговорю, — пообещала Кардина и, чувствуя, что небольшой, но деловой разговор подошел к концу, попрощавшись, поспешила в трампарк.

После работы мать застала сына за уроками: Юра просматривал задания по арифметике и русскому языку, данными ему на лето, записывал что-то в тетради. Избегая разговора с матерью, он тянул время. Но заметив, что ей совсем плохо, что она не может прилечь отдохнуть и поспать, не поговорив с ним, Юра виновато поднял голову и жалобно посмотрел на мать.

— Юра, ты разве не знал, что я тебя записала в другую школу? Как ты оказался в этой школе? — начала мать разговор с вопросов.

— Так уж получилось, мама. Вначале я думал, что ты меня записала в эту школу, и пришел в нее. Там меня и записали к Вассе Дементьевне. Потом, правда, приходила учительница за мной из той школы, куда ты меня записала, но я ей сказал, что записался в другую. А тебе об этом не сказал, — сознался он.

— Ну вот, а я тебя искала в той школе. Мне все казалось, что ты учишься там. Голова-то неграмотная: тетрадки читать не умею. Пока нашла школу, где ты учишься, сколько времени потеряла даром и сил. Спасибо Боре, если бы не он, так и не нашла бы. А ведь мне нездоровится, — впервые пожаловалась она сыну. — Завтра с утра пойду к врачу. На работе разрешили. Ты же, сынок, в случае чего, — к чему-то сказала она, — не связывайся больше с Олегом. Неприятно было выслушивать жалобу на тебя учителям, да и мне тоже от его матери. Мы только что встретились с ней в коридоре. Ну, наговорил он на тебя ребятам. Так разве из-за этого стоило драться? Нехорошо получилось. А ведь ты уже большой, завтра второй класс заканчиваешь. Мне за тобой следить некогда, я на работе. И ты сам уже должен понимать, что такие выходки ни к чему хорошему не приводят. Стыдно мне было выслушивать от директора о твоих промашках. Да и тебе небось стыдно перед товарищами за тройку по поведению? — спросила мать, пытливо всматриваясь в сына усталыми глазами.

— Стыдно. Только прошу тебя, не сердись, — мучительно выдал из себя Юра. — Постараюсь вести себя хорошо, — заверил он мать. Но, вспомнив насмешливые глаза, нахальную улыбку, слова, не раз унижавшие его, и коварство Олега, сказал, не сдержавшись: — Только если Капа будет еще про меня болтать лишнее, так я ему еще надаю и не посмотрю на то, что он старше меня.

— Что ты, что ты, тебя исключат из школы, — испугалась мать, — что ты тогда будешь делать?

— На работу пойду, — решительно сказал Юра, чем рассмешил мать.

— Ох, уморил! На работу! — засмеялась она легко и беззаботно, будто и не болела. — Да разве тебя возьмут на работу? Мал ты еще, — сказала она уже спокойнее. — Вот подрастешь, узнаешь, что такое работа. Пока ты должен учиться. Так хотел и твой отец. И запомни: чтоб о твоём плохом поведении я больше не слышала. Понятно? — уже серьезнее спросила мать...

Пообещав матери быть хорошим в поведении и в учебе прилежным, Юра, однако, рассматривал себя уже и с иной стороны. Лежа в постели, он вспоминал, какой фурор произвел на мальчишек своей победой над дважды второгодником Кашей и дерзкой тройкой по поведению. Где-то в глубине души ему понравилось и то, что его посчитали связанным с ворами. «А они народ рискованный: какого-нибудь труса или слабака в компанию или пайку не примут. А я на самом деле силен ли? — задал Юра себе вопрос. И сам же ответил: — Конечно же, нет. Просто во мне много злости, от жизни собачьей, — вспомнил он слова, когда-то от кого-то услышанные. — Если б хорошее питание — занялся бы физкультурой. Вот тогда бы я и на самом деле был бы сильным, как силач Жеребцов или борец Плясуля — чемпионы мира, цирковые артисты... Со своими сверстниками, если один на один, я, конечно же, справлюсь. Но вот с «кодлой» — пока нет. Надо что-то предпринять», — рассуждал Юра, пока не уснул.

Огольцы. Профессор «тонкого занятия». Виноваты — ответьте

Опять лето, свобода. Нет больше обязанностей, диктуемых школой. Постепенно стали забываться уроки и учителя. Дети вновь становились хозяевами своей судьбы, распоряжающейся ими в те военные годы не по их желанию, а по воле обстоятельств, складывающихся для них по-разному.

У торговых рядов вещами несколько базарных огольцов окружили мальчишку лет десяти, сидевшего на корточках перед разложенными на газетке для продажи учебниками. Они дружно хохотали над ним.

— Смотрите на кушча и на его товар! Вот это товар! Всем товарам товар! — издевательски выкрикивал самый старший из них.

— Это ученый купец продает свои теперь ему ненужные знания! — хихикнул другой, приложив резким тычком свою нечистую ладонь ко лбу растерявшегося мальчишки, отчего тот присел на пыльную землю.

Смутившийся «купец» осторожно вынырнул из-под продолжа-

ющей гнуть его руки, поднялся на ноги и поглядел тоскливым взглядом на смеющихся над ним обидчиков, которым было лет по двенадцать-четырнадцать.

— Пацаны, не трогайте меня. Я сегодня еще ничего не ел, карточки потерял, — испуганно попросил он их, боясь, что они заберут у него книги. — У меня мама больна. Она лежит в больнице. Я ей хотел купить молока, — добавил он, стараясь разжалобить мальчишек.

Пацаны, услышав слова про больную мать, сразу же смолкли и переглянулись. Казалось, что им было неловко за то, что они посмеялись над голодным мальчишкой, у которого в больнице лежала мать. Старший из них, беленький, одетый в белую рубашку, выглаженные брюки, засунутые в сапожки, посмотрел голубыми глазами на Юру и вдруг грустно сказал:

— А у меня нет мамы. Недавно мы с Лелей ее похоронили. Умерла она от сердечной перегрузки: много работала. Так сказала врач. Теперь мы живем вдвоем. А у тебя, кроме мамы, есть еще кто-нибудь? — тихо спросил он.

— Есть. Сестра Зоя. Она на фронте воюет. А отец погиб.

— Значит, ты сейчас живешь совсем-совсем один?

— Да, один, — вздохнув, сказал Юра.

— Страхни пыль со своих брючат, возьми книжки и пошли с нами, — предложил ему мальчишка лет пятнадцати со смолисто жесткими курчавыми волосами и большими карими глазами, также опрятно одетый. — Сейчас мы достанем для твоей матери молока, — пообещал он и вдруг спросил: — Воровать умеешь?

— Не умею, — стыдливо сознался Юра. — Пробовал, не получается, — сказал он, потихонечку складывая книги в сумку. Тут он вспомнил, как на днях на маленьком базарчике стянул с прилавка огурец и как здорово ему попало от взбесившейся торговли.

— Ничего, научим. Это дело простецкое, — бойко сказал жилистый рябоватый мальчишка и положил последний учебник в Юркину сумку. — Пошли. Сегодня ты посмотришь, как это делается. А за книжки бы ты все равно выручил пустяк. Они в цене перед учебным годом, — добавил он, уже шагая.

Проходя мимо торговли, продающей перед колхозным рынком самодельные конфетки-липучки, соблазнительно висевшие кучкой в белой кастрюле, пацаны, как показалось Юре, нарочно изображали равнодушные на лицах.

Они прошли мимо нее почти отвернувшись. Но один из них по пути ткнул другого локтем тихонько в бок и кивнул головой с ершистыми светлыми волосами в сторону торговли. Когда они отошли от нее на изрядное расстояние, ершистый сказал резковато:

— Балда, конфеток хочется. Сейчас ты вернешься за торговку и пойдешь навстречу нам. Когда подойдешь к ней, выведи ее из терпения: поторгуйся подольше, для понта. Как только увидишь на подходе нас, бей по кастрюле ладонями снизу. Кастрюлю, возможно, ты и не вышибешь, она, стервоза спекулятивная, держит ее крепко, но конфетки будут наши. Пошел, Балда, — приказал он рослому мальчишке с равнодушным, апатичным лицом.

Балда поспешил назад. А ватага хорошо одетых ребят медленно двинулась за ним.

— Слушай сюда, Хнырь, — обратился рябой крепыш к полноватому, но вертлявому мальчишке лет четырнадцати. — Когда Балда сделает свое дело, а он обязательно вышибет у бабы кастрюлю, и она бросится за ней, ты выбери момент, резко задери ей кофту сверху и все, что под ней. Там должны быть гроши. Она их, я заметил, «заныкивала» под нее. Понял? — спросил он его. — Я буду рядом. В случае чего, «отмажу». А ты после этого сразу рви когти, чтоб лягавые не замели.

— Рябой, а кто же «бабки» собирать будет? — спросил Хнырь, как понял Юра, у главаря небольшой шайки.

— Будь спок, подберем, — ответил тот как можно спокойнее. — Разошлись по сторонам, по кругу, — приказал он остальным, когда они почти приблизились к цели.

Юра шел вместе с ними на третье, если посчитать, в своей короткой жизни преступление. Но он сегодня был спокойнее, чем в те разы: ему была отведена роль наблюдателя. Вот он увидел, как Балда, замедлив шаг, подошел к краснолицей торговке, успевшей загореть на солнце, и, посмотрев на нее равнодушным взглядом скромного мальчика, спросил:

— Почему продаете конфеты?

— Два рубля штука, на десятку — шесть, — ответила она быстро. Балда показал ей три рубля и попросил вежливо:

— Может быть, вы мне отпустите на три рубля парочку? Не скупитесь, не фабричные же, прошу вас, — явно смеялся он ей в лицо. И тут он увидел ее взбесившиеся алчные глаза и скривившийся в злобе рот, готовый извергнуть ругательство. Не дав ей выкинуть изо рта, напоминающего пучью выпяченную пасть, похабные, привычные для многих торговки слова, Балда двинул ладонью снизу по кастрюле так, что она вместе с конфетами взлетела вверх и в сторону, а затем покатила по земле. Сам же он быстро скрылся в базарной толпе.

Женщина хотела кричать, звать на помощь и в то же время боялась чего-то, вероятно, работников милиции, чтоб не попасться за нелегальную торговлю и выделку конфет без надлежащего патента. Охая и ахая, она бросилась к кастрюле. Но Циклоп, так называли огольцы косоглазого Файзрахмана, ловко отпихнул каст-

рюлю соседу, тот — другому. И понеслась волынка в кругу мальчишек, пинающих кастрюлю друг другу, за которой жадно бегала торговка. Остальные мальчишки, проворно подобрав с земли рассыпанные конфеты, стояли в сторонке, в ожидании главного «концерта».

Запыхавшаяся от бега торговка вспотела, расстегнула на ходу кофту, чтоб попроворнее добраться до желанной, дорогой посуды. И тут Хнырь придержал кастрюлю ногой. Обрадованная торговка подбежала к ней, нагнулась и хотела было поднять ее, но Хнырь проворно шагнул навстречу, резко раздвинул ее вытянутые вперед руки и рванул обеими руками вверх кофту, сунутую в юбку. Кофта треснула снизу, и под ней показалась вспученная белая рубашка, к которой в беспорядке были прижаты скомканные купюры. И вот они, плавно отделяясь от рубашки, полетели по одной и по несколько штук вниз. Огольцы быстро стали хватать их и проворно рассовывать по карманам. Торговка, не выдержав, заорала:

— Грабители! Сволочи! Ни дна вам, ни покрывки! Очистили средь бела дня! Люди, помогите!..

Но базарные воришки, торопливо сделав свое дело, юркнули в равнодушную толпу и спокойно пошли вдоль торговых рядов. Один из них, ершистый, отделился от компании и подскочил к высокой хорошо одетой женщине.

— Кастрюлю надо? За сотенную отдам, — предложил он ей.

— Зачем мне она? — нехотя спросила та. — Если хочешь, полсотню дам.

Идущая мимо них одетая в национальное, вышитое разноцветными нитками платье с красным фартуком, обутая в светлые лапти то ли марийка, то ли чувашка услышала их разговор. Она тут же свернула в их сторону, подошла к ним и взяла в руки кастрюлю.

— Продаешь, что ли? — спросила она мальчишку.

— Давай сто рублей, — быстро ответил тот. — Некогда рядиться.

— А не дорого, дорогой, просишь? Не самувар видь? — вертела она кастрюлю, рассматривая ее со всех сторон.

Высокая баба, не выдержав их торга, с яростью выхватила у нарядной женщины кастрюлю и протянула сто рублей мальчишке:

— Держи, пацан. Моя кастрюля.

Ершистый быстро схватил деньги и бросился догонять своих. А женщины спелились между собой, держась за кастрюлю. Они сердито ругались и махали руками перед озлобленными лицами друг друга.

Ватага пацанов перешла трамвайную линию, вышла к концу базара и села у забора, загораживающего выход к железной дороге, на молоденькую травку. Все напряженно молчали, доставая папирсы.

— Закури беломорину, — достал Рябой из кармана пиджака свернутые в белую плотную бумагу рядком сложенные папиросы, протянув одну Юрке. — Папиросы — высший сорт.

Юра взял папиросу, хотя никогда и не курил, вспомнил ее, как остальные мальчишки, и прикурил от зажигалки Рябого. Подержав во рту дым, он выпустил его, сделав губами «пф». «Оказывается, курить совсем просто, — подумал Юра. — Втягивай в рот дым — и все». Курнув несколько раз невзятяжку, пока огонь не дошел до картонного основания, он выбросил окурочек, предварительно зашлевав его, как другие. Во рту осталась противная горечь от дыма — и никакого удовольствия.

— Конфеты можете оставить себе, а деньги бросайте сюда, — прервав молчание, показал Рябой на свою перевернутую кешку с маленьким козырьком, лежащую перед ним на траве. — Ты молодец, Ерш, кастрюлю за столыжник «опрокинул», — похвалил он его. — Посмотрим, что у вас, — посмотрел он на остальных.

Через несколько секунд кешка была заполнена красными тридцатками, синими десятками и пятерками, зелеными трешками и желтыми рублями. Рябой не спеша сложил деньги, положив под низ крупные купюры, и, помуслякав тонкие пальцы, сосчитал их несколько раз.

— Мелочь, — сказал он презрительно. — Всего пятьсот двадцать три рябчика. Считай, что на нос приходится по полтиннику. Кенарь обижаться будет. Значит, надо будет еще кого-то потрясти.

Окрыленные утренней удачей огольцы вразнобой закричали:

— Потрясем! Решено! Заметано!

— Студент, слушай сюда, обратился Рябой к чистенькому — в сапожках, выглаженных брючатах и белой рубашке — беленькому мальчугану, — очки не позабыл?

— Не позабыл. И мытье¹ новенькое взял, острое, — ответил тот, улыбнувшись тонкими губами, из-под которых показались мелкие, но плотно посаженные белые зубки.

— Сегодня побегаешь с Цыганком по магазинам и трамваям: пошныряете по верхам² и дуркам³. Может, тугой кошелечек надыбаете, — посмотрел внимательными серыми глазами Рябой на Цыганка, красивого подростка с курчавыми смолисто-патлатыми волосами и большими карими глазами с густыми ресницами, темным пушком под прямым носом, ближе к полноватой верхней губе.

— А нам чего делать? — выждав паузу, спросил Циклоп, прикрыв веком косящий глаз. — На толкучку в Суконку съездить с Ершом?

¹ Мытье — бритва.

² Верхи — карманы.

³ Дурки — сумки.

— Съездите, — подумав, согласился Рябой и добавил: — Балду с Хнырем прихватите. А мы с остальными отправимся на бан¹. Постараемся наикнать² богатенького шамана³ или шаманиху. Если повезет — угол⁴ хашнем. Ясно? — обвел он зорким холодным взглядом остальных, помладше возрастом, и остановил свой пронизывающий взор на Юрке. — Тэкс, — протянул он, — что отпустим нашему кушцу? Или как там тебя кличут? — спросил он его жестким тоном, словно на духу проверяя, хватит ли у новенького решимости знаться с ними и дальше.

— Юркой, — ответил просто он.

— Да не имя спрашиваю, а кликуху. Имел какую-нибудь?

— Имел, — стесняясь, ответил Юрка. — Кардиналом называли товарищи.

— Ого, это не баран чихнул, — удивился Рябой. — И в честь чего же ты стал Кардиналом? — с любопытством спросил он.

— Играли в мушкетеров когда-то, а моя фамилия Кардин. Прибавили к ней «ал», вот и получилось Кардинал.

— Толково, посмотрим, что ты за Кардинал, в дальнейшем, — добавил Рябой. — А сегодня, считай, ты легко заработал бабки, так каждый бы захотел, — сказал он без всякого упрека. — Но с завтрашнего дня, если найдешь нас здесь, а ты нас найдешь, если хавать захочешь, будешь делать то, что и мы. Ты хорошо понял? — спросил он и, не дожидаясь ответа, протянул ему деньги. — Получи свою долю! Ты был с нами, а значит, участвовал в деле, — твердо сказал он. — Иди, да не забудь купить матери молока!

Юрка обрадовался неожиданным деньгам, выделенным ему как равному вожаком базарных огольцов. Он тут же, на базаре, купил пол-литровую бутылку молока и пару ржаных сухарей, засушенных целыми ломтями. С этой покупкой поехал в больницу к матери, сначала на четвертом номере трамвая, а затем на восьмом, до конечной улицы Ершова. В пути он думал: «Ну и день сегодня! Я, как и Толька, познакомился с ворами. В общем-то они неплохие и дружные ребята. Пожалели меня, денег дали. Но жестоко поступили с продавщицей конфет. Вероятно, они, как и я, ненавидят спекулянтов. Так ей и надо... Но что будет с мамой, если она узнает о моем знакомстве с ними? Постараюсь, чтоб не узнала... Идти мне завтра к ним или пойти на попятную? — в который раз он задавал себе вопрос. Хотя где-то в глубине души у него уже родился, пока еще робкий, ответ: — Пойду. С ними голодать не буду. Оденусь, как Студент и Цыганок, лохмотья надоели. А воры ли старшие ребята с нашего двора? Тайком ночью вывозят дрова с других дворов зимой на салазках, а летом на тележках, и продают их. Осенью

¹ Бан — вокзал.

² Накнать — подыскать.

³ Шаман — мужик.

⁴ Угол — чемодан.

скидывали на ходу с грузовиков овощи и фрукты, а нас, малышей, заставляли подбирать их за просто так. Жадюги, мелкая пшана. Вот Рябой, Циклоп, Хнырь, Балда и другие их кореша — настоящие воры: добрые и справедливые...» Юрка еще не знал, какими бывают настоящие воры.

Варвара Лукинична лежала в инфекционной больнице уже неделю. Высокое строгое здание из красного кирпича с окнами на улицу, ведущую к центральному парку, за высоким забором из железных решеток встретило Юрку какой-то тревожной тишиной. Он, не выпуская из руки холстяную сумку с едой и книгами, перелез через забор, встал под окном, откуда выглядывала мать, когда он приходил, сложил рупором ладони и громко закричал:

— Мама-а! Маам!

Из окна второго этажа, открыв половину рамы, показалась стриженная, похожая на детскую головка матери, на которой успели отрасти небольшие светлые волосы. Снизу она была похожа на мальчика.

— Здравствуй, сынок! Как у тебя дела? — вполголоса спросила она. — У нас тихий час, громко не говори.

— Здравствуй, мама! У меня все в порядке, не беспокойся, — бодро ответил Юра. — Я тебе молока принес и два сухаря! — поднял он их над собой. — Я их заработал: пилил дрова людям с соседней улицы, — соврал он ей, чтоб она его о подробностях не расспрашивала. Вспомнив о слипшихся в клубок конфетах, лежащих в кармане брюк, он тихо, но с радостью выкрикнул: — У меня и конфеты-подушечки есть. С чаем их пить будем!

— Хорошо, сынок! — обрадовалась мать, довольная, что у него есть еда. — Но не приноси мне ничего. У меня здесь карточки, кушать хватает. Приходи просто так. — Она посмотрела на медсестру, выглянувшую тоже в окно.

— Ну, мама, — огорчился Юра. — Я же теперь зарабатываю. Ну, хоть молоко разреши тебе передать и один сухарь с конфетами. Я их сейчас отдам санитарке внизу, — с настойчивостью сказал он и попрощался.

Юра почти каждый день стал приходить в больницу к матери и приносить ей неплохие гостинцы: конфеты, молочные продукты, воблу и другие деликатесы, стоящие немалых денег. Доходили ли они до нее полностью, Юрке об этом пока было неизвестно. И мать пока ничего о них не говорила. Однако Юра заметил на ее лице встревоженность и беспокойство. Переживая, она гадала: откуда у сына такое богатство разнообразной еды, появившаяся на нем новенькая одежда и сапожки. На все ее вопросы сынок так искусно врал, что она и не знала, с какой стороны к нему подступиться, чтоб разрешить свои тревожные сомнения. В школе на ордера так не одевали, такую еду за пилку дров не купишь: надо много денег. Скорей бы домой...

Варвара Лукинична тяжело болела. У нее была малярия. Заболела она от укуса заразного комара. Так ей сказали врачи. Ослабленный организм из-за недоедания не смог сопротивляться болезни без лекарств. Вот ее и положили в больницу под наблюдение лечащего врача и медсестер.

Несколько дней, с вечера и почти до утра, ее трясло от морозного озноба, а потом бросало в сильный жар, от которого рубашка и простыня с пододеяльником становились от обильного пота совершенно мокрыми. После жара ее тянуло пить и пить. Есть не хотелось. От слабости и сильного головокружения ей казалось, что она умрет. Юра останется один. Пропадет без нее окончательно. От страха за сына она стала себя заставлять, несмотря на частую тошноту, съедать больничную еду, а потом и передачи, особенно беспокоившие ее. Но что поделать, надо поскорее выбираться отсюда, иначе... Она стала умолять Бога, чтоб он был к ее сыну как можно милосерднее.

Но Юрка теперь полностью зависел от среды, в которую втянулся. Он научился по одежде, уверенному взгляду и поведению людей — мужчин и женщин — предугадывать имеющуюся у них крупную «наличку». После удачного изъятия трех кошельков из карманов и сумки без «острых помощников» про него стали говорить с похвалой огольцы: «У него чуткие музыкальные пальцы». А воры повзрослее видели в нем уже «будущего профессора тонкого занятия». Это льстило Юрке и подстегивало его к дальнейшему усовершенствованию.

Но в своем дворе Юра старался забыть свою «кипучую деятельность» и ничем не выделяться среди своих товарищей. Он играл с ними в детские игры, делился впечатлениями, слухами и случаями, происходившими в городе, угощал их пряниками и конфетами. Редкие жаргонные слова, произносимые им нечаянно при разговорах и играх, удивляли мальчишек и восхищали. А главное, Юрка независимо и смело научился говорить и отвечать на вопросы не только своих сверстников, но и ребят старше. Последним не понравилось, что прежде послушный папан теперь с презрением отказывается от предложений поискать на улицах чинарики, подбросить в людном месте испачканный изнутри гадостью кошелек или большое портмоне и вообще их больше ни в грош не ставит. Воспользовавшись тем, что он совсем один, без матери, сдачи не даст, они решили проучить его.

Дожидаясь возвращения Юры, парни, сидя на бревнах, о чем-то оживленно говорили между собой. И вдруг Колька Егоров крикнул Юрке, остановившемуся около мальчишек:

— Эй ты, сраный Кардинал, поди-ка сюда! Слышь, пшет? — спросил он властным голосом.

— Тебе, тебе говорят, бдылю, подойди сюда! — поддержал его другой Колька, пришедший во двор с улицы Театральной, где он жил в четырехэтажном доме. Он был самым нахальным и сильным после Ивана, Борькиного брата.

Юрка обиделся и удивился такому нахальному приказанию. Так к нему еще никто не обращался. Однако он решился подойти к ним. «Что будет, то будет. Может, и не обидят. А если просто «потрекать», я им тоже не спущу: отвечу как надо», — подумал он и подошел к парням.

— Так как, гнида, будешь нам чинарики носить? — угрожающе спросил его Колька Егоров. — Или лепца тебе отвесить как следует?

Юрка растерялся, увидев перед собой обозленные глаза обоих Колек, Семена, Германа, Глеба, Павла, Сапки и Олега, примкнувшего к ним. Он обернулся и посмотрел на своих товарищей, стоящих в сторонке. Они с сожалением глянули на него и стыдливо опустили головы, зная, что помочь ему ничем не смогут. Тогда Юрка резко повернулся к парням и тихо, но твердо сказал:

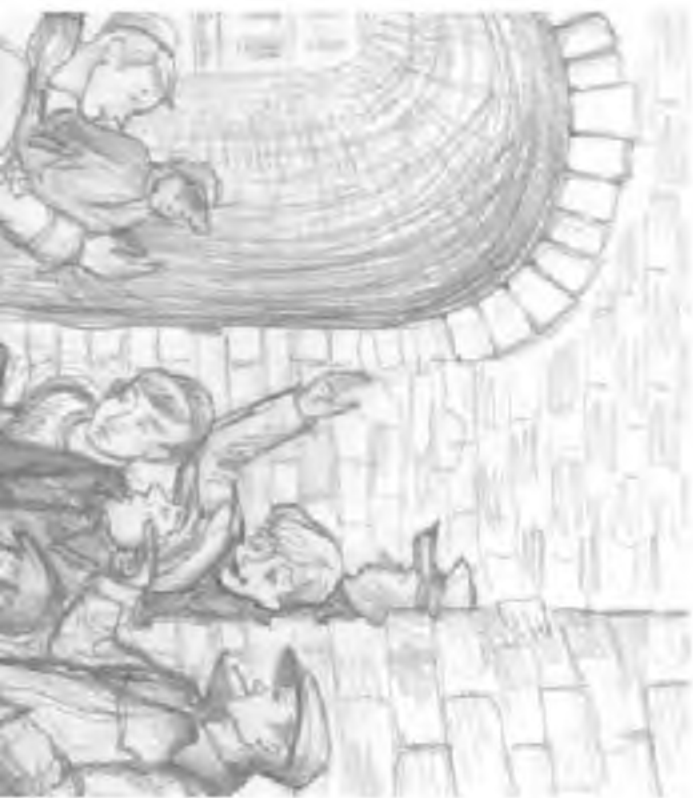
— Дурак я был, когда собирал вместе с ними, — он показал рукой на мальчишек, — для вас чинарики. Стоял на стреме, когда вы крали дрова и ломали заборы. Подбирал в прошлую осень за вами огурцы, капусту, свеклу и картошку, которую вы скидывали на ходу с машин. Дали вы кому из нас хоть по одному огуречiku или картошке? — спросил он, стыдя их. — Шип. Даже Тольке не дали. Так и шип я вам буду теперь позориться из-за каких-то окурков, — смело сказал он.

— Что?! — выслушав Юрку, вскочили парни с бревен. — Грубишь? Действительно хочешь «кочек» получить от нас? — спросил Егоров Колька, приблизившись к Юрке, и неожиданно сильно ударил его ладонью по лицу.

Юрка упал на землю. На губах появилась кровь. Но он вскочил и бросился на Кольку, чтоб дать сдачи. Но кто-то сбоку, он не разглядел, дал ему со всего маху по уху. Юрка снова свалился: в голове и ухе пошел неприятный звон. Пошевелившись, он снова попытался встать, чтоб броситься на обидчиков. И кто-то помог ему сделать это, но для того, чтобы удобнее было бить. Каждый из парней врезал ему по разочку. Даже Олег стукнул его по лицу, злобно крикнув: «Жулик несчастный».

Все было как во сне: в Юркиных глазах плыл туман, сквозь который он еле различал лица парней и более отчетливо решительное лицо нахального Кольки, державшего его за грудь треснувшей куртки. Он угрожающе спросил:

— Так как, падаль, согласен подчиняться нам? Ах, нет? — зло спросил он, вытирая с лица тыльной стороной ладони Юркин кровавый плевок. — Тогда получи еще чуток, — он отодвинул Юрку от себя, продолжая держать его за окровавленную куртку, и с размаху врезал ему по скуле.

— Колька, брось, хватит! Убьешь ведь! — услышал Юрка Павкин голос. Но тот, держа строптивца за треснувшую куртку, нанес еще удар напоследок.

Юрка не плакал, не звал никого на помощь. Он выдержал избиение молча. Почти в беспамятном состоянии лежал на земле и представлял себя большим, мстящим всем за обиды и побои. Наконец он поднялся, прошел, покачиваясь, до крыльца, немного постоял, обернувшись к обидчикам, разговаривающим спокойно о чем-то, и пошел домой.

Юрка не выходил на улицу два дня. Даже карточки не отоварил в магазине и к матери в больницу не ходил. Но это ничего по сравнению с тем, что его беспокоило: что подумают о его исчезновении огольцы. Не предательство ли это с его стороны воровского кодекса? Он уже знал, что дорожка к ним коротка, а вот выход от них слишком длинен. На третий день рано утром он пришел к ним на постоянное их место сборища. При взошедшем солнце они разглядели его лицо: распухшее и в синяках.

— Кардинал, что с тобой? Судя по твоей разукрашенной фотке, ты «погорел» никак где-то? — спросил его с сочувствием Балда. — Да и одежонка на тебе изрядно потрепана. Не в ментовке ли ты побывал? — спросил он строже.

Юрка подробно рассказал обо всем, что с ним случилось во дворе и что из-за этого он провалялся дома два дня с сильной болью в голове. Ему поверили и посочувствовали.

— Вот бакланье гадское, отыгрались на нашем пацане, — сморщив в раздумье лоб под челкой и сверкнув сердито зелеными глазами, сказал Рябой. — Ладно, Кардинал, не дрейфь. Сегодня мы отобьем у них охоту обижать наших огольцов. Не будь я вором, если не заставлю их уважать тебя. Так ли я говорю, пацаны? — спросил он.

— Так, — подтвердили они дружно.

— Если надо, то мы можем и «пощекотать» их «перышками», падлюг поганных, — выругался Циклоп.

— Хорошо, Кардинал. Слышал? Сегодня под вечер мы пройдемся к твоему двору. А сейчас топай домой, — сказал Рябой. — И будь спок.

— Почему домой? — возразил Юрка. — Я с вами хочу.

— Почему? — сказал Студент и объяснил: — На сегодня ты не внушаешь доверия. От твоей рожи люди шарахаться будут. Держи пару «кремлей», — протянул он сотенные купюры Юрке. — Купишь чего-нибудь пошамать себе и матери.

К вечеру окна дома сверкали еще под лучами заходящего солнца, освещающего и часть двора. А другая была в тени: лучам не давала проникнуть протянувшаяся вдоль всего двора высокая из красного кирпича задняя стена гаража. К гаражу были плотно прилеплены разной высоты и окраски сараи для дров и шурум-бурума

(топоров, пил, лопат, слесарного инструмента и всякого хлама, с которым не сразу расставались хозяева).

У сараев на толстых бревнах, спрятавшись от еще жаркого солнца, сидели парни — Юркины истязатели и, о чем-то оживленно беседуя, почти не обращали внимания на чужих пацанов, по одному и по двое заходящих во двор, «отмечавшихся» в общественном туалете. Когда оба Кольки, Сапка, Глеб, Олег и их товарищи поняли, что молчаливые подростки, а с ними два здоровых парня зашли во двор неспроста, было поздно. Рослый Балда, закулив папиросу, первым подошел к ним и, словно стыдя их, покачивая тяжелой головой в разные стороны, как китайский болванчик, по-шутовски растягивая слова, равнодушно, будто делая одолжение, поздоровался.

— Мой персональный привет всем, — нехотя обвел он глазами парней. — С кисточкой, — добавил он, словно издеваясь над ними. — Не заблудился ли я среди вас, бакланье парашное? Сейчас мы об этом узнаем, — сказал он, входя в раж. — Не ты ли будешь случайно, извините меня великодушно, главный мучитель пацанят, дяденька Коля? — спросил он Егорова Кольку, дыхнув на него дымом. — А не ты ли будешь верный помощник ему, Николай Второй? — повернулся он к здоровяку. — Не изволите ли, ваше последнее величество, подкурить за мной чинарик? Возьмите, прошу вас, — пшвырнул он пальцами небрежно окурок в него, отчего тот испуганно шарахнулся в сторону.

— Кончай базарить, — остановил Балду Рябой. — А ты топай сюда, лошадь бельгийская! — приказал он Кольке-здоровяку. Но тот прижался задом к полированной от сидений сосне, будто врос в нее, и, умоляюще глядя на сердитых огольцов, попытался что-то сказать. — Кому говорят, топай сюда! — уже властно и грозно приказал Рябой, не дав тому и рта открыть.

Но Колька и не думал подниматься. Он с ужасом на лице уставился на Юрку, которого кто-то вызвал из дома во двор, и ждал, возможно, от него какого-то спасительного чуда. Но Юрка молчал, наблюдая со стороны за происходящим. На его лице не было заметно ни удивления, ни радости, ни сожаления. Оно было словно окаменевшее.

— Чего на него, падлюку навозную, смотреть да разговаривать, — сердито сказал Циклоп, взобрался на бревна и размеренными, сильными тычками ноги, обутой в сапог, спихнул Кольку вниз. Затем он медленными, сосредоточенно-уверенными движениями ног столкнул остальных с бревен, и началось «толковище».

— Уж не за воров ли вы себя принимаете, дубины дерганные? — зло спросил незнакомый Юрке парень со шрамом на щеке. — Может быть, за ваши подленькие делишки поклониться вам, фрайерам, в ножки прикажете? Молчите, падлы ползучие? Неси их, огольцы, кто как может. Но без перьев, — предупредил он. Они, депешки, не стоят этого, — с презрением добавил он.

Через несколько минут все было кончено. Не слушая отчаянных криков Кашиной, Егоровой и Гавриловой, выбежавших во двор к поверженным сыновьям, огольцы спокойно подходили к дворовому водопроводному крану, смывали с рук грязь и кровь и, проходя мимо Кардинала, довольные завершением «толковища», незаметно подмигивали ему.

Юрка внимательно в последний раз посмотрел на окровавленных, валяющихся в пыли в жалких позах обидчиков, еще недавно чувствующих себя неприкосновенными, и медленно, уверенно пошел домой.

С того дня Юрке стало свободнее дышать в своем дворе. А те, которые еще совсем недавно унижали его и били, поняли, что случившееся с ними совершилось не без помощи Юркиных приятелей. Но каких? Просто уму непостижимо, чтоб спокойный ранее малолетний Юрка и вдруг... Жители дома долго удивлялись: вот тебе на, вот тебе и Кардинал, командующий когда-то мальчишками-мушкетерами. А теперь... Недаром он с Толькой убежал из дому. Недаром он стал смелым в разговорах и дерзким. Вот она, безотцовщина. Вот она, злая судьба, прихватившая черным вороньим крылом его, оставшегося без матери, пусть и не на продолжительное время.

Вор в авторитете. Одна судьба на всех

А ну-ка, парень, подними повыше ворот,
Подними повыше ворот и держись.
Черный ворон, черный ворон, черный ворон
Переехал мою маленькую жизнь...

(Из блатной песни «Черный ворон»)

Как-то Юрка, вошедший быстро и окончательно в доверие, услышал любопытный рассказ взрослого вора, к которому они с Балдой зашли по причине намечающегося «дела» («чистануть» золотишко у зубного врача Соломона, проживающего на улице Баумана). Черноглазый ниже среднего роста юркий Царек, «авторитетный» вор, несмотря на годы, выглядел моложе.

Он был каким-то нервным, судя по движениям рук, то и дело поправлял челку, часто улыбался огольцам, сверкая рядами золотых зубов, и все старался угостить их вином. Но мальчишки, отказываясь от спиртного, молча поедали шоколадные конфеты из хрустальной вазы и отхлебывали из узорных стаканов настоящий крепкий чай, наводя скуку. Тогда Царек решил разрядить обстановку. Он стал им рассказывать о том, как он и его друзья упустили крупного, настоящего миллионера, спекулянта, нажившегося на хлебных, подделанных им самим карточках.

— Я никогда себе не прощу, — чуть ли не плакал он пьяными слезами, делясь горем с огольцами. — Упустить такой куш, когда все было «накнокано» и подготовлено. Не прощу себе никогда в жизни этого! — почти истерически выкрикнул он.

— А что, другие уркаганы опередили вас, любезный Царек? — с сочувствием, как и всегда, вежливо спросил Балда.

— В том все и дело, что опередили, умная ты голова, — почти простонал тот. — И кто бы ты думал? — протянул он, глядя загадочно на Балду. — Лягавые.

— Да брось ты! — удивленно воскликнул Балда. — Неужели вы шли с теми по одному пути и вовремя их не заметили? — с недоверием спросил он.

— В том-то и дело, что по одному, и не заметили, — с болью сказал Царек. — Слушайте сюда, — решил он рассказать верным огольцам поподробнее о задуманном зимой провалившемся деле, чтоб облегчить свою измученную душу. — Увидел на «колхозке» я знакомую до странности мне личность. Вроде бы я этого мужика видел у «хозяина» (в тюрьме), где он работал парикмахером. Так вот смотрю, а он на базаре вовсю вертит делами: втихаря толкает хлебные карточки. Да не один, а с помощничками разного пола. Они к нему так и подлетают, так и подлетают, сволочи. Да все с радостными улыбочками и ухмылочками накоротке вблизи друг от друга. Думали, никто их не заметит. А я, век мне свободы не видать, с ходу додул, что у них имеется непростая копейка. Потихоньку я стал «шлести» под них. И что же вы думаете? Что узнал я от «людей»? Узнал, что ими оказались случайных делишек хитроумный Степка-Лебедь и его шатия-братия, шайка мошенников, специализирующаяся на поддельных карточках. Как я узнал, он был когда-то «щипачом» (карманником) посредственным, не брезговавшим, если фартило, и «хазой», чаще убогой. Авторитетным в городе его никто не считал. Так себе — сявка, не соблюдавший воровские законы в тюрьме. Спросите у кого угодно... Так вот, чувствую, смываться хочет этот Лебедь втихаря, без звона. Видно, почуял что-то. И Лева-Моисей об этом стукнул мне, когда я его прижал. А они как раз не поделили что-то со Степкой. Тогда я кричу верных людей на «бапни» Лебеда. Пока собирались, пока то да се, а наши «лимончики»-то тю-тю. Перехватили их вместе с Лебедем и его «конторой К» уважаемые в преступном мире Михаил Степанович Яранов, инспектор уголовного розыска, и начальник Казанского УГРО Николай Васильевич Тихонов, — чуть ли не с подобрастием о них сказал Царек и замолчал на некоторое время. — Да, Яраныч-Яранга и Тихоныч-Тихарь это дело обстряпали вмиг, — теперь уже с досадой сказал он. — Они мух зря не ловили, — резким движением руки он поймал муху в ладонь. — Может, это и к лучшему. А то бы и нас прихлопнули, как эту муху, — резко стукнул он ладонью по углу стола, размазав насекомое. Достав из

кармана пиджака шелковый платочек, он, сморщив свое небольшое личико, с брезгливостью обтер ладонь и продолжил повествование: — К счастью, в самый момент взяли их, до нашего подходи́ка. Не то бы чалиться нам вместе с ними у «хозяина». Так-то, огольцы, — вдруг оживился Царек. — Тихаря с Ярангой бойтесь больше всего. И лучше будьте знакомы с ними, как говорят, заочно, — закончил он наставлением свой рассказ.

— А что, неужели у Лебедя водились миллионы? — спросил недоверчиво Юрка. — И кто их у него считал?

— Представьте себе, молодой человек, что это факт, — с надры-вом ответил Царек. — Нинка-Красотка врать не будет. Она прогово-рилась нашей «подельнице», вошедшей к ней в доверие. А уж кому, как не Красотке, знать об этом. Она была «марухой» Степки.

— Да, вот это вор! — с восхищением протянул Кардинал. — А я ведь был знаком с...

Но Юрку с болезненным самолюбием перебил Царек.

— Какой он вор? Он просто мошенник. Народный кровопийца, отнимавший у бедного пролетариата хлеб. Давно его надо было подвести под «вышку», чтоб она без него не скучала. Верняк, он с нею теперь знаком, — со злорадством произнес он.

Когда огольцы вышли от Царька, Юрка спросил:

— Послушай, Балда, а что такое вышка?

— Вышка? — переспросил Балда. — А это, Кардинал, когда человеку приходит крышка, — в рифму, но серьезно ответил он. — Значит, расстрел...

* * *

Мама! Милая мама!
Я тебя не ругаю, не плачь.
Но зачем ты так рано, родная,
В ДВК¹ отдала, хочу знать?..

Что творится по тюрьмам советским;
Трудно, граждане... Вам рассказать?
Как приходится нам, малолеткам,
Со слезами свой срок отбывать.
Срок отбудешь и выйдешь на волю,
Ветер будет лохмотья трепать.
Чтобы быть по привычке одетым,
Ты по новой пойдешь воровать.

Отрывки из блатных песен

Юрка-Кардинал, уверовав в удачу, дружбу и силу новых приятелей, привык к ним быстро и еще глубже завяз в преступном мире. Он думал о своих корешах как о настоящих ворах и не подозревал пока, что они лишь мелкая базарно-вокзальная шпана.

¹ ДВК — детская воспитательная колония.

Но эта пшана в своих мечтах видела себя в будущем настоящими ворами, умеющими справиться с любым секретным замком, медведем¹, ювелирным магазином, магазином с мехами или богатой «хазой», как Царек, Тыган, Олень, Пузо и другие. В свободное время у них только и было разговоров что о деньгах, шикарной одежде, дорогих винах, красивых барышнях и больших городах, где, конечно же, они побывают, как настоящие, авторитетные воры. Огольцы залихватски распевали песни о притоне, «где много вина, где пьют бокалы до дна», роскошной жизни подпольных дельцов, жиганах, презирающих смерть ради опасной, но полной интересных приключений жизни, о мести Мурке, предавшей воров, и другие, часто грустные мотивы со словами, где вору в неволе не всегда жилось сладко и где обязательно он вспоминал мать, прося у нее прощение... Огольцы. Разные судьбы у всех в прошлом. А теперь — одна на всех.

Костя-Рябой чаще других запевал песни о матери. Когда он пел их, с грустью ли, досадою ли, не поймешь, глаза его туманились слезой. Он становился в это время каким-то мягким, доступным, недетская суровость покидала его...

Камера шестая под большим замком,
В ней сидел там мальчик, горько плакал он.
Ключник отворяет: Здесь ли ты, злодей?
Выйди на свиданье к матери своей...

Как-то, выпив изрядно вина, Костя рассказал Юрке о своей матери. «Жили мы в Нижнем Новгороде, Горьком. Любил я мать больше всех на свете. Она работала в Сормово такелажницей. Любил и отца с братишкой. Но вот война, паскуда, перевернула все — закончилась хорошая жизнь. Отца забрали в армию, воевать с фашистами. Мать, когда начали голодать, привела мужика к нам домой и сказала: «Вениамин Львович будет жить у нас: он эвакуированный, ему жить нигде...» Появилась у нас хорошая еда, и вино стало литься рекой. Вениамин работал завскладом. Мать радовалась: сыты мы с Гошкой, а что еще надо. Но вот однажды ночью — Гошка дрых вовсю, а я нет, услышал я, как мать перебралась в постель к Вениамину в соседнюю комнату. Я долго не мог уснуть, думая: «Убить ли только Львовича или обоих порешить ножом? Отец же жив, письма пишет, а она... Дождавшись, когда они уснут, я тихонько, чтоб не скрипели половицы, сходил на кухню, выбрал большой острый нож, стащил с вешалки зимнее кожаное пальто Вениамина и раскромсал его на куски. Затем костюм, ботинки, фетры, рубашки, галстук и все остальное, включая документы. Их, сладко спящих в обнимку, я почему-то не тронул. Думал, уйдет он после этого. А она все-таки мать моя. Но мамкин

¹ Медведь — сейф.

хахаль написал заявление в ментовку, а мать подписалась. Так я угодил в ДВК. Когда приехал следователь и вызвал меня на допрос, я рассказал ему обо всем. Через месяц меня пуганули оттуда, чтоб место там не занимал, которого не хватало для других. Чтoб больше не видеть ненавистные лица, я перебрался сюда, в Казань...»

В шайке вертелись и беспризорницы-девчонки, с обыкновенными лицами и смазливые. За ними ухаживали огольцы, угощая их сладостями, вином и папиросами, не говоря уж о пище насущной. Хотя они и без них имели свою «законную» долю, выполняя роль наводчиц (указывали места, где можно было нешлюхо поживиться). Служили они и утехой для огольцов, а иногда и взрослых воров. Особенно сильно ухаживала за Рябым Люська-Попутчица, изредка выезжавшая по «железке» до Москвы. Симпатичная брюнетка с вьющимися волосами и голубыми глазами, похожая фигурой на сформировавшуюся барышню, приметив богатого «шамана» еще у кассы, садилась в поезд, угощала «сонным» вином назначенную жертву и соседей по купе, грабила в подходящий момент и смывалась на какой-нибудь станции, чаще в Кемарах или Арзамасе (поезд тогда от Казани до Москвы ходил, не минуя этих остановок). В столице Попутчица так ни разу и не побывала, но верила, что обязательно будет там.

Однако всегда и всему когда-то приходит конец. Люську-Попутчицу то ли «повязали» менты, то ли скинули с поезда под колеса, только пропала она. Рябому, проявившему неосторожность, сломал руку матрос, прижав ее к своему колену. Балду, Ерша и Хныря «замели» бдительные лягавые на «хазе». Они «погорели» вместе с Царьком и Тыганом. Шайка постепенно распадалась. А тут еще...

— Облава! Облава, — одни громко и испуганно, другие тихо и тайком передавали по цепочке друг другу тревожную весть. Базар, где больше торговали перекупщики-спекулянты, нежели деревенские, еще более оживился и зашумел. То и дело было слышно то тут, то там: «Стоять на месте! Стрелять буду!..» Это милиционеры и военные внутренних войск /НКВД/ из групп патрульных, совершая очередной рейд, вылавливали спекулянтов, воров, дезертиров и беспризорников. По одному и по несколько человек, заподозренных в неблаговидных делах, забирали и под конвоем выводили на улицу Кирова. Одних сажали в грузовые машины со скамейками в кузове и увозили в милицию или военный комиссариат, других, извиняясь, отпускали, третьих вели в детскую комнату, расположенную на той же улице.

Крепко держа за плечо мальчишку, опрятного на вид, пожилой милиционер с усталым и невыспавшимся лицом, что в первую очередь было видно по его глазам, со спокойной вкрадчивостью расправлял его:

— Ты школьник? Что ты делал сегодня на базаре? — и, не дождавшись ответа, сказал: — Откуда-то мне твоя личность знакома. Не ты ли носил свертки с карточками от мужчины к женщине? Еще зимой?

— Не я, — опустил голову, ответил Юрка и подумал: «Смотри-ка, узнал меня мент, хотя столько времени прошло. Теперь не отвяжется... Все кореша, наверное, рванули, а я попался». — Я за картошкой приходил на базар, меня мама послала. Отпусти меня, дяденька милиционер, — стал плаксиво говорить Юрка. — Я больше никогда не появлюсь здесь. Отпустите, пожалуйста, — вспомнил он вежливые слова.

— Где же у тебя сумка или сетка для картошки?

— Я потерял.

— Тогда пойдем со мной. Выясним, правду ли говоришь...

В детской комнате инспектора расспрашивали «базарников» о причине появления их на рынке, родителей, записывали домашние адреса и номера школ. Здесь также одних отпускали домой, предупреждая, что за беспричинное появление на базаре на родителей будет накладываться штраф, других, подозрительных, уводили в дальнюю комнату, охраняемую милиционером. Подозрительным по ответам оказался очередной мальчишка.

— А, старый знакомый! — оживилась уставшая от вопросов женщина-инспектор, что допрашивала Юрку еще зимой. — Вот мы и встретились, мой маленький и хитренький беглец! Рассказывай, что в этот раз ты делал на рынке? И почему тебя забрали? — уже серьезнее спросила она.

— Не знаю, — растерянно ответил Юрка. — А вас я вижу в первый раз.

— Так уж и в первый, и не знаешь, что делал на рынке, — уже смиреннее сказала она. — В какой класс перешел? — задала она неожиданный вопрос.

— Не учусь я, — хмуро ответил Юрка.

— Как не учишься? А чем же ты занимаешься?

— Отдыхаю: каникулы щас.

— Но ты же сказал, что не учишься. Вообще, что ли?

— Вообще.

— А где ты сейчас живешь? И есть ли у тебя родители? Если и на эти вопросы не ответишь, то отправишься в ДВК, — припугнула его инспектор.

— Из Харькова я, жил там на улице Карла Маркса, дом 34, квартира 16, — назвал Юрка другой город, а адрес, испугавшись, не успев подумать, выдал свой. — А родителей нет у меня, их разбомбило.

— Ну ладно, — поверила инспектор. — Пока поедешь в детский приемник до выяснения. Иди в ту комнату, — показала она на дверь. — А вы последите за ним, — наказала она милиционеру, находящемуся здесь. — Да повнимательнее.

В детприемнике. Волчок и другие. В логове банды. Возвращение домой

Поздним вечером привезли Юрку в детский приемник. Он находился на окраине старой Казани, за Суконным рынком, или, как его еще называли, Старой Сорочкой. Здание приемника напоминало школу, но было огорожено кругом высоким, крепким из досок забором с двумя вышками по окраинам, где находились часовые. Ворота и проходную КПП сторожили также стрелки из охраны внутренних войск. Объяснялось это тем, что среди малолетних беспризорников укрывались переростки и взрослые, которые должны были по своим преступлениям находиться в колонии, а иногда и тюрьме. Обнаруживались такие не сразу. Они искусно «играли» под малолеток. Пока следователи и воспитатели к ним присматривались, дознавались, находили документы, производя отбор в детские дома и колонии, некоторые преступники, несмотря на охрану, которым здесь стрелять было запрещено, сбежали.

— Ну и экземпляр! На вид опрятный, а внутри одежды завелись вши и гниды. Сирота, что ли? — спросила Юрку равнодушным голосом высокого роста воспитательница, уже осматривая у него волосы на голове.

— Сирота.

— Откуда родом? — взяла она с тумбочки ножницы.

— Чего?

— Где ты родился?

— Наверное, в Харькове.

— Давно воруеть?..

Юрке не хотелось отвечать на вопросы. Он был обескуражен, попав в новую обстановку. Он уже скучал по воле. Рассказывать о себе правду значило бы изменять уличному кодексу. Да и зачем много говорить? Он все равно, если удастся, сбежит отсюда.

— Ну, теперь идем в ванную, — сказала воспитательница, постигшая его наголо. — Ну и худющий ты, чистый скелет, — заметила она, увидев его голое тело при более ярком освещении. — Полежай в ванну, мойся. Мыло на полочке. Справа — горячий кран.

Открыв кран с теплой водой, Юрка залез под приятную струю и задумался: «Маму скоро обещали выписать из больницы, искать меня будет. Надо быстрее смываться отсюда...» Он прикрыл немного кран — вода пошла тише, взял маленький кусочек хозяйственного мыла и стал с яростью намыливать голову и тело.

— Видно, многое уже перетерпел от жизни беспризорной. Хоть еще как следует и не пожил. Ничего о себе говорить не хочет, —

услышал Юрка из-за двери, прикрывавшей ванную комнату, приглушенный голос.

— Да, — с сочувствием сказал другой голос, — что поделаешь, война. Чтоб худо Гитлеру жилось на том свете...

Юрка снова открыл кран на всю мощь и залез под струю. Он долго сидел под ней, стесняясь выйти к женщинам.

— Ну, чего ты там, замылся, что ли? Вылезай. Возьми вот, вытрись, — подала воспитательница ему чистое полотенце. — С собой в группу возьмешь. Здесь не оставляй!

Юрке дали новую одежду: голубой, напоминающий лыжный костюм с вышитыми на кармане куртки незнакомыми буквами USA, серую рубашку, майку, трусы, носки и зеленые мягкие брезентовые сапожки. Затем обе женщины повели его на второй этаж в спальню. Время уже было позднее.

Большая комната была заставлена кроватями. На них спали мальчишки, кое-где сдвинув кровати, по несколько человек. Новенького, когда он разделся и повесил на спинку кровати одежду, положили в ноги у двух мальчиков, укрыли одним и тем же одеялом и ушли, прикрыв дверь, из-под которой в щелку проникал слабый свет от тусклой лампочки в коридоре. В спальне было темно и тихо. Но стоило затихнуть шагам воспитательниц, как здесь все загудело, словно в пчельнике. От непривычной обстановки и монотонного, приглушенного гула, издаваемого вполголоса разговарившимися мальчишками, у Юрки закружилась голова. От усталости начали слипаться веки. Какое-то сонное безразличие одолевало его. Он чувствовал, что кто-то из подкравшихся привязывает ему руки и ноги веревкой к кровати, затем тихо, воровато вытаскивает подушку из-под головы, которую воспитательница взяла для него с соседней кровати. Однако сделать ничего не мог: сил не хватало сопротивляться. И он, окончательно расслабившись, крепко уснул.

Проснулся Юрка от веселого, беззлобного смеха ребят, окруживших его. Он попытался встать, позабыв о веревках, держащих его за кровать, но не смог.

— Атас! Воспитательница идет! — крикнул кто-то. Все выскочили в коридор, вернее, небольшое фойе.

— А ты чего лежишь, не встаешь? Пора на завтрак, — спокойно сказала вчерашняя воспитательница, показавшаяся Юрке доброй. — Ах, ты завязан, — увидела она веревки, подойдя к нему ближе. — Они всех так встречают, окаянные черти. И где только веревки берут? — сердито говорила она, отвязывая узлы и собирая веревку в клубок. — Скорее одевайся и стройся в столовую! — поторопила она.

В детприемнике жили по установленному режиму. Утро наступало по сигналу горна. Быстро убрав постели, одевшись, ребята бросались к умывальникам на первом этаже, у столовой, или, тол-

пясь, к крану в туалете. Ополоснув сонные лица и помыв кое-как руки, они снова собирались в фойе и с нетерпением ждали второго сигнала горна, зовущего на завтрак. Зарядку не делали. Не до нее было истощенным ребятам и уставшим от круглосуточного дежурства воспитателям. Но зато обращалось большое внимание на разучивание патриотических песен и их исполнение. После долгожданного сигнала ребята выстраивались в колонну по два и дружно шли в столовую, распевая хором маршевую песню, где особенно ими выделялись слова:

...Кони сытые бьют копытами,
Встретим мы по-сталински врага!

Если воспитателям казалось, что песня прозвучала плохо или неслаженно шли в строю ребята, их возвращали, иногда несколько раз, назад к одноэтажному переходу, соединяющему два здания, в одном из которых была расположена столовая. И снова шли они, от злости и голода распевая как можно громче, чуть ли не крича: «... Кони сытые бьют копытами!!!», отчаянно топая ногами, выражая этим свое возмущение. А воспитателям, вероятно, казалось, что таким образом они приучают беспризорников к дисциплине.

...Мальчишки, оказавшись вновь у начала ненавистного перехода, посторонившись, пропустили мимо себя отряд девчонок, дружно распевających ту же песню звонкими голосами. Высоко поднимая коленки из-под темно-голубых юбок, они с гордым видом, особенно те, у которых под белыми рубашками обозначились груди, шли в столовую, почти не обращая внимания на то, что некоторые мальчишки их окликали по именам. Они лишь чуть кокетливо им улыбались и на мгновение скапывали в их сторону глаза.

Полусладкий чай и небольшой половник каши не устраивал подростков. Им не хватало еды. И они были вынуждены отнимать или воровать ее у более маленьких и слабых. Схватив у соседа миску с кашей, они ставили ее себе на колени и, быстро съев свою порцию, откинув пустую миску в сторону под стол, принимались, уже спокойнее, за следующую. А те, кому не доставалось, начинали громко кричать и возмущаться: «У меня каши нет! Сперли! Я жрать хочу! Несите сюда кашу, обжоры-повара!..» В столовой поднималась буза: обиженные стучали ложками по столу, продолжая кричать до тех пор, пока им не приносили новые порции. Но хлеб здесь, в детприемнике, как в колониях и тюрьмах, был для всех неприкосновенен и свят. Ни у кого его не смели отнимать и воровать из тумбочки или из-под подушки: запрещалось воровским кодексом. А многие, как упоминалось выше, были знакомы с ним не понаслышке.

— Бляха-муха, ты чего в хавало бьешь?! — заорал один из

беспризорников, выскочив из-за стола с окровавленным лицом: у него были разбиты губы. — Откуда ты здесь взялся? — кричал он на Юрку, брезгливо доедающего кашу. — Я тебе сегодня сделаю козочку, рожки пообломаю!..

Мальчишка, почти подросток, съев свою порцию каши, достал с колен Юркину. Но новичок, опомнившись, ловко схватил и подвинул к себе кашу, хотел уж было зачерпнуть ее ложкой, как тот снова ухватился за край миски. Тогда Юрка коротко, но сильно, как учил Царек, двинул того по зубам тяжелой металлической ложкой, сказав при этом твердо: «Не твое, баклан, не трожь». Это услышали соседи по столу. Их сразу же заинтересовал новичок, явно не простачок.

А пока мальчишку с разбитыми губами успокаивала воспитательница, держа его за плечи, Юрка спокойно допил чай с хлебом и стал ждать команды на выход из-за стола, вытянувшегося, как и у девчонок, на всю столовую. Воспитатели, собравшиеся у места скандала, с неподдельным изумлением рассматривали дерзкого не по годам новичка, проявившего против старшего по возрасту неожиданную смелость, присущую укоренившимся уркаганам.

Каждый раз доставало в столовой порций восемь-десять, а иногда и больше. Приходилось воспитателям выпрашивать у поваров недостающие каши, макароны и котлеты.

Вначале пробовали найти виновников исчезающей еды. Но незаметная, быстрая передача мисок заставила обслуживающий персонал отказаться от поисков. Да и ненадолго здесь задерживались ребята, самое большее на полтора-два месяца. Одних отправляли в детские дома, других, где были общежития, в ФЗО и ремесленные училища, третьих увозили в детские воспитательные трудовые колонии, а иных и во взрослые.

Воспитатели, присматривающиеся к поведению и проделкам мальчишек и девчонок, живших в противоположном конце длинного коридора в такой же большой комнате-спальне, всегда надеялись на то, что следующие группы-отряды временных воспитанников, собранных с улиц и базаров, снятых с пароходов и поездов, будут менее предприимчивы, и им не придется ругаться с поварами за недостающие завтраки, обеды и ужины. Каждый раз они успокаивали их: «На днях отправим этих сорванцов. Примем новых, спокойных. Будет все нормально».

— Скоро ли? — вздыхали повара. — Уж двухмесячный положенный карантин для этих закончен, а за ними не едут. Пообвыклись здесь, чертенята, чувствуют себя как дома, если не лучше. На всем готовом живут: получают питание, форму, кино смотрят, откуда-то папиросы достают и даже, слышно, вино у них бывает, — заметила шеф-повар.

— Ах, Зульфия Абдрахмановна, разве за всем уследишь! — со вздохом согласилась с ней воспитательница Татьяна Александров-

на. — Этим занимаются кто постарше. Замучили они меня, — пожаловалась она, поедая кашу. — На днях не досчиталась пятнадцати простыней и двух одеял. Как в воду канули.

Много приходилось рассуждать о воровстве работникам приемника, принимать различные меры к его пресечению, но оно продолжалось. Кто-то невидимой рукой старался прибрать все, что имело ценность на базаре.

Прошло несколько дней со дня пребывания Юрки в приемнике. Он тяжело переживал неволю. Куда ни посмотрит — везде забор. За забором, если смотреть из окна второго этажа, надоевший зеленовато-серый дом, красиво высившийся через дорогу напротив. А когда отряд приводили в спортзал, на третий этаж другого здания, он с грустью разглядывал красивую зеркальную гладь озера Кабан, раскинувшегося посреди города, где он совсем недавно купался с ребятами, подолгу всматривался в свободный мир Старой Сорочки, откуда доносился приглушенный сплошной гул многотысячной снующей толпы. И все это — Кабан и Суконка совсем недалеко, через невысокие, потемневшие, большей частью деревянные домики с зелеными садами, где свободно живут, гуляют, спят, иногда плачут и веселятся люди. «Хочу на свободу, хочу домой, хочу к маме, — беспрестанно думал Юрка, тоскуя в одиночестве. — Почему многие мальчишки и девчонки чувствуют себя здесь хорошо? Смеются, играют в спортзале, спокойно разговаривают друг с другом, читают книжки в библиотеке? С нетерпением многие ждут, когда за ними приедут из детского дома. Видно, им было тяжелее, чем мне, потому что у них нет родителей: погибли на войне, умерли, а у некоторых «чалятся» в тюрьме. А у меня же есть мама! Ищет, наверное, меня, — ответил себе Юрка на многочисленные «почему?». Тут вспомнил он песню, какую распевал с огольцами:

... Я пилку достану с товарищем верным,
В тюрьме я решетку распилю.
Пусть луна светит отраженным светом,
Меня не поймать, я уйду...

«Мне бы только оказаться дома — брошу все, перестану воровать, начитаюсь книг досыта, перестану маму огорчать», — сложились у него в голове какие-то вирши, даже с мелодией. Он вспомнил мать в замасленной рабочей спецовке, молчаливую и добрую, в последний раз совсем больную. Вспомнил и воспитательницу детского сада Евгению Петровну, с которой виделся незадолго до депривации. Он давно при встречах с ней не здоровался, а только мысленно обращался к любимой воспитательнице: «Прости меня, пожалуйста, Евгения Петровна. Увидев тебя, трусливо перехожу на другую сторону улицы или опускаю голову. Потому что мне стыдно даже поздороваться с тобою, родная моя... Я теперь совсем

другой, не то что раньше. Прости, пожалуйста, меня. А люблю я тебя как и прежде...»

— Все грустишь? — подошел к нему светловолосый голубоглазый мальчишка. Юрка давно присматривался к нему, вспоминая, где же он видел его. — На волю захотелось, мальчишечка? — участливо спросил он его.

И тут Юрка вспомнил: он же видел его на базаре, куда они с Толькой приходили за пирожками.

— Волчок. Как ты здесь оказался?

— А ты что тут делаешь? — в свою очередь, не ответив на его вопрос, спросил Юрка. — Тебе разве не хочется на волю?

— Тихо! Атас! Услышат. Вечером поговорим, — озираясь, сказал Волчок и пошел по коридору в медицинский кабинет.

Поздним вечером, когда все уснули, Волчок и Юрка, лежа в углу на одной кровати, тихо разговаривали. Но больше говорил новичок, отвечая на вопросы Волчка, пытающегося от него выведать все и как можно подробнее.

— Как ты попал сюда?

— Маму в больницу положили, надолго. Заболела она от недоедания: я карточки потерял, а может быть, их и свистнули. Пошел на улицу, чтоб прокормиться, познакомился с огольцами, стал воровать.

— И по большому делу «бегали»?

— Нет, по мелочам. Лично я по «верхам» и «дуркам».

— И как, фартило?

— Пока да.

— А сюда-то как попал? — снова задал вопрос Волчок. — И за что?

— Ни за что. Облава была на «колхозке», кореша смылись, а я попался.

— А кто они? Я их должен знать.

— Я тебе, пока здесь, сказать ничего не могу. Встретимся на воле, познакомлю.

— Да ты, я смотрю, толковый кореш: зря язык не распускаешь, — с одобрением сказал Волчок и спросил: — Учишься?

— Учусь. Хочу отсюда скорее рвануть — и в школу... Скоро первое сентября, — ответил Юрка, сразу же подорвав свой авторитет. Это он заметил по изменившимся на какой-то миг глазам Волчка, озарившимся недоверием, при лунном свете, проникающем в окно спальни.

— А мне ты показался огольцом, когда двинул в рожу Адьютанту за столом. Об этом я «трекнул» и Крысе, двоюродному братану. А ты, оказывается, всего лишь школяр, — разговорился и Волчок. — Да ладно, все поправимо, — сказал он будто бы себе. — А в отношении школы... Меня вот, например, туда не тянет. Можно и без нее прожить. Я знаю фартовых людей, они школ не

кончали, а живут... Ты вот что, на днях я «рву когти». Если захочешь, пойдешь со мной, — сообщил он и спросил: — Как кличут тебя?

— Кардиналом, — скромно ответил Юрка.

— А меня Волчком прозывают, — назвался и он. — Обо мне ты часом не слыхал?

— Я тебя давно знаю: по «колхозке», — сознался Юрка. — Ты к Квашне подходил за пирожками как-то.

— Да? — удивился Волчок. — Молодец. Ты наблюдателен...

Два ребенка. Две судьбы. У одного отец погиб на фронте. У другого «взрослого» вора, но не «в законе», убили в тюрьме при побеге. Разве думали они — начинающий воришка и наследственный вор, что судьба сведет их вместе. Но парадокс, случилось такое.

К концу августа за детьми должны были приехать «покупатели», как называли беспризорники воспитателей из детских домов и колоний. Волчок и Кардинал должны были по возрасту попасть в детский дом. Но в детдоме, по мнению Волчка, им было делать нечего.

— Там дисциплина, а это неволя, — рассуждал Волчок по-взрослому. — В тюрьме или колонии гораздо вольнее. Там вор чувствует себя вольготнее: он сыт, одет и марку держит. А «мужик» за него вкалывает. В детдоме же куча дотошных воспитателей и учителей. Налево, направо, песню запевай, «А» и «Б» сидели на трубе... Это не для нас. Верно, Кардинал?

— Это точно, — вздыхая, соглашался Юрка.

Но в душе Юрка был не согласен с Волчком. «Только бы сбежать, — думал он. — Брошу знакомство с ворами, буду прилежно учиться и много читать». Почти все его знакомые огольцы презирали книги. Ни с кем из них он не мог поделиться прочитанным. Это отталкивало его от них. Восхищался ли он их беспечностью, своеобразной отчаянной смелостью, умением ловко «потрясти» богача или спекулянта, к которым питал ненависть? Иногда да. Но опять же ему претило их умение держаться гордо и с достоинством перед начинающими воришками, не говоря уж об обыкновенных пацанах, и с заискиванием перед закоренелыми ворами. Ради последних они были готовы взять любую вину на себя и сделать для них все, что угодно. Это он видел и на улице, и в приемнике, где воришки часто заменяли виновных, считая подобное «самопожертвование» геройством.

Как был противен Юрке Мишка-Адьютант, не раз битый ради удовольствия Крысой, самым великовозрастным из огольцов. Он постоянно издевался над ним для потехи окружающих: заставлял Мишку воду приносить в тазу и мыть ему ноги, чесать пятки, смеяться. По приказанию Крысы сонному Адьютанту иногда устраивали «ночную поездку на велосипеде», зажигая вложенную между

пальцами ног газету. Проснувшись от боли, он вскакивал с кровати и начинал, стесняясь слез, беззвучно плакать. Но, увидев рядом Крысу, смотревшего на него остекленевшими глазами с дрожащими красными веками, Мипка, преодолевая боль, начинал, подпрыгивая, смеяться и кривляться, вызывая у некоторых восторг, а у большинства жалкое презрение.

Адъютант — высокий и худой, с огуречно-продолговатой лысой головой, узкими хитрыми глазами, длинным, напоминающим утиный носом и тонкими бесцветными губами, явный трус и угодник — был нахальным и жестоким к «нефартовым» папанам. Он отнимал у них, нарушая воровской кодекс, хлеб, сладкое, а иной раз, если не видели воспитатели, горячее для себя и Крысы. Ревностно обслуживая своего покровителя, Адъютант и сам был окружен вниманием нескольких папанят, рвавшихся к любой, пусть мелкой, но популярности среди остальных. Когда был обнаружен чайник с десертным вином под кроватью Крысы, один из таких «популярстов» взял вино на себя.

— Я пронес вино и спрятал под кровать, — сказал небрежно большелобый коренастый оголец. — Вчера бегал на Сорочку. Мне в карцер отправляться? — спросил он строгого, одетого в морской китель хромого воспитателя, часто приходившего к ним в отряд.

— Ты туда не пойдешь. Ты не мог сделать это, — пронизательно сказал старший воспитатель, поправляя спавшие на лоб седые волосы.

— Почему не мог? Смог. Я пронес вино мимо «попок». Я виноват, — торопливо доказывал тот, чтоб кто-то другой не отбил у него «геройского» наказания. — Пошли, что ли?

Но всем было ясно, даже самым маленьким, по выражению его вытаращенных выпуклых глаз и торопливой речи, что тот не виноват.

— Да что его, сявку, слушать, — скривил малокровное бледное лицо Адъютант. — Я приволок бурду, — вышел он вперед. — Я готов отдохнуть «за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой», — паясничая, декламировал он строчки из стихотворения А.Пушкина «Узник».

— Идем, орел молодой, раз хочешь за кого-то отличиться, — спокойно согласился воспитатель и, повернувшись к ребятам, кивнул в сторону Адъютанта: — Благодетель: он печется о чьем-то здоровье и спокойствии. Трус и дурак, а героя из себя корчит, — с презрением определил он. — Пусть посидит на воде и пайке хлеба.

Последний пример «униженцев» оставил в Юркиной душе неизгладимо противное впечатление. Он окончательно понял, как низки те, что рвутся любым путем в блатной мир, становясь посмешищем для большинства. Ему еще больше захотелось домой, к матери, в школу, подальше от Крысы и ему подобных.

Наконец наступила желанная ночь. Договорившись с Волчком накануне, Юрка должен был сегодня сбежать из приемника. Он крепился, долго не засыпал. Перед рассветом сквозь сон вдруг услышал, как кто-то открыл дверь, подошел к кровати Волчка и стал осторожно будить его.

— Волчок, пора, — приглушенно сказал вошедший. — Время. Внизу, за второй дверью, узлы со сладким, крупой и маслом. Ко мне отнесешь. Забери того, о ком говорил, он поможет, — напомнил он и быстро ушел.

Волчок подошел к кровати Кардинала, сделавшего вид, что спит, и тихонько, почти нежно, подергал его за плечо:

— Кардинал, вставай. Одевайся тихо и забирай пару-тройку костюмов у соседей, сапоги и суй их в наволочку. Сейчас уходим!

Обеспокоенный, наполовину сонный Юрка, одеваясь, плохо соображал и смотрел на Волчка настороженно. Он лихорадочно думал: «Зачем красть у своих папанов одежду? Почему разбудил Волчка, как ему показалось, истопник с кухни дядя Вова? Он столько много рассказывал хорошего и доблестного о войне, боевых товарищах. Сам приехал с фронта без руки. Вместо руки у него протез с черной перчаткой. Неужели он тоже вор? Разве нельзя уйти отсюда просто так, ничего не взяв? Но иначе Волчок не возьмет с собой и...»

— Кардинал, ты чего чухаешься? — тревожным шепотом прервал его мысли Волчок. — Кидай скорее костюмы в наволочку. Рассветает, — засовывая что-то в свою, торопливо сказал он.

Чувствуя себя противно, Юрка снял наволочку с подушки, взял костюм соседа Кольки, сунул его в цветной мешок и на цыпочках зашепшил за Волчком, выходящим из спальни. Миновав коридор, они спустились с лестницы, прошли мимо главного входа, где никого не было, повернули направо и через несколько ступенек оказались у черного выхода, ведущего на задний двор. Двери были незаперты. Между ними лежали два связанных из простыней узла. Открыв вторую дверь, они оказались во дворе.

— Возьми один узел и беги потихоньку вперед! Я за тобою.

Пробежав по скошенной траве вдоль высившихся копен, они оказались у забора. Волчок безошибочно нашел в нем доску, держащуюся на одном верхнем гвозде, отодвинул ее в сторону и выглянул наружу. Затем, посмотрев на Юрку, изменившимся приказным тоном сказал:

— Лезь первым! Посмотри, нет ли легавых! Товар оставь пока.

Юрка вылез, посмотрел по сторонам — никого. Даже часовых на выпшках не было видно. Видимо, они спали.

— Никого не видно, вылезай, — дрожа, прошептал он Волчку. — Давай узлы!

Волчок подал ему узлы, вылез осторожно, оглянулся по сторонам и бросился сломя голову от забора, крикнув на ходу: «Быстро канай за мной!». Юрка проворно побежал за ним. Пробежав метров триста мимо деревянных частных домов, миновав трамвайную линию, они оказались у вырытой ямы около двухэтажного каменного дома. Остановившись, Волчок, задышавшись, проговорил:

— Теперь не возьмут. Отдохнем, покурим и дальше поканаем. С травкой будешь? — протянул он Юрке папиросу.

— Не курю я.

— В натуре? — удивился Волчок. — Тем лучше. У меня мало папирос. — Заглянув в тощий узелок Кардинала, он раздраженно спросил: — Что ж ты просто так ушел? Всего один костюм забрал? Надо было больше брать. Сколько бы денег выручил за шматье. Да ладно, поделимся, — смирился он. Лихорадочно курнув еще несколько раз, Волчок поднял медленно, как пьяный, голову, посмотрел затуманенным взором голубых глаз по сторонам, бросил папиросу и уже спокойнее сказал: — Топаем дальше. Главное — уйти отсюда побыстрее. Заметные мы: костюмы казенные. Будем идти и смотреть по сторонам, а главное, вперед и назад. Попадемся — нас ждет колония. Поспешим, что ли? На улице совсем светло.

Они шли крадучись, озираясь, словно затравленные зверята, продумывая на ходу ответы, на случай, если попадутся. Наконец они миновали опасные места, как сказал Волчок. Показались незнакомые Юрке гористые кривые улицы с бревенчатыми одноэтажными и реже двухэтажными домами, скрывающиеся в зелени раскинувшихся яблонь с покрасневшими плодами. Перед окнами на улицу, в палисадниках, кустилась малина с редкими поспевшими ягодами, росли рябины с пожелтевшими гроздьями, а у кого-то сирень и черемуха с еще неспелыми плодами. Встречались им на пути овражки и глубокие овраги, обросшие покрасневшей бузиной, состарившейся крупной лебедой, другими кустарниками, неизвестными Юрке, и травой, освеженной утренней росой. Соскучившемуся по живой природе Юрке дышалось легко и свободно.

Ранние прохожие, спешащие на работу, шли по своим делам, не обращали внимания на одинаково одетых мальчуганов. Лишь старый дворник с окладистой светлой бородой, подметавший бугристую улицу, посмотрев подозрительно на них, недовольно пробурчал:

— С утра шатаются. И откуда идут? Мазурики.

Волчок резко повернулся к старику, похожему на Деда Мороза, и выдал такое, что Юрка опешил:

— Ты, старая бадья, лучше чисть чище улицу. Сегодня я пить буду. Если упаду, чтоб не испачкался в неубранной грязи.

— Чего и ждать от вас путного, — посмотрел он сердито на обоих, — пить да воровать. Вся ваша жизненка в том и заключается...

Но Волчок уже не слушал его. Он входил в калитку глухого высокого забора, за которым показались небольшой сад и одноэтажный громоздкий дом с пристроями.

— Дотопали! — весело сказал Волчок, шагая по тропинке к дому. — Здесь-то мы и славим наш товар! Ты понял меня, Кардинальчик? — спросил он радостно. Не услышав ответа, продолжил: — Пить будем! Гулять будем! А смерть придет — помирать будем! — чуть ли не пропел он, куражась. — Говорить о шмотках буду я. Ты не суйся, а то продешевим, — предупредил он Юрку заранее.

Войдя в бревенчатый дом, они увидели в большой прихожей на кровати, на диване, на некрашеном полу спящих мужчин, женщин, подростков и детей. Под ними были постелены матрасы без простыней, стеганные одеяла, пальто, мешковина и разное тряпье не первой, конечно, свежести. На раздвижном большом столе, на подоконниках, на полу валялись пустые, полупустые и полные бутылки с мутным самогоном и красным вином, банки из-под тушенки и рыбы, куски хлеба и другой вкусной еды, о какой не раз, мечтая, говорили пацаны в детприемнике. Только воздух здесь после улицы казался отравленным. Он был пропитан запахами спиртного, табачного дыма, мочи и еще чего-то похуже, чем в приемнике, где пахло всегда карболкой.

Все это не произвело на Волчка никакого впечатления. Вероятно, такая обстановка была для него привычной.

— Ты понял, куда мы пришли? — дружески обнял Волчок рукой за плечи Кардинала, сморщившегося от дурного запаха, и, не видя его лица, показал улыбающимися, светящимися от радости глазами на стол. — Иди выпей и закуси! Я пройду к хозяйке, товар покажу. Давай сюда узлы!

Юрке, несмотря на спертый воздух, хотелось подойти к столу и попробовать вкусную еду, оставшуюся в тарелках и в консервных банках. Ее, видимо, после «большого гуляя», не убрали со вчерашнего вечера. Но не успел он шагнуть к столу, как с пола, из-под серой простыни, поднялась взлохмаченная голова с красными отеками под глазами и попросила скрипучим, охрипшим голосом:

— Дай попить водицы, малый!

Юрку испугал вид и голос одутловатого человека, лежащего у стола. Он не тронулся с места. И тут, тонко пропищав, открылась дверь, в которую вошел Волчок, и из комнаты вышла... Квашня. «Вот это встреча», — удивился Юрка. Но это уже была не та злая

торговка, которую они с Толькой видели на базаре, а совсем другая, приветливая женщина. Она сама подала вздохмаченному, опухшему мужику воду, а Юрке ласково сказала:

— Проходи, пацанчик, к столу и выпей немножко перед едой, — она сама пододвинула ему неполный стакан с вином. — В общем все, что видишь перед собой, кушай спокойно, не стесняйся. Тут все свои.

Юрка выпил сладковатое вино, посмотрел на полную, как поспевшее тесто, Квашню, глядевшую на него маленькими внимательными глазами, и, заметив в них одобрение, смело взял с тарелки кружок колбасы и кусок хлеба. Квашня куда-то вышла. А Юрка, съев колбасу, решил попробовать и сыр. Потом, осмелев еще более от второго выпитого стакана вина, он стал перебирать и пробовать все закуски, находящиеся на столе. Ему казалось, что он попал к людям, не знающим ни горя, ни голода, ни зла, потому-то они и отнеслись к нему по-свойски, по-доброму. Он кушал все, что нравилось ему, спокойно запивая вином. Никто ему не мешал. В большой передней было тихо.

Через некоторое время, почти наевшись, Юрка увидел удивленные лица проснувшихся обитателей, молча рассматривающих его. Но он, как по инерции, продолжал пробовать закуски. Пораженные прожорливостью маленького существа, не помнящие сами, когда нормально ели, по причине ежедневного похмелья, они терпеливо ждали, сколько же он еще съест. И вот существо наелось. Раздался басовитый хохот.

— Ха-ха-ха! Ну и жрать малый, словно фабрика! — весело сказал одутловатый.

— Что и говорить! А-ха-ха! — загоготал другой, лежащий рядом с одутловатым. — Настоящий обжора! Рекордсмен! Куда до него нашей Квашне!

— На него спорить можно! — подхватил третий тоненьким голосом. — А лучше откормить и сожрать! Пузатый, — повернулся он к одутловатому, — когда вы «каналы» со Слоном от «хозяина» и шли по тайге, вкусной ли была та «баранинка», что взяли с собой?..

— Да прикрой свою пасть, ты, гад пискучий! Лучше не напоминай нам об этом, итак с похмелья тяжело, — вмешался тут в разговор четвертый с кровати. — А этого малого действительно легче убить, чем прокормить...

— Да ладно уж, не объел он вас, — когда вошла Квашня, никто и не заметил. — А ты не обращай на них внимания, — подбодрила она растерявшегося мальчишку. — Иди в мою комнату и поспи! Небось всю ночь с Волчком не спали. Потом и разговаривать будем о цене.

Напуганный смехом и разговором обитателей дома, Юрка выскочил из-за стола и быстро проскользнул в соседнюю комнату.

Волчок уже спал у небольшого стола с обилием вина и закуски на старом пальто, укрытый до пояса новеньким одеялом, напоминающим детприемниковское. Рядом с ним на полу стояли опустошенная бутылка и недопитое в стакане вино. По расслабленному телу с раскинутыми в стороны ногами и руками, одна из которых, растопырив маленькие пальцы с наколкой «Вовик», покоилась в тарелке с остатками пищи, было видно, что он мертвецки пьян. Юрка, узнав в спящем человечке приятеля, успокоился, быстро снял сапоги, разделся до трусов и, бросив кое-как одежду на стул, нырнул под одеяло к Волчку. Голова у него пошла кругом, к горлу подступила тошнота. Еле сдерживая себя, чтобы не выскочить во двор со рвотой, мимо противных обитателей в прихожей, он стал заглатывать воздух и удерживать его подолгу в себе. Наконец полегчало, и он уснул.

Когда Юрка проснулся, то не сразу понял, где находится. Постепенно ему вспомнилось все происшедшее накануне. Он тяжело поднялся, обшарил глазами комнату в поисках одежды: посмотрел на стулья, на кровать, пышно убранную кружевами, под нее, благо она была рядом. Но одежды нигде не было. Тогда он вышел из комнаты, сбегал в туалет, не обращая ни на что внимания, вернулся назад и увидел играющих в карты молодых ребят.

Все внимание они сосредоточили на игре в «буру». На все вопросы о Волчке и об одежде они не отвечали, будто бы здесь кроме них никого не существовало. Юрка подошел поближе к играющим, сел на диван, покрытый поблекшей коричневой холодной кожей, и стал гадать: «Куда же девался Волчок? Куда девалась одежда? Не идти же домой в трусах, уже на улице прохладно. Дождусь Волчка», — решил он. Устроившись поудобнее с ногами на диване, он стал наблюдать за игроками.

Один из них, самый старший, презрительно поглядывающий на сидящих за столом игроков, напоминал Крысу не только лицом, но и поведением. Он также нехотя отвечал на вопросы, изредка повышал голос, отчего глаза пацанов становились испуганными, небрежно брал карты и швырял деньги на стол, чаще их забирая. Ему не перечили, когда он, как понял Юрка, следивший за махинациями рядом сидящего на диване шулера, бессовестно обманывал их, и только иногда, угодливо улыбаясь, делали ему замечание за слишком заметное передергивание карт. Увлеченный наблюдением за ловкими манипуляциями Самурайчика, как ласкательно называли пацаны подростка, почти юношу, Юрка совершил ошибку. Не выдержав, он выкрикнул:

— Этой карты ему не давали! Она у него...

Самурайчик, не поворачиваясь, наотмашь ударил тыльной стороной ладони по лицу разоблачителя. Юрка растянулся на диване, обливаясь кровью. А игроки продолжали спокойно играть, будто ничего не случилось.

Поднявшись с дивана, Юрка вышел в сад, подошел к голубому умывальнику, прибитому к одинокой березе, росшей между крыльцом и кустом крыжовника, и стал прикладывать пригоршни воды к разбитым носу и губам. За этим занятием и застала его Квашня, возвращавшаяся, судя по корзине с картофелем и морковью, с базара.

— Это кто тебя так отделал, а? — остановившись у крыльца, спросила она без удивления. — Пошли со мной, — решительно сказала Квашня Юрке и пошла вперед, ругаясь вслух, думая, что он идет за ней: — Паразиты! Говорила же, чтоб тебя не трогали! Ну, сейчас разберусь! — обернувшись, она увидела, что папан не тронулся с места. — Ты чего стоишь, не идешь за мной? Сказала же, что разберусь, кто виноват.

— Не надо разбираться, — сказал просяще Юрка. — Я сам виноват. Помогите мне найти одежду. Я домой уйду.

— Как домой? Разве у тебя есть дом? А Волчок говорил, что ты из Харькова.

— Нет, не из Харькова. Меня мама здесь ждет. Она не знает, где я.

— Как же так? А деньги разве тебе не нужны за костюмы? — спросила она, поставив корзину на крыльцо. — Мы думали, что вы с Волчком еще раз посетите приемник. Там быстро прощают. Поживете с недельку, а потом вместе с Витькой-Крысой снова пустыми вернетесь сюда. За все и рассчитаемся сразу. Вот и обрадуешь мать, с деньгами вернешься, — пробовала уговорить Юрку она.

— Не пойду я больше туда. Отдайте мою одежду, — настойчиво попросил он ее.

Полное лицо хозяйки дома налилось кровью. Она злобно глянула на Юрку, открыла дверь, втиснула в прихожую корзину и, обернувшись назад, с угрозой пропищела:

— Сейчас... ты все получишь: и одежду, и обувь. Я думала, он вор, а оказался обыкновенной сивкой, — сказала ворчливо она, заходя в дом.

Юрка понял по последним словам Квашни, что ничего хорошего его не ждет. Он подбежал к калитке, открыл ее, выскочил со двора и бросился бежать вверх по улице. Через несколько минут он наткнулся на конечную трамвайную остановку, увидел тронувшийся с места трамвай второго номера, идущий к центру города, и вскочил на подножку.

Воскресенье. После огорода расстроенная Варвара Лукинична сидела на кровати и плакала в одиночку: «Сын пропал. От дочери давно нет писем. Картошку с огорода выкопали всю, не дали до конца ей дорасти. Как жить дальше?» Тут кто-то робко постучал в дверь. Не вставая, она спросила: «Кто там?» Но, видимо, тихо спросила. Раздался снова робкий стук. Тогда она встала, вытерла

слезы, подошла к двери и открыла ее. В дверях она увидела мальчишку в трусах, напминающего сына. Сомнений быть не могло — он, выросший и еще более похудевший, с повзрослевшими глазами.

— Живой?! Откуда? — приглушенно вскрикнула мать и обняла сына. Потом простонала: — О, где только я тебя не искала! Чего только не передумала! Где ты был? Тебя опять кто-то бил? Нос и губы распухшие...

— погоди, мама, — остановил ее сын. — Я закрою дверь, — будто боясь кого-то, прошептал Юрка. — А то услышат нас соседи.

Закрыв дверь на крючок, он прошел за матерью в комнату. Она присела на краешек кровати и приготовилась слушать объяснения сына.

— Мама, не сердись на меня, — бросился он к ней. — Я в детприемнике был. Попал туда во время облавы на базаре, — обнял он ее худенькой рукой за спину и прижался, как бывало раньше, головой к плечу. — Я там хотел купить тебе чего-нибудь покушать, — сказал он, чтоб она его не заподозрила в чем-нибудь другом. — В детприемнике нас хорошо кормили и одевали. Только на улицу не выпускали. Там я и подрался.

— В приемнике? — удивилась мать. — Почему же тебя не нашла милиция?

— Я скрыл фамилию и имя, и адрес другой назвал, чтоб тебя не позорить, — сказал он что-то не то, как ему показалось, и добавил: — Чтоб пожить там немного. Ты ж в больнице была.

— А как теперь? Тебя отпустили?

— Нет. Я сбежал.

— В одних трусах? Ведь осень на носу, на улице прохладно.

— В одних трусах. Чтоб легче было бежать, — для чего-то добавил он. — А то бы поймали и отправили в детдом или колонию. Там строго.

— Вот даже как, — задумчиво сказала мать, припоминая свои подозрения, начавшиеся с больницы, и до сих пор не покидающие ее. Однако, пугаясь собственных вопросов к сыну, которых накопилось много, она сказала: — Ну и ладно. Я получила зарплату, купим тебе чего-нибудь из одежды. Хорошо, что сам пришел живой. Я и не знала, что думать о тебе. Обо всем передумала, — снова сказала она и спохватилась: — Ты кушать небось хочешь?

— Хочу. Уж скоро вечер.

— Сейчас наложу овсяной каши, — встала мать. — С тыквой сварила. Не знаю, понравится ли, — вспомнила она передачи, какие сын приносил ей в больницу. — Иди помойся!

Помывшись с мылом, осторожно вытерев лицо чистым полотенцем, Юрка посмотрел на свои «профессорские» чуткие пальцы,

сказав себе: «Они больше не будут брать чужого», прошел к столу и впервые за много дней не спеша, спокойно, не как в детприемнике, стал кушать сладковатую вкусную кашу и с каким-то стеснением рассматривать похудевшую дорогую, любимую мать, суетливо копающуюся в сумке.

— Напла, — выпрямилась мать, держа в руках старенькие брюки, из которых Юрка давно вырос. — Потом и оденешь. Пока кушай! А вот и майка с носками, — достала она и их. — А больше ничего у тебя нет, — с горечью сказала она. — Ну, ничего, завтра пойдем на базар и купим, — сморщив в раздумье лоб и тонкие брови, вновь пообещала мать и достала из ящичка несколько купюр. — Я быстренько сбегаяю на маленький базарчик за картошкой, кончилась она у нас. Там до вечера торгуют, может, успею. Ты же, сынок, никуда не уходи. Я скоро, — сказала она, взяла сумку и торопливо ушла.

Юрка съел овсянку, встал из-за стола, отодвинув табуретку, походил по комнате, рассматривая привычные вещи и книжки, заглянул в шкафчик и, не найдя там ничего интересного, прилег на кровать. Он вспомнил, как на него разинув рот смотрели жители двора, особенно мальчишки, когда он, ни на кого не глядя, бежал по двору домой; как кто-то из них удивленно сказал: «Смотрите, Юрка бежит. Откуда-то вернулся». Ему было стыдно и обидно, что его увидели в трусах, а не в костюме и сапожках новеньких, американских. «Как нечестно поступили со мной воры из «шаламана» Квапни: украли одежду. Неужели она, зараза, не могла мне дать взамен хоть что-нибудь старенькое? Волчок тоже хорош. Бросил меня и ушел один. Мои прежние кореша были честнее... Но хватит думать о них. Теперь я постараюсь жить иначе». Ему захотелось поскорее забыться и уснуть.

Но тут постучали в дверь, дернули чуть и, почувствовав, что она незаперта, без разрешения открыли и вопли: коренастый, судя по лицу, спокойный мент и молодая женщина в гражданском. «Только этого мне и не хватало. И без них сегодня много пережил. Как они узнали, где я живу? Ведь я всем говорил, что родом из Харькова. Неужели по улице, номерам дома и квартиры, которые я, лопух, не подумав, назвал», — ругал себя Юрка, продолжая лежать. Он понял, что это пришли по его душе, как говорят блатные. Но не знал, что делать. Отсюда, из собственной квартиры не сбежишь: дверь одна, а рядом с нею грозный страж, кажущийся до поры до времени спокойным.

— Здравствуй, Жора Кораблев, — поздоровалась с ним женщина. — Ты так себя называл в детприемнике? Или у тебя есть настоящие фамилия и имя? — строго спросила она. — С кем ты живешь?

Юрка вспомнил, что видел эту женщину в приемнике раза два издалека. Про нее пацаны говорили — она строгий следователь, но

дела ведет по справедливости: если виноват — статья одна, участник косвенный — другая, оказался рядом — свидетель, статья третья. «Тут дело пахнет керосином: за костюмы и сапожки заберут и в колонию увезут. Что делать?» — метались мысли в Юркиной голове. Он вскочил с кровати, и, не зная, куда себя девать, забежал за стол: не сразу дотянутся... Дрожа всем телом, он оттуда испуганно проговорил:

— Я не Жора Кораблев, а Кардин Юрка. Я не сирота, у меня есть мама. Она ушла на базарчик за картошкой. Сейчас придет, — проговорил он быстро и честно, думая этим спасти свое положение.

— Ничего, нам мама твоя пока не нужна, мы за тобой. Собирайся! — твердым голосом сказала следователь.

— Не пойду! Никуда я не пойду! — с отчаянием выкрикнул Юрка. — У меня нет вашей одежды! Общайте хоть все!

— Как нет? Куда ж ты ее дел? Может, продал? Давай рассказывай!

— Не продавал! Ее у меня украли! Не верите — общайте кругом! Я в одних трусах пришел, босиком! — плачущим голосом сказал он.

— Вот и расскажешь обо всем в милиции, — спокойно сказала она.

— Не пойду я в милицию, хоть режьте! Я дома быть хочу! — выкрикнул он и юркнул под кровать от шагнувшего к нему милиционера.

— Что будем делать с ним, Виль Салихович? — спросила она его.

— Что? Заберем — и все, — равнодушно ответил тот. — А ну, герой, вылезай, — по-доброму сказал милиционер, встал на колени перед кроватью, поднял одеяло, свесившееся с нее, и протянул руку, чтоб вытащить Юрку.

— Не лезь, укушу! — заорал Юрка, сжавшись и крепко ухватившись за ножку кровати. — Никуда я не пойду, не хочу!..

— Что здесь такое? Что происходит? — испуганным голосом спросила Варвара Лукинична, вбежавшая в комнату. Она услышала еще в коридоре крики сына. Положив сумку на пол, она поспешила к кровати, тронула за руку милиционера, опираясь на которую, он полулежал на боку, пытаясь достать ее сына, и спросила его: — Зачем вы тащите его, что он наделал? Ведь ему больно же, — схватила она за руку милиционера крепче.

— Ого, чувствуется рабочая рука! — воскликнул милиционер, вылезая из-под кровати. — И ваш сынок ничего, крепенький, — сконфузившись, поднялся он с колен и попросил: — Не найдется ли у вас, хозяйка, йодку?

— Сейчас, — бросилась Варвара Лукинична к шкафчику, — найду. Простите вы его, пожалуйста.

— Ничего, такое у нас бывает часто, — добродушно сказал милиционер. — Полейте, если нетрудно, на ранку, — протянул он окровавленную руку.

— Простите вы его, пожалуйста, — полив на ранку йода, снова попросила его Варвара Лукинична, посмотрев на женщину. — В больнице я лежала долго. А улица сделала его настоящим зверьком. Я чувствовала давно, что здесь что-то не то. Но...

Любопытные соседи-взрослые и дети заглядывали в незакрытую хозяйкой дверь. Они видели, как сконфузившийся милиционер поднимался с колен и, отряхивая форменные брюки, просил йод. Жалея, одни говорили:

— Надо же, самого милиционера укусил, какой гаденыш.

— И нечего ему его жалеть, в милицию забрать — и только.

— Конечно забрать, — услышал Юрка, — украл, наверное, чего-нибудь.

— Конечно украл. Зря милиционер не придет. Забрать, как щенка, — и все, — узнал он голоса Капиной и Егоровой, старающихся говорить громко.

Пока следователь и мать беседовали за столом, в коридоре начался спор, уже в пользу Юрки.

— А может быть, он ничего и не украл.

— А тогда зачем за ним пришли?

— Для профилактики. Пока его мать лежала в больнице, он жил на улице. Может, нахулиганил там. Вон он с какими дружными ребятами водился, если помните. Даже во двор их однажды привел, чтоб морды набили вашим сыновьям, — сказал кто-то со злостью, — чтоб не обижали маленьких, — наконец узнал Юрка голос Сашкиной матери.

— Вот-вот, он с ними, бандитами, что-то и натворил, связанное с воровством.

— Для вас с Егоровой все что-то творят. Одни вы ангелы. Только и ищете в людях плохое.

Не выдержавший общего гвалта, милиционер подошел к двери и строго сказал:

— Разойдитесь лучше по своим квартирам. А не то раздеретесь, — снова стал он добродушным. — Ничего мальчишка не украл. Не кричите, мешаете работать! Разрешите закрыть дверь.

Пока в коридоре спорили, следователь успела поговорить с Варварой Лукиничной, узнав от нее то, что ее интересовало, и что могла сказать она о сыне. Затем она приступила к допросу непосредственного виновника визита.

— Как вы с другом убежали из приемника, прихватив с собой одежду и обувь товарищей?

— Через щель в заборе. Но я ничего не брал, — соврал Юрка из-под кровати. — Я ушел так.

— А где же твой костюм и сапоги?

— У меня их украли в доме, куда мы зашли, — сказал он правду. — Меня там напоили вином и украли. А кто, не знаю. Я уснул.

— Значит, это сделал Волчок?

— Я не знаю, как зовут того мальчишку, — снова соврал он.

— Он, честное слово, я говорила, пришел домой в трусах, — вмешалась в разговор мать. — Избитый и раздетый, — добавила она. — Посмотрите на его лицо! Ну-ка покажись нам! — приказала она сыну.

— Мы знаем, видели, — спокойно сказала следователь. — Мы обо всем знаем. Благодарите товарища лейтенанта, — показала она рукой на милиционера. — Он нашел похищенную одежду и обувь детского приемника. И еще кое-что, — добавила она. — Иначе бы вашему сыну не миновать колонии. Да, — со вздохом сказала она. — Ваш сын побывал в самом логове вора, на Калуге. Смотрите за ним получше, товарищ Кардина. Побольше наставляйте и проверяйте, где и с кем он бывает. Об этом мы попросим и школу, — закончила она разговор. — До свидания!

— Виль Салихович, идемте, — обратилась она к лейтенанту, сидевшему на сундуке, устало вытянув ноги.

— Идемте, Вера Сергеевна, — отозвался он, с трудом вставая. — Самое главное, мальчишка напелся. Сколько мы его искали, хитреца, — посмотрел он на Юрку, вылезающего из-под кровати. — Хорошо, что не омрачили вашу долгожданную радость, Варвара Лукинична, — сказал он, назвав ее по имени-отчеству. — До свидания!

Надо же, снова Толян, но рыжий. Трофеи тоже стреляют

Исторический разгром фашистских орд под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге и вокруг Ленинграда, а затем почти полное освобождение Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики вселили в людей нашей страны окончательную надежду на то, что скоро войне наступит конец. Информационные сообщения Левитана — диктора Всесоюзного радио, ежедневно вещающего о новых победах на всех фронтах, радовали и воинов, и тружеников тыла. Но особую гордость при этом испытывали дети и подростки, встречая и провожая их громким «ура!». В те минуты, часы и дни они забывали о том, что многие из них остались сиротами или полусиротами, потеряли на войне дорогих их сердцу мать или отца, брата или сестру, а иногда и всю семью. В их возрасте горе как-то на время забывается. И они, поддавшись общему хорошему настроению, беспечно играли и шутили, вели себя примерно или шалили, иногда переходя и через рамки дозволенного.

Тольке рыжему с родными повезло. Он недавно появился в доме на улице Карла Маркса и сразу же перезнакомился со всеми мальчишками. От него они узнали, что их семье пришлось почти три года прожить в оккупации, прячась в белорусских лесах у партизан. Его отец вместе с отрядом ушел «воевать немца» дальше на запад, а он с матерью и старшим братом приехали к тете Оле Ариной с третьего этажа, родственнице, так как их село спалили фашистские каратели.

С Юркой Толька познакомился позже. Они вместе первого сентября вышли из дома, направившись в школу.

— Тебя звать Юркой, а меня Толькой, — представился тот без всяких церемоний. — Ты в 24-ю идешь, и я туда же. Я слышал, как ты орал на весь коридор, когда тебя хотели забрать в колонию, — зачем-то сказал он и добавил: — Видно, ты побывал в переделках похлеще, чем я, хоть ты еще и малый.

Юрка обиделся на Тольку за слова «орал» и «малый», хотел было сказать ему что-нибудь грубое, но, посмотрев в его веселые изумрудные глаза без вредной примеси, не то что у Олега, спросил просто:

— Это в каких же переделках ты побывал? Интересно бы знать. И что бы ты делал на моем месте, если бы тебя захотели забрать?

— Я бы? Не знаю, — откровенно сказал Толька. — Наверное, то же самое, что и ты. Кому охота попасть в неволю! — рассудительно ответил он, чем сразу же расположил к себе Юрку.

Несмотря на удобу, Толька был крепким и ловким подростком. Ярко-рыжие брови, ресницы и короткие волосы ершом на круглой голове сразу же выделяли его среди окружающих. Необычными были у него и зеленые глаза: хитрые, дерзкие и веселые, которые, казалось, никогда не испытывали печали. Но самыми главными качествами, что нравились мальчишкам, были его храбрость, почти безрассудная, и выдумки, почти как у Тольки, его тезки, бывшего вожака, на всякие проделки. Зато вскоре всем взрослым стало ясно, что с его появлением покоя теперь в доме не жди.

С первых же дней Толька разогнал всех кошек с крыш сараев, исследуя с мальчишками сеновалы Анны Герасимовны и деда Игнатия, держащих коров, соседний амбар техникума связи и чердак бывшей конюшни, ставшей в годы механизации гаражом какого-то хозяйства, с воротами на другой двор. Все эти постройки плотно примыкали друг к другу и полазить по ним для мальчишек не составляло большого труда. Правда, на крышу высокого гаража из красного кирпича им приходилось вскарабкиваться с сеновалов, хватаясь руками за карниз крыши, изгибающейся от ветхости, или способом подсаживания друг друга. Им интересно было посмотреть сверху на соседний двор, где ремонтировались машины шоферами и слесарями в рабочих замасленных спецовках, пока их не согнал однажды громкой руганью мужчина в чистеньком

костюме, по-видимому, начальник, обвинив верхолазов в поломке железной крыши и обещании за счет их родителей отремонтировать ее.

Действительно, крыши сараев с самой войны не ремонтировались и не у всех красились. Озорники лазили, ходили или бегали по покрытиям, деревянным и железным, с осторожностью, боясь провалиться и вызвать еще больший гнев у хозяев сараев. Хорошо пока было тем немногочисленным владельцам, сараи которых примыкали прямо к серой стене высокого здания техникума. На них мальчишки почти не лазили, неинтересно было.

Только вроде бы не обиделся на начальника, обозвавшего его рыжим дьяволом, но и не успокоился, назвав неудачную вылазку, в результате чего мальчишкам пришлось трусливо ретироваться «предварительно-пассивной разведкой». Далее он пообещал им заняться и активными действиями, пока неизвестными и ему. Улыбнувшись, он просто пообещал:

— Здесь еще узнают меня. Я наведу такого пороха, что долго будут помнить. Вот увидите!

После обещания, чтоб не казаться трусом, Толька рассказал кое-что о своей с его товарищами партизанской деятельности при немцах: «Голод нас, папанов, заставил активизироваться: без разрешения старших, тайно устраивать набеги на соседние села, где останавливались немцы. Одни отвлекали часовых, а другие проникли в сараи, приспособленные немцами под склады машин с грузом, а иногда и дома, когда там никого не было, и забирали оттуда продукты питания, одежду, обувь, иной раз и оружие с боеприпасами. Но когда часовые стали стрелять в нас без предупреждения, пришлось сменить тактику. Достав из тайников спрятанное нами от партизан оружие, когда они ушли в опасный рейд, мы однажды решили напасть в дальнем селе, километров за пятнадцать, на часовых, думая, что их мало, так нам показалось, чтоб кое-что из награбленного у народа унести с собой, а склад поджечь. Все исполнили как наметили, а вот склад мне поджечь долго не удавалось: не было рядом сухой соломы или хотя бы бумаги какой. И тут, как на грех, появились каратели на груженных подводах. Хорошо, что не на конях верхом. Склад все же загорелся, а между нами завязался нешуточный бой. Впереди каратели, позади пьяные часовые, выскочившие из дома. Дануську убило, Митроху ранило, меня задело за плечо, — задрал воротник рубашки, показал Толька красный шрам с точками — следами от ниток. — И если бы не партизаны, случайно оказавшиеся рядом, лежать бы нам в сырой земле. К нашему счастью, обозников побили, всех до одного, и вывезли на их же подводах консервы с тушенкой и рыбой, предназначенные для немецкого полевого госпиталя, находящегося в соседнем районном центре, где не было железных дорог, но находилась небольшая летная полоса аэродрома. Вот туда-то от желез-

подорожной станции, расположенной километрах в десяти, и шел обоз, а прикатил к нам на базу. Был там и хлеб, правда, эрзац, но ничего, и он пригодился».

Немного помолчав, Толька продолжил: «Дануську похоронили у нашей базы, Митроху отправили самолетом на Большую землю в госпиталь, а меня вылечили в отряде. У нас была докторша своя. После этого боя нас, всех пацанов, разоружили и наказали, конечно. Но я все ж свой револьвер сумел спрятать и даже привезти сюда, только об этом ни гу-гу, никто не должен знать. Жаль, что в нем всего три патрона. Надо достать где-то еще, тогда за городом постреляем...»

Кто-то из ребят поверил Толькиному рассказу, а кто-то и нет. Но все равно они стали его между собою называть Партизаном.

Недавно Толька как опшаренный выскочил из дома на улицу, громко крича и подзадоривая бегущего за ним старшего брата:

— Шурка-олух! Олух! Олух! Олух царя небесного! Попробуй догони!..

Мальчишки не долго удивлялись тому, что Толька обзывал своего старшего брата в глаза и за глаза не иначе как Олухом. Стеснялся, видимо, людей, что брат его здоровенный, красивый парень — и не на фронте. Он не хотел понимать того, что Шурка хоть и здоров на вид, да с головой у него не все в порядке. Опробовали, и не раз, Шуркино прозвище и мальчишки. Но тот лишь просил их: «Нехорошо обзываться, перестаньте. Я вашим мамкам пожалуюсь...» Но мальчишки, как и Толька, без всякой злобы, из озорства, кричали: «Олух, Олух идет! Олух царя небесного!».

Толька быстро взобрался на крышу сарая, и Шурка, несмотря на то, что казался неуклюжим и по сравнению с братишкой был раза в два больше его весом и на полторы-две головы выше, почти не отставал от него. Видно, чем-то сильно рассердил его Толька, продолжающий задорно обзывать брата, иногда останавливаясь и кривляясь, если тот отставал:

— Шурка-олух! Олух! Олух! Москва — Воронеж, хрен догонишь!..

— Ну, погоди, рыжий черт! Все равно поймаю! — громко дыша, сердито обещал Шурка. — Тогда я тебе ребра посчитаю! — войдя в раж, нервно кричал на весь двор старший брат, продолжая преследование.

Но Толька уже на крыше гаража, куда взобрался с ловкостью обезьяны, и Шурка вслед за ним. По железной крыше от ног бежавших друг за другом братьев покатились такой громовой раскат, словно при сильной грозе, хоть уши затыкай.

Жильцы дома, окна которых выходили на двор, пооткрывали их, а некоторые выскочили из квартир, чтоб ближе рассмотреть, чем закончится погоня. Торжествующие пацаны и девчонки чуть

ли не прыгали от радости от «бесплатного концерта», затеянного озорником. Они подбадривали его криками с земли: «Толька, давай! Сильнее беги! Не сдавайся!»

Добежав до конца крыши, Толька обернулся в последний раз к Шурке, догоняющему его, крикнул что есть мочи: «Олу-ух!» — и спрыгнул с большой высоты на железную крышу соседнего одноэтажного дома, жильцы которого не раз уже проклинали его и компанию за лазанье по ней, а оттуда — на сарай, покрытый тесом, затем на землю. И вот он уже бежит через проходной двор от разъяренного брата на улицу Лобачевского в надежде прицепиться, если повезет, к какому-нибудь грузовику и избавиться от взбучки.

Буквально следом за Толькой прыгает на тесовую крышу преследователь и, проломив доски, проваливается вовнутрь. Из сарая раздался неимоверно резкий, громкий визг свиньи и крики испуганного Шурки. А через минуты две все, кто наблюдал за этой бурной сценой, увидели через «проходнушку», когда-то огороженную забором, мужчину, прибежавшего в сапогах, синих галифе с красной полоской и нижней светлой рубашке с наганом в руке. Его лицо выражало решительность и в то же время какую-то растерянность.

— Не двигаться! Стоять на месте! — громко прокричал он держащему дверь Шурке. — Стрелять буду!

Шурка затих, а свинья продолжала резко визжать, будто ее резали: видимо, прыгун сломал ей хребет, приземлившись на нее. Открыв замок, хозяин резко распахнул дверь, отскочил от нее и скомандовал на всякий случай:

— А ну, брось нож и руки вверх! Выходи, бандит! Я — милиционер!

Тут все и грохнуло со смеху. Шурка вылез из сарая весь испачканный в пороссячем дерьме и, тараща и без того большие глаза, с поднятыми вверх руками стал что-то сбивчиво объяснять милиционеру. Но мужчина, не слушая, не отпуская нагана, приказал ему закрыть дверь, бросив ему замок, чтоб свинья не убежала, и проследовать с ним в управление НКВД, где тот работал.

Во дворе милиционер надел гимнастерку с погонами подполковника, опоясался широким ремнем, вынесенным из дома дочерью, и хотел уже было пойти с арестованным в управление, как увидел мужчину, входящего во двор из-под арочных ворот, громко восклицавшего:

— Поймали голубчика! Наконец-то! Жаль, рыжий убежал, сообщник его, сущий дьявол, — сказал он милиционеру, приблизившись к нему. — Ну ладно, тот хоть подросток, а этот настоящий олух царя небесного, здоровый и не на фронте! Он мне своими сапожищами всю крышу гаража помял! Как не сломал только!

— А у меня проломил крышу сарая, — с возмущением проговорил милиционер. — Хотели, наверное, через верх свинью украсть. Хорошо, что она завизжала! Почувствовала, наверное, нож.

— Да неужто такое они могли сотворить? Что-то не верится, — засомневался начальник. — Я думал, они просто хулиганы. Нет, здесь что-то не то! Но все равно, если понадобится их наказать, я могу быть свидетелем.

К вечеру, узнав от матери Шурки, что предшествовало этому хулиганству и о его болезни, слабоумии, следователь НКВД отпустил его домой, не заведя даже «дела». Шурка после «концерта» не выходил на улицу несколько дней. А Толька как ни в чем не бывало появился во дворе на другой день.

Озорник, хвастаясь перед мальчишками, довольно улыбаясь, весело сказал:

— Говорил я вам, что наведу здесь порошу на всю округу — и пожалуйста! Надеюсь, что это у меня получилось! Не так ли?

— Получилось. Даже очень, — за всех ответил Юрка. А сам подумал: «Не надо бы этого было делать с Шуркой. И без него можно было обойтись». Юрка даже об этом хотел сказать Тольке. Но ему помешал откуда-то взявшийся здесь Колька Егоров, ввязавшийся в разговор пацанят.

— Ну, рыжий, и дал ты вчера прикурить! Никакого кина не надо! Я все видел сначала из окна, а потом во дворе! — проговорил он с восхищением. — Еще будешь показывать цирковые номера, не забудь сказать! Придем все смотреть тебя!

— А зачем? — спросил Толька. — Кому надо — и одного представления хватило, — посмотрел он на ребят, — чтоб не позабыли. Закончится война — уеду я домой, а тут они меня, да и не только они, долго еще будут помнить.

* * *

Шестнадцатилетний Мазунка, давно надоевший своими просьбами в военкомате об отправке его на фронт добровольцем, сосед по коридору Юрки Кардина, иногда вечерами приходил к нему, чтоб поделиться новостями о военных действиях доблестной Красной Армии и о том, что и он бы очень хотел поучаствовать в разгроме фашистов, иначе обидно, без него она закончится, поиграть в шахматы или просто, пока он делает уроки, посидеть с толковым пацаном, испытанным уже, как ему казалось, и огонь, и воду, и медные трубы. Мазунка был спокойным, застенчивым, малоразговорчивым юношей, говорил только о серьезном, избегая пустой болтовни. Высокий, статный, с необыкновенно привлекательными, опушенными густыми ресницами глазами как смоль и такими же длинными волосами на голове, как у Маугли, с обозначившимися над верхней пухловатой губой усиками под умеренно тонко-

ватым прямым носом Мазунка был красавцем, не дающим покоя девушкам, вздыхающим по нему, это было заметно многим. Но он не обращал внимания ни на одну из них ни во дворе, ни на работе. Он работал в Таткнигоиздате на улице Баумана, откуда приносил Юрке чистые блокнотики. Мазунке казалось, что если он подружится с кем-то из девушек — значит, не поучаствует на войне, из-за которой он и годы себе прибавлял, и силу «накачивал», работая грузчиком. Однако упрямый военком все это игнорировал и твердил свое: «Рано. Рано тебе еще воевать. Погоди немного...»

Похоронив родителей, умерших от туберкулеза, Мазунка и его старшая сестра Мимира, такая же красивая и скромная девушка, невеста Абдуллы с улицы Пушкина, воюющего на фронте, остались жить вдвоем в самой большой квартире дома с широкой и длинной террасой, протянувшейся с одной стороны до улицы, а с другой — до крайнего окна второй комнаты. Юрка бывал у них несколько раз, еще до войны, когда его отец дружил с Ахмет абый, отцом Мазунки и Мимиры, а его мать заходила к их маме, Фатима апе, по делам или просто в гости. Юрке интересно было смотреть с террасы на улицу, где ходили мимо домов люди по тротуарам, а по дороге ездили возницы на лошадях и шоферы на машинах, недавно появившихся в городе, в праздничные дни шли нескончаемой вереницей стройные, красочные колонны демонстрантов с гармошками и оркестрами.

За смиренный нрав и интеллигентность парни Мазункиного возраста не всегда приглашали его в свою бойкую компанию. Да он и сам старался держаться от них подальше, зная о их пристрастии к мелким кражам. Только же, наоборот, не раз они пытались вовлечь в свой круг. Но тот предпочитал водиться с пацанами младше себя. Накануне, договорившись с Юркой и пацанами с обоих дружественных домов съездить на «кладбище» немецких танков за «трофеями», Толька не возражал против Мазунки, пожелавшего с ними побывать там, хотя тот и прозвал его во дворе Рыжим Шайтаном. Толька быстро привык к своим прозвищам и не обижался, когда его в порыве гнева ругали и окликали взрослые, сердито обзывая: «Рыжий черт! Рыжий бес! Рыжий дьявол!..» Своими хулиганскими выходками он будоражил не только жителей своего двора, но и соседних: привязывал с одного конца к длинной нитке свинцовую шпильку наподобие маятника, цепляя ее к головке булавы, крепил острием к раме окна какой-нибудь квартиры и, спрятавшись с соучастниками-озорниками за дверь сарая или бревна, издали дергал за другой конец нитку, создавая непрерывный стук. Хозяева и в окна смотрели, и выходили на улицу — стук прекращался. Но стоило им уйти, как он повторялся вновь, пока не обнаруживалась шпилька с булавкой и ниткой. Или, найдя у мусорки выброшенный старый матрац, мальчишки, по совету Тольки,

выдирали из него металлические пружины и, привязав их крепко к ботинкам, накрывшись белыми простынями с головой, неожиданно выскакивали из ворот на улицу или из-за угла на темный двор, прыгая и пугая прохожих чуть ли не до полусмерти, пока все это не пресек новый участковый. Старый, вероятно, уехал на фронт, как и обещал, или его перевели на другое место работы. Мальчишкам об этом было неизвестно.

Рано утром в воскресенье «охотники за трофеями», как называли их Толька, были у кладбища только что, ночью сваленных с товарных вагонов танков, самоходок и бронетранспортеров. Юрка, побывавший с мальчишками здесь еще в прошлом году, удивленно заметил:

— Пацаны, смотрите, колючей проволокой огородили свалку! В прошлое лето ее не было. Как пройдемся туда?

— Да, обидно, столько ехали и ни с чем возвратимся обратно, — сказал Борька.

— Наверное, Борька, это после того случая, когда тебе лицо опалило порохом, — напомнил Чулпан. — Менты приказали загородить свалку.

— Не паникуйте, пацаны, — уверенно сказал бывалый Толька. — Сейчас что-нибудь придумаем. Ищите железки, палки, доски. Оттопырим ими «колючку» — и лезь не хочу.

Мазунка притащил тяжелый трак от гусеницы немецкой самоходки, а Генка нашел полуметровую крепкую часть бревна, отпиленную от стойки забора, когда его ставили и, возможно, выравнивали. Остальные подручные средства, принесенные мальчишками, негодились: были слабы или мелки. Между стойками, в середине, Толька и Мазунка оттянули проволоочные заграждения траком и бревнышком, и по одному, стараясь не цепляться за колючки, все пролезли на запретную территорию.

— Пацаны, — обратился Толька к мальчишкам, — будем действовать тихо и осторожно, возможно, встретятся мины. Незнакомые предметы не трогать и не поднимать. Часовые, если их и здесь понаставили, пока еще спят, так мне кажется, — говорил он, уже двигаясь к немецкой устрашающей технике. — Нам повезло: танки и самоходки с остатками копоты, а значит, по ним мало кто лазил, — заметил он. — Пока их не отправили на переплавку, надо быстро и тщательно обшарить все отсеки, уголки и днища, может, что стоящее найдем. На все про все отведем часа два, — посмотрел он на Мазунку. Тот согласно кивнул головой, а Толька продолжил: — Если солнце не закроют тучи, то оно будет висеть, примерно часа через два, у красной башни, — показал он на нее. — В случае чего я по своим часам, немецким штамповкам, — посмотрев на них, сказал он с гордостью, — свистну вам. Соберемся здесь и уйдем через лаз обратно. Всем понятно? — спросил он.

— Всем, — ответили мальчишки, торопясь к танкам.

Молчаливый Мазунка выбрал громадную самоходку с рисунком черной пантеры на толстой броне, пробитую снарядом, залез в нее и стал изучать механизмы: рычажки с дисками, для наведения тяжелого орудия на цель, рычаги управления, кнопки и приборы на щитке. Остальные, переходя от танков к самоходкам или бронетранспортерам, искали в них нестреляные патроны, ракеты, другие понравившиеся им штучки, которыми можно было бы воспользоваться при игре в войну. В то же время каждый из них, втайне друг от друга, мечтал найти здесь что-нибудь настоящее, боевое: пистолет или, на крайний случай, птлык от винтовки. Ведь эшелон сгрузили ночью, никто до них еще тут не побывал.

И действительно, некоторым сегодня повезло. Наиль узрел в бронетранспортере карабин с кинжальным птлыком, когда разгреб руками кучу использованных гильз из-под патронов. Борька нашел в башне «тигра» ракетницу с запасом ракет. Юрка в горелой сумке от противогаза, лежащей под сиденьем механика-водителя, обнаружил пистолет «Вальтер» и коробочку патронов к нему. Другие тоже не остались внакладе: у всех были в сумках боевые патроны. Лишь у Мазунки не было ничего: он продолжал изучать «пантеру». Недаром, видать, он говорил Юрке, что если попадет на фронт, то будет танкистом.

Вскоре по свистку все собрались около Толи, хвастаясь найденными трофеями. Мазунка тоже вылез из самоходки и, увидев у мальчишек находки, дал дельный совет:

— Сегодня воскресенье, многие не работают. Через весь город нести или везти на трамвае опасно, арестуют. Все найденное где-то надо спрятать, лучше за территорией свалки, а ночью прийти.

— Это точно, — поддержал его Толька.

Когда мальчишки птлыком от карабина выкопали неглубокую яму и уложили туда трофеи, прикрыв их землей, камнями, шлаком и другим мусором, Мазунка сказал:

— Вы, ребята, едьте домой, наверное, проголодались. А я еще останусь тут. Мне надо.

Мальчишек, конечно же, заинтересовало, что ему здесь надо. Посыпались вопросы:

— Мазунка, ты скажи нам, что тебе надо? Может, тебе надо будет помочь? А может, ты пушку отсюда хочешь украсть? — пошутил кто-то.

— Наскажете тоже. Я в дуле орудия обнаружил снаряд с неразорвавшимся капсюлем, — сознался Мазунка, опарашив и одновременно обрадовав ребят. — Открыл замок пушки, а он оттуда чуть не вывалился. Видно, им не успели выстрелить. Вот я все и ждал, когда вы соберетесь домой, а я останусь и попробую бабахнуть по чему-нибудь. А потом сразу убегу отсюда. Интересно все-таки, выстрелит орудие или нет. Все равно пока, кроме нас, тут

никого нет, — говорил он впервые отрывисто и многословно. — Я туда, а вы больше не ходите. Опасно.

Но разве любопытных мальчишек остановишь? Они потянулись за ним, едва Мазунка скрылся в самоходке. Первым залез в самоходку за Мазункой Толька. Разве мог отстать от будущего танкиста бывший партизан? За ним — Юрка, а затем, кто посмелее, и другие. По просьбе мальчишек Мазунка открыл замок пушки, и они увидели в канале ствола заднюю часть снаряда с нетронутым капсюлем.

— Поглядели, а теперь — все вниз, и ложись на землю: все равно грязные. Но лучше уйдите за ограду, там безопаснее, — приказал Мазунка по-командирски. — Убежать оттуда можно будет быстрее, если орудие выстрелит, — пояснил он, сдерживая нетерпеливую дрожь.

Толька последним спрыгнул с самоходки и залег около нее. Остальные, поглядев на него, тоже вернулись и распластались рядом, наблюдая за движущейся в сторону и вверх грозной пушкой с набалдашником на конце ствола. Наконец она остановилась, и все поняли: нацелена она на высокую прямоугольную вышку из красного кирпича. Грозовые сентябрьские тучи заслонили солнце. На улице потемнело. Вот-вот раздастся гром и дождь польет крупными каплями. Мальчишкам стало зябко от дуновения осеннего ветра, несущего низкие свинцовые тучи, на душе помрачнело.

Из самоходки наконец-то послышался резкий щелчок, другой, третий, а затем, когда мальчишки, разочаровавшись, начали вставать, раздался такой адский гром и вой с прокатившимся эхом, что они от испуга, упав на землю, ошалело вытаращив глаза и открыв от удивления рты, увидели поднимающуюся, будто нехотя, половину башни на воздух. А потом медленным большим букетом разлетающиеся в стороны кирпичи с красной пылью и черным дымом. Когда все это попадало на землю и рассеялся дым, мальчишки еще долго продолжали лежать.

Оглушенный Мазунка выполз наполовину из дверки самоходки с помертвевшим бледным лицом и, бессмысленно улыбаясь обескровленными губами, с трудом вымолвил:

— Бегите, догоню!

Из носа и, как показалось мальчишкам, ушей у него текла кровь.

— Ты что, Мазунка, разве мы тебя бросим! — с возмущением выкрикнул Толька, поднялся с земли и бросился к нему, чтоб помочь слезть вниз. Остальные тоже не остались в стороне. А кто-то сунул Мазунке в руку платок, чтоб остановить кровь. И вдруг мальчишки услышали грозное приказание:

— Стоять всем на месте! Не двигаться!

Это военизированная охрана из двух мужчин и женщины незаметно и быстро окружила их, держа винтовки на изготовку. Уви-

дев, что перед ними мальчишки, они, громко ругаясь, обыскали их и сопроводили в вагончик для охраны. Кто-то из них сообщил о ЧП в милицию.

В милиции, не добившись никаких признаний, тянувших на серьезное наказание, мальчишек, кроме Мазунки, к вечеру отпустили домой. Но пообещали сообщить им в школу и на работу родителям. Взяли с них и письменное обещание на свалке танков больше никогда не появляться. А также всех «охотников за трофеями» поставили на учет, Юрку — во второй раз.

Через неделю Мазунка появился у соседа. Он рассказал Юрке, что из милиции его увезли в военный госпиталь у трампарка. Пока Мазунку лечили от небольшой контузии, следователь узнал о его просьбе к военкому об отправке на фронт. Он же сообщил ему: «Хорошо, что на выпке, бывшей водокачке, не было часового, а то бы загремел ты в колонию». А в военкомате сказали: «Раз умеешь стрелять, жди повестку: поедешь на фронт».

Прости, сынок

В начале октября мать разбудила Юру и, заплакав горькими слезами, сообщила неприятную новость:

— Сынок, вставай! Меня сегодня судить будут. Наверное, посадят, — продолжая плакать, сказала она виноватым и тревожным голосом. — Ты в школу не ходи, пойдешь со мной. Помойся быстро, оденься и поешь, — говорила она тихо, словно боясь, что кто-то ее услышит.

— Ты что говоришь, мама?! За что судить? Что ты наделала? — быстро пришедший в себя после крепкого сна испуганно задавал ей вопросы Юрка. — Может, ты ни в чем не виновата? Не плачь, мама!

— Посчитали, что виновата. Я колхозной картошки накопила в Царицыно. Два пуда, — добавила она. — Меня и поймали, — рассказала она. — Мы с тобой ходили туда в прошлом году на мельницу, зерно молоть, которое я тогда насобираала в грузовом трамвае, — зачем-то вспомнила она. — Ты уж прости меня, — заплакала она еще сильнее. — Тебе, наверное, снова придется остаться одному и пожить без меня, пока я буду в тюрьме.

Сам не ожидая того, Юрка тоже заплакал и, одеваясь, старался успокоить мать:

— А может, тебя и не посадят, мама. Конечно не посадят. А то как же я один-то? Может, пожалеют? Ведь у нас тоже картошку с огорода украли.

До суда они шли молча, каждый думая о своем. Мать: «Как будет жить без меня сын-то? Не свяжется ли снова со шпаной? Пропадет ведь без меня окончательно. О господи, спаси...» Сын:

«Как мне жить без мамы? Неужели меня снова ждут тревоги и неожиданности? При маме мне всегда жилось легко и спокойно. Она всегда старалась подзаработать лишнюю копейку или, кроме карточного пайка, добыть еще что-то из еды... Воровать мне давно неохота... А не то снова детприемник с его противным запахом карболки или, еще хуже, колония... А на воле так хорошо...»

Суд располагался на улице Пушкина, напротив кинотеатра «Вузовец», около которого проходил трамвай второго номера, поворачивающий на Кольцо. Юрка много раз бывал здесь, но не знал, что рядом с ними находится суд. «Ненавистный суд, от него хорошего не жди...» — подумал он, прочитав вывеску на доме.

— Юра, вот мы и пришли. Я была уже здесь, — тяжело вздохнув, сообщила мать сыну и, прежде чем открыть дверь, вдруг неожиданно воскликнула: — Господи, что я наделала?

Помещение, куда вошли они, напоминало небольшой кинозал с рядами стульев и сценой, но без экрана. На сцене возвышался массивный стол, накрытый темно-зеленым материалом, за ним три одинаковых громоздких с необычайно высокими спинками стула с гербами. В стороне от сцены, у окна, сидела молодая женщина-секретарь за канцелярским столом с пишущей машинкой и перебирала какие-то бумаги в папке. Мать подошла к ней и подала повестку, а Юра остался стоять у входа в зал, продолжая его осмотр. Оттуда он видел деревянный барьер у стены, за которым сидел обросший мужчина, а по краям барьера стояли два милиционера. В зале тоже находились люди: мужчины и женщины, они сидели, как в кино, по рядам, настороженно разговаривая. Когда секретарь ушла в комнату, расположенную за барьером, мать махнула Юрке рукой, подзывая к себе, и села на стул свободного первого ряда. Ему же велела занять место за собой, во втором ряду.

Не прошло и двух минут, как из двери вышла секретарь и, подойдя к своему столу, коротко объявила:

— Встать! Суд идет!

Вместе со всеми встал и Юра. Открылась снова дверь, и оттуда вышли старый с бородкой на худощавом лице мужчина в очках, за ним высокая полная серьезная, судя по глазам, женщина с папками в руке и еще молодая женщина, совсем не похожая на судью: в простеньком платье и вязаной, как у Юркиной матери, кофте.

По строго спитому костюму стального цвета, плотно облегающему фигуру высокой женщины, Юрка догадался, что она и есть самая главная в суде, а мужчина интеллигентного вида в тщательно отглаженном стареньком костюме и галстук в горошек, наверное, ее помощник. Так все и вышло. Молодая женщина и старый мужчина с бородкой оказались всего лишь народными заседателями.

«Лучше бы судьей был старичок, — подумал Юрка. — По ви-

ду он добрый, как дядя Миша, наш учитель столярного дела... А может, молодая женщина еще добрее его. Хоть бы они помогли моей маме и подсказали судье, чтоб ее не сажали в тюрьму. Там, наверное, еще хуже, чем в колонии... Плохо, что судья чем-то похожа на бабу, которая избивала меня за огурец на базаре, — вспомнил он и торговку. — Нет, она не пощадит маму», — решил он и с ненавистью посмотрел на судью, которая, о чем-то посоветовавшись с заседателями, начала судебный процесс.

— Подсудимая Кардина Варвара Лукинична, — посмотрела судья в раскрытую папку, — встаньте и расскажите подробно суду, как вы воровали колхозный картофель, — обвинительным тоном задала она первый вопрос, вперив в обвиняемую сердитые немигающие серые глаза.

— Не воровала я, товарищ судья. Я перекапывала землю на убранном поле, в поисках оставшейся картошки, — стыдливо ответила обвиняемая.

— Откуда вам стало известно, что поле было убранным? — последовал новый вопрос. — По приметам или еще чему-то?

— По приметам. Я ж сначала осмотрела поле и увидела повсюду вырванную ботву от картошки. И земля была вскопана, — добавила обвиняемая.

— У вас бригадир отобрал два пуда хорошего картофеля, когда вы его уже приготовились нести. Неужели вы его накопили на убранном поле? И сколько времени вам для этого понадобилось? — последовали другие вопросы.

— На убранном. Наверху даже мелочи не было. А накопила я картошку часа за три, может, и больше, — волнуясь, чуть не плача, ответила Кардина. — Я...

— Достаточно, сядьте пока, — остановила ее судья и обратилась к мужчине, сидевшему на первом ряду с другого края.

— Кузьмин Пантелей Николаевич, встаньте и ответьте на вопросы! Как вы обнаружили расхитительницу колхозного добра? И видели ли вы ее раньше на колхозном поле?

— Ну, значит, еду я на подводе из города, курю спокойно. И вдруг вижу, — посмотрел он на обвиняемую равнодушным взглядом, — поднимает она мешок с картошкой: уже наворовала. О чем я сообщил вам в своем донесении, — посмотрев на судью, заискивающе сказал он, поправляя под солдатским ремнем гимнастерку. — Я остановил лошадь и арестовал ее. Раньше я эту воровку не видел никогда, а то бы давно поймал. У меня зря ничего не пропадет.

— Так, хорошо, — сказала судья. — Обвиняемая вам какое-нибудь сопротивление оказала? — с заинтересованностью спросила она.

— Ну да, еще чего не хватало! Что я, не мужчина? — гордо ответил бригадир.

— Конечно, мужчина, — тут вступил в разговор старичок заседатель, когда на него вопросительно посмотрела судья. — Вон вы какой здоровый! — с иронией сказал он. — Вам бы не с бабами воевать, а с врагами на фронте, — заметил спокойно он бригадиру, поживившемуся от пристального взгляда и слов заседателя.

— Скажите, Кузьмин, вы на том поле действительно закончили уборку картофеля? — снова задала вопрос судья. — Говорите только правду, мы все равно узнаем, — сказала она строже.

Бригадир, немного поколебавшись, опустил волосатую голову и ответил:

— Да, вообще-то убрали...

В зале, после небольшого шумка, наступила абсолютная тишина.

— Так что ж вы ее, картошечку, так плохо убирали, Кузьмин? Оставили мышам на прокорм? — как можно строже спросила его и молодая заседательница.

— Ну что вы, — снова потупился бригадир. — Просто поторопились наши бабы, вот и оставили чуток.

— Как же чуток, если Кардина за три часа накопила два пуда картошечки, такой дорогой на рынке? — еще строже спросила заседатель. — Вы, как бригадир, не проверяете, что ли, работу подчиненной вам бригады?

— Как же, проверяю, — ответил бригадир. — Но разве все поле проверишь, оно большое.

— Присядьте пока, Кузьмин, — предложила ему судья и стала о чем-то тихо совещаться с заседателями.

Из-за поднявшегося взволнованного разговора находящихся в зале не было слышно, о чем говорили за столом. Через минуты три судья, посмотрев многозначительным взглядом на присутствующих в зале зрителей, громко сказала:

— Суд продолжается! Кардина, встаньте! — приказала она строгим голосом и спросила ее: — Вы знаете, что полагается в военное время за кражу колхозного и государственного имущества?

— Знаю, тюрьма, — тихо ответила она и, заплакав, стала умолять: — Прошу простить меня, товарищи судьи! Больше такого не будет. Ради сына прошу, — обернулась она к нему, заплакавшему тоже. — Пропадет он без меня!

В зале завздохали, зашумели, взволнованно заговорили. Но судья быстро восстановила порядок, строго сказав:

— Если в зале не будет порядка, прикажу всех вывести отсюда. Кардина, присядьте пока, а вы, Кузьмин, встаньте! Вы почему не на фронте? — задала судья ему неожиданный, прямой, не относящийся к делу вопрос. — У вас что, имеется освобождение от воинской повинности?

— Да, имею документ о болезнях. Выдали в районном цент-

ре, — с чувством достоинства, как можно солиднее подчеркнул он последние слова.

— Удивительно, на вид здоровый и вдруг больной. Вам что, спиртное в лечении совсем не помогает? Когда вы подавали посылку секретарю, она чуть не задохнулась от паров вашего алкоголя, — с резкостью заметила судья и стала ждать ответа от совсем растерявшегося бригадира.

— Так я ж чуть-чуть принял на грудь, товарищ судья, чтоб не кашлять, — заискивающе оправдываясь, проговорил Кузьмин. — И дохтора разрешают чуть-чуть, — произнес он, как ему показалось, спасительную фразу.

— Вот вы здесь, в тылу, Кузьмин, командуете женщинами, пьете вино, а у Кардиной на фронте воюет дочь. Она летчик. А это больше мужская профессия, — заметила между прочим судья. — За неоднократные подвиги награждена орденами и медалями. Известно это нам из военкомата. Муж же Кардиной, проявив героизм, погиб в январе 1942 года, — заглянула она в папку. — Сейчас она одна воспитывает сына на свои рабочие крохи. Кстати, Варвара Лукинична является передовиком и пользуется уважением на своей работе, — коротко рассказала она о семье подсудимой то ли ему, то ли всем находящимся в зале. — Как вы смотрите на то, Кузьмин: наказывать ее тюремным сроком, как вы просили в заявлении, или оставить на свободе?

— Не знаю я этого, простите, — растерянно ответил Кузьмин.

В затихшем зале ждали, что еще скажет судья, какое она примет решение. И вот она, после небольшого раздумья, вновь обратилась к Кузьмину:

— А вот вас, бригадир, осудить бы не помешало за преступную халатную работу. В то время, когда многие люди живут впроголодь, вы оставляете в большом количестве государственное добро зарытым в земле. Об этом мы сообщим в ваш колхоз, руководству. И еще кое-куда, — пообещала она. — А вас заставим пройти медкомиссию в Казани, в республиканском центре. После суда останетесь здесь для выяснения кое-каких обстоятельств. Садитесь!

Заросший мужчина за барьером вскочил и, радостно улыбаясь, громко захлопал в ладоши. В зале дружно подхватили его аплодисменты, была нарушена напряженная тишина, пока ее вновь не восстановил один из милиционеров, после ухода судьи и заседателей в комнату за барьером. Он громко и грозно сказал:

— Прошу не нарушать дисциплину! Вы находитесь не в кино, а в суде!

После небольшого совещания, прошедшего за закрытой дверью, судья со своего места за столом огласила приговор-постановление, где были слова:

— «...Кардину Варвару Лукиничну признать невиновной и освободить...».

Судья Аверьянова, оказывается, жила недалеко от Юркиного дома, на улице Карла Маркса. Раньше, быть может, он и видел ее, но не обращал внимания: мало ли по его улице ходит людей. А после суда Юрка стал иногда встречать ее, здороваться с ней, всегда вежливо и с уважением. При этом он вспоминал, каким же был несправедливым дурачком, когда подумал о ней на суде как о нехорошем человеке.

Бригадир же, через три дня после суда, приезжал к ним с матерью во двор на конной грузовой подводе. Он с Толькой, несмотря на октябрьский холод, играл в шахматы на скамейке. Юрка сразу узнал его и хотел уже было нагрубить ему как следует или сделать еще хуже — взять камень... Но тот опередил его, спросив заискивающим тоном:

— Не сын ли ты Кардиной Варвары? Виноват я перед ней.

— Ну, сын. Чего тебе надо? — спросил Юрка.

— Картошки вам привез со своего огорода, три мешка, — торопясь, сказал он. — Куда нести? Покажь!

— Пошли за мной, — удивился Юрка, позабыв о плохом намерении. И уже спокойнее, чуть ли не с пренебрежением, добавил: — На второй этаж неси, за мной!

Кузьмин взвалил мешок на здоровые плечи и, сказав Тольке: «Посмотри за остальными, чтоб не украли», пошел следом за Юркой. Когда он принес последний мешок с картофелем, свалив его у печки, то помолился на икону в углу и сказал виновато Юрке:

— Пусть, ради бога, простит меня твоя мать и зла не держит. Я завтра уезжаю на фронт.

Юрка ему ничего не сказал и он, бывший бригадир, не простившись, опустив низко голову, вымолвил на ходу: «Жаль, твоей мамы нет дома», как будто от нее зависело что-то.

Во дворе Толька спросил у товарища:

— Юрка, что за мужик к вам приезжал, такой щедрый? Какой-то дерганный, испуганный и пьяный. И почему ты его встретил неласково? Уж не родственник ли? — полюбопытствовал он.

— Да нет, не родственник, должник наш, — откуда-то Юрка нашел мужику название. — Пошли к нам, наварим картошки.

Тольке Юрка ничего не рассказал о матери и суде. Она наказала ему никогда никому об этом позоре не говорить. Да и Толька больше ни о чем не расспрашивал. Он был рад тому, что Юрка предложил ему наварить картошки полную кастрюлю и наестся досыта.

Зимний спорт — коньки и лыжи. Хорошие люди

Наступила зима с легким морозцем и снежком, сплошь покрывшим улицы, дворы, крыши домов и сараев. Через две недели мальчишки и девчонки, у кого были коньки и лыжи, после уроков стали гонять на них во дворах, на улицах, в садах и парках. Остальным же, не имеющим спортивного инвентаря, глядя на счастливицев, приходилось только завидовать: в магазинах они не продавались, так как заводы работали по военным заказам, а на базаре, даже старые, стоили дорого. Не каждый разрешал своим товарищам на них покататься. Например, у Кашина Олега были и коньки, и лыжи. Но он сам не научился на них кататься и другим не давал. И вообще он старался избегать компании Тольки, больше находясь дома, так как тот в первые же дни, еще летом, после приезда из Белоруссии, увидев его во дворе, весело подмигнув мальчишкам, залихватски пошутил:

— Ба! Кого я вижу! Рыжий! Еще один рыжий! — в удивлении вытаращив свои колючие зеленые, насмешливые глаза, Толька шагнул навстречу Олегу, раскинув руки, словно для объятий. — Иди, иди ко мне поближе, пополни команду рыжих! — уже громче прокричал он и, фиглярничая, быстро, не сбиваясь, продекламировал:

Сам я рыжий, рыжу взял,
Рыжий поп меня венчал!
Рыжи детки народились
И по свету пасть пустились!

Олег, конечно, был светлее Тольки, и веснушек у него было меньше, но все равно он обиделся. Злобно посмотрев на Тольку, он не сдвинулся с места, опарашенный наглостью нового жильца, который был рыжее его. А Олег очень болезненно относился к тому, когда кто-то напоминал ему, что он рыжий. Не выдержав общего смеха ребят после Толькиной скороговорки, Олег, прежде чем уйти, пообещал сквозь зубы:

— Вы еще попомните меня. Все. Погодите...

К вечеру, когда на улице всюю неистовствовала метель с колючим снегом, Толька пришел к Юрке поиграть в шахматы.

— Ты, как всегда, с книжкой. Что читаешь-то? — заинтересованно спросил он, взяв шахматы с подоконника.

— «Таинственный остров». Второй раз читаю. Фантазия что надо, — обрадовавшись приятелю, ответил Юрка, отложив книгу в сторону.

— Мировая книжица, что и говорить, — согласился Толька, расставляя фигуры на клетках. — Особенно капитан Немо. Ему принадлежали все мировые богатства морей и океанов, — с восхищением сказал он и двинул пешку с «e2» на «e4».

— А мне нравятся мистер Смит и его друзья, — ответил пепкой Юрка. — Благодаря знаниям инженера и трудолюбию его друзей, они не умерли с голоду. Не имея даже спичек, они сделали очень многое, чтоб жить хорошо. Я бы хотел быть таким, как инженер Смит Сайерс, но у меня с математикой неважно, — откровенно признался он. — Так что мне инженером никогда не быть.

— Кем же ты хочешь быть? — думая над следующим ходом, спросил Толька.

— Летчиком, — коротко ответил Юрка.

— Не получится, там тоже нужны знания...

Закончив короткую партию в несколько ходов, Толька-победитель, оживившись, неожиданно заговорил таинственно-доверительным тоном, видимо, снова задумав что-то:

— Юрка, многие катаются на коньках, привязав их веревками к валенкам. А мы, если захочешь, сможем кататься на коньках с ботинками. Ты вообще-то катался когда-нибудь на них? — спросил он заинтересованно.

— Катался, на «снегурочках», — ответил Юрка. — От сестры остались. Но теперь на них не покатаешься, малы стали, — с сожалением добавил он.

— На ботинках коньки?

— Нет, на валенках, как у всех.

— А я катался, пока не было войны, у нас, в Белоруссии, — сообщил Толя и неожиданно спросил: — А ты хотел бы занять настоящие спортивные коньки?

— Конечно, чего спрашивать! А где их взять? — спросил Юрка.

— Ты знаешь, дружище, я вчера обнаружил кое-что интересное в одном месте. Они лежат, а их никто не трогает, судя по пыли, — загадочно стал говорить Толька. — И знаешь где? — чуть ли не шепотом спросил он.

— Не знаю, — заволновавшись, ответил Юрка, чувствуя что-то нехорошее.

— Здесь, рядом, в техникумовском амбаре. Там на крыше появилась дыра, — заговорщицки сказал Толька. — Я слазил туда и обнаружил там целый склад коньков на ботинках и лыж с финскими креплениями, тоже с ботинками. Они гниют, а никто на них не катается, — снова пояснил он. — Я думаю, если забрать пар пять для нас и наших верных папанов, никто и не заметит. А весной их положим на место, когда начнется таяние.

— Если так-то, то ладно, — подумав, согласился Юрка. — Кого возьмем с собой? — спросил он у Тольки, наперед зная, кого он назовет. И не ошибся.

— Борьку и с банного двора Чулпанку с Ильдуской. Они не подведут.

Когда стемнело и закончились занятия в техникуме, мальчишки, стараясь быть незамеченными, пробрались по заснеженным крышам сараев и сеновала Анны Герасимовны к амбару. Оглянувшись по сторонам, они влезли вслед за Толькой на его поверхность и по еле заметному следу оказались у лаза, прикрытого фанерой, на которой было меньше снега. Отодвинув ее в сторону, мальчишки увидели зияющую темнотой дыру.

— Кто полезет туда первым? — спросил Толька. Но все промолчали. — Ладно, я сам туда спущусь. Вы все равно не найдете в темноте то, что нам надо. А я заранее подготовил пары коньков, связав их шнурами.

Толька по веревке, привязанной к балке, спустился вниз. Быстро разыскав в потемках отложенные коньки, он привязал их к веревке и дернул ее два раза, тем самым дав понять Юрке, что можно приступить к подъему. Тот торопливо вытащил коньки, отвязал шнур от толстой веревки и снова опустил ее вниз. Толька быстро вылез из амбара и радостно прошептал:

— И всего-то ушло на это минуты три-четыре, а вы боялись.

Но мальчишкам они показались очень долгими: Чулпан, Ильдус и Борька впервые участвовали в краже. Закрыв снова фанерой и двумя дощечками лаз, они набросали на них снег и осторожно, крадучись, спустились с крыши. Только внизу они легко вздохнули, а в Юркиной комнате припили окончательно в себя, нервная дрожь с них спала.

Толька, улыбнувшись, оскалив мелкие зубы, первым облегченно сказал:

— Вот и все, операция удалась. Я старался выбрать ботинки поменьше размером, по нашим ногам. Но если они будут великоваты, набьем в носки вату или тонкие тряпки. Юрка, у тебя найдется что-нибудь? — обратился он к нему, примеряя ботинок.

— Конечно, найдется, — повеселев, ответил Юрка. — Мать приносит лоскутки с работы. Ей дают их, наверное, чтоб она ими вытирала руки от мазута.

Каждый из участников «операции» выбрал ботинки с коньками почти по ноге и неуклюже, осторожно ступая, чтоб не испортить пол, походил по нему. Борька, снимая коньки, будто опомнившись, тревожно спросил:

— Не найдут ли нас по следам? Что тогда нам будет? Меня, например, отец сразу убьет. Мы ж на учете.

— Не найдут, не волнуйся, за ночь следы снегом заметет, — успокоил его Толька и посоветовал: — А коньки после катания можешь спрятать в сарае под каким-нибудь барахлом. Но если дрейфшишь, можешь их отдать кому-нибудь, например, Шурке.

— Ну да, я в такую выюгу лазил за ними, а кто-то будет кататься, — обиженным тоном сказал Борька. — Что будет, то будет, но я сам буду гонять на них по другим улицам.

— Будешь гонять, — с сомнением и иронией заметил Чулпан. — Ты сначала научись на них стоять как следует. Коньки-то какие-то необыкновенные, на ножи похожие, да еще на ботинках. Долго нам придется на них учиться, чтоб хорошо ездить. Как они называются хоть, Толя? — спросил он. — Ты знаешь?

— У них несколько названий: ножи, беговые, норвежки, — ответил Толя. — На них соревнуются на скорость конькобежцы-спортсмены. — Я на таких уже катался, когда меня брал с собой отец к родным в Минск до войны, конечно. Там я за два дня научился бегать на них.

Через несколько дней мальчишки стали уверенно гонять на коньках по улицам города. Потом, сделав из тонких, но крепких железных прутьев крюки, они наловчились цепляться ими за борта едущих грузовых машин, считая это наивысшим пиком. А затем, удивляя прохожих, они катились за грузовиком цепью или паровозом, ухватившись за крюки или руки друг друга.

Местным властям пришлось всерьез задуматься о городских катках, потому что на озорников, рискующих попасть под машину, не хватало милиционеров. Им приходилось работать малым составом без отдыха чуть ли не сутками: вылавливать расплодившихся за время войны преступников и спекулянтов.

Пока власти искали сподручные материалы для заливки хотя бы одного катка, мальчишки, осмелев, уже стали играть на своей улице, от машины до машины, в хоккей с мячом или банкой из-под консервов, сделав из крюков клюшки. Играло и каталось их теперь человек двадцать. Администрация техникума пока на них не жаловалась, видимо, там еще не хватились пропажи.

* * *

Освоив коньки, мальчишки вскоре перешли и к лыжному спорту. В зимние каникулы они гурьбой уходили на лыжах через площадь Свободы по ровным и гористым улицам, скатываясь с них, к реке Казанке. А по ней недалеко и до Парка культуры и отдыха имени Горького. Там они, демонстрируя храбрость друг перед другом, быстро научились кататься с высоких гор, прыгать с самодельных трамплинов, виртуозно лавировать меж высоких сосен и других деревьев.

— Пацаны! — как-то обратился Толька к товарищам. — Давайте прыгать вон с того трамплина на дальность, он хорошо утрамбован солдатами из «учебки», и деревьев на нем меньше! Я буду не в зачет, — предупредил он их заранее, чтоб не было спора.

Все тут же загорелись этой идеей и согласно подхватили:

— Давайте попрыгаем! Проверим смелость!

— Мы ж тоже будущие солдаты!

— Толька, ты и начни первым! Но, как и обещал, не в зачет!

— Твой прыжок будет для нас ориентиром!

Для Тольки не составило большого труда взобраться красивой елочкой на гору: он научился этому еще в белорусских лесах. Развернувшись на ровном месте, он посмотрел вниз, затем оттолкнулся палками от утрамбованной площадки и, полуприсев, покатился уверенно вниз. В конце трамплина, пружинисто оттолкнувшись, Толька птицей взвился вверх и, пролетев метров пять по воздуху, красиво приземлился.

На том месте, где Толька коснулся концами лыж пологого ската, Генка воткнул лыжные палки. И соревнования начались. Сначала мальчишки взобрались на высоту, кто елочкой, а кто и лесенкой. Посмотрели вниз и отметили про себя: высоковато, с такой горы еще не скатывались.

— Чулпан, кати первым! У тебя неплохо получается! — прокричал снизу Толька. — Попробуй меня перепрыгнуть! — подзадо-рился он его.

У Чулпана, самого ловкого и смелого прыгуна с трамплинов, конечно же после Тольки, сверкнули азартом черные глаза и он, оттолкнувшись палками раз и другой, уже на спуске, устремился вниз, напружинив колени. Конец трамплина, резкий, сильный толчок — и Чулпан летит дальше воткнутых по краям лыжных палок. Все было красиво, но жаль, при торможении он не удержался на ногах и свалился в снег.

Но Толька засчитал этот прыжок и поступил честно. Несмотря на крикливые возражения мальчишек, он без всяких разговоров перенес метку на то место, где Чулпан приземлился.

Юрка, прежде чем съехать с крутого спуска вниз, зачем-то подумал: «Тут риску не меньше, чем залезть в чужой карман. Запросто можно сломать шею... Но зато здесь лучше: ни перед кем не будешь виноватым...» И он, сосредоточившись, третьим с ветерком покатился с трамплина.

По накатанной лыжне покатались с горы друг за другом и остальные мальчишки. Кто-то упал при приземлении с трамплина, а кому-то повезло. Но достичь рекорда Чулпана в первый раз никому не удалось. Лишь Толька, прыгнув во второй раз, улетев метров на восемь, побил его рекорд метра на два. После этого прыжка, как ни стремились соревнующиеся, никто не смог перепрыгнуть то заманчивое расстояние при всем их старании. Но многие были близки к рекорду.

Когда мальчишки, накатавшись, собрались домой, раздосадованный неудачами в прыжках с трамплина Юрка неожиданно предложил:

— Пацаны, попробуем пробежаться наперегонки от Подлужки до «Коровьего» моста! Толька будет судьей. Он, конечно же, обгонит нас и будет ждать у финиша, определяя места.

Все мальчишки устали от бесчисленных лазаний на лыжах по горам елочкой и лесенкой, чтоб скатиться вниз по трамплину, но согласились с Юркиным предложением. Им все равно надо было возвращаться домой по тому же пути. И вот был дан старт. И все, позабыв о боли в ногах от напряженного катания, усталости, бросились за признанным вожаком, который, выбрасывая лыжные палки вперед и в стороны, отталкиваясь ими от спрессованного льда со снегом, помчался быстрее их по руслу замерзшей Канзанки.

«Здорово все-таки бежит на лыжах Толька: легко, уверенно и, кажется, без всякого усилия, — заметил Юрка, стараясь не отставать от него. — Попробую и я расслабиться и за счет сильных, коротких без задержек толчков палками бежать как он. Хорошо бы прибежать вслед за Толькой, — вдруг подумал он. — Иначе засмеют пацаны. Ведь гонки-то предложил я...»

Чулпан одного роста с Юркой, но коренастее, шел почти вровень с ним. Недалеко от них бежали друг за другом Генка, Ильдуска, Наилька и Борька. Ненамного отставали и другие участники соревнования.

«Хорошо, что я утром наелся досыта овсяной каши. Не зря же я ее ел. Прибавлю-ка скорость!» — заставил себя бежать быстрее Юрка.

Но прерывистое дыхание Чулпана, не хотевшего отставать, еще долго слышалось рядом. И все же Юрка оторвался от него на несколько метров. Однако и он, почти догнавший Тольку, постепенно стал сдавать, ощущая не только в ногах, но и во всем теле тяжесть. Да и дыхание его стало тоже прерывистым. А еще до моста надо бежать и бежать.

Обернувшись на какой-то миг назад, Юрка снова увидел недалеко от себя Чулпана, Генку и Борьку. По их усталым, но упорным движениям он понял, что надо вновь увеличить темп гонки, иначе догонят, а возможно, и перегонят. И тут он, вспомнив про боксера Кинга из рассказа Джека Лондона «Кусок мяса», почти его словами приказал себе: «Я должен эту дистанцию одолеть победителем! Я должен доказать себе, что не слабак!» Кингу не хватило куска мяса, чтоб победить Сэндли. Но там был бокс. А здесь — лыжи. И я кушать почти не хочу. Вперед, и только вперед, как можно быстрее!» — подстегнул он себя и, преодолев чуть не появившееся у него желание сойти с лыжни, прибавил скорость.

До моста оставалось метров двадцать. Около него стоял Толька. Он азартно кричал и подбадривал соревнующихся:

— Юрка, давай, давай поднажми еще чуток! Чулпанка, не отставай! Генка, еще чуть-чуть и будешь третьим!..

Но силы у мальчишек были уже не те. Почти шагом, на полусогнутых они достигли финиша: Юрка первым, Чулпан за ним, а Генка с Борькой третьими. Остальные тоже дошли до моста, пусть

и через разные промежутки времени. Но никто из них не сопел с лыжни и не пожаловался на усталость.

Вечером, уже в бане, растирая и массируя в жаркой парилке ноги, руки и другие части тела, мальчишки советовали друг другу, как лучше избавиться от боли в мышцах.

— Эх, веничка бы сейчас не помешало, — не без намека сказал Генка. — Чулпан, у тебя здесь мать работает, — напомнил он ему. — Не сходил бы ты к банщику? Может, он даст хоть один веничек на всех. Тем более что пропустил тебя без билета.

— Попробую схожу, может и даст, — с сомнением сказал Чулпан и добавил на всякий случай: — А может, и нет: не больно мать моя какой начальник. Она — уборщица. Юрка, пошли со мной! — позвал он товарища. — Вдвоем лучше будет уговорить старика.

Банщик, Нияз бабай, в белом халате, с коротко остриженными седыми волосами на круглой голове, оказался добрым стариком. Выслушав просьбу Чулпана, он, глядя на него смеющимися приветливыми глазами цвета чистой озерной голубой воды, мягко упрекнул его:

— Что же ты, улым, не попросил веника сразу? Я бы дал, раз любишь париться, — сказал он, открывая свой шкаф. — Ты Фаин сын, Чулпан. Я видел тебя с ней в канцелярии. Тебе какой веник, березовый или дубовый? — спросил он, роясь в большом шкафу.

— Не знаю. Я еще никогда не парился. Ребята попросили, — сказал Чулпан откровенно и рассказал: — Мы на лыжах сегодня катались в парке, а потом, пока друг друга ждали у Подлужки, намерзлись на холоде. Очень морозно было сегодня.

— Да, в этом году зима что надо: снежная и морозная, — согласился с ним Нияз бабай, отложив два веника на лавку. — Хватит или еще? — спросил он мальчишек, посмотрев на обоих, как на сыновей, ласковым взглядом и, добавив дубовый, протянул им три подержанных, но еще полных высохшими листьями веника. — Держите, я видел, вас много. Как раз хватит на всех, чтоб выгнать из ваших маленьких тел все холода и болезни. Сначала веники отпарьте в горячей воде, ополосните холодной, а потом идите уже в парную.

— Спасибо, дедушка! Рахмат, Нияз бабай! — поблагодарили его Чулпанка с Юркой, довольные щедрым подарком.

— Парьтесь, парьтесь на здоровье, — улыбнулся им дед. — И не жалейте их. Но не переусердствуйте, а то плохо будет.

Веники были встречены мальчишками радостными выкриками:

— Ура! Живем!

— Живы будем — не помрем!

— А напаримся — так снова оживем!

На пути в парную, прихватив тазы, придумывали они рифмо-

ванные строчки. А уже там, пропарив веники в горячей воде, ополоснув их под холодной струей из крана, мальчишки ринулись по ступенькам вверх, в самый парной жар. Облив из тазов холодной водой лавку и площадку из крепких досок, разместившись на них, они начали хлестать себя и друг друга по очереди жгучими вениками. Раскаленный воздух наверху то и дело заставлял их спускаться вниз, выбегать под холодный душ в моечную, охлаждаться и отдыхать на скамейках в предбаннике перед раздевалкой. Затем они мылись и снова парились, громко радуясь и крича, вызывая недожество взрослых, пожаловавшихся на них банщики.

Но Нияз бабай, не приняв сторону нервных жалобщиков, сказал им просто и спокойно:

— Зачем вы так сердитесь на них? Ведь радуются они хорошей бане, позабыв обо всем плохом. Давно ли вы слышали настоящий смех детей? А ведь их веселье говорит нам о том, что скоро войне конец. Они это чувствуют лучше нас, взрослых. Но если вы пожелаете, я выгоню их. Мальчишки уже давно моются, — поднялся он со скамейки.

— Не надо, бабай, пусть шумят. Играют они между собой, никого не задевают. А мы, вы верно заметили, совсем озверели, забыв про детский здоровый смех. От ваших справедливых слов и нам стало легче и веселее. Теперь мы поняли: чаще надо ходить сюда, чтоб отвлекаться здесь от работы и тяжелой жизни. Верно, товарищи? — обратился к ним вежливый, судя по разговору, интеллигентный человек.

— Это так, прости нас, бабай, — поддержал интеллигента молодой нервный худошавый мужчина с въевшимся в кисти рук машинным маслом.

* * *

Скоро и зиме конец. Отгоняя постепенно морозы, все чаще прилетали с юго-западным ветерком предвестники весны, оттепели. Но еще вполне можно было кататься на коньках, лыжах и санках, особенно вечерами. И ребята, пользуясь благоприятной погодой, дружно шли на лед, наконец-то залитого и замерзшего катка детского парка «Черное озеро». А в воскресенье в ранние часы любители лыжного спорта ходили кататься на Казанку, где лыжня уже в некоторых местах поистерлась до речного льда. Да и снег был утрамбован уже под лучами греющего солнца до такой степени, что придавал, особенно при спуске с гор парка, еще большую скорость, что очень нравилось истинным любителям быстрого катания.

Мальчишкам с двух дружественных дворов, договорившись еще накануне покататься на катке вечером, не повезло уже с утра.

— Послушай, Толька, что я тебе скажу, — встретил его взволнованным голосом на улице Юрка. — Закончилась у нас лафа: мы «погорели». — У Тольки сразу исчезла улыбка с лица, а Юрка продолжил: — Когда я вышел из ворот, чтоб пойти в школу, меня остановил завхоз техникума. Он, не ругаясь, спокойно сказал: «Если не хочешь неприятностей, скажи вашему рыжему разбойнику и всем остальным, что у меня завтра будет ревизия. Сегодня до пяти часов вечера чтоб были у меня на складе все коньки и лыжи. Иначе вас ждут большие неприятности. А я бы этого не хотел», — повторил он слова завхоза и спросил: — Что будем делать? Многие, наверное, уже ушли в школу.

Немного подумав, Толька сказал:

— Обождем тех, кто еще не ушел, а остальных встретим после уроков на улице. Сегодня тоже день обещает быть теплым. Так что в школу не пойдем и постараемся собрать до четырех часов все коньки и лыжи. А лучше скажем пацанам, чтоб к этому времени все подошли со своими трофеями к крыльцу техникума.

Без десяти минут четыре Толька с Юркой пошли к завхозу, чтоб доложить ему о готовности сдать требуемое имущество, добытое преступным путем, и заодно попросить у него прощение. Разыскав завхоза в канцелярии, они, чтоб разжалобить его, сказали виноватыми голосами:

— Простите нас, дядя Сапа. Мы все собрали. Куда нести, в амбар?

— Нет, голубчики. Так быстро не отделаетесь! Сначала идемте к директору, — со строгостью в голосе сказал завхоз. — Она хочет посмотреть на вас, зачинщиков, и решить, что делать с вами.

«Ну вот, теперь-то мне точно не избежать колонии, если директор сообщит в милицию. Туда у меня будет третий привод, — подумал, расстроившись, Юрка. — У Тольки пока будет второй...»

Директор встретила их неприветливо, сухо поздоровалась с ними и сразу же учинила разнос:

— Что же вы, как какая-то дикая орда, устраиваете набеги на территориальные владения техникума? Воруете из склада, проломив крышу, наши вещи? А ведь вы, наверное, пионеры? Что же прикажете мне делать с вами: жить в мире, как подобает добрым соседям, или сообщить о вас в органы правопорядка? Как вы считаете? — ни разу не моргнув, глядя через очки на мальчишек, задала она им сразу много вопросов.

— Жить в мире, — просяще сказал Юрка, ответив на один из вопросов.

— Мы все, до единой пары принесли обратно. И брали их только до весны, — оправдываясь, сказал и Толька.

— Неужели все до единой? Интересно, — задумалась директор, поправляя на высоком лбу прядь черных волос с проседью. —

Вот что, «джентльмены удачи», выйдите пока в коридор, а мы поговорим с Александром Марковичем, что с вами делать.

— Толька, а вдруг она сейчас вызовет милицию и нас заберут? — едва вышли они за дверь, с тревогой спросил Юрка. — Давай убежим, пока не поздно!

— Ты чего, куда убежим? — с беспокойством спросил и Толька. — Думаешь, нас из дома не возьмут? Еще как возьмут! Давай лучше обождем здесь. А то во дворе на нас посыплются со всех сторон жалобы, а это — хуже.

— Давай, — согласился Юрка, и они стали молча ждать решения администрации, каждый думая о своем. А думать было о чем: за обоими водилось немало грешков.

Наконец открылась дверь, и завхоз пригласил их в кабинет.

— Вот что, ребята, чтоб вас не томить, — начала говорить директор спокойным голосом, — хочу сообщить: коньки и лыжи списаны нами еще в прошлом году, вместе с ботинками, — добавила она, увидев испуганные лица мальчишек, пока не понимающих ее. — Их бы все равно попортили крысы и мыши, а вам онигодились. Может быть, благодаря этому вы не пополнили отряды беспризорников. Мы видели, как вы дружно занимались зимними видами спорта на пользу себе и государству. Я не оговариваюсь, государству нужны крепкие ребята, будущие солдаты — защитники Отечества нашего. Так вот, мы с Александром Марковичем решили: ввиду того, что со спортивным инвентарем сейчас трудно, оставить лыжи и коньки вам. Только больше не катайтесь на них по улицам, — заметила она, — опасно. А хороший спортивный инвентарь у нас хранится в более приспособленном помещении, — зачем-то пояснила она. — Подрастете, поступите к нам в техникум и будете ездить, как наши студенты, без всякой боязни. — Увидев успокоившиеся лица мальчишек, директор продолжила: — Мальчишки, больше в амбар и на него не лазьте: крышу портите. Правда, если захотите, то можете на него слазить в воскресенье, — противореча себе, вдруг сказала она. — Нужно скинуть снег с крыши. Не возражаете?

— Не возражаем! И крышу починим! — пообещал обрадованный Толька и посмотрел на Юрку в ожидании его подтверждения.

— Конечно починим и скинем весь снег! — с радостью согласился и Юрка. — Лопаты, гвозди и молотки найдем! Они, наверное, у всех имеются.

— Все это есть и у нас, — тут вступил в разговор Александр Маркович. — А ремонтировать крышу будет наш специалист Семен Григорьевич. Юра его знает, — сказал он директору. — Он раньше с его сыном, пока тот не пропал, водил дружбу. Так вот, голубчики, — обратился он к мальчишкам, — придете сюда в воскресенье к восьми утра вместе с вашей компанией. На амбар

взберетесь, как люди, по лесенке, а не как сизари по крышам ваших сараев и сеновалов. Ясно? — спросил он по-военному коротко.

— Ясно, дядя Сапа. Нам можно идти? — спросил Юрка, еще не веря в благополучный исход.

— Конечно идите. Уроков, наверное, вам много задали? — спросил он с хитрецей. — А может быть, вы сегодня в школу и не ходили? Смотрите мне, — сказал он строго.

— До свидания! — попрощались мальчишки, пряча радость, так и рвущуюся из них наружу.

— До свиданья! — попрощались с ними спокойно и взрослые.

Утомленные неизвестностью мальчишки терпеливо ждали Тольку и Юрку у крыльца техникума, изредка переговариваясь. Не слышно было среди них ни шуток, ни смеха. Они с тревогой ждали товарищей, волнуясь за них и за себя. Не исключали они и их ареста. Но вот показались наконец-то Толька с Юркой в дверях, и мальчишки, дав им спуститься по ступенькам, окружили их, задавая вопросы, тихие, беспокойные и тревожные.

— Вас что, отпустили?

— Сообщили в милицию или нет?

— Куда нести коньки и лыжи, чтоб не забрали?

— Что там решили?.. Вас отпустили насовсем или временно?..

Не ответив ни на один вопрос, Толька вдруг, скривив и без того кислую рожицу, с которой вышел из двери, очень жалобно проговорил:

— Кранты нам, пацаны. Скажите мамкам, пусть готовят сухари. На днях нас всех повезут в Сибирь, на лесоповал. Готовьте пилы, клинья и топоры. Так решили менты, которые были в кабинете директора.

— А как же лыжи и коньки? — спросил расстроенный Ильдуска. — Мы ж все их принесли обратно.

— Велели пока забрать с собой, а потом поедем с ними на Чуточку. Там будем кататься после работы на лыжах и на коньках и с гор, и на катке. Хоть круглый год, ведь там двенадцать месяцев зима, а остальное — лето.

— Ни фиги себе, — промямлил Борька. — Мы ж возвращаем им все в целости и сохранности. Зачем же им нас отправлять в Сибирь? — стал беспокойно рассуждать он. — Ты пошутил, наверное, над нами, Толька, — неожиданно нервно засмеялся он своей догадке. — Сознайся лучше, не держи нас за дураков!

И Толька с Юркой, заранее договорившиеся, пока шли к ним, об этой шутке, не выдержали и захохотали. Их хохот подхватили и остальные, предчувствуя нешлюхое известие. И оно не замедлило себя ждать.

— Пацаны, успокойтесь, — обратился к ним Толька. — Я вам сейчас сообщу такую новость, что вы не поверите сразу. Нам эти

лыжи и коньки разрешили оставить у себя навсегда. Они списаны. Так нам сказали директор и завхоз техникума. Юрка, подтверди, — обратился он к нему.

— Это точно. Они подарили нам коньки и лыжи вместе с ботинками навсегда. В благодарность за это и за то, что они не сообщили о нас в милицию, мы должны будем с крыши амбара скинуть снег и помочь дяде Семену залатать на ней дыры. Согласны? — обратился Юрка к товарищам.

— Конечно согласны! — ответили дружно все и радостно закричали: — Ура!!

В воскресенье мальчишки были во дворе техникума. Завхоз, раздав имеющиеся лопаты, стал объяснять им план работы:

— Вас много. Чтоб не мешать друг другу, скидывать снег с крыши будете по очереди: сначала одни, потом другие. Ни в коем случае к самому краю не подходить, а то можно и упасть. Убирая снег, будьте осторожны: доски в некоторых местах прогнили. Сейчас подойдет наш шофер Алексей, подгонит машину к амбару, и те, кто будет убирать снег сверху, постараются его скидывать прямо в кузов. Ну а что пролетит мимо, ребята снизу подберут и закинут наверх. Оставшиеся без лопат возьмут скребки и метлы в амбаре и там, где во дворе образовались от таяния снега наледи, поколют их и соберут в одну кучку. Ее тоже нужно будет увезти на свалку. Вопросы есть? — закончив говорить, спросил он ребят.

— Есть! А с крыши самого здания техникума можно скинуть снег? — спросил Генка.

— Ни в коем случае: высоко и опасно. Это сделают те, кто постарше вас, — категорическим отказом ответил завхоз и объяснил: — Мы бы и вас не привлекли к работе, если б не нужда. Сейчас у нас в основном учатся почти одни девчухи. Парнишек совсем мало. Сами понимаете почему: одни работают на производстве, другие — в колхозах, а третьи уже воюют.

После восьми пришел шофер Алексей, пухленький и розовенький. Он был не намного старше Тольки, а форсу напустил на себя как бывалый шоферюга. Вальяжно ступая, он подошел к полуторке, небрежно попинал сапогами скаты автомобиля и только после этого приблизился к папанам, глядевшим на него от зависти вытаращенными глазами. Не поздоровавшись ни с кем, он с насмешливой интонацией спросил их:

— Это что за пшана здесь собралась с утра пораньше? И не спится ей даже в выходной? — обвел он их чуть ли не презрительным взглядом. — Не успели ли вы чего-нибудь спереть с моей машины? — посмотрел он на старенькую, но чистенькую зеленую полуторку, которую, вероятно, любил, как себя.

— Слушай ты, фармазон, — откуда-то нашел слово Толька, — с утра здороваться надо, а потом курятник разевать! — вышел он

из толпы мальчишек. — А в отношении спереть, так это ты загнул: кому нужна такая рухлядь и все, что в ней. Чем много болтать, лучше быстрее залей воду в радиатор, прогрей мотор и подгони свою «коломбину» к амбару. А то пришел с опозданием, да еще шорох тут поднял на всю Европу, — дерзко заметил он позеленевшему от злости Алексею.

И быть бы драке, если бы не Александр Маркович. Он сердито сказал Алексею:

— Ты, Лешка, брось свои штучки. Это тебе не студенты. Они хоть и младше тебя, но спортивно развиты — в обиду себя не дадут. И, кстати, этот рыжий чертенок, Толька, много горя хлебнул в оккупации, участвовал с партизанами в боях против немцев. Так что злости у него и на тебя хватит, — предупредил он его. — О нем нам с Маргаритой Васильевной рассказали один сознательный пионер и еще кое-кто кое-где, — сказал он с загадкой. — Так что бери ведро и иди в котельную за теплой водой! Давно пора работать!

Алексей, быстро сделав свое дело, залез на крышу и стал помогать мальчишкам. Они подгребали к нему снег, а он, стоя на краю, скидывал его в кузов, стараясь не попасть на кабину. Вот и заполнена машина! Алексей обратился к завхозу:

— Александр Маркович, чтобы я быстрее обернулся, дайте мне кого-нибудь в помощники! Вдвоем мы скорее вывалим снег.

— Кто поедет с ним? — обратился завхоз к ребятам.

Каждому хотелось прокатиться на машине. Но Алексей выбрал Тольку. Он спросил его:

— Толька, поедешь со мной?

— Поехали, — просто ответил тот, как будто ничего и не было между ними. За городом Лешка дал Тольке порулить, и они окончательно помирились. От него Толька узнал о том, кто о воришках рассказал начальству. Оказывается, как обрисовал Лешка портрет сознательного пионера, это был Олег Капин, обещавший когда-то: «Вы еще попомните меня. Все. Погодите...» А вот о том, что Толька партизанил, Лешка узнал сегодня от завхоза. А тот, видимо, услышал об этом от кого-то из взрослых с их двора, а может, и еще откуда-то.

К обеду, когда с уборкой снега было покончено, на крышу амбара поднялся дядя Семен. Юрка помог ему поднять инструмент наверх, а другие — доски и куски фанеры. Началась другая работа. Под наблюдением мастера мальчишки пилили, строгали, подгоняли друг к другу светлые доски, а потом крепили их длинными гвоздями к балкам при помощи молотка и топорика. Довольные своей работой помощники, вбив последние гвозди в облицовочную фанеру, неожиданно услышали слова дяди Семена, расстроившие их:

— На время крышу залатали и ладно. Спасибо вам, ребята!

— Как на время? Мы так старались. Ведь вроде бы и вам понравилось, — заметили мальчишки.

— Летом будем перебирать всю крышу, а потом накроем ее железом. Директор Маргарита Васильевна выхлопотала его с завода. А новые балки и доски обещали привезти с васильевской лесопилки. Амбар-то совсем старым стал, пора его обновить как следует, — пояснил дядя Семен. — А то, что вы старались, это похвально. Любая работа, даже временная, всегда требует к себе уважительного отношения.

Когда стали расходиться по домам, Юрка, оставшись с дядей Семеном, спросил у него:

— Что слышно о Толе? Он не приходил домой?

— Ничего не слышно. Ни одной весточки нет от него, — сдерживая слезы, сказал с грустью дядя Семен. — Я и в милицию ходил, и по улицам искал, но... безрезультатно.

— Может, еще объявится, — с надеждой сказал Юрка.

— Не знаю, — тяжело вздохнул дядя Семен. — Дай-то бог... Я уж и пить бросил давно... А его все нет.

Весна! Победа! **Праздничная Казань. Салют**

Памятными для людей нашей страны и всего прогрессивного мира были исторические победы Красной Армии над фашистскими захватчиками под Москвой и Сталинградом. После них началась славная эпопея новых побед, пускай трудных, но очень весомых для разгрома немецких армий. 5 августа 1943 года по приказу Верховного Главнокомандующего И.Сталина был дан первый салют из 124 орудий 12 залпами в столице нашей Родины Москве в честь освобождения Орла и Белгорода. Но после взятия Харькова количество орудий, участвующих в салюте, увеличилось до 224 и произведено было из них уже по 20 залпов. Производились салюты, в зависимости от значимости одержанных побед, и из 324 орудий по 24 залпа. Например, после удачных операций против немецких войск и их изгнания из Киева, Одессы, Севастополя, Минска, Кипинева, Риги, Вильнюса, Таллина и других городов, а затем и за взятие европейских столиц — Бухареста, Будапешта, Варшавы, Вены, Праги, прусского Кенигсберга. С конца 1943 года по май 1945 года, после завершения победоносных событий, иные артиллерийские салюты производились в день по два и более раз. Как только Левитан своим торжественным неповторимым голосом начинал перечислять события с фронтов, называя имена командующих Жукова, Рокоссовского, Конева, Толбухина, Баграмяна, Малиновского и других военачальников, сразу всем становилось ясно: враг потерпел очередное поражение.

Сообщения Совинформбюро и артиллерийские салюты воспринимались людьми: взрослыми, подростками и детьми не только с энтузиазмом, но и с гордостью за Красную Армию, за свой многонациональный народ. Страна на освобожденных землях успешно решала энергетические и тепловые задачи, увеличивала объемы выпуска чугуна, проката стали, восстанавливала затошенные и взорванные шахты, поднимала из руин заводы, фабрики и мастерские МТС, засеивала земли, очистив их от снарядов, мин, фронтového хлама. Да разве все перечислишь, что было сделано умными головами и трудовыми руками нашего народа в те суровые годы, месяцы и дни?

В том памятном 1945 году вслед за весенним праздником солидарности всех трудящихся мира последовали еще два: падение Берлина — цитадели фашизма, еще недавно несущего угрозу всему человечеству, и наконец-то пришла она, долгожданная, выстраданная в боях и трудах Великая Победа!

— Победа! Победа! — проснулся Юрка от громкого, радостного крика Тольки, стучавшего кулаками в их крепкую дверь. — Юрка, просыпайся и быстрее вставай! К нам пришла победа! Победа пришла!..

Мать Юрки, проснувшись первой, открыла дверь и, еще не веря Толькиному сообщению, с сомнением спросила:

— Толя, какая победа? Ночь на дворе, времени третий час, а ты — победа. Опять чего-нибудь удумал?

— Правда, правда, тетя Варя! Победа! Мы — победили! Сейчас об этом говорит по радио Левитан! — говорил Толька громко и отчетливо, чтоб убедить ее и вышедших в коридор плачущих от радости соседок.

— Не верится, но это так: пришла она, долгожданная, — подтвердила тетя Мапа. — Без наших мужей, Варя, — заплакала она еще горше.

— Если сегодня будет салют — значит, и вправду пришла победа, — сказала с сомнением и Анна Герасимовна.

Толька, убедившись, что в коридор вышло много народа со второго этажа, прокричал:

— Тетя Варя, пусть Юрка одевается и выходит во двор! У нас, на третьем этаже, все уже давно проснулись! А я, пока он выходит, сбегаяю на первый и в подвальные квартиры! Там еще, наверное, о победе не знают, — сказал он и бросился по коридору к лестнице, чтоб постараться первым оповестить и остальных жителей дома о долгожданной радости.

Юра, помывшись и покусав капи, торопливо одевался, а мать, сев на табуретку, понуро опустила голову и о чем-то задумалась. Юра видел, что ее не совсем обрадовала эта столько лет ожидаемая новость: она тихо и скорбно плакала, видимо, вспомнив отца, пропавшего без вести, Зою, от которой давно не было письма, от

усталости, накопившейся за войну. Стараясь отвлечь мать от грустных дум, Юра спросил ее как можно бодрее:

— Мама, ты что, не рада победе? Ведь говорила: закончится война — жить будет легче.

— Конечно, рада, — чуть улыбнувшись уголками губ, сказала мать, чтоб не огорчать сына. — Война закончилась, может, объясится и отец. Он говорил, когда приезжал с фронта, что их посылают на какие-то задания в тыл врага, и письма оттуда не доходят. Война закончилась, и говорить сейчас об этом можно, — уже бодрее сказала она.

— Вот, оказывается, почему ты не рассказывала мне о папе ничего и никогда. Он что, шпионом был на войне? — с удивлением спросил Юра.

— Не знаю, сынок. Он говорил только, что их отряд воюет за линией фронта. Что немцам доставалось крепко от них и там. После его второго отъезда на фронт мы не получили от него ни одной весточки, кроме извещения. Где он, что с ним, не ведаю, — говорила мать будто сама с собой, не глядя на сына. — Но почему-то верю — жив он и скоро вернется, — еще спокойнее сказала она. — И Зоя, конечно, устала от войны. Приедет домой на отдых, а может, и насовсем. И опять мы будем все вместе, — мечтая о семейном счастье, сказала уже веселее она.

— Конечно, будем вместе, — подхватил обрадованно и Юрка. — Мама, можно я возьму еще кусочек хлеба? Я не наелся каши.

— Возьми, возьми, сынок! Утром еще получим. А мне перед работой хватит и той каши, что осталась. А может, на работе опять что-нибудь дадут, в честь Дня Победы. Как в прошлый раз, когда был взят Берлин, — напомнила мать.

— Хорошо бы! Как здорово нам пригодились тогда тушенка и сгущенка, — вспомнил и Юрка. — Я побежал, мама! Меня, наверное, уже ждут во дворе.

Но мальчишек пока во дворе не было. Почти во всех окнах дома горел свет. Шел мелкий весенний, теплый дождь. Мелькали соседки, бегающие друг к другу с этажа на этаж, делясь радостью. Глухо доносились речи и марши по радио. Но вот открылось тети Олино окно на третьем этаже, музыка заиграла громче, и Толька, высунувшись, крикнул:

— Юрка, иди к нам! Пока еще темно! Сыграем в пашки!

Юрка поднялся на третий этаж, дверь была открыта, как и у всех соседей в этот день. Он вошел в прихожую, служащую и кухней, где тетя Оля и тетя Ксения, несмотря на ранний час, готовили что-то в печи и на примусе, поздоровался, вошел в комнату и увидел Тольку с Шуркой, сидящих за столом. Перед ними были разложены пашки.

— Проходи, Юрка, к столу и садись, сыграем несколько пар-

тий. А ты пересядь на другой стул, — предложил Толька Шурке. — Пока пацаны спят, мы наиграемся, — сказал он Юрке.

Игра в пашки требовала вдумчивости. Но музыка и торжественные речи по радио не мешали им. Лишь Шурка, улыбаясь, радостно повторяя одно и то же, путал их мысли:

— Вот наступила победа! Как это хорошо! Теперь-то я женюсь! Обязательно женюсь! Вот наступила победа!..

— Да перестань ты талдычить одно и то же! Надоел уже всем со своей женитьбой! — остановил его сердито Толька. — Иди лучше на улицу! Может, поможешь там развешивать праздничные флаги и транспаранты, — уже мягче сказал он.

— А что, и пойду, все-таки большой праздник — Победа! Может, моя помощь на улице кому-то и пригодится, — смиренно сказал Шурка, уходя из комнаты.

Играя в пашки, мальчишки внимательно слушали радио. Передачи были одна интереснее другой. Сейчас передавали «Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту»:

«8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

...В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий...»

— Юрка, ура! Сегодня, ты слышал, будет салют из тысячи орудий! Вот это да! Вот это салют так салют! — обрадованно кричал Толька.

— Да, из тысячи орудий — это не хала-бала! — радостно подхватил и Юрка. — У нас в Казани тоже, наверное, будет салют, все-таки столица!

— Вы чего кричите с утра пораньше? — вбежали в комнату сестры. — Гитлера поймали или еще что?

— Пока нет. Но поймают. Салют сегодня будет из тысячи орудий! — с радостью сообщил им Толька. — Тридцатью артиллерийскими залпами!

— Ну что ж, такую победу нужно отметить как следует! Идемте-ка на кухню, позавтракаем! — предложила Толькина мать.

— Сегодня у нас какао и пирожки с капустой и яйцами! — добавила тетя Оля, улыбнувшись Юрке зелеными глазами.

После завтрака Толька предложил Юрке спуститься на второй этаж, к длинному переходу с большим окном и удобным широким невысоким подоконником, на котором иногда собирались мальчишки и девчонки поиграть в лото или карты, а помладше — в

дочки-матери. Там Толька вновь заговорил о победе, но уже как-то тише:

— Юрка, раз сегодня День Победы, неужели мы не отметим такой великий праздник? — спросил он, озорно улыбаясь. — Конечно, отметим: оружие у нас имеется. А что ты думаешь насчет этого? — спросил он.

— Вообще-то можно отметить, — с настороженностью ответил Юрка. — Но где? За Казанкой или в другом месте? — спросил он в свою очередь Тольку.

— На крыше гаража, после общего салюта, — смело ответил Толька. — Сразу никто и не поймет, подумают, что он продолжается.

— Я то согласен. А вот как пацаны? Согласятся ли они стрелять в самом центре города? — спросил Юрка.

— Посмотрим! Соберемся все и поговорим, — ответил Толька. — Говорить лучше всего будем вечером, перед салютом, чтоб кто-то не проговорился заранее или не пошел на попятную. Понял, Юрка? Пошли во двор, дождь кончился!

Мальчишки взобрались на крышу гаража. Оттуда хорошо было видно, как редкие тучи улетали вместе с легким ветерком на запад. А на востоке солнышка еще не было видно, но небосклон уже золотило оранжевым цветом. Далекие яркие звездочки, проглядывающие сквозь остатки белесой дымки на небе, сливаясь с его светом, постепенно гасли. Ранние птицы — стрижи и ласточки, радуясь тихому, ясному утру, попискивая, носились по прозрачному небу, играя друг с другом, инстинктивно хватая на лету появившихся мошек и комаров.

Вскоре, несмотря на раннее утро, почти все жильцы дома высыпали во двор, одетые в самое лучшее, что имелось у них. Они, поздравляя друг друга с победой, обнимались, смеялись, комментируя, слушали речи и музыку по радио, выставленному тетей Олей на подоконник открытого окна. Левитан говорил благодарные и хвалебные слова в адрес советских воинов, отстоявших не только родную державу, но и освободивших от фашистского гнета многие народы и страны, называл фамилии и имена героев-маршалов, офицеров, старшин, сержантов и простых, рядовых солдат, проявивших решительность и смелость в стратегических боях, приведших к Великой Победе. Наряду с живыми, вспоминал Левитан и о погибших в боях за честь и независимость Родины, за победу. В этот торжественный день передавались по радио и лучшие фронтовые и довоенные песни для всего нашего великого народа, народа победителя.

Постепенно во дворе стали собираться мальчишки. Первыми показались Гришка и Вадим. Толька с Юркой спустились с крыши к ним. Потом пришли с «банного» двора Чулпан, Наиль, Шурка, Генка, Ильдус, Вовка с братишкой Витькой, Колька и Женька. На-

конец вышли Борька, Сашка и Рафаэль. Пришли с дружественного проходного двора Вилька, Левка, Фарид и Славка. Все поздравляли друг друга с победой и усаживались на толстых длинных бревнах около Юркиного сарая. Иногда, переговариваясь между собой, они ждали слов Тольки, давно признанного вожака. Первыми его словами были:

— Ну что, пацаны, куда пойдем, что будем делать сегодня?

— Может, в парк смотаем? Вдруг там будут стрелять из ракетниц? Интересно! Посмотрим! — предложил Чулпан.

— Сегодня, наверное, повсюду будут салютовать. Надо везде побывать, — предложил и Генка.

— Конечно, везде, — подхватил и Юрка. — Надо побывать и на площади, и в парке, и на Баумана, и везде, где успеем. Интересно же!

— Мы тоже хотим с вами, — вдруг сказала Нина, посмотрев на подружек, давно вертевшихся около мальчишек. — Возьмете нас? — осмелев, глянула она на Юрку красивыми синими глазами.

Юрка почему-то покраснел, засмутился под ее вопрошающим взглядом и, стараясь быстрее избавиться от волнения, неожиданно нахлынувшего на него, сказал как можно грубее:

— Пожалуйста, куда мы пойдем, для всех места хватит. Только не будешь ли ты плакать, как когда-то на вокзале? Когда мы ходили смотреть поезда? — напомнил он. — Мы ведь сегодня будем ходить и ездить много и долго. Успеете ли вы за нами? Не пустите ли слезы, чтоб проводить вас до дома?

— Не пустим, не волнуйся. А плакала я, так когда это было. Мы, — посмотрела она на Раю, Машу, Назию и Галю, — теперь уже выросли. В случае чего сами дорогу домой найдем, — с уверенностью сказала Нина.

— Раз так, берем их с собой, — решительно сказал Толька. — Дорогу домой каждый знает. А вечером, перед салютом, если потеряемся, соберемся снова в нашем дворе в двадцать один ноль-ноль. Но только пацаны!

Двор опустел: взрослые, несмотря на объявленный выходной, хотя и была среда, ушли на работу, чтоб вместе с товарищами встретить Праздник Победы, молодежь — студенты и учащиеся старших классов, на улицы и парки потанцевать, мальчишки и девчонки — в людные места, где было интереснее. Лишь старики и старушки, сидящие на скамейке у дома, да дети, играющие в песочнице, продолжали слушать передачи по радио и разговаривать.

В этот солнечный день все центральные улицы, площадь Свободы, парки и сады, украшенные флагами и транспорантами, портретами вождей, представляли собою сплошные праздничные столпотворения. Вся Казань стала единой радостной, ликующей семьей. Еще бы! Разве усидишь дома в одиночку, когда на нашу землю

пришло великое счастье. Люди обнимались, целовались, пели и плясали под гармони и баяны, танцевали вальсы, танго и фокстроты под оркестры и репродукторы, которых оказалось в городе великое множество. Безудержный восторг, казалось, охватил весь народ: на руках качали летчиков, танкистов, пехотинцев, моряков, всех военных и даже молоденьких курсантов. То тут, то там, особенно в парке из-за деревьев и кустарников, слышались выстрелы и хлопки из ракетниц, посылающих в небо разноцветные яркие огни.

На улице Баумана, перед Домом печати, откуда после торжественных речей звучали прекрасные мелодии из репродукторов, тесно было от танцующих, в основном девичьих и женских пар. Мужчин на всех не хватало: еще не приехали они оттуда, где закончилась война. Но все равно всем было весело. Танцуя, все делились своим счастьем и радостью. Прослушав речи, громко и радостно кричали: «Ура! Слава Красной Армии! Слава Сталину! Да здравствуют Жуков, Конев, Рокоссовский!..»

Зазвучала снова музыка. Толька обнял за талию Машу правой рукой, левой взял ее руку, и повел ее в медленном танце танго. Смутившаяся от неожиданности Маша дернулась раза два, пытаясь освободиться из крепких объятий Тольки, а потом мило заулыбалась ему пухленькими губами. И Толька улыбался ей тоже, что-то озорно говоря.

Не выдержав, Нина взяла за руку Юрку, решительно положила ее себе на тонкую талию, обняла левой за плечо и, взяв свободной рукой его кисть, заставила танцевать сначала на месте, а потом и в кругу взрослых. Глядя на них, стали танцевать девчонки и мальчишки, подражая взрослым. Всем было хорошо.

Натанцевавшись, наслушавшись замечательных передач о победе и мире, проголодавшись, мальчишки и девчонки усталыми вернулись домой. Да и поспать не помешало бы тем, кто встал рано, хоть часика три, чтоб услышать главный салют из Москвы и продолжить праздник.

К девяти часам вечера, как и договаривались, стали собираться мальчишки у Юркиного сарая. Тех, у кого было оружие, Толька тихо спрашивал, в порядке ли оно. Первым заинтересовался Борька:

— Что-то ты, Толька, сегодня особенно интересуешься оружием. Для чего, скажи?

Толька не заставил себя долго ждать и, лукаво улыбнувшись, ответил:

— Сегодня попробуем вместе с общим салютом произвести несколько выстрелов и мы с крыши гаража. Вечером будет темно, залезем туда скрытно, нас никто и не заметит.

Соблазн пострелять у мальчишек появился давно, когда еще они ночью приволокли в мешке и сумках «трофеи» со свалки фа-

пистетской техники. Но, вспомнив Мазункин выстрел по башне, они так и не осуществили его. А теперь, в День Победы, как не воспользоваться этой возможностью.

— На крышу полезут те, кто не побоится стрелять, — прямолинейно сказал Толька. И тут же поправился, чтоб не обидеть остальных: — Это нужно для того, чтоб, в случае чего, не путаться друг у друга под ногами.

— А что, разве нельзя по очереди пострелять всем, кто захочет? — недовольно спросил Генка. — Раз ходили вместе за оружием, вместе нашли его и принесли, то и пострелять можно вместе.

— Хорошо! — быстро согласился Толька. — Что будем делать с ракетами из энкаведевского склада? Они по калибру не подошли к нашей ракетнице.

В конце февраля в свой оружейный арсенал мальчишки прибавили ящик с ракетами со склада НКВД. Склад располагался во дворе, между угловой аптекой и санчастью на улице Лобачевского, напротив «банного» дома. Охраняли его посменно старики. Однажды вечером, когда на улице был сильный буран, одни мальчишки, крича и стуча ногами в валенках, залезли на забор с заднего двора соседнего дома, будто бы с целью перелезть через него на территорию склада, и когда охранник бросился с руганью к ним, другие, забежав во двор с улицы, схватили крайний ящик и вывезли его на санках без всяких приключений.

— Так что будем делать с ракетами? — снова спросил Толька у молчащих мальчишек. — Не выбрасывать же их!

— Пригодятся в следующий раз. На крышу их тащить не следует, иначе наделаем пожар, — резонно рассудил Чулпан.

— И я так подумал, — сказал Толька. — Летом взорвем их за Казанкой. А сейчас давайте разойдемся по домам. И минут через пятнадцать, когда совсем стемнеет, поодиночке, чтоб не заметили, попроберемся на крышу.

После короткой речи И.Сталина, где каждое слово было весомо для великого многонационального народа нашей страны, выстрадавшего Победу, согласно приказу за № 369, в ознаменование полной победы над Германией в 10 часов вечера Москва стала салютовать доблестным войскам Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Но салют, передаваемый по радио из Москвы, — это одно, а вот собственный, как решили мальчишки, совсем другое. И они, дождавшись окончания салюта из столицы России, хотели уж было произвести свой, пусть и небольшой, как им помешали сделать это более весомо слышимые залпы артиллерии, осветившие небо разноцветными огнями. Салютовал победе родной город — гостеприимная Казань.

Наконец наступила тишина. Только глухой людской говор и

тихая музыка доносились с ближайших улиц и площади Свободы до крыши, где собрались мальчишки, нетерпеливо дожидаясь своего часа.

— Приготовиться! — репительным тоном вполголоса приказал Толька. — Зарядить оружие! — щелкнули затворы. — Огонь! — подал он команду громче.

Стреляли из карабина Наиль, из «Вальтера» Юрка, из револьвера Толька и из ракетницы Борька. После первого дружного выстрела по дворам пронеслось резкое громкое эхо и взлетела ракета, осветив соседние дома. Мальчишкам показалось, будто качнулась луна, а грохот был наподобие Мазункиного, снесшего кирпичную водокачку. Кошки, спрятавшиеся в закоулках сараев и чердаков, выскочили оттуда как бешеные и замяукали испуганными жуткими голосами, а дворняжки завывали и залаяли во всех соседних дворах. Из домов повыбегали люди и, недоумевая, спрашивали друг у друга:

— Что это? Никак стали салютовать и из наших домов? — с испугом спросила старуха. — Ведь все пожгут черти окаянные!

— Бабахнуло так, что стекла зазвенели! — откликнулась другая.

Патронов много, а вот ракета осталась одна. Разве можно ее оставлять? Да и обидно, не все постреляли. И мальчишки по очереди стали палить в небо.

Кто-то из жильцов, по-видимому, позвонил в милицию. Через некоторое время милиционеры были тут как тут. Окружив гараж со всех сторон, они, прежде чем лезть наверх, спросили у свидетелей происшествия:

— Кто там может быть? Не военные ли? И сколько их там?

— Да это рыжий чертенок со своими дружками палят, — выдала их Валентина Григорьевна Егорова. — Они давно залезли туда. Еще до салюта.

— Мальчишки, что ли? — не поверил старшина.

— Ну да, мальчишки, самые хулиганистые. Житья от них нет, — подхватила Галина Ивановна Кашина. — Мы с Валею давно наблюдали за ними из окна и ждали, что они натворят. И вот пожалуйста. В тюрьму их надо! — сердито сказала она. Распоясались дальше некуда. Главные у них — Толька Аширов и Юрка Кардин.

Пальба на крыше прекратилась. Мальчишки с появлением милиционеров попрятались в закоулках темного гаражного чердака. Но милиционеры, после сигнала ракеты, быстро залезли по пожарной лестнице и крышам сеновалов на гараж, проникли вовнутрь и при свете фонарей разыскивали нарушителей порядка. Последовала команда:

— Выходить по одному с поднятыми руками и оружием. Шутить не советуем!..

Когда мальчишки выполнили команду, милиционер собрал в одну кучку оружие и неизрасходованные боеприпасы. Облегченно вздохнув, он сказал:

— Надо же, целый арсенал приобрели. Еще есть где-нибудь спрятанное? — спросил он строго у мальчишек.

— Все здесь. Больше нет, — ответил Толька. — Честное сталинское! — добавил он.

— Завтра поищем, тут и у них дома, — не поверив, сказал другой милиционер. — Ведите их к пожарной лестнице, — приказал он другим милиционерам. — Да смотрите в оба, чтоб не сбежали.

— А я еще по дороге почувствовал, что у них не только ракетница. Так оно и вышло! — сказал третий милиционер.

Уже внизу старший лейтенант приказал:

— Отправляйте их всех в управление! Там разберемся. Надо же, в такой необычный день в городе ни одной кражи, даже хулиганства не было, и на тебе — ЧП. И кем устроено? — посмотрел он на одного из подчиненных и сам же ответил с недовольством: — Какими-то недорослями!

История эта закончилась для мальчишек удачно. Они чисто-сердечно признались и рассказали, где достали оружие и для чего. Умолчали лишь о ракетах, зная, что этого-то милиционеры им не простят. И начальство, настроенное в тот день благодушно, услышав от пацанов о том, что они всегда верили в победу своей страны над Германией и заранее готовились к долгожданному празднику, смягчилось и отпустило их в честь Великой Победы по домам, наказав им, чтоб больше оружие не держали в руках до самой армии.

Друзья. Летчики. Партизан, мы тебя не забудем! Все хорошо пока...

Вот-вот наступит лето, уже конец мая. На реках и озерах сравнительно теплая вода — купайся, пока не посинеешь. Особенно приятно поплавать в чистой воде озера Кабан, соединенного каналом реки Булак с Казанкой, а с другой стороны с Волгой. На главном — самом большом озере — недавно соорудили водные дорожки и установили вышки для прыжков на спортивных базах «Динамо» и «Спартак». На другой стороне красовалась база «ДОСА-АФ». На них можно было брать лодки напрокат, всего-то три рубля за час. А за два-три часа, если постараться, можно пройти от главного Кабана, величаво раскинувшего, как зеркальный ковер, свои воды посреди города, минуя средний, после пешеходного и дорожного моста, до дальнего на двухвесельных и четырехвесельных яликах, по пути с них ныряя и купаясь в самых глубоких местах озера.

Сегодня наши мальчишки без денег. Но это не беда. Сейчас они решили не только перешлыть Кабан, но и посмотреть вблизи на часть территории городской электростанции, вплотную примыкавшей к воде, где не было забора. Расстояние от одного берега до другого, как посчитали мальчишки на глазок, было не менее километра.

— Нырнем все вместе, — предложил Толька, — по команде. Держаться будем рядом, чтоб в случае судорог у кого-то спасать было легче. Но лучше не тонуть. Кто чувствует, что сегодня не сможет перешлыть Кабан, лучше остаться на берегу.

Юрка, научившийся плавать кое-как еще в прошлом году, тоже встал в строй. Ему ли, уже по жизни прошедшему крутыми тропами и душевными невзгодами, показывать трусость. Лучше утонуть, чем потерять авторитет перед пацанами. И он, настроившись на победу над собой, поплыл вместе со смельчаками по тихой, почти стоячей воде.

«Оказывается, плыть по течению гораздо легче, — понял Юрка, когда прошлыл метров сто. — В стоячей — труднее... Надо взять спокойный темп — не махать часто руками и дышать ровнее, как Толька, Чулпанка, Генка...»

Несмотря на уговор, мальчишки растянулись на расстоянии нескольких метров друг от друга. Впереди плывущие, чтоб не оторваться от товарищей, плавно шевеля руками и ногами, отдыхали на спине.

«Попробую и я, — решил Юрка. — Пусть отстану, но научусь отдыхать на воде, — повернулся он на сто восемьдесят градусов и задргал ногами и замахал руками по поверхности озера, заливая себе брызгами воды нос, рот и глаза. — Надо перевернуться на живот, а потом снова попробовать...»

— Юрка, — подплыл к нему Чулпан, — ты спокойнее действуй руками и ногами на спине, как бы нехотя. Попеременно сжимай ноги в коленках и руки в локтях, плавно распрямляя их. Старайся при этом отталкиваться пятками и ладонями от воды, — говорил он отрывисто, плывя рядом. — Голову в воду не опускай глубоко, держи выше. Тогда дышать будет легче и брызгать будешь меньше на лицо. Понаблюдай за мной, — перевернулся Чулпан на спину.

В прозрачной воде были видны все движения Чулпана. Только скопируй их — и все получится. И Юрка, повернувшись на спину, начал спокойнее действовать конечностями рук и ног, не забывая о ровном дыхании.

— На спине можно плавать и на скорость, — продолжил обучение Чулпан. — Гребь сильнее обеими руками, как веслами, и ногами по-лягушечьи — поплывешь быстрее! Смотри, как это делаю я! — поплыл он вперед, оставляя за собою бурунчики. Сделав круг в спортивном темпе, Чулпан, оказавшись вновь рядом с Юркой, сказал: — Плыви за мной, делай как я.

Увидев, что у Юрка все получается, Чулпан, исполнив роль тренера, догнал Тольку и Генку. А Юрка плыл и отдыхал, и снова плыл уже не последним. Курящие Ильдус, Витька, Наиль и Шурка остались позади. Показался открытый широкий двор, заваленный горами каменного угля и плака, а за ними электростанция, дымящая черными высокими трубами. Дымной гарью пахло даже на воде. «Ни к чему здесь электростанция, — подумал Юрка. — Неужели ее не могут перенести за город?» — проплыл он мимо. А на берегу уже грелись на солнце пацаны, приплывшие раньше его. Еще усилие — и усталый, но счастливый Юрка тоже на берегу, усыпанным кое-где плаком.

Толька рассказывал смешную историю. Юрка ее начала не слышал.

—...Немец ехал на дохлой кобыле по заснеженной дороге один. Зима была лютая, поэтому на нем чего только не было напялено: на пилотке — бабья заячья шапка, поверх нее и шинели бабий темный пуховый платок, завязанный узлом на поясище, до колен галифе намотанные онучи — это широкая ткань, а на коротких сапогах здоровущие лапти, каких мы не видели никогда. Мы сначала подумали, что на прогнувшейся от тяжести лошади едет чучело огородное. Чуть не расхохотались. Присмотрелись — винтовка с кинжальным птыком за спиной, прислушались — фриц: лошадь по-немецки погоняет. А она хоть бы хны, «шлетется рысью как-нибудь», — вспомнил Толька слова из стихотворения. — Ну, мы и решили его напугать. Как выскочили на лыжах из-за деревьев и ему: «Хенде хох!» С испуга он свалился с лошади в глубокий, за ночь наметенный снег, в сугроб сбоку от дороги. И встать не может, рысается только. Мы его лыжными палками по голове, а ему хоть бы хны. Тарацит на нас глазища и скулит: «Ихь бин арбайт, ихь бин арбайт, руссифе партизане...» Еле сняли мы с него винтовку, будто прилишней она к нему была. И немец заверещал по-другому: «Гитлер капут, Гитлер капут...» Помогли мы ему снова забраться на лошадь и привезли его к нам в партизанский лагерь. Вот смеху-то было, когда он в тесном блиндаже освободился от одежек, где были дамские кофты и даже панталоны. Немец оказался худым и вшивым.

Послушав рассказ, отдохнув, кое-кто из мальчишек решил вернуться на место, где у них была одежда посуху, сушей; устали очень. Остальные надумали обратно переплыть Кабан. Юрка и в этот раз решил не сдаваться, поплыл вместе с Чулпаном, Толей и Генкой. Отдыхая часто на спине, они медленно приближались к берегу.

«Возвращаться обратно тяжелее, — подумал Юрка. — Доплы-ву ли? Так и тянет на дно... Врешь, не возьмешь, — вспомнил он слова Чапаева. — Он погиб от пули. А здесь все спокойно. Доплы-ву». Юрка последним подплыл к берегу. От напряжения у него все

кружилось перед глазами, ноги дрожали, но он вылез из воды улыбаясь, не подавая вида, что сильно устал. И был награжден Толькиным одобрительным восклицанием:

— Юрка, я не знал, что ты в прошлом году научился плавать. Ну ты даешь, пацан! Рисканул переплыть Кабан туда и обратно! Ты — просто настоящий пацан! А почему? Потому что не куришь, — посмотрел он на вернувшихся обратно берегом ребят.

После физического напряжения в воде, пережитого, чего уж скрывать, страха сейчас расслабившемуся Юрке очень хотелось спать. Позевывая в трамвае, он и его приятели, мечтающие, что было видно по их лицам, тоже о постели, проехав от Кольца две остановки, обессиленными дошли до своих домов и, почти не разговаривая, распрощались до завтра. На дворе уже смеркалось.

Уже дома Юрка вспоминал о сегодняшнем дне. Хорошо, что не надо идти за продуктами, он их купил после обеда. Мать сварила суп из молоденькой лебеды и картофеля. Значит, можно спокойно перекусить — и на топчан. День сегодня был насыщенным: с утра ездил с матерью на огород — сажали картофель, свеклу и морковь. Потом он с Чулпаном и Толей пилили и кололи дрова тете Оле, помогали ей складывать полешки в сарай. Затем магазин и поход на Кабан. Так и прошло воскресенье. Но какое воскресенье, думал Юрка: он научился как следует плавать! Теперь можно, не боясь, попробовать переплыть Волгу, как только вода в ней потеплеет. По Волге плыть легче — там само течение поможет быстрее переплыть на другую сторону! Хорошо, что скоро наступит настоящее лето. Правда, и зимой было неплохо: коньки и лыжные походы!

И все у Юрки было бы хорошо, если бы не серьезное «но». С огорчением он вспомнил окончание учебного года, не совсем удачного. С натяжкой ему были выставлены удовлетворительные годовые оценки по арифметике, чтению и русскому языку. И все из-за пропусков уроков...

Усталый от мыслей, впечатлений и физически трудно проведенного дня, Юрка вскоре уснул. Что-то ему снилось, а возможно, и нет, только Юрка с трудом проснулся от настойчивого стука в дверь. Не вставая с топчана, думая, что это пришли за ним мальчишки, он недовольно пробурчал:

— И чего вам не спится? Еще рано, а вы уже на ногах. Спать не даете! Дайте поспать еще хоть часок!

— Юра, открывай, — услышал он мягкий женский голос, до боли знакомый ему. — Это я, Зоя, сестра твоя.

Юрка вскочил с топчана и, торопясь к двери, еще не веря, спросил громко:

— Откуда ты, с фронта?

— Открывай, открывай, с фронта, — откликнулась сестра.

Откинув крючок, Юрка открыл дверь и увидел Зою, а с нею

нескольких военных с вещевыми мешками и удивительно изогнутым кверху темным чемоданом в руке высокого офицера, стоящего рядом с его сестрой. Двое офицеров, стоящие за ними, освещали электрическими фонариками коридорчик.

— Юра, ты чего не выпускаешь нас? — спросила его Зоя смущенным голосом. — Дай нам пройти в комнату, — сказала она все еще не пришедшему в себя братишке, открывшему от удивления рот.

— Чегой-то не пропускаю? Проходите, пожалуйста, — попятился Юрка назад. — Я просто рассматривал вас. Интересно же, столько летчиков пожаловало к нам, — здоровался он с каждым протягивающим ему руку.

— Вот так комнатка! — протянул один из них густым басом. — На улице уже светло, а здесь как в пещере.

— Или как в наших одесских катакомбах, — согласился с ним самый высокий. — Только на втором этаже, — добавил он.

Юра включил свет и... увидел сестру и ее друзей во всем сказочном блеске. У всех на командирских гимнастерках красовались ордена и медали. А у самого высокого сверкала звезда Героя Советского Союза.

Осмотрев соскучившимся взглядом серых глаз комнату, Зоя подошла к топчану, заправила Юркину постель и накрыла ее спитым из разноцветных лоскутков одеялом. После этого она наконец обняла братишку, расцеловала и спросила:

— А мама где? Не в ночную ли?

— В ночную! Скоро придет! — пришел в себя Юрка, рассматривая на гимнастерке сестры погоны капитана и ордена Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина» и другие.

Дав братишке насмотреться на себя, Зоя, обернувшись к друзьям, просто, не смущаясь, сказала:

— Вот здесь я и жила. Тут отдыхала от шумных улиц и школы. Мне было дома всегда хорошо.

— И мне понравилась эта комнатка. Соседний дом, что метрах в двух, пусть не дает полностью проникнуть свету и солнцу сюда, зато дарит благодатную тишину, — поддержал Зою герой-подполковник, осматривая из окна узкий переулок. — После войны неплохо было бы здесь отдохнуть душой и телом с недельки так две-три. Но, — повернулся он к товарищам, — прежде всего нам надо позавтракать. Юра, где у вас можно кофе сварить? — обратился он к нему. — Кстати, звать меня Николаем, — представился он.

— На кухне, дядя Коля, — с готовностью ответил Юра. — Она у нас общая, по коридору направо. Сейчас я достану примус и керосин из чулана, — снял он с гвоздика ключ от замка и вышел из комнаты.

Чулан, служащий Кардиным кладовой, находился в коридорчике, рядом с дверью под лестницей, ведущей на третий этаж. Юра, щелкнув ключом, снял замок, открыл дверку и нащупал в темноте примус и бутылку с керосином. Все это он отнес на кухню, вернулся в комнату и сказал:

— Дядя Коля, все в порядке. Что нужно для варки кофе: чайник или кастрюлю? — спросил он, не зная, в чем и как его варят.

Зоя достала с печной плиты большой чайник, обтерла его чистой посудной тряпкой, снятой с выюшки, и спросила Николая:

— Этого хватит на всех?

— Даже останется, — улыбаясь, пошутил Николай, взяв у нее чайник. — Хлопцы! — обратился он к товарищам. — Развязывайте рюкзаки — и съедобное на стол! Но без спиртного, — предупредил он. — Вечером на свадьбе выпьем! Зоя, — улыбнувшись ей, — пусть сегодня отдыхает: давно она не была дома. А мы с братишкой на кухню! — посмотрел он на Юру приветливыми темно-голубыми глазами.

На самодельном столике, сделанном еще отцом, Юра почистил специальной иглой отверстия у горелки, налил в чашечку немного керосина и поджег его спичкой. Затем, как заправский хозяин, подкачал насосом примус, чтоб керосин шел хорошо к горелке и, когда пламя перестало дымить, поставил наполненный водой чайник на решетку.

— Юра, вы что, на этом приборе и обеды готовите? — спросил с удивлением Николай.

— Готовим и обеды, — ответил Юра. — Когда есть из чего, — зачем-то добавил он.

— А если нужно чего-то много приготовить, для нескольких человек? Вы что, так и пользуетесь этой керосинкой? — снова спросил Николай.

— Зачем же, варим в печке, на дровах, — показал Юра на русскую печь, занимающую большую часть общей кухни. — А зимой, весной и осенью, когда холодно, чтоб было теплее, варим в комнате, — пояснил он и спросил: — Дядя Коля, а звездочка Героя у вас за сбитые самолеты?

Нахмурившись, видимо, вспомнив воздушные бои, Николай ответил коротко:

— За сбитые, и другие задания, — помолчав немного, он серьезно сказал: — Юра, я тебе не дядя Коля, а шурик. С сегодняшнего дня, — добавил он. — Через несколько часов мы с твоей сестрой пойдем в загс и поженимся, — сообщил он новость, неожиданную для Юрки. — Так что, братишка, называй меня на ты и просто зови Николаем или Колей, как тебе понравится. Не возражаешь?

— Конечно не возражаю! Герой, подполковник — и вдруг муж моей сестры! — обрадовался Юрка. — Это здорово! Во дворе все

лопнут от зависти! А мама — так она вообще обрадуется! — с восхищением громко говорил он.

Когда они вернулись из кухни в комнату, на столе уже были разложены продукты: колбасы двух сортов, тушенка и рыба в консервных банках, сало, сыр, хлеб, конфеты и много-много плиток шоколада.

— Вот это да, — с удивлением без стеснения воскликнул Юра. — Вас, летчиков, здорово кормят!

— Бэри, дарагой, кюшай чего хочешь, нэ стесняйся! — кивнув кудрявой головой, улыбаясь белыми зубами и черными усами, весело предложил ему смуглый кавказец-майор. — Нас действительно хорошо кормят: мы же летчики!

Юра взял плитку шоколада, чтоб попробовать, какой он хоть на вкус. Он вроде бы никогда и не ел его. А может быть, и ел, но не помнит. Кавказец, глядя на него добрыми черными глазами, пригладив указательным пальцем красивые усы над губой, весело спросил:

— А ты знаешь, Юра, что мы с табою тезки?

— Нэ знаю, — как-то само собой получилось у Юры.

— Меня звать Георгий. А Георгий и Юрий — одно и то же. Знай об этом!

— Я слышал когда-то, — сказал Юра, бережно развертывая обертку и фольгу от шоколада. — Я смотрел фильм «Георгий Саакадзе». Оттуда и узнал об этом. Мировецкий фильм, про войну, — с одобрением похвалил он.

Когда были разложены ложки, вилки и тарелки на столе, налит по стаканам, чашкам и кружкам кофе, Зоя сказала:

— Товарищи офицеры, друзья, однополчане, прошу за стол. Мне кажется, все руки помыли, кроме Юры. А ну быстро к умывальнику! — приказала она ему.

Пока Юра мылся в коридорчике, где напротив, над дверью Анны Герасимовны, горела включенная лампочка, летчики подоодвинули к столу сундук, два стула, табуретку, странно загнутый чемодан, поставленный на попу, уселись на них и на кровать, чтоб удобнее было кушать. Ему оставили место на чемодане.

Всего Юра насчитал десять летчиков. Чем-то они были похожи друг на друга, вероятно, красивой формой, наградами и молодостью. Летчики, пройдя пожарами войны, налетав бесчисленные километры, остались человечными, с мечтами, шутками и добродушием.

— Не тот молодец, кто с ложкой сидит, а тот, кто с косою на работу ходит, — к чему-то сказал серьезный рыжеватый капитан Василий. — Сейчас бы в деревню на чистый луг или на речку порыбальить, — с тоской добавил он.

— Так это ты, Василий, в деревне ходил за сошкой, а семеро тебя ждали в городе с ложкой? — пошутил Павел, старший лейтенант.

— Красна твоя речь, курский соловей, словами, а у нас, в деревне, пироги с грибами, — ответил поговоркой на свой лад Василий.

— И я соскучился по дому, по родным, — вступил в разговор и Андрей, невысокого роста худенький лейтенант с орденом Ленина. — И то: своя земля — и в горсти мила.

— Ты прав, Андрей, — вздохнув, согласился с ним Рафаэль. — На чужой сторонке и весна некрасна. Вот у нас, в Ферганской долине, скоро черешня поспеет. А здесь когда ее еще поешь. Да и пашку с мамкой хочу увидеть, сестер и братьев тоже, — удивив Юру, сказал он по-детски.

— Это точно, капитан, — густым басом поддержал Рафаэля Фарух, симпатичный толстяк, капитан со множеством одинаковых орденов. — Я почти рядом с домом нахожусь, наша деревня на Каме. Мы пролетать будем над ней, а вот побывать, увидеть отца и мать не придется. Обидно! А ведь говорят: нет ближе дружка, как родная матушка и отец — всему роду венец.

— Птица рада весне, а младенец — матери, — пошутил Николай. — Скоро придет с работы моя теща, а следовательно, мама. Вот и встретим ее все по-сыновьи.

— Она приходит с работы в мазуте, — заранее предупредил их Юра. — Смотрите не запачкайтесь, здороваясь с ней.

— Мазут — ерунда, была бы душа чиста, — сказал Николай, поднявшись из-за стола, и, взяв большую кастрюлю и ведро, пошел во двор за водой.

Вернулся Николай через некоторое время с матерью Юры и Зои. Узнал он ее по испачканной мазутом одежде, когда выходил из кухни. Встретившись с ней впервые, он сразу же смутил ее словами:

— Здравствуйте! Вы, конечно же, мама Зои, Варвара Лукинична. А я жених ее. Звать меня Николаем. Прилетели мы за благословением, если разрешите нам пожениться.

— Неужто жених? Такой высокий, видный и красивый! — с удивлением сказала мать, как бы тем самым одоблив их затею. — А я, простите, в таком виде заявилась. С работы я. Так, значит, Зоя дома? Небось проголодались вы? Сейчас умоюсь, переоденусь и что-нибудь сготовлю, — заторопилась она в комнату.

Открыв дверь, мать увидела военных и Зою, сидящих за столом. Смущенно поздоровавшись с ними, она предупредила дочь, подбежавшую к ней:

— Зоя, не трогай меня, пока не переоденусь. Сейчас воды нагреею, умоюсь, тогда и обнимемся.

Вошедший вместе с ней Николай сказал:

— Вода уже греется. На кухне она.

— Да неужто? — снова удивилась мать. — Вот спасибочки за внимание, — посмотрела благодарным взглядом на Николая.

Достав чистую одежду и обувь из сундука, Зоя с матерью вышли из комнаты, о чем-то разговаривая. Уже в коридоре мать спросила дочь:

— Ты чего закручинилась, Зоенька? Тебе что, не нравится Николай? Он мне сказал, что вы хотите пожениться.

— Я люблю его, мама. Мне просто неудобно, что у меня нет свадебного платья. Или хотя бы чего-нибудь такого на меня. Я все же выросла за эти годы, что не была дома, — с грустью сказала Зоя.

— Не печалься, — как можно бодрее сказала мать. — Сходим на базар, там чего-нибудь присмотрим. Я вчера получила зарплату. Или, в случае чего, попросишь у подруг Маши и Тани. Они во время войны вышли замуж за эвакуированных поляков. У них свадебные платья, наверное, сохранились. Тебе-то уж, подружке, не откажут.

— Спасибо тебе, мама, за совет. Так и придется сделать! — повеселела Зоя. — А деньги у нас есть. Только я целую вечность не была на базаре, позабыла, как он выглядит. Мы сходим туда с Николаем, а ты отдыхай. Ребята сами приготовят свадебный ужин.

А в это время Георгий говорил друзьям:

— Ребята, вы все видели, как нэлэгко живется рабочей труженице. Прэдагаю скинутыся. Нам пока лышние дэньги нэ нужны. На свадьбу само собой и им на жизнь оставим, — посмотрел он на Юру. — Мэбель купят или чего-нибудь.

Вмиг были собраны деньги и уложены в две пачки Георгием. Потолще он протянул Юре и сказал:

— Дэржи в сэкрете, пока не уедэм. Спрячь за икону «Божей матери», — кивнул он на угол.

Мать поместила икону в правом углу комнаты после «извещения» на отца. А рядом, на подставку, поставила еще одну, поменьше. Под большую, приподняв ее слегка, и положил Юра деньги.

Вернулся Николай со двора. Георгий протянул ему другую пачку денег.

— Ныкола, это тэбе от нас на послесвадебное обзавэдэние. Сле-таем на восток, навэдем там порядок, дэмобилизуемсыя. Я поеду в село выращивать виноград, рэбятя к нэвестам, ты с Зойкой в Одес-су — и начнется у всех благодатная жизнь. Вот вам они и пригодятся в хозяйстве.

Юра понял, что Георгий — заместитель Николая, потому что остальные летчики были по воинскому званию младше их: капитаны и старшие лейтенанты. Видя, что шуряку не до него, в связи со свадьбой, Юрка спросил майора:

— Генацвале Георгий, скажи, пожалуйста, что это за чемодан такой кривой? Для документов или чего-то секретного? Если можно, скажи. Любопытно мне очень, — признался Юра. — Я никому не скажу.

— Ха-ха-ха! — засмеялись звонко летчики.

— Бомбу мы в ней везем, секретную! — пошутил старший лейтенант Александр. — На востоке на кое кого сбросим! — не удержавшись, еще громче заржал он.

Георгий зыркнул на Александра жгучим взглядом черных глаз, отчего и другие перестали хохотать, и, снова приняв благодушный вид, сказал Юре:

— Это, братышка, нэ чемодан, а футляр с аккордеоном. Немецкий трофэй. Твоя сэстра летала к партизанам, они его и пода-рили ей.

— И как она, научилась играть на нем? — с любопытством спросил Юра.

— Нэт, нэ научилась. Она привезла его тебе. Так говорила она Николе. Вэрно, командир? — спросил он его.

— Верно, — ответил Николай и, встав с табуретки, пошел навстречу Зое и матери, вошедшим в комнату.

— Вот теперь здравствуйте! Еще раз! — приветливо улыбаясь, сказала мать, одетая в лучшее, что у нее было: в светлое платье, синюю кофточку и коричневые туфли. Стараясь не подавать вида, что устала за ночь на работе, она обвела всех ласковым материнским взглядом и сказала: — Какие же вы все молоденькие, а уже такие боевые: со звездочками, орденами.

Николай, когда мать закончила рассматривать его и Зоиных товарищей, подошел к ней с серьезным видом, галантно поцеловал ее протянутую для приветствия руку и с почтением проговорил:

— Варвара Лукинична, позвольте теперь поцеловать вас как маму, считая это за благословение, — и он, бережно обняв ее руками за плечи, нагнувшись, троекратно коснулся губами зардевшихся от смущения щек будущей тещи.

Троекратно поцеловала Николая и мать, поднявшись на носочки, после чего перекрестила его и Зою, хоть та заранее и предупредила ее, что они оба партийные. Потом, уронив счастливую слезинку, мать сказала:

— Николай и Зоя, благословляю вас. Раз любите друг друга — женитесь. Война закончилась, счастья вам. Лучше говорить, простите меня, не умею. В растерянности я от неожиданности.

Представившись поименно, тепло поздоровались с матерью и остальные друзья. После чего начались разговоры о хлопотном сегодняшнем свадебном дне. На улице уже светило утреннее солнце.

Юра, зная рынки города, нравы торгашей и воря, крутящегося около покупателей, напросился, чтобы собирающиеся за покупками Николай и Зоя взяли его с собой. Тем более что они, по их

словам, позабыли, что такое рынок и как он выглядит теперь. А Николай, заметил Юра, сунул в карман галифе «толстый лопатник» с крупными купюрами. На «тощий» клюнет любой начинающий ворипка-щипач, а на «толстый» — жди карманника-профессионала. Профессионал, знал Юра, все равно подберет момент, или в толпе, или во время торга, когда хозяин или хозяйка забудут хоть на миг о наличии своего капитала в кармане, сумке, и мастерски «купит» их за «бабки», за редким, если повезет, исключением. Юре не хотелось, чтобы такое случилось с дорогими ему родственниками. Он тонко «подкатил» к Николаю, сказав ему несколько лестных слов о его городе, намекнув и о криминале.

— Никола, я слышал о твоей Одессе — это шикарный город. Даже фартовый, можно оказать. Про ваш Привоз, где «срезают подметки на ходу», известно многим, тем более про Молдаванку и Пересыпь. Возьмите меня с собой, помехой не буду.

Николай глянул на Юру, как ему показалось, с подозрением и спросил:

— Юра, кто тебе такого напел об Одессе?

— Да ваш же Марк Наумович Бернес — любимец всех пацанов, — не замедлил с ответом Юра. — Кстати, Никола, ты чем-то похож на него, особенно лицом. Тебе не говорили о том? Ну, твои товарищи? — допытывался он.

— Говорили, — коротко ответил Николай и повернулся к невесте. — Что скажешь, Зоя, берем его с собой?

— Да пусть идет, — улыбнулась Зоя братишке. — Ему там чего-нибудь прикупим, а то выглядит словно Гаврош. Дорогу на рынок и обратно знаешь? — спросила она его.

— Спрашиваешь, — как можно солиднее ответил Юра, — не только знаю, но и провожу вас туда, где торгуют хорошими вещами. Бывал там когда-то, вроде бы с мамой, — тихо добавил он, чтоб она не услышала.

Мать распределяла продукты на столе, выложенные летчиками: одни откладывала на холодные закуски, другие — для приготовления горячих блюд. Василий и Александр помогали ей. Остальные ушли в магазины и на продуктовый рынок: прикупить кое-что еще к свадьбе. К двенадцати часам все обещали вернуться, чтоб вместе с женихом и невестой пойти в загс на регистрацию.

Часов в девять утра на Суконке уже было много народу. В основном здесь торговали одеждой, обувью и дорогими предметами домашнего обихода. Протолкнувшись сквозь толпу, Юра вывел Николая и Зою к месту, где продавались новые или малоношенные вещи. Не торгуясь, Зое выбрали туфли молочного цвета на высоких каблуках, белое платье, нижнее белье. Николаю — темный костюм, еле подобрали по росту, яркий галстук, черные туфли и белую рубашку. Юре — коричневый костюм, кожаные ботинки

и светлую рубашку. Все это они сложили в кушленный здесь же большой чемодан и направились к выходу, вновь через толпу.

И тут Юра, чуть отставший от сестры и шурика, заметил, как к ним прилепился высокий беленький подросток, напомнивший ему кого-то. «Никак Студент, — стал догонять его Юра. — Он хороший вор, пацан не злой и даже добрый, — вспомнил Юра, как тот ему когда-то «отвалил два кремля». В зажатых пальцах Студента, заметил Юра наметанным глазом, уже приготовлено было лезвие от бритвы. Еще немного — и «писанет» он карман галифе Николая, и выгащит его «лопатник», где денег оставалось не одна тысяча.

— Студент, атас! — догнав его, тихо воскликнул Юрка. — Это мои!

Студент замедлил шаг и обернулся к Юрке.

— Ты че, падла, куш срываешь? — возмущенным шепотом спросил он. — Откуда ты взялся, погань дешевая? Отпрыгни быстро от меня, пока рожу не разворотил, — показал он на лезвие.

Николай, вероятно, услышав громкий шепот за спиной, обернулся и увидел Юру с пацаном, настроенным, судя по злой физиономии, враждебно к его шурику.

— Юра, что там у вас? Вы что-то не поделили? — спросил спокойно он.

— Да нет, все нормалек, — вырвалось у Юры вульгарное слово. — Мы просто так разговариваем, — улыбнувшись, обнял он одной рукой Студента. — Давно не виделись!

— Тогда хорошо. Мы пошли. Не отставай от нас! — сказал Николай.

А Зоя, прежде чем тронуться с места, подозрительно спросила:

— У тебя что, здесь есть знакомые? — она выделила слово «здесь».

— Да нет, это просто случайная встреча: мы с ним старые знакомые, — как можно спокойнее ответил Юра. — В одной школе учимся, — добавил он. — Вы идите, а то опоздаете в загс. Я вас догоню, — почувствовал он, что его одной рукой удерживает Студент.

Вглядевшись в черты Юркиного лица, давно пропавшего без вести, Студент наконец-то вспомнил «коллегу».

— Никак Кардинал? Рассказывай, где пропадал! Не в ДВК ли? — посыпались на Юрку вопросы. — Об этом нам было бы известно. А может ты, в завязке? — спросил он строже. — Ответь-ка, как на духу.

— Побывал я, Студент, в детприемнике вонючем, там каждый день нас морили карболкой. И песни заставляли петь под марши, — стал исповедоваться Юрка. — Не понравилось мне быть подневольным. И мы с Волчком рванули оттуда. Калуга приняла нас: там на хазе Квашни обитали кореша Волчка — Пузатый, Самурай-

чик и другие авторитеты. Ну и сам понимаешь... — не закончив фразы, Юрка дал понять Студенту, что якобы он вошел в «привязку» к тем, кого назвал.

— Вон что, — поверив Юрке, с удивлением протянул Студент. — Я слышал о них. Герой и баба тоже из их компании? Тем более что ты предупредил: не «свои», а «мои», чем ввел меня в заблуждение.

— Нет. Это моя сеструха — летчик, я как-то говорил вам о ней, и ее кадр. Сегодня они женятся, — сообщил Юрка как можно небрежнее.

— Вон что, — опять удивился Студент. — А я сдуру и не догадался, когда ты им напомнил про загс. Ведь воры не женятся, — улыбнувшись своей недогадливости, вспомнил он воровские законы. — Кардинал, — снова принял он суровый вид, — а к нам вернуться ты не собираешься? Или позабыл добро, что сделали для тебя? Смотри, паря, мы изменщиков не любим, — сверкнув стальными серыми глазами, как бритвой на солнце, сказал он с угрозой и заспешил за женщиной, держащей в руке за ремешки блестящую, лаковую сумку.

После встречи со Студентом настроение у Юрки испортилось. Он пошел домой пешком, вспоминая прошедшие дни, месяцы и годы, счастливые и горестные. Плохое хотелось отбросить и оставить только хорошее. Но куда от него денешься, если оно было? И Юрка с мятежными мыслями, преследующими его всю дорогу, не заметив, сколько времени прошло, подошел к своему дому.

Во дворе Юрку ждали пацаны. Они встретили его радостными восклицаниями, словно у них был большой праздник.

— Юрка, нашему рыжему Тольке сегодня в военкомате вручили медаль «Партизану Отечественной войны» второй степени! — с восхищением выкрикнул Борька.

— Наш рыжий шайтан действительно воевал с фашистами! — сияя счастливыми глазами, подтвердил Чулпан. — Это хорошая новость! — сказал он и, неожиданно сникнув, словно потеряв что-то дорогое, продолжил: — А теперь слушай плохую: за ним и его матерью с братом приехал отец на машине. Толька очень горевал, что не смог с тобою проститься. Уехали они только что. Он обещал тебе письмо написать.

Неожиданную грусть и напряжение, охватившие мальчишек, быстро разрядил Ильдуска. Он, как всегда, заговорил по-простому:

— Юрка, муж-то твоей сестры, оказывается, Герой Советского Союза. А ты нам об этом не говорил. Хорошо, что мы сами увидели его с Золотой Звездой, когда он с твоей сестрой возвращался с базара! — уже веселее стал говорить Ильдус. — Вот только где ты потерялся? Нам твоя мать сказала, что ты вместе с ними

ушел на базар. Юрка Ильдуске ничего не ответил. Он еще, вместе со всеми пацанами, переживал потерю отчаянного вожака, своего друга.

— У твоей сестры Зои и других летчиков орденов тоже хватает, — вступила тут в разговор Нина, крутящаяся с подругами около мальчишек. — Я выйду замуж обязательно за летчика! А Маша сказала — за партизана.

— Да не слушай ты ее, Юрка. Тоже наплись мне невесты, — с пренебрежением сказал Генка. — Ты с нами купаться за Казанку, конечно, не пойдешь? — спросил он. — У вас сегодня свадьба.

— Пойду. Посижу немного с ними для порядка за столом — и баста. Ждите меня, — попросил мальчишек Юрка, увидев возвращающихся нарядных жениха и невесту, а вместе с ними друзей и Зоиных подруг с мужьями-поляками.

Свадьба Зои и Николая началась весело. За праздничным столом слышны были речи, пожелания счастья и многократное «горько!». Было много песен, плясок под отцовскую гитару, на которой виртуозно играл серьезный красивый старший лейтенант Владимир. Иногда его подменял симпатичный кудрявый Феликс, муж Маши, играющий тоже нешлохо на музыкальном инструменте, а помогал ему в игре на аккордеоне смешной добрый невысокого роста Абрам, муж Тани. Было весело, хорошо. Но надоело Юрке сидеть за богатым столом вместе со взрослыми.

Наевшись, набрав полные карманы шоколада, Юрка ушел к товарищам, чтоб вместе с ними уйти на озеро за Казанку купаться. А вечером, когда они вернулись, Юра дома никого не застал. Мать снова ушла на работу, а летчиков, как сказали соседи, встретившиеся во дворе, увезли на автобусе на аэродром. И Юрка опять остался один...

Аккордеон и Юрка

Сбылась давняя мечта Юрки: он стал обладателем аккордеона. Сестра Зоя, словно угадав его желание не только иметь красивый музыкальный инструмент, а и во что бы то ни стало научиться на нем играть, привезла его аж с самого фронта. Так объяснял он товарищам, приходившим к нему посмотреть на редкое по тому времени, почти сказочное чудо. Грузин, кацо Георгий, сослуживец Зои, вкратце рассказал ему, что она летала к партизанам, которые и подарили ей трофейный, переливающийся радужной красной окраской с желтоватым оттенком блестящий перламутровый аккордеон «Horch». Об этом Юрка поведал и своим товарищам, посетившим его поутру.

— Наверное, — говорил Юрка им, — на нем играл немецкий офицер. Он наигрался — пришла моя очередь.

— Неужели твоя сестра специально летала за ним к партизанам, чтоб потом его тебе подарить? — спросил с какой-то мальчишеской непосредственной завистью Чулпан. — А вообще-то здорово: уж очень праздничным выглядит он. Или, кроме этого, выполняла какое-то специальное задание командования? — бережно рассматривал он со всех сторон музыкальный инструмент.

— Конечно, выполняла задание, — с уверенностью сказал Генка. — Она прилетела к ним, минуя зенитки и самолеты врага, а партизаны увидели ее и удивились — женщина и вдруг летчик. Вот и подарили ей аккордеон, — с любопытством вертел его и он.

— А сама-то тетя Зоя ничего не рассказывала об этом? — спросил подросток Гришка, Юркин сосед. — За что ей подарили его?

— Ясно, за что, — не дав ответить Юрке, вмешался в разговор Борька, — за подвиг! Не каждому доверят такое задание: слетать к немцам в тыл. А ей доверили. Потому что она хороший летчик. Видели, сколько у нее орденов?

За два часа у Юрки перебивали все мальчишки со своего двора и «банного», который теперь они называли «даниловским», узнав недавно от кого-то из взрослых, что дом и баня принадлежали до революции хозяину по фамилии Данилов. Мальчишки, чувствуя, что сегодня Юрке не до них, что ему скорее хочется остаться наедине с аккордеоном, не обижаясь, поочередно приходили и уходили. Им казалось, что Юрке быстро надоест возиться с инструментом, и он выйдет к ним. Но вскоре им ждать его надоело, и они ушли купаться на Кабан. Тем более что солнце всю уже припекло.

«Жаль, не успел я Зою расспросить обо всем: свадьба и внезапный отъезд. Не до меня ей было, — провел Юрка рукой по гладкому перламутру аккордеона. — Но не насовсем же она улетела! Война закончилась — все равно мы увидимся скоро. Вот тогда я и узнаю о ее подвигах и аккордеоне подробнее, — верил он. — Но зачем они всем полком полетели на восток? — задал он себе вопрос. — Враг разбит, чего еще надо?» — гадая, рассматривал теперь и он с трепетом свой такой желанный аккордеон.

На правой стороне изогнутого корпуса Юрка насчитал тридцать четыре белых и черных клавиш, как у фортепиано, а на левой — восемьдесят кнопок-басов одинакового черного цвета. Оба корпуса — с правой стороны с золотистой металлической сеткой с гербовым значком посередине и с левой стороны с дырками, под которыми виднелась твердая марлевая ткань, соединялись между собой через складчатый белого цвета мех, необходимый для колебания звуковых металлических пластин при нагнетании воздуха. Их видел он на губной гармошке и детской гармонии, когда разобрал ее, испорченную под дождем, в далеком детстве, еще до войны. Затем он поднял аккордеон со стола, пос-

тавив его на попа, осторожно накинул ремни на плечи, сунул левую кисть под широкий короткий ремень, служащий упором для руки при разжиге меха, уселся на табуретку, расстегнул серебристые застежки, крепящие корпуса, и стал пробовать пальцами звучание инструмента на клавишах от низких нот до высоких, плавно растягивая и сжимая мех. По комнате разлились серебристые нежные звуки. Поиграв на клавишах несколько раз снизу вверх и сверху вниз, Юрка решил опробовать и басы. Звуки у них оказались более низкими, густыми, действительно басовитыми. «На них сыграть что-нибудь мелодичное, не зная нот, будет трудновато, — понял он. — Попробую-ка я сначала на правой стороне подобрать какую-нибудь простенькую песню, например, «маленькой елочке холодно зимой».

Найдя последовательный звукоряд на белых клавишах, повторяющихся через семь нот, Юрка быстро подобрал мелодию «Елочки», потом «Жили у бабуси два веселых гуся» и, сам того не ожидая, стал играть на слух, чуть напевая, любую мелодию, вспоминая ему пока в умеренно медленном темпе. А вскоре он понял, что и без черных клавиш не обойтись, иначе искажается мелодия. Вот зазвучала красивая песня «Синенький скромный платочек», фронтовая песня-рассказ «Бьется в тесной печурке огонь» Александра Суркова, «Темная ночь» в исполнении Марка Бернеса. Они были подобраны Юркой так быстро, что он обрадовался и воскликнул вслух:

— Ура! Я научился играть на правой стороне любую знакомую мне музыку! У меня все хорошо получается! — похвалил он себя.

«Но без басов что за игра? — вспомнил он про них. — Надо во что бы то ни стало освоить и их», — начал он искать созвучие басов, перебирая кнопки пальцами. Однако дело его в течение двух дней дальше «Барыни» и «Частушки» не продвинулось. «Надо узнать у Абрама, как играть на басах, — вспомнил он про соседа. — Он хорошо играл на свадьбе у Зои и Николая. Когда он вечером придет с работы, схожу к нему».

Смешной и кудрявый, как кукла, поляк Абрам — небольшого роста, пухленький, беленький, просто пупсик. Добродушно улыбаясь небольшими полноватыми губами и красивыми синими глазами, он, на просьбу Юры рассказать о басах и показать их ему на аккордеоне, удивил его, шутливо сказав:

— Юра, я не музыкант, я сапожник! Играю, вернее, играл, когда был дома, на слух, как простой любитель: нотной грамоты ведь я не знаю. А до-ре-ми-фа-оль-ля-си, села кошка на такси — это еще не грамота, а простое недоразумение. Но пошли к вам, может, что-то и подскажу.

Юра слышал от кого-то во дворе, что Абрам и его друг Феликс — высокого роста кучерявый блондин с серыми глазами — действительно работали на обувной фабрике «Спартак» мастера-

ми-сапожниками. Они, когда немцы оккупировали Польшу, бежали от них в СССР, в Казань. Оба молодые, трудолюбивые, здесь они и женились. То ли по западному образцу, то ли еще почему-то, жен своих молоденьких они жалели: не разрешали им работать. Тем более что у них здесь появились симпатичные сыновья: у Абрама с Таней — Александр, а у Феликса с Мусей, так ласково он ее называл, Лева. Даже в магазины и на рынок они ходили сами. Во дворе сапожников любили: они были приветливы со всеми, интеллигентны. Чинили обувь жителям дома почти за так, а с бедняков вообще не брали ни копейки. Юркина мать, например, отзывалась о них всегда так: «И Абрам, и Феликс хорошие, добрые люди».

— Ну что ж, Юра, давай разберемся с басами, — сказал Абрам, подойдя к аккордеону. — Здесь ты видишь пять рядов. Первый ряд, ближе к меху, называется вспомогательным. Второй ряд — основным. Третий — мажорным. Четвертый — минорным. А пятый — септаккордным. Первым и пятым рядами тебе пока не надо будет пользоваться. Надо сначала научиться играть на втором, третьем и четвертом рядах.

Подняв со стола аккордеон, Абрам надел ремни на плечи, просунул левую ладонку под ремень и стал, растягивая мех туда и обратно, нажимать пальцами на басы основного ряда, приговаривая: до, ре, ми, фа, соль, ля, си, вернулся он к кнопке с углублением «до», с какой начал.

Юра заметил, что Абрам играл на басах основного ряда четырьмя пальцами, через одну кнопку: сначала четвертым — безымянным, третьим — средним, вторым — указательным, а затем снова внизу пятым — мизинцем с ноты «фа», четвертым, третьим и вторым, закончив играть четвертым пальцем на ноте «до».

— А теперь попробуй это упражнение повторить ты, — отдал Абрам аккордеон Юрию. — Нажимай пальцами на кнопки и пропевай ноты вслух.

С трудом повторил Юра это упражнение, часто путаясь. Но, в конце концов, и у него получилось, не без помощи Абрама.

— Хорошо на первый раз, — похвалил Абрам. — Теперь играй основные ноты с кнопками, рядом расположенными: снизу вверх от «фа» до «си» и обратно вниз вторым и третьим пальцами. Так, хорошо, получается, — короткими фразами подбадривал он ученика. — А теперь сыграй с минорным рядом, минуя мажорный. Так, молодец, замечательно. Потренируешься — лучше будет. На сегодня достаточно, — остановил он его и сказал: — Тебе, Юра, еще долго придется осваивать музыкальный инструмент, чтоб играть уверенно. Упражнения и произведения на басах и клавишах вместе потребуют в дальнейшем серьезного внимания и усидчивости. Гулять на улице придется поменьше. Научишься играть, не

глядя на басы и клавишпи, то, что мы прошли сегодня, я покажу тебе и другие, какие знаю, упражнения.

— Спасибо, — поблагодарил его Юра и спросил: — Скажи, пожалуйста, Абрам, а почему на аккордеоне играют пятью пальцами на правой стороне, а на баяне — четырьмя?

— Потому, наверное, что на баяне применяют пока один плечевой ремень, а будет два, так и на нем заиграют пятью пальцами, — ответил он.

День за днем Юра с фанатичной настойчивостью, позабыв о лете, осваивал все старые и новые произведения. И у него получалось. Не зная нот, он уже через некоторое время играл на слух не только популярные песни и пляски, а и марши, вальсы, фокстроты и танго, слышанные им по радио и в кино.

А жители двора, особенно те, которым нет-нет да и досаждали мальчишки своим озорством, наконец-то легко вздохнули: рыжий чертенок-партизан Толька уехал в свою Белоруссию, а его непосредственный дружок, хулиганистый Юрка, не выходит какую неделю на улицу без надобности. Сидит дома и чего-то пиликает на музыкальном инструменте. Иногда что-то и приятное, радующее их слух. Ведь хорошая музыка всегда любима в народе, она смягчает даже черствые души и сердца. Уж на что злая Капина на Юрку, и то как-то сказала соседке: «Пусть уж лучше мучает свою гармошку, чем людей. Конечно же он с дружками подложил на нашей кухне в печь под мой противень ракеты. Всю пасху испортили, чуть не наделав пожара. Но ничего, бог все видит, бог все знает. И я узнаю когда-нибудь, кто это сделал. Тогда ему несдобровать: мой муж вернулся с фронта. А пока пусть пиликает на гармошке».

Мальчишки же, скучая по Юрке, который был горазд на затеи в их компании, приходили к нему иногда послушать музыку, и даже некоторые из них пытались у него чему-то научиться. Но вскоре поняли — чтоб научиться играть, надо не только иметь свой аккордеон, но и очень-очень много заниматься, жертвуя свободным временем, да еще и в летние каникулы. И они, радуясь солнцу, воздуху и воде, перестали к нему заходить вообще.

Возвращение в компанию

Прошла почти половина лета, когда Юрка понял, что теперь и он, выполнив поставленную перед собой задачу — научиться играть на аккордеоне, имеет право на отдых. Он снова вышел к мальчишкам. Но, как ему показалось, был встречен ими с каким-то равнодушием. Они отвыкли от него. А возможно, решили, что теперь он больше дружен с аккордеоном, нежели с ними, вот пусть и занимается им. И Юрка не ошибся, когда пришел в даниловский двор.

— А! Наш примерный музыкант, культурный пионер заявился! — встретил Юрку язвительной улыбкой Ильдуска. — Скоро ли, как Венерка, будешь ходить с папочкой в музыкальную школу? — громко спросил он. — И как это ты сегодня оставил свою гармошку? Надо было и ее прихватить, — глядел он с превосходством на товарища, чувствуя рядом, вероятно, поддержку своего старшего брата Асхата. Кроме того, Ильдус почему-то давно ревновал Юрку к Чулпану.

— Ты чего, Ильдуска? — опешил Юрка. Уж такого-то приема он никак не ожидал. — Ты чего... словно злая вошь кусаешься? С аркана, что ли, сорвался? — с возмущением спросил он. — Или на братана надеешься? — глянул он с дерзостью на Асхата.

Но Асхат, словно его и не коснулись Юркины слова, спокойно курил сигарету. Он не водился с пацанами младше его и оказался сегодня среди них случайно. Да и кое-что он слышал о Кардинале. Он молча ждал, чем разрешится этот возникший пустячный конфликт, иногда случающийся даже между лучшими товарищами.

— Ладно, Ильдуска, чего ты прицепился к Юрке? — вступил тут в разговор Чулпан. — Наигрался он и пришел к нам. Тебе-то что от этого, холодно или жарко стало?

— Да нет. Я просто так, пошутил только, — выдавил из себя улыбку Ильдус, не ощутив никакой поддержки со стороны брата и ребят.

— Вот и хорошо, — спокойно сказал Генка. — Сегодня все в сборе. Пошли купаться на Кабан или Булак! С моста попрыгаем, — предложил он.

В конце улицы, под Кремлем, с громоздкого деревянного пешеходно-дорожного моста, не обращая внимания на прохожих, несколько мальчишек, подбадривая себя веселыми криками, ныряли в зеленоватую цветущую воду солдатиком, рыбкой и ласточкой. К ним присоединились и наши мальчишки, те, которые не боялись высоты. Остальные зашли в теплую воду с отлогого берега. Вместе с ними стал плавать в спокойном от брызг месте и Юрка, наблюдая за смельчаками.

Лучше и красивее всех нырял ласточкой Ильдус. Поджаристый, небольшого роста, раскинув руки в стороны во время полета, он почти без брызг, будто тонкой стрелой, входил в воду и тут же, как пробка, выныривал на поверхность, радостно сияя глазками-угольками. Он, с превосходством посматривая на мальчишек, словно подзадоривал их: «А попробуйте-ка сделать как я». Нешлохо ныряли ласточкой в воду и Чулпанка, и Генка, и Шурка, и Рафаэлька. Другие же, кто еще не созрел до такого мастерства, прыгали с высоты солдатиком или, растопырив руки ухватом или раскорячив ноги, лягушкой плюхались вниз, с громким шумом разбрызгивая воду. Мало кто прыгал рыбкой. Самый высокий и габ-

ритный из мальчишек Наиль, очень похожий на артиста Бориса Андреева, стараясь изобразить то ли ласточку, то ли еще что-то, раскинув в стороны руки и ноги, неуклюже бухнулся животом на поверхность воды, взволновав ее бурей волн и брызг чуть ли не до перил моста. Мальчишки расхохотались над незадачливым ныряльщиком и даже кто-то из них весело съязвил: «Словно баржа сверху грохнулась!» И только. Быстро все позабыли о нем, мало ли кто из них приводнялся на живот. Почти с каждым это случалось. А Наиль, с трудом подплыв к покатоному берегу, мужественно — без стонов и слез — вылез из него и уселся на траву, схватившись от боли руками за живот.

В прошлом году еще, как помнит Юрка, его товарищи не прыгали с высоты в воду. Даже не пытались на Кабане, когда там выстроили новые выпшки, залезть хотя бы на одну из них, чтоб прыгнуть с нижнего яруса. А мост высотой не ниже, если не выше, первого яруса. Неужели они, пока он занимался музыкой, научились новому виду спорта? Обидно и завидно — он отстал от них. А ведь совсем недавно в некоторых видах любительского спорта и он был не последним среди мальчишек: хорошо бегал на лыжах и коньках и плавать научился, как Чулпан, на спине. Но вот прыгать с высоты в воду ему еще не приходилось. «Надо попробовать, — решил Юрка. — Они ведь тоже не сразу научились нырять с высоты. Иначе я совсем потеряю авторитет перед пацанами», — твердил он себе, поднимаясь к мосту.

Юрка как во сне перелез через невысокие перила моста, встал на козырек из толстых досок, глянул вниз — высокогато. Но отступать поздно: позади перила, рядом мальчишки, свои и чужие, торопящиеся к середине моста, а внизу густая зелень глубокой воды.

— Ты, пацан, долго еще будешь мешаться под ногами? — словно хлестанул его чей-то пренебрежительный высокий голос.

«Эх, была не была», — только и успел себе сказать Юрка и решительно, закрыв глаза, прыгнул солдатиком в воду. Очутившись на глубине примерно двух метров, он вспомнил, что позабыл перед прыжком набрать воздуха. Испуганно открыв глаза в воде, он судорожно и с силой задвигал руками и ногами, стремясь быстрее приблизиться к световой поверхности. Но ему показалось, что он очень медленно выплывает из воды, неожиданно ощутив тревожные удары пульса не только в голове, но и в теле. И вот наконец-то она, спасительная поверхность, жадный глоток воздуха, затем еще, слезающиеся от воды глаза, которые различают, пусть и смутно, насмешливый взгляд Ильдуски, конечно же, зафиксировавшего его первый прыжок. «Ничего, пройдут слезы — я еще раз прыгну. Теперь я не забуду про воздух», — подплывая к берегу, подумал Юрка. И через некоторое время, посидев около Наиля, еще не оправившегося от боли в животе, он снова пошел к мосту.

Нырнув раз пять солдатиком, Юрка отважился на полет ласточкой. Он заметил, как это делали мальчишки. Оттолкнувшись от козырька, как от трамплина, он будто на мгновение завис в воздухе в горизонтальном положении с вытянутыми в стороны и вытянутыми в носках ногами, а затем камнем полетел вниз. Так и вошел он в воду, позабыв вытянуть руки вперед. Но ничего, на ошибках учатся. И он, обрадовавшись тому, что сумел преодолеть страх и нырнуть вниз головой, стал повторять снова и снова это упражнение, стараясь реабилитировать себя в глазах великолепно-го ныряльщика Ильдуса.

— Юрка, ты когда-нибудь нырял, что ли, ласточкой без нас? — спросил его Генка-Морж. — Уж очень быстро у тебя все получилось, — почти с похвалой сказал он. — Мы этому учились не один день, а с неделю, может, и больше. Не так ли, пацаны? — спросил он, когда они возвращались домой.

— Точно. Не все у нас сразу получалось, — поддержал его Чулпан. — Мы долго ныряли солдатиком. А ласточкой — так сколько раз отбивали себе животы, как Наилька сегодня. Но он молодец, терпелив и еще научится нырять как мы. Верно, Наиль? — спросил он его спокойно.

— Верно, — ответил спокойно и Наиль.

— Юрка, неужели ты смог за один день так научиться нырять? — спросил его и Ильдус, не услышав ответа на Генкин вопрос. — Такого быть не может. Ты что-то скрываешь от нас.

— Ничего не скрываю. Я просто заставил себя делать то, что и другие, — ответил Юрка и добавил с иронией: — Я же примерный пионер.

Природные дарования упражняй!

Мальчишкам быстро надоедает однообразие. Хочется чего-то еще и еще. Им нужно, пока они растут, движение и еще раз движение. А что может быть лучше соревнований в спортивных играх? Есть мяч — играют в футбол, волейбол, баскетбол. Имеются городки — соревнуются в выбивании фигур. Кто-то сделал «махнушку» — пушистый мех со скрепленным проволокой свинцом с обратной стороны гладкой кожи, считают за доблесть выбить одной ногой в ботинке, не давая ей упасть на пол или землю, раз до пятисот, не боясь набить грыжу, как этим пугали их взрослые. Или попеременно обеими ногами подкинуть ее вверх хотя бы до ста раз, столпившись в конце двора, а если непогода — в любом общем коридоре.

Сегодня мальчишки собрались играть в футбол с пацанами из «мергацкого» дома, что на улице Дзержинского. Те накануне им кинули вызов. На Черном озере в низине, где зимой заливали

каток, по просьбе администрации детского парка к местным властям были установлены плотниками настоящие футбольные ворота с сетками, повыше волейбольная площадка с сеткой, а недалеко от нее — баскетбольная площадка с щитами, на которых укрепили корзины — обручи с сетками. И никто эти сетки не снимал даже на ночь. Все ребята понимали — это их достояние, это сделано для них.

К девяти часам объединенная команда соседних дворов была на Черном озере. Утреннее солнце давно выкатилось из-за домов, освещая и травянистую низину футбольного поля. Воздух еще был чист, прозрачен и свеж. На игровых площадках и около них было уже много мальчишек и девчонок. Девчонки пришли и из Юрино-го двора и даниловского: им кто-то рассказал о предстоящей игре. Нина и Мапа принесли с собой в портфелях бинты, йод, вату и примочки, а Венера, Люся и Назия в тряпичных сумках — бутылки с питьевой водой. Но они пока это держали от мальчишек в секрете.

— Вот это поле! Настоящее футбольное поле! — с удивлением воскликнул Генка-Хрюня (он мыться не любил и купался с неохотой даже летом в озерах и речках).

— Да, поле что надо. Не то что у бани, — поддержал его Рафаэль. — Когда здесь все успели сделать только? Мы еще тут нынче не бывали, — он научился хорошо говорить по-русски. — Смотрите, девчонки с пацанами играют в волейбол, другие — в баскетбол! — громко сказал он и добавил тише: — Тяжело нам придется сегодня. Мы еще на таком поле не играли.

— Ничего, постараемся хотя бы не опозориться, — дипломатично выговорил Чулпан, посмотрев на товарищей. — Они здесь давно сыгрались и привыкли к полю. Но и мы не лыком шиты, хоть как-то тренировались и во дворе, и на площади, и у озер за Казанкой. Я думаю, не сдрейфим.

Тут подошел к Юрке товарищ, с которым он когда-то в Пассаже у дяди Миши учился столярному делу, и сказал, показав на соперников:

— Они всех обыгрывают. У них самый большой дом на улице, если не в городе, пацанов хватает. Да и сыгрались они, — подтвердил он слова Чулпана. — Вам трудно придется, проиграете вы.

— Волков бояться — в лес не ходить, — ответил поговоркой Юрка и добавил: — То-то они вчера, когда шли в баню, остановились, посмотрели, как мы играем, и чуть ли не с бахвальством предложили нам встретиться с ними командами одиннадцать на одиннадцать. Даже мяч свой пообещали на игру. Наш-то старый: покрывалка и камера не раз чиненные, — зачем-то сказал он.

Мергацкие были одеты в спортивную форму: черные трусы, светлые майки, гольфы желтого и зеленого цвета, ботинки, у некоторых с шипами (бутсы).

— Богатые, уж больно выглядят интеллигентно, — заметил вслух Юрка.

— Они и есть интеллигенты, — подтвердил Юркин товарищ. — У них отцы и матери писатели, бухгалтера и инженера.

— Ничего, — спокойно сказал Чулпан, лучший нападающий команды. — Главное — не растеряться и играть дружно с самого начала и до конца. Но не кучей, как мы играли во дворе, а как за Казанкой, — напомнил он, — рассредоточившись по полю. Каждый возьмет на себя игрока и будет контролировать его действия. Наиль, Гена и Борис, вы будете на защите! Где кто будет играть по краям и в центре, решите сами. Полузащитниками будут Вадим, Рафаэль и Витя. Шура будет блуждающим форвардом. Я играю в центре нападения, Юра — на правом крае, Ильдус — на левом. Ты, Гена, — обратился он к Хрюне, — будешь стоять в воротах. Лучше тебя у нас нет вратаря: ты умеешь брать и верховые, и падать на мяч, не боясь запачкаться, — с похвалой заметил он. — Постарайся побережись, выхватывая мячи из-под ног. Тебе замены нет. На тебя большая надежда, запомни это, — попросил его Чулпан. — И еще: все мячи, какие можно, пасуйте тому, кто окажется ближе к воротам. В случае чего и сами не забывайте бить по воротам, но не жадничая. Вот, кажется, и все, — закончил он. — Жаль, что не у всех у нас ботинки на ногах. Голыми ногами, да еще у некоторых и в цыпках, много не наиграешь. Но надо постараться. В случае чего — запасных у нас хватает, — посмотрел он на товарищей, оставшихся пока вне игры.

Раздался свисток судьи, парня лет семнадцати. Он вызвал команды на середину поля, показав это и жестом руки. Построившись полукругом, напротив друг друга, полубосоногая и без маек команда Чулпана услышала громкое и бодрое приветствие капитана мергачих — уштанного, коротконогого подростка.

— Гордые буревестники приветствуют вас, таинственные незнакомцы! — ломким басовитым голосом выкрикнул он и после небольшой паузы добавил: — Физкульт-ура!

— Ура! Ура! Ура! — дружно подхватила клич капитана команда.

Чулпан чуть выступил вперед, посмотрел на растерявшихся мальчишек, они никогда никого еще так не приветствовали, и, как бы посоветовавшись с ними, прокричал как можно четче:

— Дружественная команда «Белый барс» приветствует мергачих буревестников! Физкульт-ура!

— Ура! Ура! У-ура! — вразнобой и не так громко поприветствовали мальчишки из «Барса» команду «Буревестника».

— Капитаны, ко мне! Пожать друг другу руки! — приказным тоном предложил им судья. После приветствия он стал давать наставления: «Во время игры не спорить, играть честно, слушать свисток! За грубость и пререкания с судьей буду удалять с поля и наз-

начать штрафные удары, — сказал он строже. — Играете два тайма по тридцать минут. Заменять игроков можете в любое время и в неограниченном количестве. Ясно? — посмотрев на обоих, спросил он и добавил: — Сейчас я метну монету, кому выпадает орел — выбирает ворота, другая команда введет мяч в игру с центра поля. После первого тайма поменяетесь воротами.

После процедуры с метанием монеты команды заняли свои места, и по свистку судьи началась игра. Мяч с центра поля разыграли буревестники. Их тройка нападающих, передавая мяч друг другу короткими пасами, уверенно устремилась к воротам барсов, обойдя полузащитников. Но войти в штрафную площадку им помешал Наиль. Он, как таран, налетел на их капитана, чуть не свалив его своей массой, и выбил ударом босой ноги мяч из-под него в аут, поближе к воротам противника.

Мяч из аута выбросил своему быстрому полузащитнику Цыпе коренастый Котя. Они с самого начала игры стали называть друг друга по прозвищам. Вероятно, скрывая имена, они думали этим произвести на противников какое-то впечатление. Цыпа, определив Рафаэля, ловко принял мяч на грудь, слегка вогнув ее, и тут же, не дав упасть ему на землю, отпасовал левому нападающему Стрелке. Но физически крепкий Генка-Морж успел перехватить мяч у Стрелки и повести его к воротам буревестников. Сначала он обошел центрального полузащитника в белой майке с нарисованной темной краской цифрой «шесть», а затем и защитника — хилого подростка, показал вратарю движением ноги и глазами, что хочет бить по воротам в левый угол, но, видя, что рослый сухопарый вратарь начеку, готов принять мяч, неожиданно отпасовал его подбежавшему Чулпану. И тот с ходу забил его щечкой босой ступни в правый угол.

— Го-ол!!! — закричали и дружно зааплодировали болельщики, с восхищением посматривая на героя первого забитого мяча и его ассистента.

Такого неожиданного оборота никак не ожидали буревестники. Они даже растерялись на какое-то время, это было видно по их лицам. Но после ввода ими мяча с середины поля игра в первые минуты не совсем удачно сложилась для барсов. Передавая короткими, средними и длинными пасовками мяч друг другу, буревестники все чаще и чаще прорывались к штрафной площадке соперников. То и дело было слышно:

— Чугун! Стрелка! Цыпа! Каток!.. Бей по воротам! Кати мяч в угол!..

Однако мяч упорно не влетал в створки ворот Генки-Хрюни. То он брал его цепкими руками в ловком прыжке сверху, то с одного боку, то с другого. Мяч отбивался на угловой за поле и натывался на ноги, тела и головы самоотверженных защитников «Барса», преграждавших путь к воротам. Они, отобрав мяч, стара-

лись пнуть его ударом босых ног хотя бы подальше от ворот, а иногда и на середину поля своим полузащитникам или нападающим. И это у них неплохо получалось, особенно у Наиля. Вот он, приняв мяч левой ногой, тут же отпасовал его Рафаэлю, тот точным ударом перепасовал его Юрке, а он с ходу — Чулпану. Тому ничего не оставалось делать, как ногой бить точно по мячу между набежавшими защитниками.

— Го-ол!!! Вот это гол!! Точно в девятку! — снова закричали и зааплодировали болельщики. — Мо-лод-цы!

Закончился первый тайм. Обескураженные буревестники в перерыве, сбившись в кучу за полем, стали обвинять друг друга в неудаче. Только закурив дорогие папиросы, усевшись на траву, они заговорили спокойнее.

— Мощный защитник у них без левого глаза. Надо стараться обходить его справа, — дал первый совет игрокам нападения обиженный на Наиля капитан. — Он пару раз чуть не свалил меня на землю, да и вам не меньше от него досталось, — говорил он товарищам сердито. — И вообще надо увеличить темп во втором тайме и не ждать, когда мяч попадет на ножку. Привыкли играть со слабаками. А эти, вы все, наверное, заметили, физически подкованы лучше нас и сыгрались не хуже, хоть и половина у них играет босиком...

К команде Чулпана, отдыхающей у скамеек на траве, вновь подошел Юркин знакомый. Улыбаясь, он, когда на него обратили внимание, радостно заговорил:

— Здорово вы их! От расстройства интеллигенты пикарные «Дели»закурили! Думали, сильнее их нет никого! А тут — вы! — проговорил он с восхищением. Сейчас сидят и придумывают, как прижучить вас! Так что берегитесь!..

— Поди-ка ко мне, — перебил его Юрка и грубо сказал: — Пошел бы ты, стукач, на хутор бабочек гонять. Пугать вздумал! Чтoб я тебя здесь больше никогда не видел. Ты понял меня, понял? — резко спросил он.

— Понял, — испуганно сказал стукач и отошел подальше от команды.

А Чулпан продолжал спокойно говорить:

— Этот тайм мы выиграли благодаря слаженности и скорости. Да и повезло нам с голами. Но так всегда не бывает. У них тоже имеются хорошие игроки. Лишь одно у них было плохо: каждый их атакующий игрок стремился сам, без помощи партнеров, забить гол. Но благодаря Генке, его самоотверженной игре этого не произошло. И Наиль отыграл первый тайм здорово. И вообще первый тайм отыграли все хорошо. Но кое-кто, не обижайтесь, к концу игры выдохся. Во втором тайме не будет играть Ильдуска, — недовольно сказал Чулпан. — Посмотрите на него — он курит. По этой же причине не будет играть Витька. У Наиля содрана кожа до

крови, — показал он на его распухшие ноги. — Заменяй их Грипка, Вилька и Вовка, — категорично заявил он. — Итак, — не услышав возражений, продолжил он, — буревестники сейчас накурятся, нормальной дышалки у них не хватит на всю оставшуюся игру, они, возможно, начнут грубить: ставить подножки, «подковывать» нас. А в начале игры они поднажмут — взвинтят темп, играть постараются технически грамотно. Поэтому наша задача — вначале выдержать их штурм, а он обязательно последует в первые пятнадцать минут. Ну а потом уж мы, когда они выдохнутся, атакуем их по всем правилам. А если они попробуют грубить, мы тоже покажем, как это делается. Всем все ясно? — спросил он ребята.

— Ясно! — как можно дружнее ответила команда.

Второй тайм не сулил ничего хорошего «барсам». Один за другим в ворота Генки были протолкнуты через скопления защитников и полузащитников мячи. Их забил Чугун — капитан буревестников и юркий, техничный полузащитник Попик. Отчаянный штурм, как и предполагал Чулпан, длился минут семнадцать. Но два гола им достались нелегко — они устали, выдохлись, перестали контролировать игроков противника. А затем последовали с их стороны грубости. Особенно после того, как им были забиты еще два гола, Вилькой и Шуркой. Чулпан хромал уже на двадцатой минуте, Генка-Морж от явно сильного толчка на вытоптанной от травы штрафной площадке упал неудачно, повредив правый бок, у Юрки треснул насквозь носок у ботинка от шипа бутсы, подставленной ему во время удара по мячу Цыпой.

Посмотрев с сожалением на испорченный хромовый ботинок, Юрка чуть не заплакал — не от боли, а от обиды. «Вот гад Цыпа, испортил обувь, Зоин подарок. Боль — ерунда, выдержу... А вот ботиночек-то жаль, тю-тю ему. Когда еще мать купит новые...» Не выдержав предвзятого судейства в пользу буревестников, он подбежал к судье и грубо, на что обратили внимание все, выкрикнул ему:

— Ты, фрайер козлийный, если будешь и дальше так судить, смотри, тебе не поздоровится. Не вздумай раньше, после моих слов, до окончания игры смыться! — посмотрел он на своих товарищей, подбегавших вместе с буревестниками к месту назревающего конфликта, — а не то догоним и свисток в одно место вставим. Понял? — угрожающе спросил он.

Увидев злые лица барсов, физически крепко сложенных, судья испугался и только промямлил:

— Я же вроде сужу правильно, пока ничего такого не было.

— Ну давай, суди правильно, а не то отправим на мыло, как того требуют давно болельщики, — не выдержал и Генка-Морж. — А вы, — посмотрел он грозно на мергачких, — товарищи интеллигенты, если будете и дальше ставить подножки и накладки, лягаться как олени, — рога пообломаем.

После свистка игра возобновилась. Юрка, психанув, — все равно ботинок не вернешь, — стал по полю носиться словно наскипидаренный. Вот он, опередив защитника, пробивает мяч низом точно в ворота, следующий забивает головой. Затем, с его подачи, Вилька вколачивает сильным ударом еще один гол. И завершается игра пенальти: на штрафной площадке уложили подножкой и тычком в спину двое защитников «Буревестника» Шурку-Холохона.

Точный удар в левый угол ворот, и Шурка выводит команду барсов в победители с явным преимуществом: восемь-два.

Раздался протяжный свисток судьи, возвестивший об окончании игры. К барсам, пьющим из бутылок воду, подошел смуглый, коренастый, известный всем казанским болельщикам знаменитый футболист из «Динамо» дядя Петя Медун. Он сразу же оценил их игру, сказав:

— Ну, пацаны, вы даете! Мне понравилась вапа игра, а главное — вапа спортивная злость. Хотите заниматься футболом всерьез? — спросил он и добавил: — Мне поручено руководством «Динамо» найти и организовать команду из мальчишек примерно вашего возраста. Тренировать буду тоже я. Приглашаю вас и буревестников, я им уже сказал, завтра к десяти часам на стадион «Динамо». Придете? — спросил он, не сомневаясь в ответе.

— Придем! — обрадовались мальчишки.

Когда дядя Петя ушел, торопясь куда-то, мальчишки заговорили о нем.

— Здорово! Сам Медун пригласил нас к себе тренироваться! — воскликнул Борька и добавил: — Говорят, он играл за московское «Динамо», а в конце войны его пригласили играть за казанское.

— Таких футболистов, как он, раз, два и обчелся. Я слышал, что он недавно на матче Казань «Динамо» — Горький «Метеор» ударом ноги по мячу сломал штангу у ворот, — заметил Генка-Хрюня. — Вот это был удар так удар!

— А еще, что от его удара по мячу, таким он был сильным, сетка порвалась в воротах у московского «Локомотива»! — вступил в разговор и Гришка. — Мне об этом говорил Сашка, брат мой.

— То, что он лучший нападающий, слов нет, — сказал о Медуне и Чулпан.

— Вы все видели, как за одну игру он забил спартаковцам пару блестящих голов. Завтра пойдем к нему и посмотрим, как он и нас будет обучать этому.

На футбольные матчи, проходящие в основном на стадионе «Динамо», мальчишки большей частью проникали через забор за музеем Горького, недалеко от проходной, где стояли неприступные контролеры. Там реже всего им встречался Колчак — то ли сторож, то ли комендант стадиона — презлющий дядька огромного телосложения, что в вышину, что в ширину. Он, как кутят, под-

таскивал к проходной безбилетников и выпывывал их за нее, иногда и пинком ноги. Боялись его не только пацаны, но и взрослые. Но все равно лезли со всех сторон на стадион безбилетники, где можно было, особенно когда проходили кубковые межгородские соревнования. Они знали, что всех он не выловит. А теперь, подумали мальчишки, возможно, их будут пропускать на матчи как юных динамовцев без билетов.

На другой день дядя Петя пришел точно в назначенное время. Мальчишки встали со скамеек, как в классе, и с трепетным уважением поздоровались с ним. В руках у дяди Пети была большая сетка с настоящими футбольными мячами. Он стоял на беговой дорожке и молча с сосредоточенным вниманием рассматривал будущих динамовцев, с которыми ему надлежало поработать, чтоб слепить из них что-то.

— Э-хе-хе, — вымолвил он наконец с сожалением. — Я смотрю, не у всех у вас на ногах имеется обувь. Босиком много в футбол не наиграешь. Ну, да что-нибудь придумаем. Это я обещаю вам. А пока раздевайтесь до трусов, пробежитесь по кругу раз пять. Не спеша, кто как сможет. Беговые дорожки подметены. Лучше всего пробежаться всем босиком.

Смешавшись друг с другом, барсы и буревестники по команде дяди Пети, предварительно глянувшего на секундомер, побежали по ровной жесткой дорожке вдоль зеленеющего травкой поля. Вскоре, уже на третьем круге, барсы оторвались от буревестников на изрядное расстояние, тем непривычно было бегать без обуви. Но и они справились с поставленной задачей. После этого мальчишки под руководством тренера выполнили общеразвивающие упражнения для всех частей тела, а затем на растяжку мышц ног, рук, корпуса и шеи. Только после этого они, разделившись, поиграли два тайма по пятнадцать минут в настоящий футбол.

В конце тренировки дядя Петя сказал:

— Всем принести пару фотографий три на четыре и по пятьдесят копеек вступительных взносов. Вы получите удостоверения юных динамовцев. С ними будете ходить сюда на любые футбольные матчи.

Хорошо было тренироваться мальчишкам у знаменитого футболиста дяди Пети Медуна. Вместе с удостоверениями «Юный динамовец» им выдали синие трусы, майки, футболки с буквой «Д», гетры со шитками и бутсы. И все это, как он сказал, благодаря министру внутренних дел республики Павлу Николаевичу Горбулину, который специально посылал людей в Москву, чтоб они там закупили для них спортивный инвентарь. Одно тревожило мальчишек — к дяде Пете часто приходили его знакомые, друзья и просто почитатели его таланта. Они обязательно его угощали водкой и вином, расхваливая голы, забитые им в тех или иных играх.

Слабость к алкоголю привела дядю Петю к тому, что на последнем матче с астраханским «Волгарем» он не только не забил ни одного гола, но и было видно, что он потерял вместе с точностью и физическую подготовку. А потом он вообще перестал играть за команду и не стал приходить на тренировки, позабыв о мальчишках, которым пришлось долгое время «вариться в собственном соку».

Лишь глубокой осенью, когда выпал обильный снег, дядя Петя появился в даниловском дворе. Он, не узнав Чулпана и Юру, виноватым голосом спросил у них:

— Ребята, я вам случайно футбольную форму не давал? Хожу по дворам и не могу разыскать тех, кто у меня тренировался. Так уж получилось, — вновь, словно извиняясь, тихо проговорил он. — Меня увольняют с работы, требуют форму вернуть. Помогите, пожалуйста, разыскать их.

— Форма у нас, дядя Петя! — перебив его, воскликнул громко Чулпан. — Куда принести ее? — спросил он и добавил: — Мы и мергаким скажем, чтоб и они принесли.

— Если можете, не тяните, ребята: завтра к десяти и принесите на стадион. Мне надо домой, в Москву поторопиться. А меня уж простите.

Так и закончилось хорошее начинание. То ли не заметил дядя Петя в мальчишках будущих спортсменов-футболистов, то ли водка оказалась сильнее его задумок. Только жаль, что все так грустно закончилось.

Новая школа и новый директор

С улицы Чернышевского учащихся школы № 24 перевели в четырехэтажное здание на улице Пушкина. Во время войны там был госпиталь. Эту школу, конечно же, не сравнить с той — высокая, светло-желтая, с большими окнами и просторными классами с паровым отоплением и даже спортзалом. Расположена она была в глубине просторного двора, где перед фасадом с широким крыльцом и толстыми, чуть ли ни в метр каждая, поручнями, со ступеньками из серого гранита, ведущими вниз к двухстворчатой массивной двери с бронзовыми витыми ручками, на всем протяжении росли по краям у забора ухоженные березки с кленами, в центре — яблони с плодово-ягодными кустарниками, цветы на круглых клумбах, и всюду врытые в землю удобные, покрашенные в зеленый цвет скамейки.

За школой, на заднем дворе, в самом углу высилась железной черной трубой своя из красного кирпича котельная. Не то что в той, где приходилось печки в каждом классе отапливать до уроков дровами, часто прихваченными учениками где-то по пути. Придут

заранее, натопят печки, иногда и с дымком, но зато хорошо, тепло. А если тепла не было — просто беда: чернила замерзали в чернильницах. Но странно, почти никто не болел из-за холода в школе. Возможно, из-за ежедневных завтраков — половины белой булочки с жидким чаем или пустыми пами, где капуста гонялась за капусткой, но все равно это была какая-то добавка к их скудному пайку. Недалеко от котельной располагался вместительный амбар из красного же кирпича с железной крышей, около которого были уложены ровным рядом друг на друга толстые и тонкие бревна, а рядом — гора из каменного угля. Остальное место обширного двора занимал пустырь, кое-где с невытопанной травой вдоль высокого дощатого забора, отгораживающего от соседних невысоких домов — деревянных и каменных — территорию школы. Этот пустырь сразу же облюбовали прогульщики и двоечники. Здесь они часто вместо уроков играли на деньги в чикку, кассу, секу, буру, очко, а если не было денег — в козла, махнушку и, когда имелся мяч, в футбол и баскетбол. Учителя появлялись здесь изредка, и то по необходимости, когда кто-то из их учащихся дрался с кем-то, не поделив что-то, или слишком уж многих не было на уроках. Но разве остановишь или поймаешь этих сорванцов? Они быстро исчезали в проходных — подкопах под забором или отломанных от досок щелях.

С первых дней в компанию себе подобных вписался и Юрка Кардин. Ему не понравились слова учительницы Вассы Дементьевны, которая сразу же на воспитательном часе предупредила его, сказав при всем классе:

— Ты вот что, Кардин, если на тебя в течение учебного года поступит еще хоть какая-то жалоба — тебе не учиться больше ни у меня, ни вообще в школе, — смотрела она сердито темными глазами на ученика, портившего ей показатели класса. — Смотри-ка на него, — нервно говорила она, — в конце того учебного года, часто пропуская уроки, закончил класс еле-еле, учился как пень через колоду, — громко добавила она, отчего класс захихикал. — Плохо вел себя во время летних каникул в позапрошлом году, побывав с беспризорниками в детском приемнике. Были жалобы на тебя со стороны родителей, например, Капиной, которой ты взорвал пасхальные куличи с пирогами в печке, — класс расхохотался еще громче, услышав такую новость о Юрке. — Да и сорванные яблоки в саду, как стало известно, дело твоих цепких рук. В общем знай — в этом учебном году я возьмусь за тебя как следует, дерзкий мальчишка, чтоб ты не позорил меня и класс. Если ты...

Дальше учительнице не дал договорить Юрка. У него особенно отложились в сознании, будто прилепились к душе слова, которые он посчитал до обиды оскорбительными для собственного, пускай еще и детского самолюбия, — это пень и колода. Не выдержав

ее напористой речи, он по-уличному, по привычке, глянув в ее горящие от гнева глаза, почти неосознанно вымолвил:

— Вот привязалась, паскуда.

В классе стало тихо. Даже слышно было всем, как залетевшая оса, жужжа, стала биться о стекло, пытаясь вырваться на волю. Учительница с открытым ртом, постояв некоторое время в оцепенении, вероятно, молча обдумывая слова ученика, опаравившие ее, вдруг сорвалась с места и выбежала из класса. Вскоре она возвратилась с директором, которую в школе уважали и не боялись: слишком мягкосердечной она была даже к шалунам и двоечникам.

— Кардин, ты сорвал урок воспитания, — сказала директор как можно строже. — Ты, вероятно, позабыл за лето, что здесь не улица, а школа — храм науки. Разве можно в школе, да и в любом другом месте, выражаться плохими словами? Сейчас же попроси у Вассы Дементьевны прощения!

— Не буду. Я ей не пень и не колода. Она первой обозвала меня, — обиженно и грубо сказал Юрка.

— В таком случае придется вызвать в школу твою маму, — спокойно сказала директор и, сморщив высокий лоб под жидкими приглаженными крапеными волосами, будто вспомнив что-то, мягко спросила: — А твой папа не вернулся с фронта? Он, кажется, без вести пропал.

— Не вернулся, — буркнул Юрка. — И мама прийти в школу не сможет: ее отправили с работы за город, на подсобное хозяйство, овощи убирать, на неделю, а может, и больше, — как можно внятнее добавил он.

С того дня словно черная кошка пробежала между Юркой и Вассой Дементьевной. Когда он бывал на уроках, она, будто не замечая его, не спрашивала у него ни устных, не письменных заданий, если он даже не подавал тетради с домашними упражнениями, пропускал уроки, ни слова не говорила об этом. Юрка, из-за пренебрежения к нему со стороны учительницы, в отместку стал нарушать дисциплину: громко разговаривал с соседями во время занятий, подговорил таких же, как он, нерадивых учеников мычать носом с закрытым ртом (об этом способе вывести из себя учителя Юрка прочитал в книге «Республика ШКИД»), показал, как ловить мух на освещенной солнцем стене школы, пряча их в спичечную коробку, приносить на уроки и, измазав им брюшко и лапки в чернилах, отпускать их летать по классу. Мухи, в поисках мест для очищения от чужеродной примеси, чаще всего садились на белые листы открытых тетрадей и учебников, оставляя на них кляксы. Недовольный ропот хорошистов и отличников (они уже боялись Юрку и его товарищей-озорников) выводил из себя и Вассу Дементьевну. Она выгоняла его и еще двоих-троих из класса, чтоб они не мешали остальным нормально учиться. А они и рады были

этому: в классе присутствовали, «не виноваты», что их удалили с уроков. Можно поиграть на заднем дворе в махнушку или пойти в кино, тем более что там после войны шли друг за дружкой интересные трофейные фильмы.

А недавно, когда учительница писала на доске задание в двух вариантах по математике для контрольной работы, Юрка придумал новую проказу. Вытащив кусачую вошь из-под мышки — большую, темную, напившуюся крови, он громко шепнул сидевшему в соседнем ряду однокласснику:

— Рустемка, лови насекомую! — шелкнул он ее двумя пальцами, предварительно положив вошь на поверхность сжатого кулака.

Рустемка, в свою очередь, быстро разыскал вошь и таким же макаром отправил ее Юрке. Глядя на них, мальчишки, у которых тоже не переводились эти паразиты, начали пулять ими друг в друга. В классе поднялся шум и гам. Урок был сорван. Контрольную перенесли на следующий час. А на другой день ребят отправили на обработку в санпропускник.

Знакомые женщины, когда не было школьных каникул, часто встречали своих подопечных в санпропускнике и в годы войны, и теперь в первый послевоенный год.

— Опять обовшивились, чертенята! — словно удивляясь, весело встретила их в белом халате светленькая, полненькая небольшого роста фельдшерица баба Нюра. — И откуда они у вас только и берутся? Головы без волос, сами вроде бы чистенькие — чесотки не видно, — говорила она, пока мальчишки раздевались. — Неужели и впрямь они заводятся не только от грязи, а и от скудного пайка, что выдают? — спросила она то ли ребят, то ли себя. — Скорее бы отменили эти карточки, что ли. А то и по ним выдают по кусочку мыла на каждого, — с сочувствием смотрела она на мальчишек, давно не стесняющихся женщин, работающих здесь. — Ну, ничего, сейчас вам Капа накапает мыла, отмоетесь. Будете чистенькими и блестящими, как рыбки. Перед вами мылись девчонки из восемьдесят третьей — вот им действительно тяжело избавляться от паразитов фашистских: у них волосы. Но ничего, и они отсюда ушли довольнешенькими и чистенькими, в прокаленной одежонке, — сообщила и это мальчишкам словоохотливая баба Нюра.

— Становись, архаровцы, по одному! — вышла из душевой с мокрой щеткой румяная, как спелое яблоко, строгая, но красивая Капа. Поставив щетку в угол раздевалки, она грубоватым голосом приказала: — Заходить всем без крика и по очереди!

— Капа, может, нам и по росту встать? — почти по-свойски спросил ее Юрка. — Только прикажи — исполним все твои желания, — смелее добавил он.

— Ба! Никак Юрка! Вырос-то как! Давно не видела тебя у Шурки, — осматривала она его со вниманием. — Крепеный стал, мускулистый, интересенький, — с какой-то особенной теплотой говорила Капа. — Заходи к нему. Ведь вместе ходили в детский сад. И после ты приходил к нему поиграть. Тем более он вспоминает о тебе. Приходи, — ласково сказала она ему.

Шурка, живущий во дворе санпропускника в двухэтажном доме, как-то рассказал Юрке, что Капа — фронтовичка, была ранена в грудь и контужена в 1941 году. Об этом он узнал, подслушав разговор старшего брата Степана со средним Григорием. Степан подружился с Капой в тот же год, когда она после госпиталя поступила сюда на работу. А в 1943 году пришла пора воевать с фашистами и Степе. Погиб он в 1944 году от пули немецкого снайпера. Пал смертью храбрых при взятии Берлина и Григорий, который хотел после победы жениться на Капе. Недавно Юрке поведал о том Шурка, когда они повстречались в кинотеатре «Унион».

Юрке сейчас почему-то очень захотелось увидеть рану Капы. Но через синий, хоть и тонкий, промокший от пара халат, вероятно, надетый на голое тело, обрисовывающий почти во всех деталях ее стройную, как у античной статуэтки, фигурку с высокой, словно заполненной молоком, грудью, разве ее увидишь? Мальчишки, наблюдая за Юркой, с затаенным дыханием рассматривающим ноги, фигуру и голову с собранными в изящный пучок светлыми завитушками на затылке под разрисованным гребнем Капы, поборов в себе стыд, тоже уставились на ее прелести, словно на бесценнейшую картину в художественном музее. Они завидовали своему товарищу, удосужившемуся в этот раз обратить на себя недоступное для них внимание красавицы.

— Юрка, за мной, остальные за ним! — прервав сладкие мечты мальчишек, снова грубоватым тоном приказала она и открыла дверь в жаркую душевую.

Капа встречала мальчишек за дверью в просторной с раскаленным воздухом, как в парилке, душевой, черпала из кастрюли, которую держал Юрка, большой ложкой жидкое, черное как деготь, резко пахнущее мыло и клала его на подстриженную голову. Волосы разрешалось носить с восьмого класса. Мальчишки быстро отходили от нее, прижимая голову руками, чтоб не уронить ни единой капли на цементный пол, и в сторонке старательно изо всех сил растирали плохо пенящимся мылом голову и тело. После этого они устремлялись к мраморным лавкам, где стояли тазы, затем к кранам с горячей и холодной водой или под стремительные потоки струй душевых установок. Смыв первый слой мыла, они спешили за второй порцией, она же была и последней, как здесь полагалось. Капа вскоре ушла, торопясь куда-то, сказав перед этим Юрке: «Проследи, пожалуйста, за порядком — я ухожу по делам. Пусть каждый обязательно помоеется с мылом еще раз. Кастрюлю

и ложку помойте горячей водой и отдайте их бабе Нюре! На сегодня заявок больше нет. До свидания!».

Пока мальчишки мылись, их вещи, засунутые в мешочки с номерами, прокаливались в другом помещении. После мытья их раздала им сухопарая долговязая тетя Дора. Не любящая много говорить, она молча сунула мальчишкам небольшие ножички, скальпели, половинки от лезвий бритв и только сказала:

— Выскоблите из одежды зажатых вшей и гнид.

Посвежевшие от пара и горячей воды мальчишки уселись на скамейки и стали вычищать из складок одежды мертвых насекомых, при этом весело шутя.

— Сережка, глянь, какую вошь я выковорил! — обратился к нему Вовка. — Не вша, а целый Гитлер попался!

— У тебя ерунда! Вот у меня пузатый Геринг так Геринг! — показал всем на острое скальпеля вошь Рустемка.

— А у меня целый выводок закопался в пшвах рубахи, как у немцев в окопах под Сталинградом! — выкрикнул отличник Айратка.

— Откуда ты знаешь, что у немцев тоже были вши? — спросил его лодырь Пашка.

— Ты чего, радио никогда не слышал или в газетах не читал? — в свою очередь спросил его Айратка. — Они и принесли на нашу землю своих вшей.

Пока разговаривали и чистили рубашки, трусы, майки и носки, выковыривая из них заразных насекомых, мальчишки обсохли в теплой раздевалке, затем оделись и, поблагодарив за горячий прием тетю Дору и бабу Нюру, попрощались с ними до следующего раза.

Новый директор появился в школе неожиданно, стремительно включившись в учебно-воспитательный процесс. Встречая в вестибюле школьников, он оценивающим взглядом провожал их в классы, возможно, думая: «Сколько же среди них хорошо успевающих учеников и неуспевающих, дисциплинированных и нарушителей? Чем живут они сейчас, о чем думают?..»

А учащиеся, поглядывая на незнакомого мужчину в военной офицерской форме без погон выше среднего роста с красноватым римским с горбинкой носом, сосредоточенно-внимательными серыми глазами и небольшим ртом с плотно сжатыми тонкими губами над волевым, почти квадратным подбородком, гадали: «Что за строговатый вояка без погон? Что привело его сюда? Чей-нибудь родитель, демобилизовавшийся только что из армии? Не похоже: радости нет в глазах. А не мент ли это, не успевший получить другую форму? Уж очень придирчиво, как лучом рентгена, просверливает каждого входящего сюда. Стоит, как памятник у квадратной колонны, и молчит».

Раздался звонок на урок. Тут и ожил таинственный незнакомец. Завидя опоздавших, входящих в вестибюль, он высоким голосом короткими фразами приказывал:

— Ко мне! Фамилия? Класс? Становись в шеренгу! — картавя букву «р», показывал он рукой, как регулировщик, налево в длинный коридор, хорошо просматриваемый им.

Юрка шел в школу не торопясь, вспоминая вчерашнюю оценку его достоинств Капой: «Крепенький, мускулистый, интересенький... Видимо, считает меня еще маленьким. А не то бы сказала просто — крепкий, сильный. Эх, почему я не взрослый? Я бы сразу женился на ней. У нее глаза только чего стоят — зеленые, как блестящий чистый изумруд, что я у Бори Царька видел, большие, ласковые, притягивающие, словно у хозяйки Медной горы из сказки Павла Бажова... А груди... даже соски, что выпячивались из-под мокренького халата, какие-то у нее манящие. А как мне было стыдно, но хорошо и трепетно, когда она поворачивалась и черпала ложкой мыло из кастрюли, касаясь одной из них моего лица или плеча... Я, когда отец уезжал в командировки, бывало, перебирался к маме на кровать и трогал ладошками, ласкаясь, ее груди и соски, наверное, еще по привычке раннего детства, пока она однажды не сказала: «Ты уже большой, Юра, тебе четыре года, а ты все свою бывшую кормилицу-титку трогаешь. Узнают твои товарищи — смеяться будут. Больше со мной спать не ложись.» А как на Капу смотрели мальчишки из класса! Но она говорила только со мной. Почему меня так тянет к ней и хочется прикоснуться хоть пальчиком к ее...?»

Не успел Юрка закрыть за собой массивную дверь, как услышал повелевающий резкий окрик незнакомого мужчины, вмиг избавившего его от навязчивого желания:

— Из какого класса? Фамилия? Быстро становись в конец шеренги!

Юрка с удивлением оглядел его, нехотя прошел по коридору, встал в строй и спросил предпоследнего — высокого юношу лет шестнадцати:

— Что за мужик здесь раскомандовался? Откуда он взялся — Сизый Нос? — тут же нашел он ему кличку. — Ты, случаем, не знаешь?

— Мне мама говорила, что у нас должен быть новый директор, — вежливо прошептал он Юрке. — Теперь мне от мамочки попадет, — чуть ли не плаксиво пожаловался ему интеллигентный юноша.

— Разговорчики в строю прекратить! — дал новую команду директор, шагая к середине строя. Остановившись, он выступил с короткой речью: — Разбаловались, распустились без отцов, пока шла война! Я быстро наведу у вас порядок! — пообещал он и пошел к выходу из школы, вновь приказав: — За мной шагом

марш! — и повел всех мимо одобрительно улыбающихся уборщиц Василии апы и тети Фроси.

Огибая школу, он вывел провинившихся на задний двор к амбару, открыл ключом здоровенный замок, откинул железную щеколду, прикрывающую металлическую дверь, открыл ее настежь и торжественно сказал:

— Времени осталось мало, прошу по одному в амбар! Взять метлы, грабли, лопаты и носилки! И за мной — на школьный участок! Сбежать никому не советую: запомнил всех! — говорил он уже на ходу, четко выпагивая в командирских сапогах рядом с ними.

На участке директор отдал последнее распоряжение: собрать опавшие с кустарников и деревьев листья, ветки, бумаги, накиданные по саду, и все остальное, что портит его вид, и сложить мусор в одну кучу у дороги. На все про все он дал им срок, оставшемуся от урока, минут тридцать пять, после чего пообещал проверить данное им задание.

За минуту до звонка он пришел на участок, осмотрел его придирчивым взглядом и, вероятно, торопясь по своим делам, вновь приказал:

— Бегом отнести все в амбар и обратно ко мне! Я жду вас!

Когда учащиеся прибежали обратно, директор, построив их лицом к фасаду школы, решительно сказал:

— Пропущенный урок — навестать! Я проверю завтра у каждого! Ясно?

— Ясно, — вяло ответили ученики, услышав звонок на перемену.

— Плохо отвечаете, товарищи учащиеся! — по-военному сделал замечание директор и еще строже спросил: — Ясно?

Учащиеся, увидев в открытых окнах насмехающиеся над ними лица ребят, строивших им пальцами носики-курносики, рожки и кривляющиеся рожицы, стремясь быстрее избавиться от настойчивого директора, выстроившего их на позорище перед всей школой, в этот раз ответили громко и дружно:

— Ясно!!!

— Замечательно! — чуть улыбнулся тонкими губами директор. — Теперь бегите в классы! И смотрите мне! — сказал им вдогонку, шагнув за ними к крыльцу школы.

Все окна тут же были закрыты перед шагающим в школу новым директором. Учащиеся сразу же, с первого дня его работы, почувствовали и увидели в нем стоящего, серьезного администратора.

На другой день — вот память! — директор обошел всех учеников, отсутствовавших накануне на первом уроке по известной причине. Пришел он в класс и к Юрке.

— Кардин выполнил задание пропущенного урока? — спросил он у Вассы Дементьевны.

— Кардин? — с удивлением переспросила учительница. — Да что вы, Александр Александрович. Он — будущий второгодник давно ничего не хочет делать: уроки пропускает, задания не выполняет ни в классе, ни дома, ведет себя вызывающе, как...

— Васса Дементьевна, — перебил ее директор, — извините, что оторвал у вас драгоценные минуты. Поговорим потом. А ты, Кардин, после занятий сразу же ко мне в кабинет, — обратился он к нему, как показалось всем в классе, не совсем доброжелательно.

В перемены и после окончания последнего урока одноклассники не советовали Юрке идти к директору, говоря:

— Не советуем мы тебе с Рустемкой еще раз попасться ему на глаза, — предостерег его Вовка. И добавил: — Ходит по школе как сын и повсюду наводит свой армейский порядок, все его боятся.

— Какой-то он злой и даже нервный, — заметил и Миша. — Попадет тебе.

— Лучше убежать и не показываться в школе дня два, — посоветовал Айратка, — а там, может, он и забудет о тебе.

— Не, ребя, я не трус. Схожу и позырю сблизу, что за пугало к нам прислали, — храбрясь, по-уличному сказал Юрка. — Во дворе я его не рассмотрел как следует. Лишь приказания его солдафонские запомнил: «Ко мне, бегом, фамилия, класс, построиться!». Схожу все же, и не в таких переделках приходилось бывать, — с загадочной небрежностью сказал он.

После крупного разговора в кабинете директора Юрка все же притмирел, стал пытаться наверстать пропущенные знания. Да где там, помочь было некому. Отличники старались держаться от него подальше. Зато учительница после посещения директора стала называть его по имени, как прежде, и намекнула, чтобы он списывал домашние задания и классные работы, на случай, если директор захочет проверить у Гошки, пересадив Юрку за одну с ним парту. Домашний, хорошо воспитанный, но прижимистый Гоша не очень-то благоволил к забияке-однокласснику. Однако, боясь его, все же давал ему иногда заглянуть в свои тетради. Но вскоре Юрка понял, несмотря на свое желание исправиться, что отношение к нему учительницы неискреннее, лживое, — она продолжала более тонко мстить ему за давнишнее оскорбление. Придираясь, якобы за невыразительное чтение, ставила ему удовлетворительные оценки за коротенькие стихи, игнорируя выученные им более длинные, не обращала должного внимания на самостоятельно выполненные им письменные работы и даже те, что Юрка списывал у соседа по русскому и математике более или менее грамотно. Тройки и двойки были спутниками его знаний на протяжении быстро катившихся дней, и каждый, если вдуматься, имел большое значение для его будущей судьбы. А на днях ему так захотелось прочитать вслух,

наизусть при всех полюбившиеся ему «У лукоморья дуб зеленый» — отрывок из поэмы «Руслан и Людмила» или «Три девицы под окном...» из «Сказки о царе Салтане...» великого Пушкина. Юрка, чтоб обратить на себя внимание учительницы, тянул вверх руки, то одну, то другую. Но... не выдержав, он громко, как можно вежливее задал учительнице неожиданный, нетерпеливый вопрос, с утра мучивший его:

— Васса Дементьевна, объясните, пожалуйста, что такое лукоморье?

Учительница, немного подумав, изменившись в лице, словно опшарила его кипятком, сказала с раздражением:

— Кардин, ты что, совсем отупел? Надо руку поднимать, а не кричать на весь класс! Читать надо больше, чтоб не задавать глупых вопросов! — В классе поддержали ее слова смехом. — Это касается всех, особенно лодырей! — добавила она, так и не ответив на Юркин вопрос.

Несколько дней прошло с того урока литературного чтения, а Юрка все не мог забыть своей обиды и раздражения учительницы по поводу заданного им вопроса о лукоморье. «Я не хотел ее обидеть, выучил отрывки из любимых сказок, чтоб получить хорошие отметки. А она... подняла меня на смех. Ладно, не ответила на вопрос — ерунда, узнаю о лукоморье у библиотекарки, а вот не спросила, просто беда, ведь я хотел взяться за учебу по-настоящему... Ладно, посмотрим», — вслух вырвались у него последние слова с угрозой.

У Ильдуски с весны до осени в сарае жила белая овечка. Когда пошли дожди со снежком и овечка подросла до приличной овцы, отец Ильдуса Накип абый решил устроить для своей большой семьи праздник. На этот праздник попали и Юрка с Чулпанкой. Они зашли за Ильдуской, чтоб позвать его в кино, а оказались на вкусном обеде с бараниной.

— А, друзья пришли, — поднялся с улыбкой из-за длинного стола Накип абый. — Проходите за стол, а вы подвиньтесь, — сказал он сыновьям и дочери, сидящим на удобной лавке. — Флера, — обратился он к жене, — наложи-ка им горячей шушпы!

Вкусным, сытным и памятным был тот обед. Он натолкнул Юрку неожиданно на дурную мысль: прилепить овечий хвост «училке». Об этом он рассказал Ильдуске с Чулпанкой. Они расхохотались над очередной Юркиной выдумкой, но предупредили его:

— Если узнают, тебя сразу же вышибут из школы. Не делай этого! — сказал Чулпан, вертя в руках овечий хвост, взятый из сарая.

— Конечно вышибут. Подумай! — сказал и Ильдус, закрывая сарай на замок.

После приключенческой кинокартины «Индийская гробница», произведшей на друзей неизгладимое впечатление, взбудоражен-

ный Юрка, находясь уже дома, мучительно размышлял: «Я ей не овца, чтоб так она со мной поступала. Из-за нее мне в школу идти неохота. Если выпибут, найду чем заняться. Мало ли у меня знакомых пацанов, которые не учатся. Например, Студент, Балда, Хнырь, Циклоп, Цыганок... Живы ли они? Давно их не видел. Если живы, простят и примут обратно: я умею «дела» делать не хуже их. А лучше всего стать таким, как граф Сарто. Он сильный, мужественный, не боится ни тигров, ни крокодилов, ни друзей-предателей, ни королевской охраны — борется за свою любовь к прекрасной театральной танцовщице Зитте, на красоту и пластику которой обращали внимание все мужчины, увидевшие ее на сцене. А она, не надеясь больше увидеть своего жениха графа Сарто живым, очень долго находившегося в опасной поездке в Южную Америку, выходит замуж за короля Индии Чандру, полюбившего ее с первого взгляда. Но граф, вернувшийся домой и не заставший Зитты, настойчив в достижении цели. Узнав, где она находится, он похищает ее из дворца, преодолев все препятствия, грозящие ему на каждом шагу смертью, — мысленно прокрутил в голове Юрка некоторые кадры из понравившегося ему кино, сравнив себя на какое-то время с полюбившимся всем графом. — И я не боюсь ничего и никого и выполню то, что задумал».

После второго урока Васса Дементьевна обычно выходила из класса и шла в учительскую. Сегодня у двери ее нагнал Юрка и неуловимым движением руки пришил ей английской булавкой овечий белый хвост на черную шерстяную юбку, как раз посредине. Пройдя по шумному коридору, не обращая внимания на хохот учащихся: мало ли над чем смеются в перемену, она вошла в учительскую.

Прозвенел звонок на урок. Но Васса Дементьевна долго не возвращалась в класс. И вдруг вместо нее в класс стремительным шагом вошел директор. Лицо его было гневным, красным, как нос. Он молча прошагал к Юрке, схватил его за шиворот и потащил в свой кабинет. Юрка, чувствуя вину, не сопротивлялся. Он шел, согнувшись под директорской рукой, на «разборку».

В кабинете, расцепив крепкие пальцы, директор врезал Юрке широкой ладонью по затылку. Юрка, не удержавшись на ногах, отлетел на кожаный диван.

— Ах, ты еще и на диван? — вскипел еще больше директор и, шагнув к Юрке, поднял его с него, врезав второй подзатыльник. Юрка оказался у двери. Хотел было открыть английский замок, чтоб сбежать. Да где там! Директор снова схватил его за шкуру и швырнул на середину кабинета.

— Разбаловались здесь без отцов, пока мы воевали! Учителей перестали уважать! — кричал он бешено на Юрку. — Я быстро наведу порядок, и мне ничего не будет: я дважды контуженный на фронте! И ведь отец у тебя погиб на войне, чтоб ты учился! А ты

что делаешь? Хулиганишь, плохо учишься! Бандитом, что ли, хочешь стать? Я не позволю! Ты же не фашист, чтоб исподтишка шkodничать! А ну рассказывай, пока я добрый, что случилось?

— Когда-то я обидел Вассу Дементьевну, назвав ее нехорошим словом, — стал честно рассказывать Юрка. — Она до сих пор на меня обиду держит. Не спрашивает у меня домашних заданий, когда я выучу, ставит меня в смешное положение перед товарищами, всячески...

— Достаточно, — перебил его директор. — Я поговорю с ней! А ты иди сейчас на урок и попроси у нее прощение. Как следует, при всех, хоть на колени встань, но добейся ее расположения. Я узнаю у Вассы Дементьевны. Ясно?

— Ясно, Александр Александрович, — ответил Юрка с какой-то легкостью, обрадовавшись тому, что ему не придется возвращаться на улицу.

Васса Дементьевна, после некоторого колебания, простила все же Юрку, сказав:

— Надеюсь, что теперь мы будем жить в мире и ты не будешь меня огорчать ни своим поведением, ни плохой учебой. А я постараюсь тебе помочь закончить учебный год хотя бы прилично.

А мальчишки после уроков спросили у Юрки, здорово ли ему попало от директора, не стукнул ли он его хоть разок. Уж очень тот сердитым был.

На что Юрка, довольный, что его не исключили из школы, бодро им ответил:

— Не стукал, а погладил немного. Но я сам был виноват, вы знаете.

Учителя и учащиеся быстро привыкли к деловым действиям и указаниям нового директора. В школе был поднят авторитет комсомольской и пионерской организаций, в классах стали вывешиваться ежемесячные стенные газеты, а на втором этаже — общешкольная. В них отражались положительные и отрицательные события текущих дней и дел, появились кружки художественной самодеятельности, заработали секции по спортивной подготовке легкоатлетов, лыжников, гимнастов. Постепенно искоренялись азартные игры на деньги во дворе школы — от Александра Александровича не убежишь, да и проходнушки были заделаны, в коридорах перестали выбивать ногами «махнушку».

Вскоре школа № 24 имени В.Чкалова стала образцовой. Сюда часто начали приходить не только директора и учителя из других школ города, но и студенты-практиканты, чтоб педагогического опыта набраться.

Директор вместе с семьей — женой и двумя дочерьми приехали с Украины на новое место жительства в Казань не случайно. Возовик Александр Александрович должен был продолжить здесь службу, по приказу военного командования, в должности коман-

дира артиллерийского батальона. Вместо этого случилось другое. Военный комиссар республики сказал ему:

— Товарищ капитан, пока вы ехали сюда, вас догнал новый приказ: вы демобилизуетесь из армии. Но вас, как бывшего учителя, очень просят зайти в Министерство просвещения. Мужчин в школах нет. А без них, сами понимаете, за годы войны старики, которых можно по пальцам пересчитать, и женщины не совсем как надо справились со всеобучем в школах.

Глаза капитана Возовика при упоминании о школе на мгновение загорелись радостным огоньком, но тут же погасли перед вопросом, который он задал то ли себе, то ли военному:

— После четырех лет на передовой, ранений и контузий смогу ли я работать в школе? Конечно, хотелось бы снова попробовать.

— Вот и попробуйте, Александр Александрович. С батальоном справились, а уж в школе тем более справитесь. И квартирный вопрос у вас сразу же будет решен: жить будете при школе. Для вас там приготовили помещение из двух комнат, вернее, класс, перегороденный надвое. Так мне сказали в министерстве.

И стала семья директора жить на четвертом этаже школы. Там же размещалась и музыкальная школа. Гаммы, упражнения, сонаты и концертные произведения, конечно же, не создавали тех удобств, которые требовались семье. Но что поделаешь, почти вся западная часть страны была разрушена войной. Там пока жить людям приходилось во временках-землянках и наскоро построенных бараках. А тут — свое помещение. Пусть и с музыкой. Они были рады и этому.

Постепенно приходило уважение к директору и со стороны ярых озорников и двоечников. Хотя они и не переставали его называть между собой Сизым Носом. Он был справедлив и в похвале, и в наказании. Последнее даже вошло в бахвальство среди некоторых учащихся, рассказывающих своим товарищам о его наказаниях бы-ли и небылицы.

— Ох и попало мне вчера от Сизого Носа! Он мне как врезал, как врезал по башке в кабинете, аж свет помутился в глазах! — с восхищением стал рассказывать мальчишкам Павка, не очень-то и хулиганистый пятиклассник.

— А за что же тебе попало? — недоверчиво спросил Юрка.

— Да ни за что, можно сказать, — продолжал врать Павка собравшимся после уроков на заднем дворе поиграть в футбол папанам. — Курил я под лесенкой, а он тут как тут, — наконец нашел он что сказать.

— Да брешь ты все, Павка! Ты и не куришь! — разоблачил его Юрка. — Будет он о тебя, мудака, руки марать и в кабинет таскать! Уж кто-кто, а ты ... молчал бы!

— Но мне-то точно не приснилось, а влетело по первое число от Сизого! — снимая пиджак, несмотря на холодную осень, с гор-

достью стал говорить из шестого класса забияка Славка Козел. — Он сегодня тряханул меня как следует за драчку с восьмиклассником Адькой Лопухом! До сих пор чувствуется!

— Ну, тебе-то можно поверить, — сказал Юрка, — ты умеешь постоять за себя.

После игры футболистов встретил Александр Александрович у выхода со двора. Он остановил их, спросив, как всегда, без сюсюканья:

— Наигрались? Уроки выучить успеете к завтрашнему дню?

— Успеем, — неуверенно ответили уставшие футболисты.

Директор, словно не заметив в их ответе неуверенности, спокойно сказал:

— Кардин, Варламов, Файзуллин и Чистов, ко мне в кабинет!

— За что?! — хотели спросить у него взволнованные мальчишки. — Вроде бы сегодня не провинились. — Но молча пошли за ним в школу, думая про себя: — Раз в кабинет — жди разгона. Просто так он никого к себе не приглашает.

Но в этот раз не услышали привычных гневных слов директора, а наоборот, он сказал как-то мягко:

— Вам, как детям погибших воинов, выделена помощь, — взял он со стола четыре белых листа с печатями. — Вот вам ордера на ботинки. Сходите с мамами или сами в магазин «Люкс», что на улице Баумана, и получите их там. А то ходите в драных ботинках в школу, в них же играете и в футбол. Поэтому в новых сюда, а в старых — на задний двор. Разбогатеем — купим бутсы для футбола. Все ясно?

— Все. Ясно! Спасибо, Александр Александрович! — обрадовались мальчишки, впервые назвав его по имени и отчеству, и попрощались с директором.

Исхак абый

Два дня не переставая на улице шел мелкий сплошной осенний дождь. Холодный порывистый ветер, корежа зонты у прохожих, казалось, хотел во что бы то ни стало вбить в их одежды как можно больше лишкой влаги. Промокшие насквозь, замерзшие прохожие стремились быстрее спрятаться в домах. Даже бездомные кошки и собаки давно нашли себе укрытия в сухих местах.

«Хорошо, что сегодня воскресенье — никуда не надо идти. Сейчас возьму аккордеон и поиграю маме, — подумал Юрка. Она вязала ему шерстяные носки, сидя на кровати. — Мама любит слушать музыку, особенно старинные песни». И только он хотел поднять аккордеон со стула, как раздался чей-то торопливый, беспокойный стук в дверь.

— Спроси-ка и открой дверь, сынок. Кто-то спешит к нам, — спокойно сказала мать, продолжая провязывать спицами петли в носке.

— Кто там? — недовольно выкрикнул Юрка.

— Это я, Чулпанка! — раздался из-за двери тревожный голос товарища.

Впустив его, мокрого, в теплую комнату — мать только что истопила печь, Юрка, предчувствуя что-то нехорошее, спросил с участием Чулпана:

— Что-то случилось у тебя? В такой холод и дождь по улице бегаешь?

— Случилось, — дрожа и волнуясь, ответил Чулпан. — Выйдем-ка в коридор!

Там он, нервничая, выпалил слова, удивившие Юрку.

— Моя мать замуж собралась. Якушка и Райка, не против, согласны они. А я не знаю, как быть. Пошли к нам, посмотришь на него, может, что посоветуешь, — попросил он Юрку. — Мне так он не понравился, — предупредил Чулпан его заранее. — Пошли, а!

— Сейчас, оденусь только, — не раздумывая, согласился Юрка и спросил: — А у других, ну, пацанов, ты спрашивал?

— Нет. Я к тебе только прибежал, — сказал Чулпан, возвращаясь за Юркой в комнату.

— Что у тебя стряслось, Чулпан? — с тревогой спросила Юркина мать.

— Эх, тетя Варя, — чуть ли не заплакал Чулпан, — и говорить-то не хочется. Только не рассказывайте никому: моя мама замуж собралась, — озадачил он и ее этой новостью. — Может, она раздумает, потому что он некрасивый и мне не нравится. А вот Якушке с Райкой — моим старшим брату и сестре, почему-то понравился, — с огорчением вымолвил он.

— Я готов. Пошли! — решительно сказал Юрка, как будто сейчас от его оценки незнакомого мужчины будет что-то зависеть. — Посмотрим на него!

За прихожей, соседствующей с маленькой комнатой, в большой комнате за столом с кипящим самоваром и домашними угощениями сидел немолодой почти лысый, с остатками взъерошенной седины на крупной голове, плотный и действительно, как говорил Чулпан, некрасивый мужчина в солдатской гимнастерке с орденом Славы и медалями на выпуклой груди. Его полноватый, средней величины нос с небольшим красноватым шрамом под переносицей, оттопыренные в стороны уши-лопушки на круглом лице и толстоватые губы делали его похожим на клюуна. Из-за приоткрытой щели дверной занавески, быстро запечатлев внешний вид жениха Чулпанкиной матери, Юрка уж хотел прошептать товарищу, что солдат ему тоже не понравился и что он не пара его краси-

вой матери, как вдруг услышал из комнаты располагающий мягкий голос:

— Это кто там за занавеской прячется? Заходи, познакомимся!
— бодро произнес солдат.

Чулпанка и Юрка быстро разделись в прихожей, повесили мокрые телогрейки на незанятые крючки вешалки и прошли в комнату. Солдат, поднявшись, протянул широкую ладонь Юрке, тому пришлось шагнуть вперед, и просто назвал себя:

— Исхак абый. А тебя я знаю — звать Юркой, — улыбнулся он ему так тепло и обворожительно, что Юрка, поглядев в его широко открытые бесхитростные синие глаза, излучающие какую-то неуловимую доброжелательность с привлекающей притягательностью, тут же позабыл о своей к нему первоначальной отрицательной оценке.

Якуп и Рая, сидящие за столом рядом с матерью, как старому знакомому, приветливо улыбнулись Юрке, а тетя Фая бодро сказала:

— Хватит стоять-то! Садитесь за стол, чай горячий пить будем!

У Юрки при виде угощения на столе глаза разбежались — он еще не видел ни у кого из товарищей, после окончания войны, такого обилия мучных блюд. На больших разрисованных тарелках горкой возвышались лепешки, согнутые пополам (кыстыбый с картошкой и луком), баурсак из сдобного теста величиной с грецкий орех, посыпанный сахарной пудрой, и мятные пряники с красными полосками (кызыл билле).

Все кушали молча. Лишь тетя Фая, подливая мальчишкам в белые чашки с красным горошком из чайника ароматный чай и кипяток из самовара, говорила: «Кушайте, кушайте на здоровье! Таких вкусных изделий вы еще не пробовали. Не торопитесь».

Наевшись домашнего печения и напившись горячего чая, Юрка сказал:

— В жизни не ел ничего вкуснее. Большое спасибо, тетя Фая!

— Не меня надо благодарить, а Исхака абый. Он испек и кыстыбый, и баурсак, и кызыл билле, — удивила она Юрку.

— Исхак абый, неужели вы сами сумели испечь такие вкусности? — с удивлением спросил Юрка. — Вы ж все-таки мужчина.

— На фронте, Юрка, я служил поваром, как ограниченно годный, потому что в первый день войны от бомбы, попавшей в наш дом, упавшей с потолка перемычкой сломало мне ногу. А моя семья — жена и дочка с сыном погибли, — добавил Исхак абый с грустью. — Мы жили в Белоруссии, недалеко от границы. Вместе с ранеными увезли меня в тыл. После излечения я попросил главного доктора признать меня годным к несению воинской службы на передовой, а он: «Участвовать в атаках пока не сможете...» — и рекомендовал меня в тыловые войска.

— А как же орден солдатской славы? Ведь он вручался за очень большой подвиг! — с нетерпеливым любопытством спросил Юрка.

— Это за немецкий подбитый танк, — спокойно ответил Исхак абый и начал рассказывать: — Приехал я на передовую с обедом, думал солдат накормить. А там не до меня: бой идет с фашистскими танками и пехотой. Не успел я оглянуться, как «тигр» вынырнул из-за бугра. Я сумел отскочить в сторону, а вот полевую кухню вместе с лошадыю он смял. Жалко мне стало и обидно. Как же сегодня без обеда солдаты воевать будут? Рассердился, осмотрелся и увидел у окопа ящик с бутылками, около убитого бойца. Видно, не успел он ящик опустить вниз. Наверное, подумал я, в бутылках зажигательная смесь. Схватил в обе руки по бутылке — и к танку. А он утюжит дот. Размахнулся, кинул одну за другой в башню и мотор — запыхал зверюга. А оттуда с криком немцы. Хоть я и не строевой, но карабинчик всегда при мне был. Уничтожил я из него четырех фашистов, а пятый руки поднял. Отбили наши атаку, увели пленного в штаб, а через несколько дней мне вручили орден.

— Исхак абый, а за что же у вас боевые медали «За отвагу» и «За боевые заслуги»? Вас что, после случая с танком перевели воевать на передовую? — задал Юрка новые вопросы.

Посмотрел внимательно Исхак абый на слушателей, увидел в их глазах неподдельное любопытство, улыбнулся, словно вспомнив что-то смешное, и, тут же вздохнув тяжело, как-то загадочно вымолвил:

— Во всем тут виновата лошадь Мери.

— Как лошадь? — тут уж не выдержала Рая, распив и без того большие, как у матери, красивые черные глаза. — И почему Мери? — с нетерпением спросила она.

Помолчав немного, словно осмысливая что-то, Исхак абый стал рассказывать:

— После гибели под танком спокойной кобылы Ночки и кухни полевой сыскали мне другую кухню и строптивую молодую лошадь дали. Привели ее — высокую рыжеватую, как огонь, буйную, как ураган, два здоровых казака. Рыжуха ногами топчет землю, копытами упирается, ржет во всю мочь, словно со светом прощается, поднимая пыль, вырывается из рук бывалых, судя по наградам, кавалеристов, с силой удерживающих ее с обеих сторон за узду. Из рта у нее кровавая пена брызжет, выпученные глазища кровью налились. Ну, думаю, пропал я. Если два бравых кавалериста-молодца еле с нею справляются, то где ж мне осилить ее.

— Ребятки, — обращаюсь к ним расстроенным голосом, — помогите хоть запрячь ее в кухню полевую и привяжите, пожалуйста, лошадь к сосне!

Подал я им вожжи, что снял с погибшей Ночки, с трудом они впрягли рыжуху, привязали к толстому дереву, а потом и говорит один из них, показывая на плечо:

— Видишь, папаша, как меня кусанула. Будь осторожен с ней! — А у самого на рваной гимнастерке пятно крови расплывается. — Хотели пристрелить ее после гибели Таймураза — нашего товарища, потому что, тоскуя по нему, никого к себе не подпускает, а командир приказал: «Не смей! На ней воевал лучший боец нашего полка! Пусть живет! Отведите ее к пехотинцам — там не на чем повару обеды возить!» — Так что, папаша, приказание мы выполнили — дело теперь за тобой! Прощай! — с облегчением вздохнув, весело сказал он.

А другой озорник, улыбаясь, с насмешкой добавил:

— Приучишь лошадку — цирковым артистом станешь! Будем к тебе на спектакли приходить. Пока, папаша!

«Вот так штука, — думаю я, — ведь укротителем животных никогда не был. До войны работал столяром, да и здесь в поварах служу. Что же делать? И имя лошади, как на грех, от расстройства позабыл спросить. Хорошо, что далеко не ушли».

Бегу вдогонку, ковыляя, и что есть мочи кричу им:

— Ребятки! Лошадь-то как звать?

— Зови Мери! — обернувшись, кричит в ответ озорник. — А когда ласкать будешь — прибавляй нежненько «княжна»! Не забудь — «княжна»! Она любит это!

«Вот еще напасть свалилась на меня, — чуть не заплакал я. — Если казаки не сумели удержать ее в своем полку, то мне-то как быть с нею? Сколько времени она будет тосковать по убитому хозяину? А мне же кормить надо ребятушек-солдатушек. Беда, да и только».

Нашел я в кармане галифе кусочек сахара, смешанного с махоркой, почистил от зловредной примеси и протягиваю его на деревянной ложке, потому что кусачая. Пофыркала, пофыркала она, отворачивая морду, а когда я стал произносить слова путника-озорника: «Мери, княжна Мери, княжонушка Мери» и начал поглаживать ей холку, шею и бока, она, успокоившись, хватанула сахарок мягкими губами. Обрадовался я и еще пуще обхаживаю лошадку, говоря ей, как дитятке, ласковые слова.

Проходивший мимо старшина, ведающий пищевым складом на колесах, услышав мои нежности к лошади, остановился и ну хохотать надо мною.

— Ты чего, Исхак, после немецкого танка совсем, что ли, с ума спятил? — спрашивает он. — Называешь лошадь княжной, да еще какой-то княжонушкой Мери! Санитаров не вызывать?

А сам, продолжая смеяться надо мною, все ближе и ближе подходит к ней, чтоб спереди рассмотреть ее княжескую морду. А она

его хап за плечо, видимо, ей смех старшины не понравился — и конец новенькой гимнастерке.

— Ну и зверь! Похлеще тигра! — перестав смеяться, отскочил в сторону растерявшийся старшина. — Разве это лошадь? Где ты напел такую буйную? Как будешь ездить на ней?

Не зная, что ответить, говорю ему:

— Дал бы ты мне, Терентий, парочку сахарков за завтрашний день. Очень прощу тебя. Ведь с лошадью я тоже не совсем знаком — ее недавно привели казаки. Обхаживаю ее сейчас, знакомлюсь с нею ближе. Дай, пожалуйста, сахарку!

Развязал рюкзачок старшина, достал оттуда несколько кусочков, протянул мне их и говорит:

— Сразу не давай. Приучай потихоньку. Когда с руки возьмет, тогда признает тебя. Но вообще-то лошадь с норовом, долго придется тебе ее обхаживать. Будь осторожен! Вон как меня хватанула, до крови, — посмотрел он на плечо.

Стал прикармливать я Мери сухарями, когда не было свежего хлеба, сахарком, овсом — за ним я ходил к казакам, а сочной травы, благо лето, итак было много. Выпросил я у казаков и жесткую щетку для Мери. А как же, чем же еще ее вычищать? А уж ласкал-то я ее, ласкал, как малого ребенка, и словами, и поглаживаниями, и похлопываниями по холке и спине. Наконец приучил ее брать лакомства с руки и ходить в упряжи с кухней. Сначала брыкалась, конечно, не хотела исполнять моих приказаний, но потом смирилась, признала меня окончательно своим хозяином. А я ее за это стал без упряжи купать в речках, озерах, мыть из ведра, когда поблизости не было водоема, стреножив, пока я отдыхал или солдатам варил кашу с тушенкой, отпускал ее попасть на зеленых лужках или у леса. Все хорошо у нас шло. В затишье привозили с ней обеды бойцам, а потом готовились к ужину. Однако одно осталось за ней — не любила Мери, когда рядом с ее мордой оказывался чужой, кусала. Особенно не жаловала она претендентов выше меня в командирских званиях, желающих занять ее — стройную, с высокой шеей, как у лебедя, ухоженную до блестящего лоска, красивую. Она не только кусала их, но и лягала. Лишь старшину и терпела: он ей ежедневно выделял любимые лакомства.

Однажды по обыкновению приехали мы с ней на передовую с обедом. А кто-то из командиров, после небольшой артиллерийской перестрелки, прокричал: «В атаку! Вперед! За Родину!».

Поднялась пехота, поскакали кавалеристы на штурм укрепленной позиции врага. И Мери, вероятно, вспомнив былые времена, рванула за ними. Как я удержался на телеге с полевой кухней, до сих пор удивляюсь. Обогнала она пехоту и вместе с кавалерией галопом скачет по незасеянному полю. Пыль поднимается

из-под копыт, дым с искрами стелется за кухней — огневая точка, да и только! Я приспособился: зажал вожжи между ног, снял карабин с плеча и на ходу стреляю по убегающим немцам. Вроде бы даже попал в кого-то. Но, самое главное, и я наконец-то участвовал в атаке, причем успешной. Ведь я давно хотел воевать на передовой. А почему? Вам, наверное, и без моих слов понятно.

Немного помолчав, Исхак абый продолжил свой рассказ:

— Итак, как я говорил, атака удалась: был занят пункт, назначенный командованием. Все радуются, и я тоже. Свободные от дозора пехотинцы и кавалеристы подходят к нам с Мери и шутят:

— Как же вы напугали немцев при атаке! Словно огненная колесница мчалась на них с дымом и искрами!

— Наверное, подумали, что-то секретное выпустили против них! Вон как бежали от вас!

— Такую лошадь с поваром, что кормят нас и в атаку ходят, не мешало бы командованию и наградить! Сколько энергии они придали всем при наступлении на гансов и фрицев — со смеху умереть можно!

И вдруг вызывают меня к командиру соединения. Молодой высокий генерал после моего доклада о прибытии, оглядев Мери и меня, как мне показалось, пристальным взглядом серых глаз, строго спрашивает:

— Вы что за комедию устраиваете на фронте, товарищ боец? Вам что здесь — цирк?! Вы видели или слышали когда-нибудь, чтоб полевые кухни участвовали в атаке? — посмотрел он на стоящих рядом с ним офицеров.

Я молчу. Растерялся. А полковник, вероятно, друг генерала, говорит:

— Костя, не ругай солдата, он тоже внес посильную лепту в общее дело. Мы скачем полком на врага, и он рядом с дымяще-огненной кухней! Смех разбирает кавалеристов и бодрости придает! У нас папки наголо, а у него — карабин! Стреляет по немцам на ходу и кричит: «Мери, Мери, не зарывайся! Умерь свой быстрый бег! Не успеваю карабин заряжать!...» Так вместе с нами, минуя огневых точек противника, и ворвался в Кривцово — весело поведаль, кое-что нафантазировав про меня, командир кавалерийского полка. Надо заметить, молодой и высокий, как генерал, лихой в бою казак с буденновскими усами.

— Вон как, — удивился генерал словам полковника. — Жаль, не было рядом меня, а издалека не все заметишь. И вновь поворачивается ко мне: — Давно ли эту Мери приучили ходить в атаку, товарищ боец?

А я и не знаю, что ответить. И снова меня выручил полковник:

— Константин, так лошадь-то ему отдали после героически погибшего нашего кавалериста. Ни к кому, после его похорон, не

хотела подойти даже и к себе никого не подпускала. Думали, совсем одичает без хозяина красавица Мери, умрет от тоски или от голода. Да вовремя ее заарканили хлопцы. — Помолчав немного, полковник, улыбнувшись, посмотрел на меня и Мери, и продолжил: — А повар, наверное, чем-то вкусненьким да лаской приучил ее к себе. Поправилась Мери, полюбила его и вспомнила, что ходила когда-то в атаку. Тут уж ничего не поделаешь — победила сила привычки.

— Фамилию, имя, отчество и номер части назовите, боец, — достал генерал блокнот и карандаш из полевой сумки.

Я назвал, а он записал. Потом вырвал листок из блокнота, подал его полковнику и говорит:

— Ты вот что, Александр, представь-ка Исхака к боевой медали. В атаке он участвовал, в немцев стрелял. Приложи к ходатайству и мою записку.

Еще несколько раз мы с Мери участвовали в атаках на врага, особенно когда бойцам было тяжело подняться под фашистским огнем. Но однажды в одной из атак погибла Мери, а я был ранен. Плакал я тогда не от боли, а оттого, что потерял боевую подругу. Войну я так и закончил поваром, но лошади у меня больше не было. Полевые кухни с едой стали развозить по передовым уже на машинах. Иначе было не успеть за наступающими нашими войсками. Вот и все о войне и наградах, — закончил повествование Исхак абый и посмотрел на мальчишек испытующим взглядом.

— Исхак абый, а теперь вы тоже будете работать поваром? — спросил Юрка.

— Нет, не буду, — ответил Исхак абый, — за четыре беспокойных года надоело щи да каши варить. Буду работать в бане уборщиком номеров. После контузий и ран мне нужна спокойная работа. Люди вымылись, ушли домой, а я, когда закроют баню, не торопясь вымою кабины и номера. А днем займусь столярным делом. Ведь я до войны был неплохим столяром и плотником. А там, глядишь, через какое-то время душа и раны заживут, — к чему-то сказал он.

— Спасибо, Исхак абый, спасибо, тетя Фая, спасибо всем, — поднялся Юрка со стула. — Что-то засиделся я у вас, — поспешил он в прихожую. — До свидания! — одевшись, выкрикнул он уже оттуда и открыл дверь.

Чулшан вышел вместе с Юркой в общий коридор и там спросил его:

— Ну, как тебе мамкин жених? Понравился, что ли?

— У тебя отец погиб на фронте, и у меня, — затаил с ответом Юрка. — У Исхака абый погибла вся семья. А он геройский солдат и повар хороший. Ты знаешь, Чулпанка, мне так он очень понравился. Я бы даже согласился иметь такого отчима. А ты подумай!

И постарайся не огорчить мать. Иди уж к ним, тебя ждут, — сказал Юрка. — Пока!

Юрка не стал в тот день расспрашивать о медалях за освобождение нескольких европейских столиц, где побывал Исхак абый с доблестной Красной Армией. В следующий раз узнает. Он в этом был уверен.

Памятный день

В любую погоду самым притягательным местом для мальчишек был школьный двор. Даже на уроках некоторые из них думали о том, как бы поскорее закончились занятия, чтоб потом, после бесплатного обеда в школьной столовой, там можно было вволю погонять кожаный мяч или поиграть в другие игры. В основном, конечно же, здесь собирались неприлежные в обучении и поведении пацаны. Однако администрация и учителя школы были довольны тем, что их подопечные хоть чем-то заняты после уроков, на виду: не хулиганят на улицах, занимаются спортом, к вечеру устают и расходятся по домам. Ну а уроки, если поумнеют со временем, и они будут выполнять как следует.

Как-то футболисты услышали звуки духовых инструментов. Из открытых форточек класса до них донеслись выдуваемые из труб до, ре, ми, фа, соль, ля, си. А потом изо дня в день они слышали не только гаммы, но и обрывки мелодий из нескольких тактов, повторяющихся то с начала, то с середины, то не поймешь откуда. Крякающие звуки, стук барабанов и звон тарелок совсем не привлекали азартных футболистов, они свыклись с ними.

Но однажды, через месяц или более, из форточек до них донеслась не какая-то бесформенная какофония звуков, а что-то необыкновенно обворожительное. Остановив игру, сбившись в кучу, слушая слаженные звуки волшебной музыки, мальчишки с какой-то потаенной завистью заговорили.

— Вот те и маменькины сынки, — с удивлением тихо сказал Рустемка.

— Заиграли ведь! — воскликнул и Шурка.

— И не что-нибудь, а солдатский марш «Прощание славянки», — чуть ли не с обидой выговорил Юрка, разбирающийся в музыке.

— Надо же, — задумчиво протянул и Адик. — Играют, сволочи, как настоящий оркестр! — почти сердито добавил он.

— Дураки мы, не пошли на прослушивание, когда всех приглашали по школьному радио. Теперь бы играли, — с сожалением вымолвил и Колька Толстяк, ловкий что в игре в футбол, что в беге.

— Да на фига нам далась эта музыка! — чтоб успокоить това-

рищей, сказал с отчаянной дерзостью и пренебрежением Славка, известный забияка и прогульщик. — Но если хотите играть в оркестре, встретим их после занятий и напомним вежливо, — приподнял он кулак, — чтоб больше не ходили на музыку. На их место придем мы. У них, вы видели, руководитель — очкарик. Не заметит перемены сразу. А потом мы ему что-нибудь наплетем.

На следующем занятии на местах отсутствующих сидело не робкое папанье. Вошел руководитель. Поздоровался, не сразу обратив внимание на недружное приветствие. Снял пальто и шляпу, повесив их на вешалку рядом с замызганными телогрейками и кепками разного фасона и калибра. Протер после морозца носовым платком очки, водрузил их на горбинку тонкого носа и, глянув на новеньких, вытаращил от удивления и без того большие выпуклые глаза.

— Ба! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — воскликнул он. — Это что, уже новая команда объявилась? А где, — обвел он очками класс, — те ребята, на которых я потратил много драгоценных минут и трудных дней? — спросил он с отчаянием.

— Они расхотели заниматься музыкой! — нахально и смело заявил Славка. — Ушли все в планерный — летчиками захотели быть! А мы пришли и тоже хотим играть по-настоящему «Прощание славянки!» Примите нас, пожалуйста, — добавил он вежливо.

— Но ведь, чтобы играть музыку, нужны слух, чувство ритма, хорошая память и огромное прилежание, — сказал руководитель. — Имеются ли среди вас таковые, я не знаю, вы у меня пока не проверялись. А тех мальчишек, я чувствую, вы, грубо говоря, просто вышерли отсюда. Сейчас я схожу к директору — и все выяснится.

Когда из класса вышел руководитель, более половины мальчишек выбежали вслед за ним. Обратно он пришел с оркестрантами и директором.

— Где эти шалопаи, которые посмели запугать вас? — спокойно спросил Александр Александрович одного из вошедших вместе с ним. — Не эти ли притихшие двоечники и троечники? — уже строже спросил он, посмотрев на сжавшихся от испуга новеньких.

— Тех нет, сбежали, — ответили музыканты. — А эти кое на чем играют.

— Юрка — на аккордеоне. Ему сестра с фронта привезла, — заметил Юркин одноклассник Гоша. — Правда, на слух, без нот. Я слушал.

— А Адька — на пионерском горне марши выдувает, — заступился за него член совета дружины Марик Минков.

— Рустемку брат учит играть на гитаре, — добавил Фоат. — А Кольку...

— Ну хорошо, — перебил музыкантов вечно торопящийся директор и, посмотрев на новеньких, сказал: — Если вас Арнольд

Наумович возьмется учить музыке, я не возражаю. Инструментов, — посмотрел он на руководителя, — пока хватает. А не хватит — снова помогут военные оркестранты из училища. Но, — снова поглядел он на новеньких, — смотрите мне, без жалоб со стороны Арнольда Наумовича и без двоек в учебе. Ясно?..

В одинаковых белых рубашках, темных брючках и светлых брезентовых туфлях Первого мая оркестр шел во главе колонны Бауманского района и лихо играл марши — военные и гражданские. Юрка — на кларнете, Адька — на корнете, Рустемка — на баритоне, Колька — на туба-басе, остальные на тромбонах, альтях, тенорах, флейтах, на малом и большом барабанах, Арнольд Наумович, в праздничном костюме руководя оркестром, — на тарелках. Мальчишкам лестно было видеть, как даже хулиганистые пацаны во главе со Славкой, пристроившись к ним ближе, вышагивали по военному в ногу, серьезно и гордо.

Это, пожалуй, был памятный день для всей Казани — впервые после войны единственная школа № 24 имени В.П.Чкалова заняла своих музыкантов, благодаря которым и учащиеся, и учителя с радостными улыбками шли слаженной, торжественно-праздничной походкой мимо трибуны на площади Свободы, где находились руководители и гости Татарстана.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Любимая воспитательница. Проводы отца на фронт. Прощай, беззаботное детство	3
Мама. Школа. Встреча с дедушкой. Праздник. Военные трофеи	24
Зимние игры. «Славный парнишка» — сволочь. Болезнь. Свет не без добрых людей	41
Без призора. На работе у матери. Неожиданный друг — Толя	53
Голод не тетка. Побег. Предприимчивый Толька. Нехорошие мечты	65
Поход к красному дому. Кража. Интересная компания. Дерзость	90
Мушкетеры. «Ледовое побоище». Потеря первого друга	109
Пассаж. Беспризорники. Дядя Миша. Юркины мечты	121
Война и беда. Преступники. Инспектор УГРО. Не укради	132
Все плохо. Тройка по поведению	152
Огольцы. Профессор «тонкого занятия». Виноваты — ответьте	160
Вор в авторитете. Одна судьба на всех	172
В детприемнике. Волчок и другие. В логове банды. Возвращение домой . . .	178
Надо же, снова Толян, но рыжий. Трофеи тоже стреляют	196
Прости, сынок	206
Зимний спорт — коньки и лыжи. Хорошие люди	212
Весна! Победа! Праздничная Казань. Салют	225
Друзья. Летчики. Партизан, мы тебя не забудем! Все хорошо пока...	234
Аккордеон и Юрка	247
Возвращение в компанию	251
Природные дарования упражняй!	254
Новая школа и новый директор	262
Исхак абый	275
Памятный день	284

Литературно-художественное издание

Аристархов Георгий Петрович

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

(на русском языке)

Редактор *А.Д.Алишева*

Художник *Л.П.Петрова*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С.Н.Нуриева*

Корректоры *Н.И.Максимова, А.Г.Хамитова*

Лицензия на издательскую деятельность № 04184 от 6 марта 2001 года.

Оригинал-макет подписан в печать 15.04.2005. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отг. 15,54. Уч.-изд.л. 18,1.

Тираж 1000 экз. Заказ А-279.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО «Идел-Пресс». 420066. Казань, ул.Декабристов, 2.